

**ВЕСТНИК
РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ**

**СЕРИЯ:
ИСТОРИЯ РОССИИ**

Том 19, № 1, ФЕВРАЛЬ 2020

Специальная тема номера:
ЖИЗНЬ НАЦИЙ СССР В 1920–1950-Е ГГ.

**Научный журнал
Издается с 2002 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61216 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

**RUDN JOURNAL
OF RUSSIAN HISTORY**

VOL. 19, № 1, FEBRUARY 2020

Special Theme of the Issue:
THE LIFE OF THE NATIONS OF THE USSR BETWEEN 1920–1950

Founded in 2002
Founder: Peoples' Friendship University of Russia

DOI: 10.22363/2312-8674-2020-19-1

<http://journals.rudn.ru/russian-history>

ISSN 2312-8674 (Print); ISSN 2312-8690 (Online)

Published four times a year in February, May, August, November.

Languages: Russian and English.

Indexed in Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics), Russian Science Citation Index, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, DOAJ, Dimensions, EBSCOhost.

Aims and Scope

RUDN Journal of Russian History is a periodical international peer-reviewed scientific publication in the field of historical research. The journal publishes original articles and reviews about the historical identity of the Russian state, consisting primarily in its ethno-national and ethno-confessional composition, the processes of mutual influence and enrichment of cultures. The journal also publishes materials on the history and current state of international relations and transnational connections between Russia and the peoples of the world in order to bridge the gap between the Soviet and post-Soviet periods of Russian history and in connection with the emergence of new actors in the historical process. The journal is aimed at cooperation and scientific exchange in the field of historical knowledge, publication of the results of fundamental and applied researches of Russian and foreign scientists studying the process of objective development of the peoples of our country in the context of general pre-revolutionary, Soviet and modern history of Russia. The editorial board of the journal invites researchers working in line with the above areas to prepare special thematic issues.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>.

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues since 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/russian-history>.

E-mail: rushistj@rudn.ru.

Printing run 500 copies. Open price
Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
"Peoples' Friendship University of Russia" (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia
Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russia
Ph.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

ISSN 2312-8674 (Print); ISSN 2312-8690 (Online)

4 выпуска в год: февраль, май, август, ноябрь.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Публикует статьи по двум научным специальностям согласно номенклатуре ВАК РФ: 07.00.02 – Отечественная история (исторические науки) и 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки).

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat, East View, Dimensions, Directory of Open Access Journal (DOAJ), Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics), EBSCOhost.

Цель и задачи

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России» – периодическое международное рецензируемое научное издание в области исторических исследований. Журнал публикует оригинальные статьи, рецензии и обзоры, в которых раскрывается историческое своеобразие России, состоящее, прежде всего, в ее этнонациональном и этноконфессиональном многообразии, процессах взаимовлияния и взаимообогащения культур. Журнал публикует также материалы по истории международных отношений и современному состоянию транснациональных связей России с народами мира с целью преодоления разрыва между советским и постсоветским периодами российской истории и в связи с появлением новых субъектов исторического процесса. Журнал ориентирован на обеспечение сотрудничества в области исторического знания, публикацию результатов фундаментальных и прикладных научных исследований российских и зарубежных ученых, изучающих прошлое и настоящее народов нашей страны в контексте современных научных подходов. Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству исследователей, работающих в русле вышеуказанных направлений, для подготовки специальных тематических выпусков.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>.

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/russian-history>.

E-mail: rushistj@rudn.ru.

Подписано в печать 19.02.2020. Выход в свет 26.02.2020. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 23,07. Тираж 500 экз. Заказ № 6. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

HONORARY EDITOR

Michael Kemper, *University of Amsterdam, Netherlands* (M.Kemper@uva.nl)

EDITOR-IN-CHIEF

Marina N. Moseykina, *RUDN University, Russia* (moseykina-mn@rudn.ru)

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Rafael A. Arslanov, *RUDN University, Russia* (arslanov-ra@rudn.ru)

EXECUTIVE SECRETARY

Gadilya G. Kornoukhova, *RUDN University, Russia* (kornoukhova-gg@rudn.ru)

EDITORIAL BOARD

Alexander Y. Bendin, *Belarusian State University, Belarus*

David L. Brandenberger, *University of Richmond, USA*

Vladimir P. Buldakov, *Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Stephen F. Cohen, *Princeton University and New York University, USA*

Michael David-Fox, *Georgetown University, USA*

Vladimir G. Datsyshen, *Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia*

Julie Hessler, *University of Oregon, USA*

Catriona Kelly, *University of Oxford, United Kingdom*

Oleg V. Khlevniuk, *National Research University Higher School of Economics, Russian Federation*

Alexander M. Martin, *University of Notre Dame, Notre Dame, USA*

Ivan O. Peshkov, *Adam Mickiewicz University in Poznań, Poland*

Olga S. Porshneva, *Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia*

David Schimmelpenninck van der Oye, *Brock University, Canada*

Rinat N. Shigabdinov, *Institute of History of The Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan*

Irena Vladimirsky, *Academic College of Ahva, Israel*

Review Editor K.V. Zenkin

Layout Designer Iu.A. Zaikina

Address of the Editorial Board:

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russia

Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the Editorial Board of RUDN Journal of Russian History:

10 Miklukho-Makhlaya St., bldg. 2, Moscow, 117198, Russia

Ph.: +7 (495) 434-23-12; e-mail: rushistj@rudn.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ПОЧЕТНЫЙ РЕДАКТОР

Кемпер Микаэль, *Амстердамский университет, Голландия (M.Kemper@uva.nl)*

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Мосейкина Марина Николаевна, *РУДН, Россия (moseykina-mn@rudn.ru)*

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Арсланов Рафаэль Амирович, *РУДН, Россия (arslanov-ra@rudn.ru)*

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Корноухова Гадила Гизатуллаевна, *РУДН, Россия (kornoukhova-gg@rudn.ru)*

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Бендин А.Ю., *Белорусский государственный университет, Республика Беларусь*

Бранденбергер Дэвид, *Ричмондский университет, США*

Булдаков В.П., *Центр изучения новейшей истории России и политологии
Института российской истории РАН, Москва, Россия*

Владимирски Ирена, *Академический колледж Ахва, Израиль*

Дацышен В.Г., *Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия*

Дэвид-Фокс Майкл, *Джорджтаунский университет, США*

Келли Катриона, *Оксфордский университет, Великобритания*

Коэн Стивен Ф., *Принстонский университет и Нью-Йоркский университет, США*

Мартин Александр М., *Нотрдамский университет, США*

Пешков И.О., *Университет имени Адама Мицкевича в Познани, Польша*

Поршнева О.С., *Уральский федеральный университет*

имени Первого президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Схиммельпэннинк ван дер Ойе Давид, *Брокский университет, Канада*

Хесслер Джули, *Орегонский университет, США*

Хлевнюк О.В., *Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики», Москва, Россия*

Шигабдинов Р.Н., *Институт истории Академии Наук Республики Узбекистан*

Литературный редактор К.В. Зенкин

Компьютерная верстка: Ю.А. Заикина

Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов
115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии серии «История России»:

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 434-23-12; e-mail: rushistj@rudn.ru

CONTENTS

David L. Brandenberger, and Peter A. Blitstein , In this Issue	8
THE LIFE OF THE NATIONS OF THE USSR BETWEEN 1920–1950	
Peter A. Blitstein , Cultural Diversity and the Interwar Conjuncture: Soviet Nationality Policy in Its Comparative Context	16
Mikhail S. Kamenskikh , 1921 in the History of Discussions about the Establishment of the Komi-Permyatsky District	47
Natalia I. Burnasheva, and Vanda B. Ignatieva , M.K. Ammosov: A Prominent National Leader of the Early Soviet Period	63
Isabelle R. Kaplan , Comrades in Arts: The Soviet Dekada of National Art and the Friendship of Peoples (<i>in Eng.</i>)	78
Rustam Z. Almaev , The Fate of Educators of the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic During the Struggle Against “Bourgeois Nationalism” (1937–1938)	95
Nicholas Seay , Soviet-Tajik Writing Intelligentsia in the Late 1930s (<i>in Eng.</i>)	119
Sergey N. Uvarov , Marriage and Family in Udmurtia between 1939–1959	136
HISTORY OF THE REGIONS OF RUSSIA	
Levon V. Batiev , The Transformation of Nakhichevan-on-Don’s Self-Government in the 1860s	155
Zarema Ya. Emtyl, and Andrey V. Pakhomov , The Formation of Bodies of Power and Self-Government in the Kuban Region during the Revolutionary Changes of 1917	174
INTERNATIONAL RELATIONSHIPS	
Efe Siviş , The Raid in the Editorial Office of the Turkish Newspaper Tan, 1945, and its Impact on the State of Soviet-Turkish and US-Turkish Relations in the post-WWII Period (<i>in Eng.</i>)	197
SCIENTIFIC LIFE	
‘Stalinist Russocentrism’: An Interview with David Brandenberger about the Second Russian Edition of his Monograph <i>National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956</i> (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2002. viii, 378 p.) (<i>in Eng. & Russ.</i>)	214
HISTORIOGRAPHIC REVIEWS	
Elena V. Linkova, and Marc de Bollivier , French Historiography of the Crimean War (1853–1856): Main Trends and Tendencies	240
Sergey V. Bazavluk , The State and the Church in the Work of the Eurasianists	254
BOOK REVIEWS	
Vardan E. Bagdasaryan, and Sergey I. Resnyansky (reviewers), Babkin, M.A., ed. <i>Konfessional'naya politika Vremennogo pravitel'stva Rossii: sbornik dokumentov</i> [Religious policy of the Russian provisional government: a collection of documents]. Moscow: Politicheskaya Entsyklopediya, 2018. 558 p. (Historia Russica) (<i>in Eng.</i>)	269
Zalina V. Kanukova (reviewer), Vilen Uarziati. <i>Izbrannyye trudy. Etnologiya. Kul'turologiya. Semiotika: v 2 kn.</i> [Selected works. Ethnology. Culturology. Semiotics]. Book 1. Vladikavkaz: Abeta, 2018, 551 p. (<i>in Eng.</i>)	277
INFORMATION	
Submission guidelines	283
Call for papers for the 2020 annual program	284

СОДЕРЖАНИЕ

Бранденбергер Д.Л., Блитстейн П.А. В этом номере	8
ЖИЗНЬ НАЦИЙ СССР В 1920–1950-Е ГГ.	
Блитстейн П.А. Культурное разнообразие и межвоенная конъюнктура: советская национальная политика в сравнительном контексте	16
Каменских М.С. 1921 год в истории дискуссии о создании Коми-Пермяцкого округа	47
Бурнашева Н.И., Игнатъева В.Б. М.К. Аммосов: из плеяды национальных лидеров раннесоветской эпохи	63
Каплан И.Р. Товарищи по искусству: фестиваль народного искусства и дружбы народов в СССР в середине 1930-х гг. (<i>на англ. яз.</i>)	78
Алмаев Р.З. Судьбы деятелей просвещения Башкирской АССР в годы борьбы с «буржуазным национализмом» (1937–1938 гг.)	95
Сии Н. Советская таджикская писательская элита в конце 1930-х годов (<i>на англ. яз.</i>)	119
Уваров С.Н. Брак и семья в Удмуртии в 1939–1959 гг.	136
ИСТОРИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ	
Батиев Л.В. Трансформация органов самоуправления Нахичевани-на-Дону в 1860-е годы	155
Емтыль З.Я., Пахомов А.В. Формирование органов власти и самоуправления на Кубани в период революционных преобразований 1917 г.	174
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	
Сивиш Э. Погром в редакции турецкой газеты «Тан» в 1945 г. и его влияние на состояние советско-турецких и американо-турецких отношений в послевоенный период (<i>на англ. яз.</i>)	197
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
«Сталинский руссоцентризм»: интервью с Дэвидом Бранденбергером о втором российском издании его монографии «National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956» (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2002. viii, 378 p.) (<i>на англ. и рус. яз.</i>)	214
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ	
Линькова Е.В., Болливье М. де. Французская историография Крымской войны (1853–1856 гг.): основные направления и тенденции	240
Базавлук С.В. Евразийцы о роли православия и церкви в национально-государственном развитии России	254
РЕЦЕНЗИИ	
Реснянский С.И., Багдасарян В.Э. (рецензенты). Конфессиональная политика Временного правительства России: сборник документов / сост., авт. предисл. и коммент. М.А. Бабкин. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 558 с. (Historia Russica) (<i>на англ. яз.</i>)	269
Канукова З.В. (рецензент). Вилен Уарзиати. Избранные труды. Этнология. Культурология. Семиотика: в 2 т. Владикавказ: Абета, 2018 (<i>на англ. яз.</i>)	277
ИНФОРМАЦИЯ	
Правила оформления статей	283
Тематический портфель журнала на 2020 г.	284

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-1-8-15>

Редакционная статья / Editorial article

In this issue

В этом номере

David L. Brandenberger^a, Peter A. Blitstein^b

^a University of Richmond; 28 Westhampton Way, Richmond VA 23173 USA;
dbranden@richmond.edu

^b Lawrence University; 711 E Boldt Way, Appleton, WI 54911 USA;
peter.a.blitstein@lawrence.edu

Дэвид Бранденбергер^a, Питер Блитстейн^b

^a Университет Ричмонда; VA 23173, США Ричмонд Уэстхемптон Уэй, 28;
dbranden@richmond.edu

^b Университет Лоренс; WI 54911, США, Эпплтон, Болдт Вэй, 711 Е;
peter.a.blitstein@lawrence.edu

The study of the Soviet Union as a multinational state and society has made considerable strides since 1991, a consequence of the availability of new archival sources, the careful work of Russian scholars at the center and in the regions, and the contributions of Western specialists. As the articles published in this issue attest, the range of themes and theoretical and methodological approaches are such that it is difficult to categorize all of this work together. Broadly speaking, however, we can divide the work presented here into two clusters – that which seeks to understand developments in the Soviet Union as a whole (Blitstein, Brandenberger, Kaplan) and that which traces developments in particular republics and regions (Kamenskikh, Almaev, Uvarov, Seay). Burnasheva and Ignat’eva’s piece reveals the ways in which these two possibilities might be fruitfully joined through the study of one individual.

Mikhail S. Kameskikh’s article on the formation of the Komi-Permiak Autonomous Region reveals a story that is consistent with research on other regions of the Soviet Union in its early years. The establishment of national regions and republics, and their boundaries, were the site of fierce political struggle between advocates of nationality policy and other, primarily regional economic, interests, which the author describes as “cynical and uncompromising.” Here the center played a mediating role and, perhaps because of its weakness in the early 1920s, could not always make its impact felt. What is especially notable in Kamenskikh’s research is the fact that authorities in the Komi region itself

© Бранденбергер Д.Л., Блитстейн П.А., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

strongly supported the formation of a distinctive Komi-Permiak region, an intervention which would have been unacceptable later in the decade, let alone the 1930s.

Rustam Z. Almaev picks up on themes discussed in Kamenskikh's article in order to examine the flip-side to Soviet nationality policy and indigenization – the national purges that struck non-Russian regions between 1937 and 1938. Almaev notes that charges of “bourgeois nationalism” were common in Bashkiria during these years within the sphere of education for three reasons. First, teachers and education officials were targeted for advancing the teaching of the Bashkir language, literature and culture at the expense of the Russian language, literature and culture. This occurred at a time when emphasis on Russian-language instruction, and Russocentrism generally, was on the rise. Second, Bashkir party members, representatives of the intelligentsia and others were denounced for past association with local political organizations associated with the Jadid movement or Sultan Galiev, charges consistent with developments in other national republics and regions. Third, many local party and state officials were charged with “bourgeois nationalism” for otherwise unremarkable administrative transgressions, which usually amounted to generic abuse of authority or a failure to meet plan targets. In other words, in each case, close attention to the charges reveals that none of the alleged infractions were either “bourgeois” or “nationalist,” per se, and only a fraction were linked in any way to actual violations of Soviet nationality policy. “Bourgeois nationalism” instead became a code word for regional, non-Russian deviation from central party and state diktat.

At first glance, Sergei N. Uvarov's study of family and marriage patterns in Udmurtia between the 1939 and 1959 censuses, might not seem clearly connected to our themes. Relying on census data, including unpublished archival materials, he discovers both the expected – a significant impact of the Great Patriotic War on all demographic indicators, the growing disparities between rural and urban families – and the perhaps unexpected increase in births outside of marriage; given the fact the Udmurt population remained more rural at this time, this might be a notable fact worth further attention. His work reminds us both that long-term trends affected all nationalities, and that the War itself did.

Nicholas Seay's article on the first two generations of Tadjik writers is the one piece of this first group that examines a nation outside the Russian Federation and represents, with Isabelle Kaplan's article, a focus on the arts and culture. In some ways, the story of the emergence of a Tadjik literary intelligentsia is unusual in the Soviet context, in that it required the invention of a new identity and the support of a writer – Lahuti – who was Iranian and internationalist, rather than Central Asian, per se. Yet it is also consistent with a more typical Soviet story in which the second generation of the republican intelligentsia, which was raised by Soviet power, produced (or, was required to produce) national cultures which were bounded and autochthonous. Only Tadjik, rather than “Irano-Tadjik,” literature would fit into the model of a Friendship of Peoples that was bounded by the Soviet state.

According to Isabelle Kaplan, the USSR's commitment to the Friendship of the Peoples was epitomized by the dekady of national art that stretched from 1936–1940. These 10-day events, celebrating everything from Ukrainian to Azerbaijani culture, contributed in Kaplan's view simultaneously to the cause of Soviet unity and diversity. First, the dekady hybridized the Soviet cultural scene and contributed to internationa-

list nation-building efforts by bringing republican culture to Moscow and the all-union press. Second, the dekady demonstrated the persistence of Soviet priorities oriented around ethnic differentiation and the Friendship of the Peoples by staging the dekady's celebration of the non-Russian arts in unapologetically vernacular forms. Ultimately, the stress that the party leadership placed on the dekady indicates to Kaplan that the party leadership spent the last years before the war reiterating its commitment to internationalist values to a degree previously unappreciated in the scholarship.

According to Peter Blitstein, Soviet interwar nationality policy is best assessed in comparative context, insofar as the USSR confronted the challenges of ethnographic and cultural diversity alongside the rest of the industrial and developing colonial world at the outset of what is often called the era of mass politics. He notes that such comparative analysis yields intriguing results, especially if examined over time. When the USSR is considered in relation to other states in Eastern Europe, Soviet nationality policy appears during the 1920s to have stressed diversity and the promotion of minority identities at a time when many of the USSR's neighbors were pursuing nationalizing policies at the expense of minority populations. That said, such Soviet policies of ethnic differentiation should be seen as distinct from similar British and French colonial policies, which also stressed ethnographic, cultural and racial differences, insofar as the Soviet leadership intended the USSR to function as an integral, unified state rather than an empire. Toward the end of the interwar period, these Soviet tendencies toward the creation of a more integral, unified state led the USSR to embrace policies that were increasingly more reminiscent of its East European neighbors, although more nationalizing in form and function than actually nationalist.

In *RUDN Journal of Russian History's* interview with David Brandenberger about the second Russian edition of his book, *Stalinist Russocentrism*, he discusses his analysis of the USSR's "search for a usable past" under Stalin. He argues that between the 1930s and the 1950s, the party leadership sought to improve the USSR's capacity to mobilize its population for industrialization and war. Tracing a series of shifts in official propaganda campaigns during the interwar period, Brandenberger explains how a series of false starts and failures led the USSR to co-opt heroes, myths and legends from pre-revolutionary Russian history in the name of popular mobilization. Focusing on an apparent about-face from Marxist internationalism to Russian nationalism, he examines the nature of this official russocentrism within the party elite, its dissemination via mass culture, and the popular resonance that it elicited in society at large. An analysis of mobilizational propaganda, rhetoric and sloganeering, *Stalinist Russocentrism* also illustrates the key role that this coup played in the formation of Russian national identity at midcentury.

It is interesting to note how Blitstein and Brandenberger differ in their analysis of the russification of the USSR during the 1930s. Blitstein understands the emergence of russocentrism as part of a long-term modulation in Soviet nationality policy that began with early endorsement of ethnographic differentiation before shifting toward russification in language, schooling and cultural policy. Extending the work of other historians such as Yuri Slezkine, Francine Hirsch, and Terry Martin, Blitstein suggests that this nationalization was a broad, unified, long-term program of administrative centralization that at its core aimed to extend the reach of the modern state. Brandenberger,

by contrast, sees the russification of Soviet propaganda and self-representation to be a more contingent policy development linked to the politics of social mobilization rather than to the more institutional contours of nationality policy. In Brandenberger's view, russocentrism in Soviet propaganda and self-representation was not inherently connected to russification in language and educational policy and was much more of an ad hoc exigency than the administrative reforms that Blitstein and others detail.

The relationship between the pieces by Blitstein, Brandenberger and Kaplan is also worthy of mention. Kaplan argues in her piece that the dekady celebrating non-Russian republican culture testify to a continuing commitment to internationalism and ethnic differentiation in Soviet nationality policy toward the end of the interwar period. Her work harmonizes well with that of Blitstein, insofar as he too sees the USSR as capable of maintaining a commitment to ethnic diversity between 1936–1940 despite the increasing priority afforded to russification in other areas. For Brandenberger, Kaplan's dekady are indicative of something else entirely – the newly tokenistic Orientalization of non-Russian culture in the USSR during a period of increasing russocentric ascendancy. Russocentrism, in Brandenberger's mind, linked Stalinist state and society to the prerevolutionary political, cultural and artistic accomplishments of the Russian people and reduced the non-Russian contribution to Soviet culture to an ornamental one – in this case, the dekady – stripped of its political history and independent trajectory. How and whether this Orientalization could be compatible with the celebration of ethnic differences emphasized by Kaplan and Blitstein would be a problem for the postwar decades.

How to bridge the distance between all-union studies like those of Blitstein, Brandenberger, and Kaplan, with work on the individual nations of the Soviet Union remains a thorny problem for studies of the multiethnic Soviet Union. Natalia N. Burnasheva and Vanda B. Ignat'eva's article on M.K. Ammosov represents one possible answer to this problem. Ammosov was one of the few non-Russian Communist officials to be posted outside of their home region in this period, and his impact on the history of Kazakhstan is especially notable. Readers will decide for themselves whether Ammosov should be credited with developing a distinctive approach to Soviet regional economic development in tension with the central planning favored by the Stalinist state. Yet Burnasheva and Ignat'eva's focus on a notable individual should be seen as a possible model for fruitful research on the Friendship of Peoples that takes into account the particularities of individual nations of the Soviet Union.

RUS

Изучение Советского Союза как многонационального государства и общества успешно развивается с 1991 г., что является следствием доступа исследователей к новым архивным источникам, тщательной работы российских ученых, как в центре, так и в регионах, и вклада западных специалистов. Как свидетельствуют статьи, опубликованные в этом выпуске, спектр тем и теоретико-методологических подходов таков, что все эти работы трудно объединить в одну категорию. Однако в целом мы можем разделить представленные работы на две группы: те исследова-

ния, в которых авторы стремятся осмыслить события в Советском Союзе в целом (П. Блитстейн, Д. Бранденбергер, И. Каплан), и те, которые рассматривают события в отдельных республиках и регионах (М.С. Каменских, Р.З. Алмаев, С.Н. Уваров, Н. Си). Статья Бурнашевой и Игнатъевой указывает на то, как эти две возможности могут быть плодотворно объединены путем изучения отдельной личности.

Статья М.С. Каменских о формировании Коми-Пермяцкого автономного округа раскрывает историю, которая согласуется с исследованиями других регионов Советского Союза в первые годы его существования. Создание национальных регионов и республик и их границ находилось в центре ожесточенной политической борьбы между сторонниками советской национальной политики и другими представителями, прежде всего региональных экономических интересов, которые автор называет «циничными и бескомпромиссными». Здесь центр сыграл посредническую роль и, возможно, из-за своей слабости в начале 1920-х гг. его воздействие не всегда было ощутимым. Особенно примечательным в исследовании Каменских является тот факт, что власти самого региона Коми решительно поддержали формирование отдельного Коми-Пермяцкого региона; эта мера была бы неприемлемой позднее, во второй половине десятилетия, не говоря уже о 1930-х гг.

Р.З. Алмаев затрагивает темы, поднятые в статье Каменских, рассматривая обратную сторону советской национальной политики и коренизации – национальные чистки, поразившие национальные регионы в период с 1937 по 1938 гг. Алмаев отмечает, что в эти годы обвинения в «буржуазном национализме» в Башкирии в сфере образования были обычным делом по трем причинам. Во-первых, учителя и работники образования были нацелены на развитие преподавания башкирского языка, литературы и культуры за счет русского языка. Это произошло в то время, когда в целом возрастал акцент на русскоязычном обучении и руссоцентризме. Во-вторых, башкирские коммунисты, представители интеллигенции и другие были осуждены за сотрудничество в недавнем прошлом с местными политическими организациями, связанными с движением джадидов или Султаном Галиевым. Подобные обвинения были сопоставимыми с событиями в других национальных республиках и регионах. В-третьих, многие местные партийные и государственные чиновники были обвинены в «буржуазном национализме» за иные, ничем не примечательные административные нарушения, которые обычно сводились к общему злоупотреблению властью или неспособности достичь плановых показателей. Другими словами, в каждом случае пристальное внимание к обвинениям указывает на то, что ни одно из предполагаемых действий не было само по себе «буржуазным» или «националистическим»; лишь небольшая их часть была каким-либо образом связана с фактическими нарушениями советской национальной политики. Вместо этого «буржуазный национализм» стал кодовым словом для регионального, нерусского отклонения от партийного и государственного диктата.

На первый взгляд, исследование С.Н. Уварова по моделям семьи и брака в Удмуртии в период между переписями 1939 и 1959 гг. может показаться не совсем связанным с нашими темами. Опираясь на данные переписей и включая неопубликованные архивные материалы, автор обнаруживает как ожидаемое – значи-

тельное влияние Великой Отечественной войны на все демографические показатели, растущее неравенство между сельскими и городскими семьями – так и, возможно, неожиданное увеличение рождаемости вне брака; учитывая то, что в это время удмуртское население оставалось в значительной степени сельским – и это может быть примечательным фактом, заслуживающим дальнейшего внимания исследователей. Данная статья напоминает нам о том, что долгосрочные тенденции затронули все национальности и что сама война имела тот же эффект.

Статья Николоса Сиия о первых двух поколениях таджикских писателей относится к той группе, которая исследует нацию за пределами РСФСР, и наряду со статьей И. Каплан делает акцент на искусстве и культуре. В некотором смысле история появления таджикской литературной интеллигенции необычна в советском контексте, так как она требовала создания новой идентичности и поддержки писателя Лахути, который был иранцем и интернационалистом, а не представителем Центральной Азии как таковой. Однако это также согласуется с более типичной советской историей, в которой второе поколение интеллигенции республики, воспитанной советской властью, произвело (или должно было произвести) национальную культуру, которая была ограниченной и автохтонной. Только таджикская, а не «ирано-таджикская» литература могла бы вписаться в модель дружбы народов в границах советского государства.

В статье Изабель Каплан показано, как приверженность СССР дружбе народов была воплощена в декадах национального искусства на протяжении 1936–1940 гг. Эти декады (10-дневные мероприятия), посвященные всем культурам – от украинской до азербайджанской – способствовали, по мнению автора, делу укрепления советского единства и одновременно сохранения национального многообразия. Во-первых, декады создали гибрид советской культурной сцены и внесли свой вклад в усилия интернационалистов по национальному строительству, привнося республиканскую культуру в Москву и общесоюзную прессу. Во-вторых, декады продемонстрировали сохранение советских приоритетов, ориентированных на этническую дифференциацию и дружбу народов, организовав празднование декад нерусского искусства в чисто национальной форме. В конечном счете те надежды, которые партийное руководство возлагало на декады культуры, свидетельствуют о том, что и в последние годы перед войной оно подтверждало свою приверженность интернационалистским ценностям до той степени, которая ранее недооценивалась в исторической науке.

Статья Питера Блитстейна посвящена советской межвоенной национальной политике, которая, по мнению автора, лучше всего оценивается в сравнительном контексте, поскольку СССР в рассматриваемый период столкнулся с проблемами этнографического и культурного многообразия наряду с остальным индустриальным и развивающимся колониальным миром в начале того, что часто называют эпохой массовой политики. П. Блитстейн отмечает, что такой сравнительный анализ дает интригующие результаты, особенно если проводить его с течением времени. Если рассматривать СССР в сравнении с другими государствами Восточной Европы, то его национальная политика в течение 1920-х гг. демонстрировала многообразие и продвижение идентичности меньшинств в то время, как многие

соседи СССР проводили политику национализации за счет меньшинств. При этом данная советская политика этнической дифференциации должна рассматриваться, по мнению автора, как отличная от аналогичной британской и французской колониальной политики, в которой также подчеркивались этнографические, культурные и расовые различия, поскольку советское руководство предполагало, что СССР будет функционировать как целостное, единое государство, а не как империя. К концу межвоенного периода эти тенденции в национальной политике СССР, направленные на создание более целостного, объединенного государства, заставили советское руководство принять модель, которая все больше напоминала политику его восточноевропейских соседей, хотя и была национальной по форме и функциям, но не националистической.

В интервью журналу «Вестник РУДН. Серия: История России» о втором русском издании своей книги «Сталинский руссоцентризм» Дэвид Бранденбергер рассказывает об анализе «поиска полезного прошлого» СССР при Сталине. Он утверждает, что в период с 1930-х по 1950-е гг. руководство партии стремилось улучшить способность СССР мобилизовать население для индустриализации и подготовки к войне. Проследив серию изменений в официальных пропагандистских кампаниях в межвоенный период, Бранденбергер объясняет, как череда неуспешных начинаний и неудач привела СССР к объединению героев, мифов и легенд из дореволюционной российской истории во имя народной мобилизации. Сосредоточив внимание на коренном изменении курса от марксистского интернационализма к русскому национализму, ученый исследует природу официального руссоцентризма внутри партийной элиты, его распространение через массовую культуру и общественный резонанс, который он вызвал в обществе в целом. Анализ мобилизационной пропаганды, риторики и лозунгов сталинского руссоцентризма также иллюстрирует ключевую роль, которую этот переворот сыграл в формировании русской национальной идентичности в середине века.

Интересно отметить, как авторы П. Блитстейн и Д. Бранденбергер отличаются в своем анализе политики русификации СССР в 1930-е гг. Блитстейн понимает появление руссоцентризма как часть долгосрочных изменений в советской национальной политике, которая началась с быстрого одобрения этнографической дифференциации, прежде чем произошел переход к русификации в языковой, школьной и культурной политике. Развивая идеи, заложенные в работах таких историков, как Ю. Слезкин, Ф. Хирш и Т. Мартин, П. Блитстейн предполагает, что эта национализация была широкой, единой, долгосрочной программой административной централизации, которая по своей сути была направлена на расширение охвата современного государства. Д. Бранденбергер, напротив, рассматривает русификацию советской пропаганды и самопредставления как более условное развитие политики, связанное с политикой социальной мобилизации, а не с более институциональными контурами национальной политики. По мнению Бранденбергера, руссоцентризм в советской пропаганде и самопредставлении по своей сути не был связан с русификацией в языковой и образовательной политике и был гораздо более специфичной задачей, чем административные реформы, которые Блитстейн и другие зарубежные авторы подробно описывают.

Заслуживает упоминания и связь между работами Блитстейна, Бранденбергера и Каплан. Каплан в своей статье утверждает, что декады, прославляющие нерусские республиканские культуры, свидетельствуют о неизменной приверженности интернационализму и этнической дифференциации в советской национальной политике в конце межвоенного периода. Ее работа хорошо согласуется с работой Блитштейна, поскольку он также считает, что СССР был способен сохранять приверженность этническому разнообразию в период с 1936 по 1940 гг., несмотря на растущий приоритет, придаваемый русификации в других областях. По мнению Бранденбергера, декады в работе Каплан свидетельствуют о чем-то совершенно другом – о новой символической ориентализации нерусской культуры в СССР в период нарастающего руссоцентрического господства. Руссоцентризм, по мнению Бранденбергера, связывал сталинское государство и общество с дореволюционными политическими, культурными и художественными достижениями русского народа и сводил вклад нерусских народов в советскую культуру к некому декоративному моменту (в данном случае к декадам), лишённому политической истории и самостоятельной траектории. Каким образом и может ли эта ориентализация быть совместимой с прославлением этнических различий, подчеркнутых Каплан и Блитштейном, является проблемой в послевоенные десятилетия.

Как преодолеть расстояние между исследованиями всего СССР, предпринятыми Блитстейном, Бранденбергером и Каплан, и работами по отдельным народам Советского Союза? Ответ на данный вопрос остается сложной проблемой для изучения истории многонационального СССР. Статья Н.Н. Бурнашевой и В.Б. Игнатъевой о М.К. Аммосове предоставляет лишь одну возможность. Аммосов был одним из немногих нерусских партийных чиновников, которые находились за пределами своего региона в этот период, и его влияние на историю Казахстана особенно заметно. Читатели сами решат, следует ли отдать должное Аммосову за разработку особого подхода к советскому региональному экономическому развитию в противовес центральному планированию, одобренному сталинским государством. И все же внимание Бурнашевой и Игнатъевой к известному человеку следует рассматривать как возможную модель для плодотворного исследования дружбы народов, которое учитывает особенности отдельных наций Советского Союза.

Информация об авторах / Information about authors

Дэвид Бранденбергер, доктор исторических наук (PhD in History), профессор российской и советской истории кафедры истории Ричмондского университета (США); исследователь, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

David L. Brandenberger, PhD in History, Professor of Russian and Soviet History in the Department of History, University of Richmond (USA); research associate, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russian Federation).

Питер Блитстейн, доктор исторических наук (PhD in History), доцент кафедры истории, Университет Лоуренса (США).

Peter A. Blitstein, PhD in History, Associate Professor of History at the Department of History, Lawrence University (USA).

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-1-16-46>

Научная статья / Research article

Культурное разнообразие и межвоенная конъюнктура: советская национальная политика в сравнительном контексте¹

П.А. Блитстейн

Университет Лоренс; WI 54911, США, Эпплтон, Болдт Вэй, 711 Е;
peter.a.blitstein@lawrence.edu

Cultural Diversity and the Interwar Conjuncture: Soviet Nationality Policy in Its Comparative Context²

Peter A. Blitstein

Lawrence University; 711 E Boldt Way, Appleton, WI 54911 USA;
peter.a.blitstein@lawrence.edu

Аннотация: Советская национальная политика была одним из нескольких политических ответов на культурное разнообразие СССР в межвоенный период. Автор рассматривает эту политику в сравнительном контексте, противопоставляя Советский Союз его восточноевропейским соседям и британскому и французскому правлению в Африке. В отличие от национализаторской политики новых государств Восточной Европы, которые стремились к национальному единству за счет этнических меньшинств, советская национальная политика изначально была основана на практике дифференциации. В отличие от колониальной политики Великобритании и Франции, которая основывалась на этнической и расовой дифференциации, советская национальная политика была направлена на объединение всех народов в единое государство. Автор приходит к выводу о том, что во второй половине 1930-х гг. советская национальная политика приняла характер, схожий с политикой, проводимой в странах Восточной Европы, но без полного отказа от политики этнической дифференциации, что свидетельствует об уникальной специфике советского подхода к вопросам межнациональных отношений, соединявшего в себе противоречивые практики национализации и дифференциации.

Ключевые слова: национальная политика, коренизация, детрайбализация, межнациональные отношения, этнические меньшинства, нацменьшинства

Для цитирования: Блитстейн П.А. Культурное разнообразие и межвоенная конъюнктура: советская национальная политика в сравнительном контексте // Вестник Российского

© Блитстейн П.А., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

¹ Текст является переводом ранее опубликованной статьи: Blitstein, Peter A. Cultural Diversity and the Interwar Conjuncture: Soviet Nationality Policy in Its Comparative Context // *Slavic Review*. 2006. Vol. 65, № 2. P. 273–293. Текст публикуется с разрешения редакции журнала «Slavic Review» и издательства «Cambridge University Press».

² This is a translated version of the published article: Blitstein, Peter A. “Cultural Diversity and the Interwar Conjuncture: Soviet Nationality Policy in Its Comparative Context,” *Slavic Review* 65, no. 2 (Summer 2006): 273–293. Text published with permission from *Slavic Review* and Cambridge University Press.

университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 1. С. 16–46. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-1-16-46>

Abstract: Soviet nationality policy was one of several political responses to cultural diversity in the interwar period. The author situates that policy in its comparative context, contrasting the Soviet Union to its eastern European neighbors and to British and French rule in Africa. Contrary to the nationalizing policies of the new states of eastern Europe, which sought national unity at the expense of ethnic minorities, Soviet nationality policy was initially based on practices of differentiation. Contrary to the colonial policies of Britain and France, which were based on ethnic and racial differentiation, Soviet policy sought to integrate all peoples into one state. In the mid-to-late 1930s, however, Soviet policy took a nationalizing turn similar to its neighbors in eastern Europe, without completely abandoning policies of ethnic differentiation. We should thus understand the Soviet approach as a unique hybrid of contradictory practices of nationalization and differentiation.

Keywords: national policy, indigenization, detribalization, interethnic relations, ethnic minorities, national minorities

For citation: Blitstein, Peter A. “Cultural Diversity and the Interwar Conjuncture: Soviet Nationality Policy in Its Comparative Context.” *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 1 (February 2020): 16–46. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-1-16-46>

Введение

«Эмир облачен в пышное расшитое одеяние из белого хлопка, покрытое голубовато-серым плащом с алой подкладкой. Его тюрбан цвета индиго, сверкающий чеканным золотом, обмотан толстыми складками вокруг головы и шеи и завязан в узел – прерогатива его происхождения». Так Марджери Перхам, профессор Оксфорда и эксперт по местному управлению в британской колониальной Африке, описала эмира Кано из Северной Нигерии в своей книге «Местное управление в Нигерии», опубликованной в 1937 г.³ Ее восторженное описание мусульманского африканского правителя было характерно для британской колониальной политики в межвоенный период, когда принципы «непрямого управления» укрепили и узаконили власть африканских доколониальных элит. Перхам чувствует эмира как аристократа; ее признание унаследованной им «прерогативы» свидетельствует об уважении и восхищении. Сопоставьте ее описание эмира со следующим замечанием представителя узбекского комитета комсомола на пятом пленуме ЦК ВЛКСМ через год, в феврале 1938 г.: «...Наши комсомольцы носят национальные костюмы, халаты. Это господствует, а я считаю, что это неверно. Это не верно. Мы не против национальной формы. Наша партия это поддерживает. Мы большевики склонны к тому, что наша молодежь должна развиваться наравне с общей мировой социалистической культурой. Иногда приезжают из кишлаков секретари райкомов комсомола в халатах, в чалмах и в тубетейках... Говорят, что это национальный костюм. Штаны носят из 10 метров мануфактуры и 4 платка (смех). Куда это годится, товарищи? Это культивируют враги, национал-фашистские элементы...»⁴.

³ *Perham M.* Native Administration in Nigeria. London, 1937. P. 89; *Louis W.R.* Historians I Have Known // *Perspectives*. 2001. Vol. 39. № 5. P. 16–17; *Smith A., Bull M.* Margery Perham and British Rule in Africa. Totowa, N.J., 1991.

⁴ РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. М-1. Оп. 2. Д. 134. Л. 48–49.

Партийный пленум, состоявшийся в разгар Большого террора, был созван для рассмотрения работы комсомольских организаций в национальных республиках и областях. В комментарии вызывает удивление то, как традиционная одежда может стать маркером для «врагов и национал-фашистов». В конце концов, советская национальная политика утверждала, что поддерживает культуру, которая была «национальной по форме и социалистической по содержанию». Конечно, одежда была такой формой. В конце 1930-х гг. в Москве появились фольклорно-танцевальные ансамбли, проводились декады, посвященные национальным культурам – одним словом этно-китч, благодаря которому СССР приобрел еще большую популярность⁵. Даже Иосифа Сталина фотографировали в «традиционном» нерусском национальном наряде⁶. Что могло быть плохого в том, что узбекские комсомольцы его носят? И что они должны были носить вместо этого?

По мнению Перхам, одежда эмира свидетельствовала о его статусе традиционного правителя. С точки зрения узбекского функционера, одежда маскировала «врагов» и национал-фашистов и тем самым сигнализировала о сопротивлении советской действительности. В обоих случаях одежда передавала культурную идентичность и служила метафорой политического сообщества⁷. В данной статье я исследую через сравнение подобные альтернативы. Моя цель – понять самобытность советского подхода к управлению и преобразованию разнообразных в культурном плане групп населения. Как полагает Стивен Коткин, «только с помощью сравнений можно в полной мере оценить специфику Советского Союза»; «чтобы оценить советские нововведения» в национальной политике, «нужно оценить не только французскую и британскую переформатированные империи, но и различные конкурирующие подходы к политическому сообществу, которые были приняты в других странах»⁸.

После распада СССР наиболее распространенным сравнительным подходом было сравнение СССР с другими территориально смежными многонациональными империями прошлого, такими как Габсбургская, Османская империи и империя Романовых⁹. Несомненно, что этот подход может дать представление об общих политических проблемах, с которыми сталкиваются разные крупные государства в наше время. Но у него есть и свои недостатки. Во-первых, диахроническое сравнение порождает то, что Теда Скокпол называет дилеммой «мирового времени», т. е. оче-

⁵ *Martin T.* The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca, 2001. P. 443.

⁶ *Волкогонов Д.* Триумф и трагедия: политический портрет И.В. Сталина. М., 1989.

⁷ *Martin P.M.* Contesting Clothes in Colonial Brazzaville // *Journal of African History*. 1994. Vol. 35. P. 401–426.

⁸ *Kotkin S.* Modern Times: The Soviet Union and the Interwar Conjuncture // *Kritika*. 2002. Vol. 2. № 1. P. 114, 151; *Martin T.* The Soviet Union as Empire: Salvaging a Dubious Analytical Category // *Ab Imperio*. 2002. № 2. P. 104.

⁹ *Rudolph R.L., Good D.F.* Nationalism and Empire: The Habsburg Empire and the Soviet Union. New York, 1992; *Barkey K., Hagen M. von.* After Empire: Multiethnic Societies and Nation-Building. The Soviet Union and the Russian, Ottoman, and Habsburg Empires. Boulder, Colo., 1997; *Dawisha K., Parrott B.* The End of Empire? The Transformation of the USSR in Comparative Perspective. Armonk, N.Y., 1997; *Lieven D.* Empire: The Russian Empire and Its Rivals. New Haven, 2001.

видным является тот факт, что люди, живущие в более поздние времена, учатся на опыте своих предшественников и реагируют на него¹⁰. Диахронические сравнения не всегда адекватно учитывают изменения в проблемах, с которыми сталкиваются исторические субъекты, и в решениях, которые они выбирают. Во-вторых, сравнение СССР, в первую очередь, с его многонациональными имперскими предшественниками предполагает, что СССР был такой же империей, как и они, – утверждение, которое должно быть продемонстрировано, а не просто заявлено. По этим причинам более продуктивным подходом может быть выявление и исследование синхронических явлений, которые не предполагают сходства и различия между СССР и другими государствами, а, скорее, находят их через сравнение. Это означает выбор важного момента времени¹¹. С точки зрения Ст. Коткина, «межвоенная обстановка» – это такой момент, когда последствия массовой политики, вызванные Первой мировой войной, заставили власти рассмотреть альтернативные модели управления культурным разнообразием в современных условиях¹².

Советская национальная политика, действительно, была своеобразным ответом на эти новые условия. Ее принципы включали в себя создание национальных административно-территориальных единиц (республик), подготовку и продвижение кадров коренных, нерусских народов, а также использование их языков в управлении и образовании (что в совокупности было названо коренизацией). Кроме того, партийное государство развивало культуру многочисленных этнических групп страны¹³. Советская коренизация повлекла за собой идентификацию, ограничение и в некоторых случаях создание этнических общностей, которые затем были включены в собственные «местные» административные единицы¹⁴. Идея заключалась в том, что нерусские народы были готовы принять советскую власть, если эту власть представляли известные люди, говорившие на родном с ними языке. Иная территория нуждалась в иных правителях или, по крайней мере, в появлении иных правителей. Примечательно, однако, что сначала советская национальная политика не распространялась на русских, которые уже были «развитыми и доминирующими, следовательно, к ним эта политика была неприменима»¹⁵.

¹⁰ Skocpol T. *States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia, and China*. Cambridge, 1979. P. 23, 288.

¹¹ Roshwald A. *Ethnic Nationalism and the Fall of Empires: Central Europe, Russia, and the Middle East, 1914–1923*. London, 2001; Holquist P. *Information Is the Alpha and Omega of Our Work? Bolshevik Surveillance in Its Pan-European Context* // *Journal of Modern History*. 1997. Vol. 69. № 3. P. 415–450; Hoffmann D.L. *Mothers in the Motherland: Stalinist Pronatalism in Its Pan-European Context* // *Journal of Social History*. 2000. Vol. 34. № 1. P. 35–54.

¹² Kotkin S. *Modern Times...* P. 113.

¹³ Slezkine Y. *The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism* // *Slavic Review*. 1994. Vol. 53. № 2. P. 414–452; Suny R.G. *The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union*. Stanford, 1993; Martin T. *Affirmative Action Empire*; Adrienne Edgar. *Tribal Nation: The Making of Soviet Turkmenistan*. Princeton, 2004; Liber G.O. *Soviet Nationality Policy, Urban Growth, and Identity Change in the Ukrainian SSR, 1923–1934*. Cambridge, 1992.

¹⁴ Это было сложным и спорным. См. Hirsch F. *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of Soviet Union*. Ithaca, 2005.

¹⁵ Slezkine Y. *The USSR as a Communal Apartment...* P. 425.

В отличие от прежних научных работ, в которых распространенным было мнение о том, что образование Советского Союза вело к отрицанию подлинных прав народов страны на самоопределение, последние исследования по национальной политике СССР подчеркивают саму новизну огромного многонационального государства, сознательно «создающего народы, но не так, как ему заблагорассудится»¹⁶. В основе этих исследований лежат попытки вплотную заняться подобным, по-видимому, уникальным примером государства, формирующего множество наций; а поиск подходящей метафоры или аналогии был частью этого процесса. Юрий Слезкин обратил внимание на заикленности Ленина и Сталина на идее «онтологических национальностей, наделенных особыми правами» и «отсталости» нерусских народов. По его мнению, Советский Союз был аналогом советской «коммунальной квартиры»¹⁷. В своем магистерском исследовании межвоенной национальной политики Терри Мартин предлагает метафору «империи позитивных действий», чтобы «запечатлеть парадоксальную природу многонационального Советского государства», которое стремилось усмирить национализм с помощью того, что называлось «формами государственности». По мнению Т. Мартина, национальная политика была стратегией, направленной на то, чтобы избежать восприятия империи, а также она решительно отвергала модель национального государства¹⁸. Франсин Хирш предположила, что Советский Союз был, возможно, самым парадоксальным образом, «империй наций», для которой «и европейская колониальная империя, и европейское национальное государство были критическими моделями» для «избирательного заимствования». Ф. Хирш утверждает, что «советская национальная политика, действительно, была вариацией западной колониальной политики» в ее использовании разнообразных культурных форм для окончательного создания советского единства¹⁹.

За этими недавними работами скрываются молчаливые сравнения, которые подчеркивают советскую самобытность. Я предлагаю продолжить исследование этой самобытности, сопоставив советский опыт в условиях межвоенной обстановки с двумя другими примерами: во-первых, с его восточноевропейскими соседями, которые, как и СССР, были новыми и отличающимися национальной множественностью государствами; во-вторых, с колониальными империями Англией и Францией, которые пересмотрели свое собственное управление колонизированным населением после Первой мировой войны. Я сосредоточусь на Африке, в противопоставлении Южной или Юго-Восточной Азии, потому что можно более четко выявить сходства и различия между британской и французской системами управления. Поскольку моя цель состоит в том, чтобы подчеркнуть самобытность

¹⁶ *Suny R.G.* The Revenge of the Past... P. 160; *Pipes R.* The Formation of the Soviet Union: Communism and Nationalism, 1917–1923. Cambridge, 1964; *Blank S.* The Sorcerer as Apprentice: Stalin as Commissar of Nationalities, 1917–1924. Westport, 1994; *Carrere d'Encausse H.* The Great Challenge: Nationalities and the Bolshevik State, 1917–1930. New York, 1992.

¹⁷ *Slezkine Y.* The USSR as a Communal Apartment. P. 414.

¹⁸ *Martin T.* Affirmative Action Empire. P. 3, 15, 18.

¹⁹ *Hirsch F.* Toward an Empire of Nations: Border-Making and the Formation of Soviet National Identities // *Russian Review*. 2000. Vol. 59. № 2. P. 202–203, 224–225; *Hirsch F.* Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of Soviet Union... P. 4–5.

советского опыта, я отмечаю, насколько современники СССР придерживались подходов, схожих с его политикой коренизации. Приведенные мною сравнения являются рудиментарными, а выводы – предварительными. Однако в случае их убедительности они могут и должны привести к дальнейшим сравнительным исследованиям.

Восточная Европа: национальное самоопределение и режим защиты меньшинств

Национальная политика «новых государств» в межвоенной Восточной Европе – в Польше, Чехословакии, Югославии и Румынии – имела две общие черты²⁰. Во-первых, все они были самопровозглашенными национальными государствами и были приняты в качестве таковых победившими державами, которые, несмотря на политизированный и спорный процесс проведения границ, признали их в качестве примеров осуществления принципа самоопределения. Даже многонациональная Чехословакия и после 1929 г. Югославия называли себя государствами чехословацкой и югославской «наций» соответственно. Во-вторых, эти новые государства не получили международного признания до тех пор, пока не подписали договоры, гарантирующие защиту национальных меньшинств. То есть национальная политика в этих странах определялась восприятием их руководителями того факта, что они не являлись подлинно национальными государствами, поскольку имели в своем составе значительные этнические меньшинства.

Права этих национальных меньшинств были защищены договорами о меньшинствах, которые новые государства были вынуждены подписать на Парижской мирной конференции в 1919 г. Окончательная форма этих договоров была обусловлена двумя соображениями, возникшими в умах лидеров держав-победителей²¹. Во-первых, они боялись, что новые государства будут угнетать свои меньшинства, и этот страх был еще сильнее, учитывая их поведение после войны. Дэвид Ллойд Джордж в июне 1919 г. заявлял: «Мы освободили поляков, чехословаков, югославов, и сегодня в мире есть проблемы, мешающие им угнетать другие народы»²². Однако не менее важным, чем переживание о судьбах малых народов, было беспокойство по поводу того, что меньшинства, которым не будут предоставлены права, будут угрожать единству новых государств. Меньшинство не должно представлять собой «государство в государстве» – так говорилось в одном из докладов Комитета по новым государствам на Парижской мирной конференции²³. По этой причине составители договоров в целом отвергли политическую

²⁰ *Fink C. Defending the Rights of Others: The Great Powers, the Jews, and International Minority Protection, 1878–1938. Cambridge, 2004. P. 278.*

²¹ Там же; *Macartney C.A. National States and National Minorities. London, 1934. P. 212–272; Levene M. Nationalism and Its Alternatives in the International Arena: The Jewish Question at Paris, 1919 // Journal of Contemporary History. 1993. Vol. 28. P. 511–531.*

²² *Link A.S. The Deliberations of the Council of Four (March 24–June 28, 1919): Notes of the Official Interpreter, Paul Mantoux. Princeton, 1992. P. ii, 312.*

²³ *The Committee on New States, Second Report (13 May 1919) // The Papers of Woodrow Wilson. Princeton, 1988. P. 182.*

автономию меньшинств, будь она территориальная или экстерриториальная²⁴. Они настаивали только на равенстве по закону для отдельных лиц и на ограниченных культурных правах для общин. По настоянию британской делегации гарантии образования на родном языке в государственных школах, например, были ограничены только начальными классами²⁵. «Прежде всего, – заметил в этой связи Ллойд Джордж, говоря о правах евреев на образование в Польше, – мы должны иметь в виду национальное единство»²⁶.

Составители договоров ожидали, что меньшинства, чьи права были гарантированы, станут лояльными гражданами государств, в которых они живут и интегрируются в свои новые национальные сообщества. Их конечной целью было создание национального государства, хотя и более терпимого, чем предполагали некоторые восточноевропейские лидеры. Миротворцы добивались гарантий для меньшинств не потому, что они выступали за культурную автономию или права меньшинств, а потому что они рассматривали недовольные меньшинства как угрозу миру. Приведем слова президента Вудро Вильсона: «Осмелюсь сказать, ничто не может больше нарушить мир во всем мире, чем обращение, которое при определенных обстоятельствах может быть применено к меньшинствам»²⁷. Защита меньшинств, равно как и принцип самоопределения, осуществлялась, таким образом, прежде всего, для предотвращения будущих войн²⁸.

Сама по себе защита меньшинств не являлась новой практикой; в течение XIX в. признание новых государств великими державами, как правило, включало в себя положение о защите религиозных меньшинств²⁹. Исторически новым было создание режима международной защиты под эгидой Лиги Наций. Отдел по делам меньшинств секретариата Лиги получал петиции от групп меньшинств, выносил решения об их приемлемости и направлял представителей в новые государства для проведения регулярных консультаций³⁰. Отдел по делам меньшинств

²⁴ Еврейские организации предложили раздельное пропорциональное представительство для евреев и других национальных меньшинств в польском сейме. Исключение составили районы Прикарпатья, Чехословакия и Восточной Галиции. Судьба этих территорий обсуждается ниже.

²⁵ *Augustinos G.* The National Idea in Eastern Europe: The Politics of Ethnic and Civic Community. Lexington, 1996. P. 34; *Fink C.* Defending the Rights of Others... P. 254; *Macartney C.A.* National States and National Minorities... P. 283.

²⁶ *Link A.S.* The Deliberations of the Council of Four... P. 526.

²⁷ Preliminary Peace Conference, Protocol No. 8, Plenary Session of May 31, 1919 // United States Department of State, Foreign Relations of the United States, The Paris Peace Conference, 1919. Washington, 1942–1947. P. 406.

²⁸ *Macartney C.A.* National States and National Minorities... P. 274–279; *Rossos A.* The British Foreign Office and Macedonian National Identity, 1918–1941 // *Slavic Review*. 1994. Vol. 53. № 2. P. 369–394; *Finnery P.B.* An Evil for All Concerned?: Great Britain and Minority Protection after 1919 // *Journal of Contemporary History*. 1995. Vol. 30. № 3. P. 533–551.

²⁹ *Macartney C.A.* National States and National Minorities... P. 157–575; *Fink C.* Defending the Rights of Others...; United States Department State, Foreign Relations of the United States, The Paris Peace Conference, 1919... P. 571.

³⁰ *Macartney C.A.* National States and National Minorities... P. 297–419; *Fink C.* Defending the Rights of Others... P. 9–10; *Mair L.P.* The Protection of Minorities: The Working and Scope of the Minorities Treaties under the League of Nations. London, 1928; *Pablo de Azirate.* League of Nations and National Minorities: An Experiment. Washington, 1945.

руководствовался принципом, согласно которому защита меньшинств являлась «политической», а не «гуманитарной» необходимостью, и был склонен с пониманием относиться к трудному положению самих новых государств³¹. В 1922 г. Ассамблея Лиги Наций признала «основное право меньшинств на защиту от угнетения», а также подчеркнула «обязанность лиц, принадлежащих к расовым, религиозным или языковым меньшинствам сотрудничать в качестве лояльных сограждан с странами, к которым они теперь принадлежат». Также, что важно, при рассмотрении петиций от пострадавших групп меньшинств секретариат должен был учитывать их лояльность³². Однако, по словам Кэрл Финк, чиновники Лиги Наций «едва ли были беспристрастны», когда имели дело с меньшинствами. Она отмечает: «Будучи связанными принципом государственного суверенитета, они не только охраняли интересы [новых] государств и отклоняли все, кроме самых политически взрывоопасных жалоб; они также блокировали предложения извне об улучшении, сохраняли свою работу в тайне и не допускали подачи жалоб ни на одном из этапов расследования»³³.

С точки зрения руководства самих новых государств самоопределение и национальное единство были лишь первыми шагами к «национальной революции»³⁴. Новые государства Восточной Европы заняли позицию, которую Роджерс Брубейкер называет «национализацией государств». Они были этнически неоднородны, но действовали как «нереализованные национальные государства, доминирующие элиты которых содействовали (в разной степени) языковому, культурному, демографическому положению, экономическому процветанию или политической гегемонии номинально государственной нации»³⁵. Перед этими государствами стояли три задачи: национализация населения «номинальной государственной нацией»; коренизация политических и экономических элит государства; национализация географического пространства³⁶. Естественно, практика менялась в зависимости от конкретных условий каждого нового государства, но среди основных политических фракций предполагаемой государственной нации редко возникали какие-либо разногласия по поводу цели³⁷.

Национализация населения повлекла за собой убеждение некоторых потенциальных членов государственной нации в том, что они, действительно, при-

³¹ *Pablo de Azcirate*. *League of Nations and National Minorities: An Experiment...* P. 14.

³² Там же. P. 88–89.

³³ *Fink C.* *Defending the Rights of Others...* P. 282.

³⁴ *Berend I.T.* *Decades of Crisis: Central and Eastern Europe before World War II*. Berkeley, 1998. P. 145–184; *Livezeanu I.* *Cultural Politics in Greater Romania: Regionalism, Nation Building and Ethnic Struggle, 1918–1930*. Ithaca, 1995. P. 7.

³⁵ *Brubaker R.* *Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe*. Cambridge, 1996. P. 57, 63.

³⁶ Брубейкер объединяет эти задачи под общим названием «национализированных» практик; для анализа это необходимо учитывать. Я использую термин «коренизация» политической и экономической элиты в этом контексте, чтобы подчеркнуть ее сходство с советской национальной политикой, хотя, как я утверждаю ниже, ее конечная цель была иной.

³⁷ *Livezeanu I.* *Cultural Politics in Greater Romania...* P. 304; *Mendelsohn E.* *Jews of East Central Europe between the World Wars*. Bloomington, 1983. P. 39.

надлежали ей. Например, в новоприсоединенных Бессарабии и Трансильвании румынское государство обнаружило этнических румын, которые считали своих якобы соотечественников в Бухаресте отсталыми балканцами. Трансильванские румынские политики потребовали автономии; самоопределяющиеся молдаване Бессарабии считали русский, а не румынский язык языком образованных людей и не относили себя к «румынской культурной идентичности»³⁸. В Чехословакии «распространенный миф» о чехословацкой «национальности», по словам Дерека Сайра, был необходим для сохранения «национального большинства»; но сельские словаки не всегда считали себя словаками, тем более чехословаками. Как сообщил один переписчик в 1921 г., можно было услышать следующее возражение: «Это та же самая разница! Если хлеб намазан маслом с венгерской стороны, я мадьяр, если он намазан маслом с чешской стороны, я словак». Политические и метафизические последствия такого положения приводили в отчаяние. «Ужас, который вы испытываете от имени этих людей, – жаловался он, – будет больше, чем вы испытали бы от имени тех, кто приговорен к смерти»³⁹. В Югославии, конечно, многие сербы, хорваты и словенцы знали, кто они такие; в этом, собственно, и заключалась проблема⁴⁰.

Национализация «номинальной государственной нации» по необходимости происходила за счет меньшинств, как правивших в прошлом (например, немцев и венгров), так и диаспор, традиционно занимавших видное положение в экономике (например, евреев). Несмотря на снисходительность Лиги Наций, восточноевропейские государства часто нарушали принцип защиты меньшинств в погоне за национальной революцией. Страх перед враждебными намерениями соседних ревизионистских государств играл определенную роль во многих из этих стратегий, но главной причиной была цель создания полностью реализованного национального государства. Польские власти, например, рассматривали белорусов и украинцев как потенциальные мишени для национализации – и, таким образом, ассимиляции⁴¹. В трех провинциях Восточной Галиции с их многочисленным украинским населением государство просто проигнорировало статус автономии, принятый сеймом в 1922 г., и в обмен на который суверенитет Польши над территорией был признан Лигой Наций⁴². Школы с преподаванием на белорусском языке, созданные здесь в широких масштабах немецкими оккупационными властями во время Первой мировой войны, были упразднены⁴³. Польское законодательство поощря-

³⁸ *Livezeanu I.* Cultural Politics in Greater Romania... P. 100, 130–135.

³⁹ *Sayer D.* The Coasts of Bohemia: A Czech History. Princeton, 1998. P. 174–175.

⁴⁰ *Lampe J.R.* Yugoslavia as History: Twice There Was a Country. Cambridge, 1996. P. 157; *Banac I.* The National Question in Yugoslavia: Origins, History, Politics. Ithaca, 1984.

⁴¹ *Brubaker R.* Nationalism Reframed... P. 97–103.

⁴² *Polonsky A.* Politics in Independent Poland, 1921–1939: The Crisis of Constitutional Government. Oxford, 1972. P. 51–52; *Korzec P.* The Minority Problem of Poland, 1919–1939 // S. Vilfan. Ethnic Groups and Language Rights. New York, 1993. P. 207; *Fink C.* Defending the Rights of Others... P. 255; United States Department of State, Foreign Relations of the United States, The Paris Peace Conference, 1919... P. 847–855.

⁴³ *Polonsky A.* Politics in Independent Poland, 1921–1939... P. 141; *Liulevicius V.G.* War Land on the Eastern Front: Culture, National Identity, and German Occupation in World War I. Cambridge, 2000.

ло создание двуязычных школ, в которых польский язык использовался в качестве языка обучения по нескольким предметам. И число таких школ неуклонно росло за счет сокращения одноязычных, что не могло не вызывать протест со стороны представителей различных политических сил меньшинств⁴⁴. В Верхней Силезии, территории, находившейся под особой защитой Лиги Наций, власти стремились воспрепятствовать польским родителям отправлять своих детей в немецкие школы, что противоречило Конвенции о регионе, гарантировавшей выбор со стороны родителей. Польский губернатор «поручил определять школьным инспекторам, был ли ребенок немцем или поляком». «Когда в апреле 1928 года Международный суд признал это незаконным, он в ответ закрыл ряд немецких школ, заявив, что их количество не оправдано долей немцев в составе местного населения»⁴⁵. На Буковине румынское государство обошло договор о защите меньшинств, утверждая, что «украинцы были русинскими румынами, которые должны были быть возвращены к своей истинной румынской идентичности»⁴⁶. Насильственная ассимиляция была также стратегией югославского правительства в Косово и Македонии (так называемая Южной Сербии) в тех случаях, когда положения договора о меньшинствах, касавшиеся образования, не применялись⁴⁷. Одолев корыстные попытки итальянского правительства гарантировать автономию Македонии, новые власти стали относить македонцев к сербам и отказывать косовским албанцам в обучении в школах на родном языке⁴⁸.

Другие нарушения защиты прав меньшинств стали результатом усилий по коренизации политической и экономической элиты путем исключения меньшинств из своих рядов. При этом прием в высшие учебные заведения был особенно целенаправленным. Официальный антисемитизм был венцом враждебности к меньшинствам в межвоенной Польше, где действовала ограничительная квота (между 1921–1922 и 1938–1939 гг. доля еврейских студентов университетов сократилась с 25 до 8 %) и где правительство в конечном счете узаконило так называемые гетто-скамейки для еврейских студентов университетов. Среди новых государств Восточной Европы аналогичными были, пожалуй, только требования румынских студентов-медиков запретить своим еврейским коллегам заниматься вскрытием трупов неевреев⁴⁹.

⁴⁴ *Korzec P.* The Minority Problem of Poland, 1919–1939 // S. Vilfan. *Ethnic Groups and Language Rights...* P. 208–209; *Polonsky A.* Politics in Independent Poland, 1921–1939: The Crisis of Constitutional Government... P. 142; *Tomiak J.* Education of the Non-Dominant Ethnic Groups in the Polish Republic, 1918–1939 // J. Tomiak. *Schooling, Educational Policy Ethnic Identity*. New York, 1991. P. 185–209.

⁴⁵ *Polonsky A.* Politics in Independent Poland, 1921–1939... P. 217; *Mair L.P.* The Protection of Minorities... P. 92; *Pablo de Azcirate.* League of Nations and National Minorities: An Experiment... P. 147; *Raitz von Frenzt Ch.* Lesson Forgotten: Minority Protection under the League of Nations. The Case of the German Minority in Poland, 1920–1934. New York, 1999.

⁴⁶ *Livezeanu I.* Cultural Politics in Greater Romania... P. 65.

⁴⁷ *Temperley H.M.* A History of the Peace Conference of Paris. London, 1921. P. 451.

⁴⁸ *Macartney C.A.* National States and National Minorities... P. 251; *Banac I.* The National Question in Yugoslavia... P. 319–321; *Malcolm N.* Kosovo: A Short History. New York, 1998. P. 267.

⁴⁹ *Mendelsohn E.* Jews of East Central Europe between the World Wars... P. 73; *Polonsky A.* Politics in Independent Poland, 1921–1939... P. 467; *Hagen W.W.* Before the ‘Final Solution’: Toward a Comparative Analysis of Political Anti-Semitism in Interwar Germany and Poland // *Journal of Modern History*. 1996. Vol. 68. № 2. P. 372; *Livezeanu I.* Cultural Politics in Greater Romania... P. 269.

Даже либерально-демократическое чехословацкое государство было уязвимо для обвинений в дискриминации, несмотря, например, в целом на позитивную ситуацию в отношении школ для немецкого меньшинства⁵⁰. Отбросив в сторону миф о чехословацкой нации, на котором основывалось новое государство и который обеспечивал то, чтобы титульная нация состояла из двух третей населения, новые власти не смогли выполнить свои гарантии по автономии Подкарпатской Руси, создавая там чешские школы в количестве, несоразмерном с количеством чехов в регионе⁵¹. Чехи значительно превосходили числом русинов в управлении регионом⁵². Под предлогом осуществления земельной реформы правительство также содействовало чешской и словацкой колонизации приграничных районов, населенных преимущественно немецким и венгерским меньшинствами⁵³. При этом меньшинствам не было отказано в предоставлении услуг на родном языке. «Когда административные, судебные и прочие округа Словакии были реорганизованы в 1926 году, – писал Карлайл Макартни в 1937 году, – границы пяти судебных округов, в которых мадьяры были особенно сильны, ... были так переделаны, чтобы довести процент мадьяр ниже уставных 20»⁵⁴. Тем самым можно было обойти необходимость предоставления услуг местным жителям на венгерском. Колонизация сербами была также стратегией Югославии в Македонии и Косово⁵⁵. Все эти меры можно рассматривать как усилия по национализации важнейших пограничных территорий новых государств.

Хотя Советский Союз обязался защищать свое польское меньшинство по Рижскому договору, который положил конец войне с Польшей, на практике советская национальная политика не была обусловлена международным режимом защиты. Скорее она возникла из условий Гражданской войны и цели большевиков максимально сохранить территориальную целостность в рамках бывшей царской империи. Однако, как и политика в новых государствах, советская национальная политика характеризовалась двумя принципами: самоопределения наций и защиты меньшинств. Под лозунгом коренизации более крупные этнические общины были выделены в республики. Язык этих этносов пользовался преференциями, а их представители должны были занимать ответственные посты в республиках. Теоретически они выражали свое стремление к национальному самоопределению. В то же время «некоренному» населению этих территорий, расселенному в компактных районах, были предоставлены локализованные варианты коренизации в виде районов и деревень. Эти районы национальных меньшинств и сельские со-

⁵⁰ Mitter W. *German Schools in Czechoslovakia, 1918–1938* // J. Tomiak. *Schooling, Educational Policy Ethnic Identity*. New York, 1991. P. 211–232.

⁵¹ Macartney C.A. *Hungary and Her Successors: The Treaty of Trianon and Its Consequences, 1919–1937*. London, 1937. P. 233; Rothschild J. *East Central Europe between the Two World Wars*. Seattle, 1874. P. 89.

⁵² Macartney C.A. *Hungary and Her Successors...* P. 225.

⁵³ Miller D.E. *Colonizing the Hungarian and German Border Areas during the Czechoslovak Land Reform, 1918–1938* // *Austrian History Yearbook*. 2003. Vol. 34. P. 303–317.

⁵⁴ Macartney C.A. *Hungary and Her Successors...* P. 156.

⁵⁵ Banac I. *The National Question in Yugoslavia...* P. 320; Lampe J.R. *Yugoslavia as History...* P. 146–148; Malcolm N. *Kosovo...* P. 278–280.

веты быстро расширялись в 1920-х и начале 1930-х гг. Подлинная политическая автономия была отвергнута советской властью (также, как и великими державами в Париже и лидерами новых государств), которая стремилась к тому, чтобы национальное развитие направлялось партийным руководством.

Поэтому может показаться, что СССР в 1920-х и начале 1930-х гг. воспроизводил восточноевропейскую ситуацию в более широком масштабе. Но в Советском Союзе логика принципов самоопределения и защиты меньшинств была обратной тому, что было в новых государствах. Осуществление самоопределения в советском контексте, каким бы принудительным и ограниченным оно ни было, должно было привести к многонациональному единству, к тому, что Макартни называл в то время «не-национальным государством»⁵⁶. Защита меньшинств посредством территориального размежевания и создания культурных учреждений была направлена в СССР на предотвращение ассимиляции меньшинств, а не на ее поощрение⁵⁷. Политика советской коренизации применялась как к национальному большинству, так и к нацменьшинствам (но не к русским). Несмотря на официальную заботу о том, чтобы каждый советский гражданин был отнесен к соответствующей этнической категории, целью советской национальной политики не была национализация отдельных наций за счет признанных этнических меньшинств⁵⁸. В этом смысле контраст с политикой восточноевропейских национальных государств был, действительно, разительным, по крайней мере, как мы увидим, до середины 1930-х гг.

Колониальная Африка: расовая дифференциация и этническая коренизация

Восточные европейцы не преминули указать, что победившие державы не имели намерения применять принципы мира к своим собственным территориям. Действительно, одна из жалоб с их стороны заключалась в том, что защита меньшинств не является универсальной⁵⁹. Ни защита меньшинств, ни самоопределение не применялись к колониальным империям Великобритании или Франции. И неудивительно, что их политика в Африке была противоположной восточноевропейской модели в межвоенный период. Франция и Великобритания управляли подвластными им народами посредством радикальной политики расовой дифференциации. Англичане называли это «непрямым управлением», французы – «ассоциацией»⁶⁰. Обе политические модели представляли собой «уменьшение» евро-

⁵⁶ *Macartney C.A.* National States and National Minorities... P. 12.

⁵⁷ *Martin T.* Affirmative Action Empire. P. 16.

⁵⁸ Франсин Хирш утверждает, что с самого начала советская политика была ориентирована на объединение этноисторических групп. См.: *Hirsch F.* Empire of Nations... 9–10n21, and chap. 3; Не менее важно, что в отдельных республиках и регионах местное русское меньшинство могло быть объединено в категорию «украинцы», хотя подобная практика была очень недолгой и велась лишь до конца 1920-х годов. См.: *Martin T.* Affirmative Action... P. 282–291.

⁵⁹ Как посетовал премьер-министр Румынии Ион Братиану, учреждение договоров о меньшинствах создали два разных класса членства в Лиге наций. См. об этом: *Pablo de Azcarate*, League of Nations and National Minorities... P. 26.

⁶⁰ *Mamdani M.* Citizen and Subject: Contemporary Africa and the Legacy of Late Colonialism. Princeton, 1996; *Mamdani M.* Historicizing Power and Responses to Power: Indirect Rule and Its Reform //

пейских «амбиций по переделу и систематической эксплуатации Африканского континента» и свидетельствовали о том, что «их цель состоит в сохранении африканских обществ и культуры, позволяя лишь медленные изменения изнутри»⁶¹.

Колониальная практика работы через местных правителей была отнюдь не нова. То, что было новым в годы перед Первой мировой войной, поднимало практику до уровня принципа⁶². Этот принцип окончательно оформился в межвоенный период. За этой политикой «колониальной коренизации» стояла система правовой сегрегации. За очень редкими исключениями африканцы являлись субъектами обычного права, а не равноправными членами гражданского общества. Как в британских, так и во французских колониях существовали специальные местные суды; на французских территориях африканцы также подчинялись «индигенату» – правовому кодексу, который наделял французских колониальных чиновников полнотой власти в уголовных и гражданских делах. Таким образом, межвоенный период ознаменовался кульминацией и радикализацией правового плюрализма, который всегда характеризовал европейское колониальное управление⁶³. Британская версия непрямого управления «основывалась на существовании культурно однородных территориальных племен, управляемых вождями», в то время как французская модель «ассоциации» имела тенденцию навязывать новую административную систему и находить наиболее подходящих вождей⁶⁴. И те, и другие все больше полагались на этнографическую ситуацию в регионе, которая помогала им выявлять местные традиции, на которых они могли бы основывать соответствующую «адаптированную» колониальную политику⁶⁵.

Social Research. 1999. Vol. 66. № 3. P. 859–886; *Young C.* The African Colonial State in Comparative Perspective. New Haven, 1994; *Cell J.W.* Colonial Rule // J.M. Brown, W.R. Louis. The Oxford History of the British Empire. The Twentieth Century. New York, 1999; *Crowder M.* Indirect Rule-French and British Style // R.O. Collins. Historical Problems of Imperial Africa. Princeton, 1994; *Iliffe J.* A Modern History of Tanganyika. Cambridge, 1979. P. 318–341; *Low D. A., Pratt R.C.* Buganda and British Overrule, 1900–1955. London, 1960; *Perham M.* Lugard: The Years of Authority, 1898–1945. London, 1960; *Raymond F. Betts.* Assimilation and Association in French Colonial Theory, 1890–1914. New York, 1961; *Conklin A.L.* A Mission to Civilize: The Republican Idea of Empire in France and West Africa, 1895–1930. Stanford, 1997; *Perham M.* Some Problems of Indirect Rule in Africa // *Journal of the Royal African Society.* 1934. Vol. 34. № 135. P. 1–23.

⁶¹ *Cooper F.* Decolonization and African Society: The Labor Question in French and British Africa. Cambridge, Eng., 1996. P. 11.

⁶² *Low D. A., Pratt R.C.* Buganda and British Overrule... P. 163–164; *Burroughs P.* Imperial Institutions and the Government of Empire // A. Porter. The Oxford History of the British Empire. The Nineteenth Century. New York, 1999. P. 196; *Young C.* The African Colonial State in Comparative Perspective... P. 107.

⁶³ *Benton L.A.* Law and Colonial Cultures: Legal Regimes in World History, 1400–1900. Cambridge, 2002. P. 127–166.

⁶⁴ *Spear T.* Neo-Traditionalism and the Limits of Invention in British Colonial Africa // *Journal of African History.* 2003. Vol. 44. № 1. P. 164; *Crowder M.* West Africa under Colonial Rule. Evanston, 1968; *Vail L.* The Creation of Tribalism in Southern Africa. Berkeley, 1989.

⁶⁵ *Kuklick H.* The Savage Within: The Social History of British Anthropology, 1885–1945. Cambridge, 1991. P. 204; *Mair L.P.* Colonial Administration as Science // *Journal of the Royal African Society.* 1933. Vol. 32. № 129. P. 367; *Perham M.* Some Problems of Indirect Rule in Africa... P. 8–10; *Gellner E.* The Political Thought of Bronislaw Malinowski // *Current Anthropology.* 1987. Vol. 28, № 4. P. 557–559; *Mair L.* Anthropology and Colonial Policy // *African Affairs.* 1975. Vol. 74. № 295. P. 191–195; *Conklin M.*

Колониальные правители в Африке, таким образом, отвергли в межвоенный период идею о том, что Европа представляет Африке образ ее собственного будущего. В 1925 г. сэр Дональд Кэмерон, губернатор Танганьики (и Нигерии, в то время, когда Перхам проводила свои исследования в середине 1930-х гг.) утверждал: «Наш долг – сделать все, что в наших силах, чтобы развить туземца по тем направлениям, которые не будут вестернизировать его и превращать в плохую имитацию европейца»⁶⁶. Скорее задачей системы местного управления было сделать из него «хорошего африканца». Французы, в свою очередь, утверждали, что объединение соответствовало их цивилизаторской миссии даже когда они приспособили эту миссию к отказу от модели ассимиляции с французской культурой (и, что важно, французским гражданством), подчеркивая, «насколько африканцы отличаются от французов, и как важно, чтобы эти две расы были разделены»⁶⁷. В конечном счете, как утверждает Махмуд Мамдани, колониальная политика стремилась «стабилизировать расовое господство» путем «закрепления его в политически навязанной системе этнического плюрализма»⁶⁸. Непрямое управление и объединение были направлены на предотвращение возникновения националистических или рабочих движений, возглавляемых прозападными интеллектуалами, которые угрожали бы колониальному правлению. «Детрайбализация», по словам Джона Флинта, «была призраком, который преследовал систему»⁶⁹.

Заявления французских и британских колониальных чиновников о непрямом управлении и объединении пронизаны расизмом, который служил оправданием европейской власти над коренными жителями и удерживал африканцев, получивших образование на Западе, от оказания влияния на остальных. События периода Первой мировой войны, особенно во французской Западной Африке, показали, какую опасность они представляют⁷⁰. И все же не прямое управление и ассоциация также представляли собой ответ на события в метрополии. Джон Келл отмечает, что «широко распространенное разочарование западной цивилизацией» европейцами в период между войнами «сыграло свою роль в принятии непрямого управления»⁷¹. Элис Конклин увидела намек на то, что французские правители Западной Африки смотрят с тоской в прошлое; они, вероятно, «обнаружили в “примитивной” Африке идеализированный досовременный и патриархальный мир, напоминавший тот, который они потеряли в Вердене»⁷². В этом отношении

Mission to Civilize... P. 196–198; Wilder G. Colonial Ethnology and Political Rationality in French West Africa // *History and Anthropology*. 2003. Vol. 14. № 3. P. 219–252.

⁶⁶ *Iliffe J. Modern History of Tanganyika...* P. 320; *Cameron D. The Principles of Native Administration and Their Application*. Lagos, 1934.

⁶⁷ *Conklin M. Mission to Civilize...* P. 164; *Genova J.E. Conflicted Missionaries: Power and Identity in French West Africa during the 1930s // The Historian*. 2004. Vol. 66. № 1. P. 45–66.

⁶⁸ *Mamdani M. Historicizing Power and Responses to Power: Indirect Rule and Its Reform // Social Research*. 1999. Vol. 66. № 3. P. 6.

⁶⁹ *Flint J. Planned Decolonization and Its Failure in British Africa // African Affairs*. 1983. Vol. 82. № 328. P. 394.

⁷⁰ *Conklin M. Mission to Civilize...* P. 143–151.

⁷¹ *Cell J.W. Colonial Rule...* P. 249.

⁷² *Conklin M. Mission to Civilize...* P. 253.

идеологии, лежавшие в основе непрямого управления и ассоциации, можно рассматривать как реакцию на межвоенную обстановку.

Изучение колониальной образовательной политики подчеркивает это двойственное отношение к современности. Англичане и французы не приняли всеобщего начального, не говоря уже о среднем, образования для своих африканских подданных, поскольку они были озабочены тем, чтобы предотвратить появление большой группы безработных и политически опасных, псевдоевропейских коренных жителей. Колониальные власти создали четкие учебные программы, чтобы гарантировать, что африканцы будут выполнять те роли, которые они были призваны играть – в качестве крестьян, мелких клерков и рабочих. В докладе Консультативного комитета по образованию коренных народов в британских тропических африканских зависимых странах за 1925 г. это разъяснялось следующим образом: «Образование должно быть адаптировано к менталитету, способностям, занятиям и традициям различных народов, сохраняя, насколько это возможно, здоровые элементы в структуре их социальной жизни»⁷³. Как отмечал один видный колониальный чиновник, цель образования «состояла в том, чтобы побудить африканца гордиться своей расой, чувствовать, что она вносит свой собственный вклад в мировой прогресс, и этот контакт с западной цивилизацией должен означать не рабское подражание, а возможность выбора всего, что может помочь росту всего наилучшего в его собственных институтах и культуре»⁷⁴. Начальные школы во французской Западной Африке отдавали приоритет сыновьям вождей и знати и подчеркивали «африканское содержание» (например, краеведение, а не французская история); среднее образование было в основном профессионально-техническим⁷⁵. Колониальные власти санкционировали использование французского языка в таких школах главным образом по практическим соображениям в связи с многочисленностью местных языков, присутствующих в колониях. Прямая ассимиляция не была целью⁷⁶. Действительно, по мере того как власти французской Западной Африки во второй половине 1930-х гг. расширяли сферу охвата системы сельских школ, они все больше подчеркивали самобытность африканской культуры⁷⁷. Ограниченность французского и британского видения будущего Африки, пожалуй, наиболее ярко проявилась в их отношении к наемному

⁷³ Advisory Committee on Native Education in the British Tropical African Dependencies, “Education Policy in British Tropical Africa” // L.G. Cowan, J. O’Connell, D.G. Scanlon. *Education and Nation-Building in Africa*. New York, 1965. P. 46.

⁷⁴ *Lugard L.* Education and Race Relations // *Journal of the Royal African Society*. 1933. Vol. 32. № 126. P. 5.

⁷⁵ *Kelly G.P.* The Presentation of Indigenous Society in the Schools of French West Africa and Indochina, 1918–1938 // *Comparative Studies in Society and History*. 1984. Vol. 26, № 3. P. 525.

⁷⁶ *Gifford P., Weiskel T.C.* African Education in a Colonial Context: French and British Styles // P. Gifford, W.R. Louis. *France and Britain in Africa: Imperial Rivalry and Colonial Rule*. New Haven, 1971. P. 675; *Chafer T.* Teaching Africans to Be French? France’s ‘Civilizing Mission’ and the Establishment of a Public Education System in French West Africa, 1903–1930 // *Africa*. 2001. Vol. 56. № 2. P. 190–209; *Hailey L.* *An African Survey*. London, 1938, 1257–1259.

⁷⁷ *Genova J.E.* Conflicted Missionaries: Power and Identity in French West Africa during the 1930s // *The Historian*. 2004. Vol. 66. № 1. P. 45–66.

труду и пролетаризации. И те, и другие власти рассматривали наемных работников только «детрайбализованными» и, следовательно, опасными; французским и британским колониальным чиновникам «понятие “африканец” и “рабочий” казалось двумя понятиями, несовместимыми друг с другом»⁷⁸. В европейском представлении нормальные африканцы были либо крестьянами, либо традиционными элитами⁷⁹. Многие колониальные чиновники выступали за крестьянский путь развития африканских стран⁸⁰. Там, где был необходим наемный труд (например, в горнодобывающей промышленности), идеальной моделью было общество мелких производителей, которое могло обеспечить временными сезонными работниками по мере необходимости. Признание африканцев наемными рабочими в конечном счете приравнивало бы их к европейцам и, возможно, потребовало бы сходных условий социального обеспечения, в частности, членства в профсоюзах, страхования, создания фонда семейной заработной платы⁸¹.

Как мы видим, подобно колониальным режимам в Африке в межвоенный период, советская национальная политика делала упор на коренизацию институтов местного управления. Но основная цель советской политики была прямо *противоположна* европейской политике «колониальной коренизации» в Африке. Советская политика была направлена не на сохранение традиционного содержания, а на его замену. В советском контексте идея того, чтобы «хороший узбек» оставался хорошим узбеком, была бессмысленной. Цель состояла в том, чтобы сделать его хорошим европейцем в том смысле, что европейцы были современными, а большинство узбеков – нет. Эта «европейскость» не была этнической идентичностью. Скорее, это был другой термин для обозначения «современного» и «социалистического». Как подчеркивает Адиб Халид, предполагалось, что советская современность должна была иметь универсальное содержание, которое выражалось, по известной фразе Сталина, в национальной форме. Когда европейские правители Африки представляли себе современное будущее для своих подданных, что им было отнюдь нелегко сделать, эта современность должна была иметь отчетливое национальное (в советском понимании) содержание. Лорд Лугард, создатель политики непрямого управления в Северной Нигерии на рубеже XX в., смог признать «базовый принцип британской политики в отношении коренных народов» как идею о том, что «институты и методы, чтобы добиться успеха и способствовать счастью и благосостоянию народа, должны быть глубоко укоренены в его традициях и предрассудках»⁸². Сэр Дональд Камерон мог утверждать, что было бы «просто вандализмом пытаться разрушить» такой «глубоко укоренившийся»

⁷⁸ Cooper F. *Decolonization and African Society...* P. 56.

⁷⁹ Там же. С. 23, 169.

⁸⁰ Phillips A. *The Enigma of Colonialism: British Policy in West Africa*. Bloomington, 1989; Dimier V. For a Republic 'Diverse and Indivisible'? France's Experience from the Colonial Past // *Contemporary European History*. 2004. Vol. 13. № 1. P. 53–55; Wilder G. *Colonial Ethnology and Political Rationality in French West Africa...* P. 235.

⁸¹ Phillips A. *The Enigma of Colonialism: British Policy in West Africa...* P. 139; Cooper F. *Decolonization and African Society...* P. 56.

⁸² Lugard L. *The Dual Mandate in British Tropical Africa*. Hamden, 1965. P. 211.

институт, как «племенное вождество»⁸³. Советская политика, напротив, подчеркивала не содержание этнической традиции, а лишь форму (особенно языка) как необходимую для укорененности в политике коренизации. Во имя социалистической трансформации советское государство значительно разрушило традиционные институты.

Это различие между советским универсалистским проектом и колониальным проектом особенно ярко проявляется в трудовой политике и политике образования. В то время, как европейская политика в странах Африки была направлена на предотвращение или, по крайней мере, ограничение формирования урбанизированного, «детрайбализированного» рабочего класса, сталинские власти, напротив, постоянно сетовали на медленный процесс формирования рабочего класса среди народов Центральной Азии. Относительно низкая численность выходцев из этого региона в советских высших учебных заведениях в конце 1930-х и 1940-х гг. была также постоянной больной темой для режима, озабоченного подготовкой национальных кадров⁸⁴. основополагающим принципом советской образовательной политики было осуществление обязательного всеобщего начального и, в конечном счете, среднего образования. Учебная программа была одинаковой, независимо от этнической принадлежности учащегося. Универсальная советская учебная программа также имела экономическую и политическую логику, хотя и совершенно отличную от колониального подхода: сформировать лояльное, современное, взаимозаменяемое население, пригодное для быстрого промышленного развития. Пожалуй, единственное, что она имела общего с колониальной политикой, — это враждебность или, по крайней мере, подозрение в отношении капитализма⁸⁵. С точки зрения управления, «в сравнительных имперских терминах», действительно, может показаться, что, цитируя Доминика Ливена, «советский федерализм был разновидностью непрямого управления»⁸⁶. И то и другое могло возникнуть в некотором смысле из практической необходимости управлять большими, разнообразными территориями дешево и эффективно. Но, в конечном счете, обе политические модели были ориентированы на совершенно противоположные цели.

Советская политика в переходный период в 1934–1938 гг.

Подводя итог моим рассуждениям, необходимо отметить следующее: в отличие от политики новых государств Восточной Европы первоначально советская национальная политика основывалась на методах культурной дифференциации. В отличие от колониальной политики Англии и Франции, она, в конечном счете, стремилась преобразовать и интегрировать все народы в одно политическое сообщество.

⁸³ *Cameron D.* Native Administration in Tanganyika and Nigeria // *Journal of the Royal African Society*. 1937. Vol. 36, № 145. P. 5.

⁸⁴ *Blitstein P.A.* Stalin's Nations: Soviet Nationality Policy between Planning and Primordialism, 1936–1953. Ph.D. diss., University of California, Berkeley, 1999.

⁸⁵ *Flint J.* Planned Decolonization and Its Failure in British Africa... P. 394.

⁸⁶ *Lieven D.* Empire: The Russian Empire and Its Rivals... P. 313.

Однако во второй половине 1930-х гг. советская политика резко изменилась. Пересмотр первоначальной советской национальной политики был хорошо задокументирован Терри Мартином. Он включал в себя прежде всего «возрождение русских» как нации и «сокращение и рационализацию» самой коренизации. И то, и другое было, по большому счету, политическим решением, реакцией на возмущение русских и рост нерусского национализма, который сам по себе был следствием политики коренизации⁸⁷. Использование нерусских языков в управлении, в частности, было сокращено в большинстве мест, поскольку партия «отделяла нерусские кадры от нерусских языков», как это описывает Джордж Либер⁸⁸. Анализ двух политических сдвигов, которые обычно рассматриваются как часть этих изменений – усиление репрессий в отношении этнических диаспор и введение обязательного обучения на русском языке – демонстрирует, что новые элементы советской национальной политики двигались по образцу ее восточноевропейских соседей.

В 1930 г. режиму стало очевидно, что особенно ожесточенное сопротивление коллективизации было в польских и немецких деревнях, в украинских и белорусских пограничных районах, и против этих сообществ были приняты жесткие меры⁸⁹. Но только в 1934 г. была начата политика выборочной депортации, нацеленной на целые деревни немцев и поляков; вскоре последовала депортация советского корейского населения в Центральную Азию. В декабре 1937 г. решениями Политбюро ЦК ВКП (б) были упразднены административные районы и школы, предназначенные для меньшинств, «родины» которых находились за пределами советских границ⁹⁰. Несколькими месяцами ранее, в разгар Большого террора, Сталин развязал свои «национальные операции» против советских граждан и неграждан из этих диаспорных групп, которые были арестованы или казнены тысячами⁹¹. С точки зрения режима, эти меньшинства проявили нежелание или неспособность интегрироваться в советский строй. Режим отреагировал *национализацией* политики депортации и отказом в предоставлении услуг на родном языке, аналогично тому, что новые государства Восточной Европы практиковали в течение десятилетия или более. Новые школы характеризовались как «обычные советские», где преподавание велось либо на русском языке, либо на языке титульной нации рассматриваемой союзной республики (например, украинский язык на Украине).

Однако следует подчеркнуть, что режим сохранил школы для советских граждан тех этнических групп, которые имели свою союзную или автономную

⁸⁷ *Martin T. Affirmative Action Empire...* P. 344–431; *Slezkine Y. The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // Slavic Review*. 1994. Vol. 53. № 2. P. 441.

⁸⁸ *Liber G.O. Soviet Nationality Policy...* P. 179.

⁸⁹ *Martin T. Affirmative Action Empire...* P. 244, 319–325; *Кен О.Н., Рунцов А.И.* Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920–1930-х гг.). СПб., 2000. С. 508–514.

⁹⁰ РГАСПИ. Ф 17. Оп. 114. Д. 633. Л. 3–4.

⁹¹ *Охотин Н., Рогинский А.В.* Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. // И.Л. Щербакова. Наказанный народ. М., 1999; *Петров Н.В., Рогинский А.В.* Польская операция НКВД 1937–1938 гг. // *Гурьянов А.Е.* Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997.

республику, но проживали за ее пределами (например, татарские школы в районах, прилегающих к Татарской АССР). То есть упразднение школ и районов проживания диаспорных меньшинств не способствовало национализации отдельных этнических районов в различных республиках СССР⁹². Скорее, эти меры депортации и упразднения институтов меньшинств были направлены на *национализацию советского населения и территории в целом*. Сталинское руководство все больше занимало позицию национализирующегося государства и стремилось сформировать нечто вроде советского национального сообщества, как это делали его западные соседи на протяжении более десяти лет. Это стремление далее подтверждено тем шагом, который режим предпринял четыре месяца спустя.

В марте 1938 г. Сталин ввел обязательное обучение на русском языке во всех нерусских школах⁹³. Теперь требовался не только русский язык, но и были введены всеобщее расписание и учебная программа для всех школ, независимо от языка, на котором они работали. Хотя это не привело к отмене принципа родного языка как средства обучения, это, действительно, означало новый приоритет. Данная мера привела советскую политику в соответствие с аналогичной политикой восточноевропейских национальных государств, которые требовали преподавания общего языка в качестве предмета в своих школах. Фактически, право на это было включено в сами договоры о меньшинствах. Эта мера была осуществлена, однако не потому что русский язык был языком правящей нации государства, но потому, что общий язык был необходим для эффективного функционирования современной экономики, государства и армии. Сам Сталин на пленуме ЦК ВКП(б) так представлял эту идею: «Есть у нас один язык, на котором могут изъясняться все граждане СССР более или менее, – это русский язык. Поэтому, мы пришли к тому, чтобы он был обязательным. Хорошо было бы, если бы все призываемые в армию граждане мало-мальски изъяснялись бы на русском языке, чтобы, передвигая какую-нибудь дивизию, скажем, Узбекскую в Самару, чтобы она могла с населением объясняться»⁹⁴.

Закон, лично отредактированный самим Сталиным, отражал эту идею еще более прямолинейно: «В условиях многонационального государства, каковым является СССР, знание русского языка должно явиться мощным средством связи и общения между народами СССР, способствующим их дальнейшему хозяйственному и культурному росту»⁹⁵. Здесь мы видим логику национализирующего государства. Возможно, это, действительно, так, как утверждают Терри Мартин и другие, что советское руководство никогда не намеревалось превратить Советский Союз в национальное государство или создать советскую нацию; но после

⁹² Blitstein P.A. Stalin's Nations... P. 164–167.

⁹³ Blitstein P.A. Nation-Building or Russification? Obligatory Russian Instruction in the Soviet Non-Russian School, 1938–1953 // R.G. Suny, T. Martin. *A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin*. New York, 2001. P. 253–274; Переиздание на русском: *Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина*. М., 2011.

⁹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 628. Л. 121–122.

⁹⁵ Там же. Оп. 3. Д. 997. Л. 103.

середины 1930-х гг. данная политика все больше напоминала политику национализирующихся восточноевропейских соседей.

Конечно, сталинский режим не полностью отвернулся от политики коренизации, которую он принял в начале 1920-х гг. Напротив, она была продолжена, хотя более спокойно и для более ограниченного спектра этнических общностей, в основном из союзных и автономных республик. Коренизация была идеологически подкреплена утверждением Сталина о том, что могут существовать социалистические нации, которые будут продолжать развиваться⁹⁶.

Таким образом, к 1938 г. советская национальная политика стала своеобразным гибридом противоречивых практик. Если в восточноевропейских государствах коренизация политической и экономической элиты и национализация «номинальной государственной нации» шли рука об руку для продвижения национальной революции, то, в конечном счете, в Советском Союзе коренизация для различных нерусских народов все больше вступала в конфликт с политикой советской национализации.

В африканских колониях Франции и Великобритании коренизация в «колониальном стиле» также была альтернативой национализации; ни та, ни другая держава не стремились превратить колониальные территории в нечто вроде наций. Однако попытка сохранить африканское общество в межвоенный период оказалась тупиковой и начала разваливаться во второй половине 1930-х гг. После Второй мировой войны колониальная политика все больше оправдывала себя, поощряя схемы экономического и культурного развития и, в случае Великобритании, самоуправления как школы будущей независимости⁹⁷. Это определило судьбу непрямого управления, и ассоциации, которые, как теперь признано, не могли быть предшественниками современности. Как только колониальные державы решили, что их смыслом существования является развитие, они все чаще обращались (как это было в СССР много лет назад) к национализации, а не к колониальному решению проблемы культурного разнообразия. Они делали это двумя способами, которые по случайному совпадению повторили советские методы⁹⁸.

Англичане, опираясь на модель Содружества, созданную для «белых» колоний поселения, передали власть африканским колониальным государствам, которые все больше управлялись самими африканцами (англичане называли это «африканизацией», но принцип был похож на советскую коренизацию, а не на то, что я назвал колониальной коренизацией). Этот процесс также, в конечном итоге, включал движение власти вверх: от местных институтов непрямого управления

⁹⁶ *Сталин И.В.* Национальный вопрос и ленинизм // И.В. Сталин. Сочинения. М., 1949. Т. 11. С. 333–355; *Martin T.* Affirmative Action Empire... P. 442–451; *Slezkine Y.N.* Ia. Marr and the National Origins of Soviet Ethnogenetics // *Slavic Review*. 1996. Vol. 55. № 4. P. 826–861.

⁹⁷ *Cooper F.* Africa since 1940: The Past of the Present. New York, 2002; *Hargreaves J.D.* Decolonization in Africa. London, 1988; *Chafer T.* The End of Empire in French West Africa: France's Successful Decolonization? Oxford, 2002.

⁹⁸ Я не утверждаю, что советская национальная политика была предшественником этой колониальной политики. Но логика управления культурным разнообразием в современных условиях, безусловно, предлагала ограниченные возможности, и при выборе доступной альтернативы колониальные державы двигались в направлении советской модели.

к формирующимся национальным институтам колониального государства. В течение десятилетия после Второй мировой войны французы стремились убедить себя и своих африканских подданных в том, что они могут быть и будут интегрированы в единое культурное и политическое пространство (Французский союз)⁹⁹. И хотя африканские политики быстро адаптировались к потенциалу интеграции, вскоре стало очевидно, что такой подход будет слишком дорогостоящим и будет угрожать «колонизацией колонизатора»; от него отказались в пользу передачи власти и формальной независимости¹⁰⁰. В обоих случаях Советский Союз межвоенного периода косвенно показал англичанам и французам будущие возможности их собственных колониальных империй – либо культурное единство через национализацию (первоначальный французский подход), либо национальное самоопределение через коренизацию (британский подход, а в конечном счете и французский).

Если мы кратко рассмотрим альтернативные колониальные и национальные подходы к управлению культурным разнообразием в межвоенный период, то обнаружим, что все они были ориентированы на будущее государство, но только восточные европейцы имели четкое представление о том, как оно будет выглядеть. «Подлинное» восточноевропейское национальное государство, возможно, было утопическим проектом с точки зрения 1918 г., но к 1945 г. оно стало достижимой целью в результате геноцида и этнической чистки, а не мирной интеграции, предусмотренной великими державами. Действительно, как утверждает Иштван Дик, это, возможно, был единственный «подлинный успех» этих государств¹⁰¹. В случае с Великобританией не прямое управление теоретически постепенно привело бы африканцев к их собственной версии современности; однако точная природа этой современности так и не была разъяснена. В 1918 г. Лугард ясно дал понять, что «какой бы ни была эволюция будущего, не может быть никаких сомнений, кроме того, что британское руководство и контроль будут необходимы в течение многих лет – возможно, поколений – в будущем»¹⁰². Французы были одновременно более прямыми и более уклончивыми в отношении будущего. Целью их цивилизаторской миссии могла быть только французская современность, но как африканцы достигнут этой цели через ассоциацию, так и осталось неясным. Что касается Советского Союза, то его конечная цель была ясна – коммунистическое общество, в котором исчезли бы этнические особенности. Сам Сталин относил это к тому времени, когда социализм одержит победу в мировом масштабе¹⁰³. Как и в случае колониальной политики Великобритании и Франции, советская конечная точка находилась так далеко в будущем, что давала мало ориентиров для политики.

⁹⁹ *Dimier V.* For a Republic 'Diverse and Indivisible'? France's Experience from the Colonial Past // *Contemporary European History*. 2004. Vol. 13. № 1. P. 53–55.

¹⁰⁰ *Cooper F.* Africa since 1940... P. 77–80.

¹⁰¹ *Deak I.* How to Construct a Productive, Disciplined, Monoethnic Society: The Dilemma of East Central European Governments, 1914–1956 // *A. Weiner. Landscaping the Human Garden: 20th Century Population Management in a Comparative Frame-work*. Stanford, 2003. P. 206.

¹⁰² *Lugard L.* Lugard's Political Memoranda (1918) // *A.H. M. Kirk-Greene. The Principles of Native Administration in Nigeria: Selected Documents, 1900–1947*. London, 1965. P. 76.

¹⁰³ *Сталин И.В.* Сочинения. С. 348.

Почти три десятилетия спустя, после появления книги «Местное управление в Нигерии», Перхам отметила, что британские колониальные управленцы не были «ни на самом деле, ни в их собственной оценке... гончарами, которые лепят людей. Они больше походили на портных, пытающихся сделать так, чтобы “одежда” их управления соответствовала беспокойным, разнородным и быстро растущим формам их африканских подопечных»¹⁰⁴. Напротив, советские управленцы стремились создать что-то новое. В начале этой статьи я задавал вопрос: что плохого в том, что узбекские комсомольцы носят национальную одежду и что они должны носить вместо этого? Простой ответ заключается в том, что они будут носить русскую или, как многие, вероятно, назвали бы ее в то время, европейскую одежду. Еще до того, как русские стали первыми среди равных в Советском многонациональном государстве конца 1930-х гг., их поведение и культурные нравы «считались в значительной степени прозрачными, лишёнными смысла и, следовательно, равными современности»¹⁰⁵. Действительно, упомянутый выше узбекский чиновник считал, что роль комсомола в Узбекистане состоит в том, чтобы привить «новую европейскую обстановку в Узбекистане», чтобы люди стали «действительно, культурными и социалистическими»¹⁰⁶. Дискурс такого рода убедил некоторых в колониальном характере советской национальной политики в Центральной Азии¹⁰⁷. Стивен Коткин в той же статье, в которой он призывает к сравнительному изучению СССР, утверждает, что «Советский Союз был колониальным проектом – с некоторым отличием»¹⁰⁸. Коткин видит эту разницу в стремлении сделать нацию и империю совместимыми, а не противоречащими друг другу. И все же, как следует из приведенных мною сравнений, советский проект был, в конечном счете, ориентирован на универсальную современность, в отличие от тех, что существовали в межвоенной колониальной Африке. Если Советский Союз, действительно, был колониальным проектом, то он был настолько своеобразен, что был поднят вопрос, стоит ли его таковым называть. Колониальные проекты 1920-х и 1930-х гг. прославляли эмиров в их широких одеяниях; они их не осуждали.

Не менее важной, принципиальной чертой изменения национальной политики СССР в середине 1930-х гг. были *национализация* (хотя и не националистическая), и это приблизило СССР к его восточноевропейским соседям. Хотя политика подавления этнических меньшинств и введения обязательного обучения на русском языке может казаться аспектом советского (или даже российского) империализма, рассмотрение ее в сравнительной перспективе показывает, что советская

¹⁰⁴ *Perham M.* Foreword // A.H. M. Kirk-Greene. *The Principles of Native Administration in Nigeria: Selected Documents, 1900–1947*. London, 1965. P. 12

¹⁰⁵ *Slezkine Y.N.* Imperialism as the Highest Stage of Socialism // *Russian Review*. 2000. Vol. 59. № 2. P. 231; *Payne M.J.* The Forge of the Kazakh Proletariat? The Turksib, Nativization, and Industrialization during Stalin’s First Five-Year Plan // R.G. Suny, T. Martin. *A State of Nations...* P. 223–252.

¹⁰⁶ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 2. Д. 134. Л. 48–49.

¹⁰⁷ *Michaels P.* Curative Powers: Medicine and Empire in Stalin’s Central Asia. Pittsburgh, 2003; *Northrop D.* Veiled Empire: Gender and Power in Stalinist Central Asia. Ithaca, 2004.

¹⁰⁸ *Kotkin S.* Modern Times: The Soviet Union and the Interwar Conjecture // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2002. Vol. 2. № 1. P. 152.

политика, в конечном счете, стала практически идентичной политике ее соседей. Советское государство становилось национализирующимся государством, противостоящим разнородному обществу, а не тем «ненациональным» государством, которое изначально создали Ленин и Сталин. Каким образом это государство примирится со своими многочисленными развивающимися социалистическими нациями, было проблемой будущего (и, в конечном счете, она не была решена). Но ясно одно было: в таком государстве не было места подданным, которые носили «штаны из десяти метров мануфактуры».

Рукопись поступила: 18 октября 2019 г.

Submitted: 18 October 2019

Библиографический список

- Волгогонов Д.* Триумф и трагедия: политический портрет И.В. Сталина. М.: Новости, 1989. 310 с.
- Кен О.Н., Рупасов А.И.* Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920–1930-х гг.). СПб.: Европейский дом, 2000. 350 с.
- Охотин Н., Рогинский А.В.* Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. // И.Л. Щербакова. Наказанный народ. М.: Звенья, 1999. С. 35–74.
- Петров Н.В., Рогинский А.В.* Польская операция НКВД 1937–1938 гг. // *Гурьянов А.Е.* Репрессии против поляков и польских граждан. М.: Звенья, 1997. С. 30–45.
- Сталин И.В.* Национальный вопрос и Ленинизм // *Сочинения.* М.: Государственное издательство политической литературы, 1949. Т. 11. С. 333–355.
- Сталин И.В.* *Сочинения.* М.: Государственное издательство политической литературы, 1949. Т. 11. 540 с.
- Augustinos G.* The National Idea in Eastern Europe: The Politics of Ethnic and Civic Community. Lexington: D.C. Heath, 1996. 211 p.
- Barkey K., Hagen M. von.* After Empire: Multiethnic Societies and Nation-Building. The Soviet Union and the Russian, Ottoman, and Habsburg Empires. Boulder, Colo.: Westview Press, 1997. 200 p.
- Banac I.* The National Question in Yugoslavia: Origins, History, Politics. Ithaca: Cornell University Press, 1984. 456 p.
- Berend I.T.* Decades of Crisis: Central and Eastern Europe before World War II. Berkeley: University of California Press, 1998. 485 p.
- Benton L.A.* Law and Colonial Cultures: Legal Regimes in World History, 1400–1900. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 285 p.
- Blank S.* The Sorcerer as Apprentice: Stalin as Commissar of Nationalities, 1917–1924. Westport: Greenwood Press, 1994. 295 p.
- Blitstein P.A.* Stalin's Nations: Soviet Nationality Policy between Planning and Primordialism, 1936–1953. PhD diss. University of California, Berkeley, 1999. 566 p.
- Blitstein P.A.* Nation-Building or Russification? Obligatory Russian Instruction in the Soviet Non-Russian School, 1938–1953 // R.G. Suny, T. Martin. A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin. New York: Oxford University Press, 2001. P. 253–274.
- Brubaker R.* Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 350 p.
- Burroughs P.* Imperial Institutions and the Government of Empire // A. Porter. The Oxford History of the British Empire. The Nineteenth Century. New York: OUP Oxford, 1999. P. 180–210.
- Cameron D.* The Principles of Native Administration and Their Application. Lagos: Government Printer, 1934. 210 p.
- Cameron D.* Native Administration in Tanganyika and Nigeria // *Journal of the Royal African Society.* 1937. Vol. 36. № 145. P. 3–29.

- Chafar T.* Teaching Africans to Be French? France's 'Civilizing Mission' and the Establishment of a Public Education System in French West Africa, 1903–1930 // *Africa*. 2001. Vol. 56. № 2. P. 190–209.
- Chafar T.* The End of Empire in French West Africa: France's Successful Decolonization? Oxford: Berg, 2002. 264 p.
- Carrere d'Encausse H.* The Great Challenge: Nationalities and the Bolshevick State, 1917–1930. New York: Holmes & Meier, 1992. 262 p.
- Connor W.* Nation-Building or Nation-Destroying? // *World Politics*. 1972. № 24. P. 319–355.
- Conklin A.L.* A Mission to Civilize: The Republican Idea of Empire in France and West Africa, 1895–1930. Stanford: Stanford University Press, 1997. 384 p.
- Cooper F.* Decolonization and African Society: The Labor Question in French and British Africa. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 677 p.
- Cooper F.* Africa since 1940: The Past of the Present. New York: Cambridge University Press, 2002. 230 p.
- Cell J.W.* Colonial Rule // J.M. Brown, W.R. Louis. The Oxford History of the British Empire. The Twentieth Century. New York: OUP Oxford, 1999. P. 304–319.
- Crowder M.* Indirect Rule-French and British Style // R.O. Collins. Historical Problems of Imperial Africa. Princeton: Markus Wiener, 1994. P. 212–243.
- Crowder M.* West Africa under Colonial Rule. Evanston: Hutchinson, 1968. 540 p.
- Dawisha K., Parrott B.* The End of Empire? The Transformation of the USSR in Comparative Perspective. Armonk: M.E. Sharpe, 1997. 374 p.
- Dimier V.* For a Republic 'Diverse and Indivisible'? France's Experience from the Colonial Past // *Contemporary European History*. 2004. Vol. 13. № 1. P. 53–55.
- Deak I.* How to Construct a Productive, Disciplined, Monoethnic Society: The Dilemma of East Central European Governments, 1914–1956 // A. Weiner. Landscaping the Human Garden: 20th Century Population Management in a Comparative Framework. Stanford: Stanford University Press, 2003. P. 205–218.
- Fink C.* Defending the Rights of Others: The Great Powers, the Jews, and International Minority Protection, 1878–1938. Cambridge: Cambridge University, 2004. 420 p.
- Flint J.* Planned Decolonization and Its Failure in British Africa // *African Affairs*. 1983. Vol. 82. № 328. P. 389–411.
- Finney P.B.* An Evil for All Concerned': Great Britain and Minority Protection after 1919 // *Journal of Contemporary History*. 1995. Vol. 30. № 3. P. 533–551.
- Gellner E.* The Political Thought of Bronislaw Malinowski // *Current Anthropology*. 1987. Vol. 28, № 4. P. 557–559.
- Genova J.E.* Conflicted Missionaries: Power and Identity in French West Africa during the 1930s // *The Historian*. 2004. Vol. 66. № 1. P. 45–66.
- Gifford P., Weiskel T.C.* African Education in a Colonial Context: French and British Styles // P. Gifford, W.R. Louis. France and Britain in Africa: Imperial Rivalry and Colonial Rule. New Haven: Yale University Press, 1971. P. 663–711.
- Hargreaves J.D.* Decolonization in Africa. London: Longman, 1988. 263 p.
- Hagen W.W.* Before the 'Final Solution': Toward a Comparative Analysis of Political Anti-Semitism in Interwar Germany and Poland // *Journal of Modern History*. 1996. Vol. 68. № 2. P. 351–381.
- Hailey L.* An African Survey. London: Oxford University Press, 1938. 28 p.
- Holquist P.* Information Is the Alpha and Omega of Our Work': Bolshevik Surveillance in Its Pan-European Context // *Journal of Modern History*. 1997. Vol. 69. № 3. P. 415–450.
- Hoffmann D.L.* Mothers in the Motherland: Stalinist Pronatalism in Its Pan-European Context // *Journal of Social History*. 2000. Vol. 34. № 1. P. 35–54.

- Hirsch F.* Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of Soviet Union. Ithaca: Cornell University Press, 2005. 392 p.
- Hirsch F.* Toward an Empire of Nations: Border-Making and the Formation of Soviet National Identities // *Russian Review*. 2000. Vol. 59. № 2. P. 202–225.
- Iiffe J.* A Modern History of Tanganyika. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. 616 p.
- Kolarz W.* Russia and Her Colonies. New York: Frederick A. Praeger, 1953. 334 p.
- Korzec P.* The Minority Problem of Poland, 1919–1939 // S. Vilfan. Ethnic Groups and Language Rights. New York: Dartmouth Publishing Co, 1993. P. 120 – 135.
- Kotkin S.* Modern Times: The Soviet Union and the Interwar Conjunction // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2002. Vol. 2. № 1. P. 110–160.
- Kelly G.P.* The Presentation of Indigenous Society in the Schools of French West Africa and Indochina, 1918–1938 // *Comparative Studies in Society and History*. 1984. Vol. 26. № 3. P. 523–542.
- Kirk-Greene A.H. M.* Introduction // A.H. M. Kirk-Greene. The Principles of Native Administration in Nigeria: Selected Documents, 1900–1947. London: Oxford University Press, 1965. P. 1–43.
- Kuklick H.* The Savage Within: The Social History of British Anthropology, 1885–1945. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. 325 p.
- Lampe J.R.* Yugoslavia as History: Twice There Was a Country. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 441 p.
- Louis W.R.* Historians I Have Known // *Perspectives*. 2001. Vol. 39. № 5. P. 15–47.
- Low D. A., Pratt R.C.* Buganda and British Overrule, 1900–1955. London: Oxford University Press, 1960. 373 p.
- Lieven D.* Empire: The Russian Empire and Its Rivals. New Haven: Yale University Press, 2001. 486 p.
- Livezeanu I.* Cultural Politics in Greater Romania: Regionalism, Nation Building and Ethnic Struggle, 1918–1930. Ithaca: Cornell University Press, 1995. 340 p.
- Liber G.O.* Soviet Nationality Policy, Urban Growth, and Identity Change in the Ukrainian SSR, 1923–1934. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 316 p.
- Liulevicius V.G.* War Land on the Eastern Front: Culture, National Identity, and German Occupation in World War I. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 121 p.
- Levene M.* Nationalism and Its Alternatives in the International Arena: The Jewish Question at Paris, 1919 // *Journal of Contemporary History*. 1993. Vol. 28. P. 511–531.
- Link A.S.* The Deliberations of the Council of Four (March 24–June 28, 1919): Notes of the Official Interpreter, Paul Mantoux. Princeton: Princeton University Press, 1992. 692 p.
- Lugard L.* Education and Race Relations // *Journal of the Royal African Society*. 1933. Vol. 32. № 126. P. 1–11.
- Lugard L.* The Dual Mandate in British Tropical Africa. Hamden: Cass, 1965. 696 p.
- Lugard L.* Lugard's Political Memoranda (1918) // A.H. M. Kirk-Greene. The Principles of Native Administration in Nigeria: Selected Documents, 1900–1947. London: Oxford University Press, 1965. P. 68–149.
- Macartney C.A.* National States and National Minorities. London: Oxford University Press, 1934. 572 p.
- Macartney C.A.* Hungary and Her Successors: The Treaty of Trianon and Its Consequences, 1919–1937. London: Oxford University Press, 1937. 504 p.
- Mair L.P.* The Protection of Minorities: The Working and Scope of the Minorities Treaties under the League of Nations. London: Oxford University Press, 1928. 270 p.
- Mair L.P.* Colonial Administration as Science // *Journal of the Royal African Society*. 1933. Vol. 32. № 129. P. 350–370.
- Mair L.* Anthropology and Colonial Policy // *African Affairs*. 1975. Vol. 74. № 295. P. 191–195.
- Malcolm N.* Kosovo: A Short History. New York: Macmillan, 1998. 492 p.

- Mamdani M.* Citizen and Subject: Contemporary Africa and the Legacy of Late Colonialism. Princeton: Princeton University Press, 1996. 384 p.
- Mainmdani M.* Historicizing Power and Responses to Power: Indirect Rule and Its Reform // *Social Research*. 1999. Vol. 66. № 3. P. 859–886.
- Martin P.M.* Contesting Clothes in Colonial Brazzaville // *Journal of African History*. 1994. Vol. 35. P. 401–426.
- Martin T.* The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca: Cornell University Press, 2001. 496 p.
- Martin T.* The Soviet Union as Empire: Salvaging a Dubious Analytical Category // *Ab Imperio*. 2002. № 2. P. 143–186.
- Mendelsohn E.* Jews of East Central Europe between the World Wars. Bloomington: Indiana University Press, 1983. 300 p.
- Michaels P.* Curative Powers: Medicine and Empire in Stalin's Central Asia. Pittsburgh: University of Pittsburgh, 2003. 264 p.
- Mitter W.* German Schools in Czechoslovakia, 1918–1938 // J. Tomiak. Schooling, Educational Policy Ethnic Identity. New York: New York University Press, 1991. P. 211–232.
- Miller D.E.* Colonizing the Hungarian and German Border Areas during the Czechoslovak Land Reform, 1918–1938 // *Austrian History Yearbook*. 2003. Vol. 34. P. 303–317.
- Northrop D.* Veiled Empire: Gender and Power in Stalinist Central Asia. Ithaca: Cornell University Press, 2004. 392 p.
- Pablo de Azcirate.* League of Nations and National Minorities: An Experiment. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 1945. 216 p.
- Perham M.* Native Administration in Nigeria. London: Oxford University Press, 1937. 317 p.
- Perham M.* Lugard: The Years of Authority, 1898–1945. London: Collins, 1960. 748 p.
- Perham M.* Foreword // A.H. M. Kirk-Greene. The Principles of Native Administration in Nigeria: Selected Documents, 1900–1947. London: Oxford University Press, 1965. P. 3–45.
- Perham M.* Some Problems of Indirect Rule in Africa // *Journal of the Royal African Society*. 1934. Vol. 34. № 135. P. 1–23.
- Polonsky A.* Politics in Independent Poland, 1921–1939: The Crisis of Constitutional Government. Oxford: Oxford University Press, 1972. 572 p.
- Phillips A.* The Enigma of Colonialism: British Policy in West Africa. Bloomington: Indiana University Press, 1989. 184 p.
- Pipes R.* The Formation of the Soviet Union: Communism and nationalism, 1917–1923. Cambridge: Harvard University Press, 1964. 365 p.
- Raitz von Frenzt Ch.* Lesson Forgotten: Minority Protection under the League of Nations. The Case of the German Minority in Poland, 1920–1934. New York: Verlag Münster, 1999. 290 p.
- Raymond F.* Betts, Assimilation and Association in French Colonial Theory, 1890–1914. New York: Columbia University Press, 1961. 224 p.
- Roshwald A.* Ethnic Nationalism and the Fall of Empires: Central Europe, Russia, and the Middle East, 1914–1923. London: Routledge, 2001. 273 p.
- Rossos A.* The British Foreign Office and Macedonian National Identity, 1918–1941 // *Slavic Review*. 1994. Vol. 53. № 2. P. 369–394.
- Rudolph R.L., Good D.F.* Nationalism and Empire: The Habsburg Empire and the Soviet Union. New York: Richard L. Rudolph and David F. Good, 1992. 313 p.
- Rothschild J.* East Central Europe between the Two World Wars. Seattle: University of Washington Press, 1874. 438 p.
- Sayer D.* The Coasts of Bohemia: A Czech History. Princeton: Princeton University Press, 1998. 442 p.
- Skocpol T.* States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia, and China. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. 407 p.

- Smith A., Bull M. Margery Perham and British Rule in Africa. Totowa: Psychology Press, 1991. 243 p.
- Smith J. The Bolsheviks and the National Question, 1917–1923. New York: St. Martin's Press, 1999. 281 p.
- Slezkine Y. The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // *Slavic Review*. 1994. Vol. 53. № 2. P. 414–452.
- Slezkine Y. N. Ia. Marr and the National Origins of Soviet Ethnogenetics // *Slavic Review*. 1996. Vol. 55. № 4. P. 826–861.
- Slezkine Y. Imperialism as the Highest Stage of Socialism // *Russian Review*. 2000. Vol. 59. № 2. P. 227–234.
- Spear T. Neo-Traditionalism and the Limits of Invention in British Colonial Africa // *Journal of African History*. 2003. Vol. 44. № 1. P. 150–170.
- Suny R.G. *The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union*. Stanford: Stanford University Press, 1993. 200 p.
- Tomiak J. Education of the Non-Dominant Ethnic Groups in the Polish Republic, 1918–1939 // J. Tomiak. *Schooling, Educational Policy Ethnic Identity*. New York: New York University Press, 1991. P. 185–209.
- Vail L. *The Creation of Tribalism in Southern Africa*. Berkeley: University of California Press, 1989. 442 p.
- Wilder G. Colonial Ethnology and Political Rationality in French West Africa // *History and Anthropology*. 2003. Vol. 14. № 3. P. 219–252.
- Young C. *The African Colonial State in Comparative Perspective*. New Haven: Yale University Press, 1994. 368 p.

References

- Augustinos, G. *The National Idea in Eastern Europe: The Politics of Ethnic and Civic Community*. Lexington: D.C. Heath, 1996.
- Barkey, K., and Hagen, M. von. *After Empire: Multiethnic Societies and Nation-Building. The Soviet Union and the Russian, Ottoman, and Habsburg Empires*. Boulder, Colo.: Westview Press, 1997.
- Banac, I. *The National Question in Yugoslavia: Origins, History, Politics*. Ithaca: Cornell University Press, 1984.
- Berend, I.T. *Decades of Crisis: Central and Eastern Europe before World War II*. Berkeley: University of California Press, 1998.
- Benton, L.A. *Law and Colonial Cultures: Legal Regimes in World History, 1400–1900*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Blank, S. *The Sorcerer as Apprentice: Stalin as Commissar of Nationalities, 1917–1924*. Westport: Greenwood Press, 1994.
- Blitstein, P.A. *Stalin's Nations: Soviet Nationality Policy between Planning and Primordialism, 1936–1953*. PhD duss. University of California, Berkeley, 1999.
- Blitstein, P.A. “Nation-Building or Russification? Obligatory Russian Instruction in the Soviet Non-Russian School, 1938–1953.” In R.G. Suny, T. Martin. *A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin*, 253–274. New York: Oxford University Press, 2001.
- Brubaker, R. *Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- Burroughs, P. “Imperial Institutions and the Government of Empire.” In A. Porter. *The Oxford History of the British Empire. The Nineteenth Century*, 180–210. New York: OUP Oxford, 1999.
- Cameron, D. *The Principles of Native Administration and Their Application*. Lagos: Government Printer, 1934.
- Cameron, D. “Native Administration in Tanganyika and Nigeria.” *Journal of the Royal African Society* 36, no. 145 (1937): 3–29.

- Chafer, T. "Teaching Africans to Be French? France's 'Civilizing Mission' and the Establishment of a Public Education System in French West Africa, 1903–1930." *Africa* 56, no. 2 (2001): 190–209.
- Chafer, T. *The End of Empire in French West Africa: France's Successful Decolonization?* Oxford: Berg, 2002.
- Carrere d'Encausse, H. *The Great Challenge: Nationalities and the Bolshevik State, 1917–1930*. New York: Holmes & Meier, 1992.
- Connor, W. "Nation-Building or Nation-Destroying?" *World Politics*, no. 24 (1972): 319–355.
- Conklin, A.L. *A Mission to Civilize: The Republican Idea of Empire in France and West Africa, 1895–1930*. Stanford: Stanford University Press, 1997.
- Cooper, F. *Decolonization and African Society: The Labor Question in French and British Africa*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- Cooper, F. *Africa since 1940: The Past of the Present*. New York: Cambridge University Press, 2002.
- Cell, J.W. "Colonial Rule." In J.M. Brown, W.R. Louis. *The Oxford History of the British Empire. The Twentieth Century*, 304–319. New York: OUP Oxford, 1999.
- Crowder, M. "Indirect Rule-French and British Style." In R.O. Collins. *Historical Problems of Imperial Africa*, 212–243. Princeton: Markus Wiener Publ., 1994.
- Crowder, M. *West Africa under Colonial Rule*. Evanston: Hutchinson, 1968.
- Dawisha, K., Parrott B. *The End of Empire? The Transformation of the USSR in Comparative Perspective*. Armonk: M.E. Sharpe, 1997.
- Dimier, V. "For a Republic 'Diverse and Indivisible'? France's Experience from the Colonial Past." *Contemporary European History* 13, no. 1 (2004): 53–55.
- Deak, I. "How to Construct a Productive, Disciplined, Monoethnic Society: The Dilemma of East Central European Governments, 1914–1956." In A. Weiner. *Landscaping the Human Garden: 20th Century Population Management in a Comparative Framework*, 205–218. Stanford: Stanford University Press, 2003.
- Fink, C. *Defending the Rights of Others: The Great Powers, the Jews, and International Minority Protection, 1878–1938*. Cambridge: Cambridge University, 2004.
- Flint, J. "Planned Decolonization and Its Failure in British Africa." *African Affairs* 83, no. 328 (1983): 389–411.
- Finney, P.B. "An Evil for All Concerned': Great Britain and Minority Protection after 1919." *Journal of Contemporary History* 30, no. 3 (1995): 533–551.
- Gellner, E. "The Political Thought of Bronislaw Malinowski." *Current Anthropology* 28, no. 4 (1987): 557–559.
- Genova, J.E. "Conflicted Missionaries: Power and Identity in French West Africa during the 1930s." *The Historian* 66, no. 1 (2004): 45–66.
- Gifford, P., and Weiskel, T.C. "African Education in a Colonial Context: French and British Styles." In P. Gifford, W.R. Louis. *France and Britain in Africa: Imperial Rivalry and Colonial Rule*, 663–711. New Haven: Yale University Press, 1971.
- Hargreaves, J.D. *Decolonization in Africa*. London: Longman Publ., 1988.
- Hagen, W.W. "Before the 'Final Solution': Toward a Comparative Analysis of Political Anti-Semitism in Interwar Germany and Poland." *Journal of Modern History* 68, no. 2 (1996): 351–381.
- Hailey, L. *An African Survey*. London: Oxford University Press, 1938.
- Holquist, P. "Information Is the Alpha and Omega of Our Work': Bolshevik Surveillance in Its Pan-European Context." *Journal of Modern History* 69, no. 3 (1997): 415–450.
- Hoffmann, D.L. "Mothers in the Motherland: Stalinist Pronatalism in Its Pan-European Context." *Journal of Social History* 34, no. 1 (2000): 35–54.
- Hirsch, F. *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of Soviet Union*. Ithaca: Cornell University Press, 2005.
- Hirsch, F. "Toward an Empire of Nations: Border-Making and the Formation of Soviet National Identities." *Russian Review* 59, no. 2 (2000): 202–225.
- Pliffe, J. *A Modern History of Tanganyika*. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.

- Ken, O.N., and Rupasov, A.I. *Politbyuro TSK VKP(b) i otnosheniya SSSR s zapannymi sosednimi gosudarstvami (konets 1920–1930kh gg.)*. St. Petersburg: Yevropeyskiy dom Publ., 2000 (in Russian).
- Kolarz, W. *Russia and Her Colonies*. New York: Frederick A. Praeger, 1953.
- Korzec, P. “The Minority Problem of Poland, 1919–1939.” In S. Vilfan. *Ethnic Groups and Language Rights*, 120–135. New York: Dartmouth Publishing C°, 1993.
- Kotkin, S. “Modern Times: The Soviet Union and the Interwar Conjuncture.” *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 2, no. 1 (2002): 110–160.
- Kelly, G.P. “The Presentation of Indigenous Society in the Schools of French West Africa and Indochina, 1918–1938.” *Comparative Studies in Society and History* 26, no. 3 (1984): 523–542.
- Kirk-Greene, A.H. “Introduction.” In A.H. M. Kirk-Greene. *The Principles of Native Administration in Nigeria: Selected Documents, 1900–1947*, 1–43. London: Oxford University Press, 1965.
- Kuklick, H. *The Savage Within: The Social History of British Anthropology, 1885–1945*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
- Lampe, J.R. *Yugoslavia as History: Twice There Was a Country*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- Louis, W.R. “Historians I Have Known.” *Perspectives* 39, no. 5 (2001): 15–47.
- Low, D.A., and Pratt, R.C. *Buganda and British Overrule, 1900–1955*. London: Oxford University Press, 1960.
- Lieven, D. *Empire: The Russian Empire and Its Rivals*. New Haven: Yale University Press, 2001.
- Livezeanu, I. *Cultural Politics in Greater Romania: Regionalism, Nation Building and Ethnic Struggle, 1918–1930*. Ithaca: Cornell University Press, 1995.
- Liber, G.O. *Soviet Nationality Policy, Urban Growth, and Identity Change in the Ukrainian SSR, 1923–1934*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
- Liulevicius, V.G. *War Land on the Eastern Front: Culture, National Identity, and German Occupation in World War I*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Levene, M. “Nationalism and Its Alternatives in the International Arena: The Jewish Question at Paris, 1919.” *Journal of Contemporary History* 28 (1993): 511–531.
- Link, A.S. *The Deliberations of the Council of Four (March 24–June 28, 1919): Notes of the Official Interpreter, Paul Mantoux*. Princeton: Princeton University Press, 1992.
- Lugard, L. “Education and Race Relations.” *Journal of the Royal African* 32, no. 126 (1933): 1–11.
- Lugard, L. *The Dual Mandate in British Tropical Africa*. Hamden: Cass, 1965.
- Lugard, L. “Lugard’s Political Memoranda (1918).” In A.H. M. Kirk-Greene. *The Principles of Native Administration in Nigeria: Selected Documents, 1900–1947*, 68–149. London: Oxford University Press, 1965.
- Macartney, C.A. *National States and National Minorities*. London: Oxford University Press, 1934.
- Macartney, C.A. *Hungary and Her Successors: The Treaty of Trianon and Its Consequences, 1919–1937*. London: Oxford University Press, 1937.
- Mair, L.P. *The Protection of Minorities: The Working and Scope of the Minorities Treaties under the League of Nations*. London: Oxford University Press, 1928.
- Mair, L.P. “Colonial Administration as Science.” *Journal of the Royal African Society* 32, no. 129 (1933): 350–370.
- Mair, L. “Anthropology and Colonial Policy.” *African Affairs* 74, no. 295 (1975): 191–195.
- Malcolm, N. *Kosovo: A Short History*. New York: Macmillan, 1998.
- Mamdani, M. *Citizen and Subject: Contemporary Africa and the Legacy of Late Colonialism*. Princeton: Princeton University Press, 1996.
- Mainmdani, M. “Historicizing Power and Responses to Power: Indirect Rule and Its Reform.” *Social Research* 66, no. 3 (1999): 859–886.
- Martin, P.M. “Contesting Clothes in Colonial Brazzaville.” *Journal of African History* 35 (1994): 401–426.
- Martin, T. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca: Cornell University Press, 2001.

- Martin, T. "The Soviet Union as Empire: Salvaging a Dubious Analytical Category." *Ab Imperio*, no. 2 (2002): 143–186.
- Mendelsohn, E. *Jews of East Central Europe between the World Wars*. Bloomington: Indiana University Press, 1983.
- Michaels, P. *Curative Powers: Medicine and Empire in Stalin's Central Asia*. Pittsburgh: University of Pittsburgh, 2003.
- Mitter, W. "German Schools in Czechoslovakia, 1918–1938." In J. Tomiak. *Schooling, Educational Policy Ethnic Identity*, 211–232. New York: New York University Press, 1991.
- Miller, D.E. "Colonizing the Hungarian and German Border Areas during the Czechoslovak Land Reform, 1918–1938." *Austrian History Yearbook* 34 (2003): 303–317.
- Northrop, D. *Veiled Empire: Gender and Power in Stalinist Central Asia*. Ithaca: Cornell University Press, 2004.
- Okhotin, N., and Roginskiy, A.V. "Iz istorii «nemetskoj operatsii» NKVD 1937–1938 gg." In I.L. Shcherbakova. *Nakazannyi narod*, 35–74. Moscow: Zven'ya, 1999 (in Russian).
- Pablo, de Azcirate. *League of Nations and National Minorities: An Experiment*. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 1945.
- Perham, M. *Native Administration in Nigeria*. London: Oxford University Press Publ., 1937.
- Perham, M. *Lugard: The Years of Authority, 1898–1945*. London: Collins, 1960.
- Perham, M. "Foreword." In A.H. M. Kirk-Greene. *The Principles of Native Administration in Nigeria: Selected Documents, 1900–1947*, 3–45. London: Oxford University Press, 1965.
- Perham, M. "Some Problems of Indirect Rule in Africa." *Journal of the Royal African Society* 34, no. 135 (1934): 1–23.
- Petrov, N.V., and Roginskiy, A.V. "Pol'skaya operatsiya NKVD 1937–1938 gg." In A.Ye. Gur'yanov. *Repressii protiv polyakov i pol'skikh grazhdan*, 30–45. Moscow: Zven'ya Publ., 1997 (in Russian).
- Polonsky, A. *Politics in Independent Poland, 1921–1939: The Crisis of Constitutional Government*. Oxford: Oxford University Press, 1972.
- Phillips, A. *The Enigma of Colonialism: British Policy in West Africa*. Bloomington: Indiana University Press, 1989.
- Pipes, R. *The Formation of the Soviet Union: Communism and nationalism, 1917–1923*. Cambridge: Harvard University Press, 1964.
- Raitz von Frenzt, Ch. *Lesson Forgotten: Minority Protection under the League of Nations. The Case of the German Minority in Poland, 1920–1934*. New York: Verlag Münster, 1999.
- Raymond, F. *Betts, Assimilation and Association in French Colonial Theory, 1890–1914*. New York: Columbia University Press, 1961.
- Roshwald, A. *Ethnic Nationalism and the Fall of Empires: Central Europe, Russia, and the Middle East, 1914–1923*. London: Routledge, 2001.
- Rossos, A. "The British Foreign Office and Macedonian National Identity, 1918–1941." *Slavic Review* 53, no. 2 (1994): 369–394.
- Rudolph, R.L., and Good, D.F. *Nationalism and Empire: The Habsburg Empire and the Soviet Union*. New York: Richard L. Rudolph and David F. Good, 1992.
- Rothschild, J. *East Central Europe between the Two World Wars*. Seattle: University of Washington Press, 1874.
- Sayer, D. *The Coasts of Bohemia: A Czech History*. Princeton: Princeton University Press, 1998.
- Skocpol, T. *States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia, and China*. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.
- Smith, A., and Bull, M. *Margery Perham and British Rule in Africa*. Totowa: Psychology Press, 1991.
- Smith, J. *The Bolsheviks and the National Question, 1917–1923*. New York: St. Martin's Press, 1999.
- Slezkine, Y. "The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism." *Slavic Review* 53, no. 2 (1994): 414–452.
- Slezkine, Y. "N.Ia. Marr and the National Origins of Soviet Ethnogenetics." *Slavic Review* 55, no. 4 (1996): 826–861.
- Slezkine, Y. "Imperialism as the Highest Stage of Socialism." *Russian Review* 59, no. 2 (2000): 227–234.

- Spear, T. “Neo-Traditionalism and the Limits of Invention in British Colonial Africa.” *Journal of African History* 44, no. 1 (2003): 150–170.
- Stalin, I.V. “Natsional’nyy vopros i Leninizm.” In *Sochineniya* 11, 333–355. Moscow: Gosudarstvennoye izdatel’stvo politicheskoy literatury Publ., 1949 (in Russian).
- Stalin, I.V. *Sochineniya*. Moscow: Gosudarstvennoye izdatel’stvo politicheskoy literatury Publ., 1949 (in Russian).
- Suny, R.G. *The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union*. Stanford: Stanford University Press, 1993.
- Tomiak, J. “Education of the Non-Dominant Ethnic Groups in the Polish Republic, 1918–1939.” In J. Tomiak. *Schooling, Educational Policy Ethnic Identity, 185–209*. New York: New York University Press, 1991.
- Vail, L. *The Creation of Tribalism in Southern Africa*. Berkeley: University of California Press, 1989.
- Volkogonov, D. *Triumf i tragediya: politicheskyy portret I.V. Stalina*. Moscow: Novosti Publ., 1989 (in Russian).
- Wilder, G. “Colonial Ethnology and Political Rationality in French West Africa.” *History and Anthropology* 14, no. 3 (2003): 219–252.
- Young, C. *The African Colonial State in Comparative Perspective*. New Haven: Yale University Press, 1994.

Информация об авторе / Information about the author

Питер Блитстейн, доктор исторических наук (PhD), доцент кафедры истории, Университет Лоуренса (США).

Peter A. Blitstein, PhD in History, Associate Professor of History at the Department of History, Lawrence University (USA).

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-1-47-62>

Научная статья / Research article

1921 год в истории дискуссии о создании Коми-Пермяцкого округа

М.С. Каменских

Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН; 614001,
Россия, г. Пермь, ул. Ленина, 13а; pomidorrr@mail.ru

1921 in the History of Discussions about the Establishment of the Komi-Permyatsky District

Mikhail S. Kamenskikh

Perm Federal Research Center, Ural Branch of Russian Academy of Sciences,
13 a Lenina St., Perm, 614001 Russia; pomidorrr@mail.ru

Аннотация: В статье на примере дискуссий о создании Коми-Пермяцкого округа проанализированы особенности национально-государственного строительства в РСФСР в 1920-е гг. Статья полностью посвящена одному из поворотных моментов в процессе создания округа – ситуации 1921 года, когда изначально непопулярная идея отделения Пермьяцкого края от Пермской губернии буквально за несколько месяцев получила широкое распространение и популярность в среде местного населения. На основании не публиковавшихся ранее архивных материалов реконструированы обстоятельства и ход дискуссии о будущем Пермьяцкого края в 1921 г. Большую ценность для исследования имели стенограммы закрытого заседания комиссии, выделенной секретариатом ЦК РКП(б) по вопросу о Пермьяцком крае от 15 января 1925 г. Комиссия принимала решение о создании Пермьяцкого края и разбирала ситуацию, сложившуюся на данной территории в 1921 г., которая характеризовалась противостоянием «национального» и «экономического» блоков в большевистском руководстве в процессе районирования. Ситуация также свидетельствует, насколько циничными и бескомпромиссными могли быть способы и методы работы местных органов власти в приграничных спорах. Власти автономной области Коми вели агитацию среди населения Пермьяцкого края за выход из Пермской губернии без согласования с местными органами власти. В свою очередь, власти Пермской губернии развернули масштабную репрессивную кампанию против активистов национально-культурного пермяцкого движения. Таким образом, обман, подкуп, преследования по политическим мотивам стали неотъемлемой частью дискуссии о самоопределении пермяцкого населения. Добиваясь нужных для себя решений «центра», противостоящие стороны не очень прислушивались к его рекомендациям и действовали исходя из соображений личной выгоды. Процесс создания Коми-Пермяцкого округа во многом демонстрирует и сущность ранней советской национальной политики как системы сдержек и противовесов, имеющей целью лояльность населения разных национальностей в рамках советской государственности.

Ключевые слова: национальная политика, Коми-Пермяцкий округ, пермяцкое население, репрессии, агитация, национально-культурное строительство

© Каменских М.С., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Финансирование: Статья публикуется в рамках реализации проекта № 18-6-6-4 «Межэтнические отношения в Прикамье: исторический опыт и современные практики» комплексной программы фундаментальных исследований УрО РАН (Регистрационный номер: ААА-А-18-118021490123-8).

Для цитирования: Каменских М.С. 1921 год в истории дискуссии о создании Коми-Пермяцкого округа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 1. С. 47–62. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-1-47-62>

Abstract: Using the example of discussions on the building of the Komi-Permyak district, the author analyzes the features of national state building in the RSFSR in the 1920s. The article focuses on one of the turning points in the process of establishing the Komi-Permyak district, namely the situation in 1921, when the initially unpopular idea of separating the Permyak region from Perm province unexpectedly became popular among the local population in the course of just a few months. Previously unpublished archival material allows us to assess the course of the discussion about the future of the Permyak region in 1921. Of particular value are the transcripts of a January 1925 closed meeting of a special commission on the Permyak issue; this commission was established on the order of the secretariat of the Central Committee of the Russian Communist Party (Bolsheviks). The commission decided to establish the Permyak region, and analyzed the developments in this territory in 1921. The situation reflected the confrontation between the “national” and “economic” blocs within the Bolshevik leadership in the process of territorial delimitation. The documents furthermore demonstrate that the methods of local authorities relating to border disputes were cynical and uncompromising. The authorities of the Komi autonomous region were agitating among the population of the Permyak region to secede from Perm province without coordinating their activities with the local authorities. In turn, the authorities of Perm province launched a large-scale repressive campaign against activists of the national and cultural Permyak movement. Politically-motivated deception, bribery, and persecution became integral parts of the discussion regarding the self-determination of the Permyak population. While seeking the support of the “center,” the opposing parties did not pay a lot of attention to recommendations from Moscow and acted only in their own interests. The process of building the Komi-Permyak district in many ways demonstrates the essence of the early Soviet national policy as a system of checks and balances aimed at gaining the loyalty of different nationalities under the umbrella of Soviet statehood.

Keywords: National state policy, Komi-Permyatskiy district, permyak people, repressions, agitation, national-state building

Funding: This research was supported by comprehensive research programs of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Registration number: АААА-А18-118021490123-8) within the framework of the project № 18-6-6-4.

For citation: Kamenskikh, Mikhail S. “1921 in the History of Discussions about the Establishment of the Komi-Permyatskiy District.” *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 1 (February 2020): 47–62. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-1-47-62>

Введение

Период 1920-х годов – время активного национально-государственного строительства для всех народов России. В этот период в стране происходили серьезные изменения в административно-территориальном устройстве.

В последние годы интерес к теме национальной политики в СССР 1920-х – 1930-х годов после активных дискуссий 1990-х годов в отечественной историографии несколько снизился. Это обусловлено и завершением введения в научный оборот документов, которые были недоступны в советский период, и достижением консенсуса в научном сообществе по основным вопросам. В отечествен-

ных журналах «Этнографическое обозрение» и «Вестник российской нации» за последние 4 года вышло лишь несколько публикаций, посвященных отдельным «локальным» эпизодам реализации национальной политики¹. Это характерно и для зарубежной историографии. В наиболее авторитетном зарубежном научном журнале о России «*Slavic review*», в частности, с 2014 года вышло только три статьи, опосредованно касавшихся вопросов национальной политики², в то время как статьи об имперском периоде и событиях 1917 года исчисляются десятками. В других зарубежных журналах тема национально-государственного строительства в СССР 1920-х годов также представлена лишь фрагментарно на примере истории отдельных народов³. В настоящий момент проводятся лишь отдельные исследования, касающиеся локальных вопросов, аспектов национальной политики, обобщающих фундаментальных работ практически не издается. Между тем локализация исследований создает условия для более глубокого осмысления национальной политики в СССР в контексте ее реализации на отдельных территориях. Тем более, что в 2019–2021 годах пройдет целая серия 100-летних юбилеев субъектов национально-государственного строительства первых лет советской власти.

В этой ситуации перспективным выглядит направление изучения «конфликтных зон» при определении границ в рамках национально-государственного строительства. Как известно, большевики наделили все народы правом на создание собственной государственности, но появиться она могла только за счет территорий, которые уже существовали до этого. На стадии реализации национальной политики в регионах возникли конфликтные зоны в местах пограничного компактного проживания этнически русского населения и населения других национальностей. Учитывая, что у большевиков не было достаточного количества этнографических знаний об устройстве страны и решения о границах часто принимались в силу самых разных факторов, анализ таких «пограничных конфликтов» в значительной степени характеризует сущность большевистской национальной политики. С этой точки зрения очень показательными являются дискуссии вокруг самоопределения коми-пермяцкого народа, для которого в 1925 году впервые в РСФСР была реализована форма «национального округа», получившая в дальнейшем распространение по всей стране. На примере Коми-Пермяцкого округа

¹ *Рамзанова Д. Ш.* О политическом конструировании советских национальностей и народностей Дагестана (по материалам архивных исследований) // *Этнографическое обозрение*. 2016. № 5. С. 150–166; *Джантеева Д. С.* Национально-государственное строительство на Северном Кавказе: коммуникативное измерение // *Вестник российской нации*. 2018. № 1(59). С. 107–119; *Аманжолова Д.* Центр и регионы в условиях советского национально-государственного строительства в 1920-е гг. // *Вестник российской нации*. 2019. № 2 (64). С. 34–44.

² *Brandenberger D., Zelenov M. V.* Stalin's Answer to the National Question: A Case Study on the Editing of the 1938 Short Course // *Slavic Review*. 2014. № 4. P. 859–880; *Sablin I., Sukhan D.* Regionalisms and Imperialisms in the Making of the Russian Far East, 1903–1926 // *Slavic Review*. 2018. № 2. P. 333–358; *Lenkart J.* Russian Revolutions in Print: The Fate of the Ethnic Press // *Slavic Review*. 2017. № 3. P. 665–664.

³ См. напр.: *Dewhirst M.* (reviewer) *The Vernaculars of Communism: Language, Ideology and Power in the Soviet Union and Eastern Europe* by Petrov, Petre and Ryazanova-Clarke, Lara (eds). // *Canadian Slavonic paper*. 2017. № 2. P. 531–533; *Mogilner M.* *The Jewish Revolution in Belorussia: Economy, Race, and Bolshevik Power* // *Soviet and Post Soviet Review*. 2019. 5 Februaury. P. 71–75.

четко видно противостояние двух партий, «национальной» и «экономической», в вопросах административного переустройства страны.

Отечественные и зарубежные исследователи неоднократно обращались к этому противостоянию, описывая национально-территориальные реформы в СССР в начале 1920-х годов. Так, Ф. Хирш в своей знаменитой монографии «Empire of nations: ethnographic knowledge and the making of the Soviet Union» посвящает отдельный раздел противостоянию «национальной» и «экономической партий» в административных реформах («The National Idea versus Economic Expediency»)⁴. Сосуществование требований националистов о собственной территории и экономистов, ставивших своей целью создание экономически единого государства, является одной из ключевых черт «империи положительной деятельности» в концепции Т. Мартина⁵.

Процесс создания Коми-Пермяцкого округа уже неоднократно изучался российскими и зарубежными исследователями. Автор крупнейшего издания по советской национальной политике последних лет в России В.Г. Чеботарева даже посвящает процессу создания Коми-Пермяцкого округа отдельный раздел своей монографии⁶. Специальный параграф по данной теме выделен и в коллективной монографии «История Коми с древнейших времен до современности», вышедшей в 2011 году в Сыктывкаре⁷. В местной пермской историографии процесс создания Коми-Пермяцкого округа и сопутствующих этому дискуссий представлен в работах ученых А.Е. Коньшина⁸, С.И. Пономарева⁹, М.А. Чугаева¹⁰, Г.Т. Бачева¹¹ и др., а также зарубежных исследователей С. Лаллуки¹² и И. Яатса¹³. На сегодняшний день процесс создания Коми-Пермяцкого округа, первого в стране, досконально изучен. Описаны этапы, действующие лица, классифицированы основные документы.

⁴ Hirsch F. *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca and London, 2005. P. 62.

⁵ Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011. С. 28.

⁶ Чеботарева В.Г. Наркомнац РСФСР: свет и тени национальной политики 1917–1924 гг. М., 2003. С. 173–185.

⁷ История Коми с древнейших времен до современности. Сыктывкар, 2011. Т. 2. С. 281–284.

⁸ Коньшин А. Е. История коми-пермяцкого народа 1917–1940 гг.: Учебное пособие. Кудымкар, 2004.

⁹ Пономарев С.И. Создание национальной государственности коми-пермяцкого народа и ее роль в социалистических преобразованиях края // Труды Московского историко-архивного института. 1970. Т. 28. С. 420–437.

¹⁰ Чугаев М.А. К вопросу об образовании Коми-пермяцкого национального округа // Ученые записки Пермского университета. 1965. № 133. С. 115–125.

¹¹ Бачев Г.Т. Коми-Пермяцкий национальный округ: краткий справочник. 2 издание. Кудымкар, 1975.

¹² Лаллука С. Коми-пермяки и Коми-Пермяцкий округ. История, демографические и этнические процессы. Санкт-Петербург, 2010.

¹³ Jääts I. «The Permiak question»: Bolshevik Central Authorities, Russian and Non-Russian Provincial Elites Negotiating over Autonomy in the Early 1920s // Nationalities Papers. 2012. Vol. 40. № 2. P. 241–257.

Между тем осталось немало вопросов, которые еще ждут своих исследователей, а многие документальные материалы пока не введены в научный оборот. Например, по-прежнему непонятно, что в итоге стало причиной, побудившей центральные власти создать округ на территории только что созданной Уральской области в 1925 году, хотя еще в 1923 году административная комиссия Всесоюзного центрального исполнительного комитета (ВЦИК) постановила отказаться от создания округа, а лоббировавший этот проект Народный комиссариат по делам национальностей (Наркомнац) перестал существовать в 1924 году. Кроме этого, до сих пор нет научного объяснения тому, что произошло в отношениях между властями автономной области Коми и активистами пермского национально-культурного движения в 1922 году, в результате чего пермяцкие активисты отказались от идеи вхождения в автономную область Коми и вышли с инициативой создания собственной автономии¹⁴.

Данная статья также посвящена одному из поворотных моментов в процессе создания округа – ситуации 1921 года, когда изначально непопулярная идея отделения Пермского края от Пермской губернии буквально за несколько месяцев получила широкое распространение в среде местного населения. В имеющейся историографии, на наш взгляд, этот эпизод недостаточно описан.

Немалую ценность для раскрытия данной темы имели материалы Пермского государственного архива социально-политической истории (ПермГАСПИ)¹⁵, Государственного архива Пермского края¹⁶, Коми-Пермского государственного окружного архива¹⁷, а также воспоминания одного из активистов этой дискуссии – Федора Тараканова, который в начале 1990-х годов опубликовал мемуары, раскрывающие создание округа глазами участников этого процесса¹⁸. Важную ценность для работы имели стенограммы закрытого заседания комиссии, выделенной секретариатом ЦК по вопросу о Пермском крае от 15 января 1925 г. Комиссия принимала решение о создании Пермского края и разбирала ситуацию, сложившуюся в данной территории в 1921 году. В заседании этой комиссии участвовали председатель обкома области Коми Е.М. Мишарин, заместитель председателя Уралобисполкома Л.Е. Гольдич, заместитель заведующего организационно-распределительным отделом ЦК ВКП(б) М.М. Хатаевич, председатель окрисполкома Верхнекамского округа Шахов. Кроме этого, в январе 1925 года будущее и статус Пермского края уже были определены, поэтому участники свободно обсуждали

¹⁴ В источниках личного происхождения раскол в рядах пермяцких активистов фиксируется с 1922 года. См.: КПОГА (Коми-Пермский окружной государственный архив). Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 15. Л. 1.

¹⁵ Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ). Ф. 156. Верхне-Камский окружной комитет ВКП (б) Ф. 820. Усольский Уком РКП (б); Ф. 557. Пермский губком РКП(б).

¹⁶ ГАПК (Государственный архив Пермского края). Ф. Р-19. Исполнительный комитет Пермского губернского совета.

¹⁷ КПОГА. Ф. Р-20. Окружной исполнительный комитет совета крестьянских и рабочих депутатов.

¹⁸ *Тараканов Ф. Г.* Борьба за округ. Стихи и воспоминания. Кудымкар, 1990.

наиболее острые вопросы, что повышает репрезентативность источника¹⁹. Изучение новых документов позволило не только по-новому взглянуть на историю создания Коми-Пермяцкого округа, но и глубже осмыслить сам ход и движущие силы национально-территориального устройства РСФСР в 1920-е годы.

Идея территориальной автономии народов коми

Идея автономии для пермяцкого населения, компактно проживающего на северо-западе Пермской губернии, возникла не в Пермском крае, а в создаваемой в 1921 году автономной области Коми, территория которой до 1917 года входила в состав Архангельской и Вологодской губерний. Административным центром местного зырянского населения был город Усть-Сысольск²⁰. Еще в 1918 году сторонники объединения всех финских народов в одной административно-территориальной структуре начали искать поддержки у центральных властей в лице Народного комиссариата по делам национальностей. 14 сентября 1918 года Усть-Сысольский уездный исполком принял решение командировать представителя зырян в Наркомнац, а 25 ноября 1918 года такой отдел был создан²¹. С самого начала существования Наркомнаца представители зырян вошли в его административные структуры. Но из-за начавшейся Гражданской войны никаких конкретных решений относительно зырян принято не было. Вновь к идее автономии коми местные активисты вернулись только в середине 1920 года, когда на территории их проживания закончились военные действия. Седьмой Съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Усть-Сысольского уезда в мае 1920 года принял постановление о созыве первого Всезырянского съезда с целью объединения всего коми народа²². I Всезырянский съезд Российской коммунистической партии был проведен в Усть-Сысольске 8 января 1921 года. На повестке дня был один вопрос – о создании автономной области Коми. По представленному заведующим зырянотделом Наркомнаца Дмитрием Александровичем Батиевым проекту в область должны были войти земли Прикамья, нижней Печеры, Шпицберген. Применительно к Пермской губернии речь в проекте шла о следующих территориях: Усольский уезд – Верх-Инъвенская, Юсьвинская, Кудымкарская, Егвинская, Ошибская, Архангельская, Верх-Юсьвинская, Питеевская, Кувинская, Отевская, Тиминская, Купросская, Крохалевская волости, часть Майкорской волости с коми-пермяцким населением (Онькова и Азов), коми население Нердвинской волости; Чердынский уезд – Кочевская, Гайнская, Косинская, Юксеевская, Больше-Кочинская, Троице-Печерская, Усть-Шугортская и Савино-Борская волости. Упомянулись и волости Юрлинская, Юмская, Усть-Зулинская, Чураковская и Аникнская, представляющие из себя «обрусевших пермяков». Нескольким волостям со смешанным пермяцко-русским населением Оханского уезда предлагалось рассмотреть вопрос о вхождении в область только после волеизъявления²³. Проект

¹⁹ ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р-1235. Оп. 119. Д. 41. Л. 17–24.

²⁰ История Коми с древнейших времен. Т. 2. С. 272.

²¹ История Коми АССР / ред. И.Б. Бехрин. Сыктывкар 1981. С. 201.

²² История Коми с древнейших времен. Т. 2. С. 274.

²³ ГАПК. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 341. Л. 4.

Д.А. Батиева вызвал дискуссии, особенно со стороны органов исполнительной власти. Многие указывали на недостаточный управленческий опыт, слабость кадрового потенциала и разобщенность проживания народов коми²⁴. Однако большинством съезд высказался за создание автономной области. Важно, что из 42 делегатов съезда, согласно протоколу, трое представляли Пермский край: представитель Троицко-Печерского района Чердынского уезда и представители Усольского уезда Пермской губернии²⁵.

Федор Тараканов и пермяцкое национально-культурное движение

Сразу после I съезда Коми отдел Наркомнаца направил областным и уездным комитетам Архангельской, Северо-Двинской, Вятской и Пермской губерний информацию о подготовке создания автономной области Коми. В уезды с коми населением были направлены инструкторы²⁶. Инструктором по Пермской губернии стал участник Гражданской войны, выходец из батрацкой семьи Федор Гаврилович Тараканов, 1900 года рождения. В свои 18 лет он уже имел солидный для большевика стаж. С 1916 года сотрудничал с нелегальными социалистическими кружками, в октябре 1917 года поддержал октябрьский переворот, участвовал в ликвидации антисоветских мятежей в Кудымкаре весной 1918 года, был заведующим отделом Кудымкарского РайЧК²⁷. В этой должности он, судя по всему, принимал участие в арестах и расстрелах. По его собственным словам, в сентябре 1918 года ликвидировал председателя РайЧК И. А. Распопова²⁸. Другими словами, Тараканов был настоящим большевиком, и его трудно было обвинить в нелояльности новому режиму. Обладая незаурядными ораторскими и организаторскими способностями, он наверняка мог сделать хорошую карьеру по линии ВЧК, однако в 1921 году Ф. Тараканов с группой энтузиастов начал читать в пермяцких деревнях лекции на родном языке, проводить концерты и встречи с пермяцким населением²⁹. С июля 1921 года был Ф.Г. Тараканов был назначен руководителем отделения облревкома Коми в г. Перми, которое должно было заниматься взаимодействием с органами советской власти Пермской губернии в вопросах о передаче территорий³⁰. Соратниками Ф.Г. Тараканова были В.И. Дерябин, В.К. Долдин, П.Е. Колыхматов, братья Я.К. и Н.К. Пасютины, М.В. Чечулин и Я.А. Кривошеков³¹. Нельзя не отметить, что у властей создаваемой автономной области Коми с пермяцкими активистами были и деловые отношения. Действительно, организация концертов, переезды группы людей должны были иметь какую-то материальную поддержку. На факты передачи денег, в частности, указано в докладе Уралобкома на упомянутом выше совещании 1925 года: «Работниками Коми давались директивы Пасютину [Я.К. Пасютин – М.К.], последний помимо и через

²⁴ История Коми с древнейших времен. Т. 2. С. 274–275.

²⁵ Тараканов Ф. Г. Борьба за округ. Стихи и воспоминания. Кудымкар, 1990. С. 16.

²⁶ История Коми с древнейших времен... Т. 2. С. 276.

²⁷ Тараканов Ф. Г. Борьба за округ... С. 7.

²⁸ КПОГА (Коми-Пермяцкий государственный окружной архив). Ф. 29. Оп. 1. Д. 10. Л. 2.

²⁹ Тараканов Ф. Г. Как это было // Наш край. 1986. № 6. С. 17.

³⁰ Черных А. В., Голева Т. Г. Коми-пермяки Перми: история и культура. СПб., 2016. С. 19.

³¹ Коньшин А. Е. История коми-пермяцкого народа... С. 43.

голову окружных организаций давал директивы на места в пермяцкие районы. На имя Пасютина посылались деньги до 1000 руб. за раз. Телеграфная переписка указывает, куда предназначались эти деньги последнего получения»³². О финансовой поддержке пермяцких активистов властями создаваемой автономной области Коми практически нигде не сообщалось, но когда этот вопрос возник в 1925 году, представитель автономной области Коми Е.М. Мишарин стал отрицать факт отправки денег, но указал, что они отправлялись на издательские расходы. Хотя такая посылка денег выглядит по крайней мере странной. Почему получателями были обычные жители, а не пермский губком или хотя бы отдел образования? Кроме того, по источникам нам неизвестно о существовании какой-либо инициативной издательской деятельности в Пермском крае в этот период. Если бы деньги действительно выделялись на издательство, пермяцкие активисты упоминали бы о них чаще и использовали бы это в своей агитации. Но в источниках об этом информации нет. Вероятней всего, средства были выделены именно на агитацию за выход пермяцкого населения из Пермской губернии. Это объясняет и то, почему концерты и встречи с местным населением начались после съезда в Усть-Сысольске, на какие средства они проводились. Сама комиссия ВЦИК 1925 года постановила «считать установленными, имевшими место факты непосредственной связи и дачи директив обкома Коми с отдельными членами Верхнекамской организации – пермяками, без ведома Уральского и Верхнекамского парткома... указать обкому Коми на недопустимость такого метода воздействия на пермяцкое население»³³.

Таким образом, в мае 1921 года после решения Президиума ВЦИК об автономной области Коми Ф.Г. Тараканов и его единомышленники начали широкую разъяснительную работу среди пермяцкого населения, агитируя за отделение от Пермской губернии³⁴. В своей агитации пермяцкие активисты делали упор на существовавшее более «приниженное» положение пермяков в «русской» губернии и на этническую близость пермяков и зырян. О том, как шла агитация, свидетельствует и конспект Ф.Г. Тараканова «О включении пермяков в автономную область Коми», опубликованный в журнале «Жизнь национальностей» в мае 1922 года. Документ начинается такими словами: «Пермяки носят с зырянами одно наименование коми, так как они являются одним народом. Названия «пермяки» и «зыряне» даны им иностранцами»³⁵. И далее: «Русификаторская политика царизма находила среди пермяков, кажется, наивысшее свое применение. С остервенением убивалось все пермяцкое и насаждалось все чуждое»³⁶. Вероятней всего эта риторика использовалась и на встречах с населением.

Первоначально пермяцкое население отнеслось к инициативе выхода отрицательно. 21 апреля 1921 года делегаты Кудымкарской партийной конференции высказались против вхождения своего края в состав проектируемой автономной области Коми: никто не хотел из более экономически развитого и сложившегося

³² ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 119. Д. 41. Л. 17.

³³ Там же. Л. 20.

³⁴ История Коми с древнейших времен... Т. 2. С. 281.

³⁵ КПОГА. Ф. Р. 29. Оп. 1. Д. 121. Л. 1.

³⁶ Там же. Л. 2.

в хозяйственном отношении района переходить в подчинение создаваемой за 200 км на севере области с более низким уровнем жизни, хотя и этнически близкой³⁷.

Был у агитаторов и еще один аргумент. Летом 1921 года в стране и в Пермской губернии началась продразверстка, местные власти получили приказ изымать излишки зерна у крестьянства. Действия продотрядов в Пермском крае часто сопровождались грабежом и насилием, конфискацией всего имеющегося имущества³⁸, что в известной мере вызывало недовольство местного населения³⁹. Эту позицию и начали использовать в своей агитации представители автономной области Коми. В августе 1921 года коми отдел Наркомнаца распространил в Кудымкарском районе инструкцию, согласно которой продовольственный налог нужно было платить Усть-Сысольским властям на основании ранее выпущенного приказа № 1⁴⁰. Ф.Г. Тараканов и его сторонники на встречах с населением обещали снижение налогов и сборов со стороны органов власти автономной области Коми. В результате крестьяне переставали платить продналоги, что сильно повлияло на общие сборы по Чердынскому уезду. Идея выхода пермяцкого населения из Пермской губернии стала быстро обретать популярность. На это, в частности, указывал позже в своем отчете в обком председатель Верхнекамского окружкома Писарев: «Проводившиеся под руководством Пасютина плебисцит (через голову и без ведома областных и окружных центров) дал значительный крен в настроении крестьянских масс, ожидавших облегчение налоговых тягот и других льгот в случае присоединения к области коми-зырян». По его словам, в этот период собираемость налогов по коми-пермяцким районам сократилась до 50 %⁴¹.

Реакция властей Пермской губернии на действия пермяцких общественных активистов

Действия властей автономной области Коми и ее представителей не могли остаться незамеченными в губернском центре. 19 августа 1921 года пермский губисполком рассмотрел вопрос о вмешательстве Уполномоченного Ревкома области Коми и срыве продовольственной работы в Кудымкарском районе⁴². Просто так передать богатые лесом территории севера губернии пермские власти не хотели. С другой стороны, они понимали, что их попытки сохранить Пермский край могли выглядеть только как проявление «великодержавного шовинизма», с которым активно боролись центральные власти. Поэтому пермские большевики, на словах, не возражая против объединения, сделали акцент на экономическом факторе, обращая внимание, что выход Пермского края из состава губернии разрушит сложившиеся экономические связи, а также приведет к срыву продналоговой кампании. Для подтверждения своей позиции власти Пермской губернии привлекли видного ученого-экономиста А.Г. Генкеля. Участвуя в заседаниях и

³⁷ *Коньшин А. Е.* История коми-пермяцкого народа... С. 33.

³⁸ КПОГА. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 69 Л. 1.

³⁹ История Урала с древнейших времен до наших дней. Екатеринбург, 2006. С. 314.

⁴⁰ *Лаллукка С.* Коми-пермяки и Коми-Пермяцкий округ... С. 66.

⁴¹ ПермГАСПИ. Ф. 156. Оп. 1. Д. 335. Л. 2.

⁴² ГАПК. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 341. Л. 2.

выступая со страниц изданий, он последовательно отстаивал идею экономической нецелесообразности отделения пермяцких волостей от Пермской губернии⁴³. Представителями пермского губкома подчеркивалось, что «в области хозяйственной культуры Пермская губерния выше и это лучше для коми-пермяцкого населения»⁴⁴. В свою очередь, для автономной области появление новых территорий будет означать только «прирост отдаленных от больших ненаселенных территорий (которых у нее итак уже достаточно) без всякой надежды в ближайшем времени их использовать иначе как только при помощи того же Урала»⁴⁵. В постановлении губисполкома № 165 данный проект для пермяцкого населения объявлялся «шагом назад как в культурном, так и в экономическом отношении»⁴⁶. Ф.Г. Тараканов писал, что «возражения Генкеля были буквально великодержавного характера»⁴⁷.

Летом 1921 года власти Пермской губернии начали жесткую политику в отношении агитаторов на территории Пермского края. С июля по ноябрь 1921 года для руководства продналоговой кампанией председателем Пермского губисполкома был назначен Христофор Генрихович Гинтер, занимавший до этого пост военного комиссара Пермской губернии⁴⁸. К периоду его руководства относится самое жесткое преследование пермяцких активистов. Тараканов так описывает этот период: «...Но в самый разгар этой творческой работы (агитации населения в сентябре – М.К.), уездные и губернские власти, состоящие из русских, начали высказывать свое несочувствие. Съезды не разрешались... на места выезжали представители, открыто заявлявшие, что никакой работы по выделению в автономию не будет допущено... были случаи, когда предлагали не произносить слова «автономия Коми»⁴⁹.

С октября 1921 года Пермский губком потребовал прекратить проведение собраний с пермяцким населением, а некоторые источники даже сообщают о фактах преследования коми-пермяцких активистов со стороны властей Чердынского и Усольского уездов⁵⁰. Прямых указаний и директив об этом нет, однако целый ряд косвенных источников подтверждает наличие репрессивной политики. В газете «Пахарь» коми-пермяцкие активисты объявлялись кулаками и «остатками эсеровщины»⁵¹. Вот как описывает этот период Ф.Г. Тараканов: «Пермским работникам мерещились одни националисты и шовинисты, которые якобы будоражат массы пермяков ради своих карьеристских целей... Они твердо усвоили девиз председателя Пермского губисполкома Гинтера: «Ни в коем случае не давать коми-пермякам дробить Пермскую губернию»⁵². В мае 1922 года член обкома партии авто-

⁴³ См., напр.: *Генкель А. Г.* Пермь и область Коми: По вопросу о претензии области народа Коми на 19 волостей Пермской губернии с пермяцким населением // *Экономика*. 1923. № 6. С. 57–59.

⁴⁴ ГАПК. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 341. Л. 6.

⁴⁵ Там же. Л. 24.

⁴⁶ Там же. Л. 31.

⁴⁷ *Тараканов Ф. Г.* Борьба за округ... С. 31.

⁴⁸ ПермГАСПИ. Ф. 557. Оп. 6. Д. 293. Л. 1.

⁴⁹ КПОГА. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 10. Л. 123.

⁵⁰ *Тараканов Ф. Г.* Борьба за округ... С. 23.

⁵¹ Провокация кулаков и остатков эсеровщины // *Пахарь*. 1924. 08 окт.

⁵² *Тараканов Ф. Г.* Борьба за округ... С. 22.

номной области Коми Торлонов писал об этом времени: «Приехав в Кудымкар, я узнал, что некоторые коммунисты-пермяки преследуются за ... ничем не обоснованную виновность, благодаря чему с каждым днем обостряется национальная ненависть. Некоторые коммунисты, работающие по выделению народа коми, теперь вынуждены быть в подполье...!»⁵³. Когда в 1924 году в Пермском крае будет работать административная комиссия, по итогам деятельности которой председателю Уральского обкома М.М. Харитонову будет направлено письмо ВЦИК с указанием, что в 1921 году Верхнекамский окружком РКП(б) «применял репрессии к некоторым пермяцким работникам, поднимавшим вопрос о присоединении Пермского края к Коми области». «Этим самым, – говорилось в письме, – перед глазами масс обнаруживается разлад внутри Верхне-Камской партийной организации и резкое деление ее по национальной линии»⁵⁴. Этот период С. Лаллукка рассматривает как проявление национализма со стороны русской администрации Пермской губернии: «Можно предположить, что руководство в Перми просто хотело наказать те территории и их активистов, которые стремились отделиться от губернии... притеснение коми-пермяков получило черты национальной дискриминации»⁵⁵. В декабре 1921 года один из пермяцких активистов Долдин был задержан милицией при попытке распространить приказ № 1 Коми облревкома, но ему удалось сбежать, 22 декабря всех заставили сдать партийные билеты⁵⁶. В письме в адрес зырянского представительства Тараканов писал, что за его политику его и товарищей уже точно исключат из партии. «Настаивайте перед ЦК об обязательном включении в состав Коми области. Иначе такое отношение пермских властей отбросит нас на 10 лет назад», – писал в декабре 1921 года Ф. Тараканов⁵⁷.

Можно признать, что у пермских властей была своя логика в развертывании репрессий. Действия автономной области Коми воспринимались ими как незаконные, так как они не согласовывались и по сути представляли из себя агитацию против действующей местной власти. На отсутствие такого согласования указывает в своей статье И. Яатс⁵⁸.

Кроме этого, имея средства, административную поддержку и свободу действий, в первые месяцы агитации некоторые из пермяцких активистов позволяли и противозаконную деятельность. На заседании 1925 года представитель Верхнекамского окружкома Шахов обращал внимание на несколько запротоколированных инцидентов. Так, один из агитаторов по фамилии Баталов, «ссылаясь на свою психоневрастению, страдал убить, застрелить, в морду дать и за это не получить никакого наказания... Имел также случай, когда Баталов приходил в Райком и на столе т. Сыстеровова оставил записку с угрозой убить или застрелить». В другом документе упоминалась «кулачская расправа со стороны коммуниста пермяка

⁵³ ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 14. Л. 42.

⁵⁴ ПермГАСПИ. Ф. 156. Оп. 1. Д. 335. Л. 151.

⁵⁵ Лаллукка С. Коми-пермяки и Коми-Пермяцкий округ... С. 66.

⁵⁶ КПОГА. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 69. Л. 4.

⁵⁷ Там же. Л. 1.

⁵⁸ Jääts, Indrek. "The Permiak question"... Р. 257.

по отношению к беспартийному председателю Сельсовета, который был против присоединения к области Коми»⁵⁹. Все эти инциденты были запротоколированы Кудымкарским райкомом. Таким образом, заключал Шахов, если гонения на активистов и агитаторов были, то исключительно для того, чтоб «не допускать «антипартийных группировок, пьяных оргий, хулиганства, переходящего всякие границы...»⁶⁰. Представляется, что некоторые из упомянутых инцидентов вполне могли иметь место.

В целом, реакцию пермских властей можно считать жесткой, но при этом вполне ожидаемой в сложившихся условиях. Отметим также, что масштаб репрессий, возможно, был преувеличен, поскольку о них сообщают только источники личного происхождения пермяцких и зырянских общественных лидеров. Во всяком случае, в самый разгар «репрессий» осенью 1921 года Ф.Г. Тараканов и его сторонники принимали участие в работе административной комиссии губисполкома в Перми, в том числе выступая с ультимативными требованиями. И в этом им никто не препятствовал.

Поиски компромисса и начало самоопределения коми-пермяцкого народа

В сентябре 1921 года в Перми была создана административная комиссия при губкоме, которой было поручено разобраться в вопросе возможного отчуждения пермяцких земель. Участие в работе комиссии принимал и Ф.Г. Тараканов. Первоначально комиссия признала необходимость и правомерность передачи 27 волостей Пермской губернии в подчинение создаваемой автономной области Коми⁶¹. На следующем этапе решение комиссии должен был утвердить президиум губисполкома. На заседании 10 сентября 1921 года доклад комиссии подвергся критике, что отражено в протоколе заседания президиума губисполкома: «...Вопрос о выделении волостей рассмотрен лишь с национальной точки зрения. При вынесении постановления не принято во внимание экономическое тяготение волостей к Пермской губернии»⁶². Президиум постановил снять вопрос с обсуждения и предложить адмкомиссии «с 1 октября сего года всесторонне рассмотреть вопрос, учитывая главным образом экономическое положение волостей»⁶³. После этого административная комиссия собралась 6 октября. Заседание комиссии, судя по протоколу, проходило в бурных дискуссиях между властями Пермской губернии и Коми Облревкома. В частности, в протоколе значится пометка следующего содержания: «По просьбе представителей области Коми вносится в настоящий протокол следующее их заявление... продолжить работу по выделению в тесном контакте с губисполкомом, отделение облревкома продолжает свою работу до тех пор пока не получит определенных указаний от Коми представительства при Нар-

⁵⁹ ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 119. Д. 41. Л. 17.

⁶⁰ Там же. Л. 18.

⁶¹ Там же. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 341. Л. 4.

⁶² Там же. Л. 5.

⁶³ Там же.

комнаце»⁶⁴. 28 ноября 1921 года вопрос о пермяках впервые рассмотрен административной комиссией при ВЦИК. Заседание не состоялось из-за отсутствия представителя пермского губисполкома⁶⁵. Таким образом, власти Пермской губернии не приняли решение Наркомнаца, но и не выступали против него открыто. Создается ощущение, что они просто тянули время.

Между тем продналоговая кампания вкупе с агитацией автономной области Коми буквально за полгода сделала идею выхода Пермского края из подчинения губернии весьма популярной среди местного населения. Уже 8 ноября 1921 года Уполномоченный от Коми области Коканин писал в пермский губком, что пермяцкое население Чердынского и Усольского уездов «настоятельно требует выделения указанных волостей от Пермской губернии и присоединения их к автономной области Коми»⁶⁶. 22–24 декабря 1921 года в Кудымкаре ими вновь была созвана районная партийная конференция. В этот раз она высказалась за выход из состава Пермской губернии. В резолюции говорилось: «Просить ВЦИК направить в край независимую комиссию для расследования бесчинств пермских властей. Твердо настаивать перед ЦК об обязательном включении Пермского края в состав Коми области»⁶⁷.

К концу 1921 года вопрос остался нерешенным, но значительная часть населения округа уже позитивно воспринимала идею выхода из состава Пермской губернии, связывая это с налоговыми послаблениями. Уже было решение административной комиссии Наркомнаца о выделении Пермского края из состава Пермской губернии, но пермские власти не стали его выполнять, объясняя это соображениями экономической целесообразности и откровенно затягивая решение вопроса. В результате процесс создания округа растянется еще на 4 года, но все дальнейшие дискуссии будут вестись сугубо на бумаге без прямого противостояния, как это было в 1921 году.

Выводы

События 1921 года позволяют глубже взглянуть, насколько разными и бескомпромиссными были взгляды отдельных групп большевиков после установления советской власти. Руководители автономной области Коми, желая создать огромный субъект с финским населением на севере РСФСР, не жалели средств и использовали свои связи в Наркомнаце для решения вопроса в свою пользу. Они даже использовали в агитационных целях критику продналоговой кампании, чтоб повысить популярность своей инициативы. Власти же Пермской губернии, забыв о социалистической солидарности, вели жесткую и репрессивную политику в отношении агитаторов и фактически не выполняли решения и рекомендации центральных органов власти, желая сохранить «свои» территории.

Ситуация, сложившаяся на территории Пермского края, не только показывает противостояние «национального» и «экономического» блоков в больше-

⁶⁴ ГАПК. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 341. Л. 6.

⁶⁵ КПОГА. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 10. Л. 4.

⁶⁶ ГАПК. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 342. Л. 4.

⁶⁷ *Коньшин А. Е.* История коми-пермяцкого народа... С. 37.

вистском руководстве в процессе районирования, она также свидетельствует, насколько циничными и бескомпромиссными могли быть способы и методы работы местных органов власти в приграничных спорах. Обман, подкуп, преследования по политическим мотивам были неотъемлемой частью дискуссии о самоопределении пермяцкого населения. Добиваясь нужных для себя решений «центра», противостоящие стороны не всегда прислушивались к его рекомендациям и действовали исходя из личных интересов.

Процесс создания совершенно новой административной единицы – Коми-Пермяцкого округа⁶⁸ во многом демонстрирует и сущность ранней советской национальной политики как системы сдержек и противовесов, имеющей цель не обеспечить права национальных меньшинств, а удержать лояльность населения разных национальностей в рамках советской государственности.

Рукопись поступила: 2 октября 2019 г.

Submitted: 2 October 2019

Библиографический список

- Аманжолова Д.* Центр и регионы в условиях советского национально-государственного строительства в 1920-е гг. // Вестник российской нации. 2019. № 2 (64). С. 34–44.
- Бачев Г.Т.* Коми-Пермяцкий национальный округ: краткий справочник. 2 издание. Кудымкар: Пермское книжное издательство. Коми-Пермяцкое отделение, 1975. 167 с.
- Генкель А.Г.* Пермь и область Коми: По вопросу о претензии области народа Коми на 19 волостей Пермской губернии с пермяцким населением // Экономика. 1923. № 6. С. 57–59.
- Джантеева Д. С.* Национально-государственное строительство на Северном Кавказе: коммуникативное измерение // Вестник российской нации. 2018. № 1(59). С. 107–119.
- История Коми АССР* / под ред. И.Б. Бехрина. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1981. 480 с.
- История Коми с древнейших времен до современности* / под общ. ред. И.Л. Жеребцова, А.А. Попова, А.Ф. Сметанина. Сыктывкар: Анбур, 2011. Т. 2. 688 с.
- История Урала с древнейших времен до наших дней* / под общ. ред. И.С. Огоновской и Н.Н. Попова. Екатеринбург: Сократ, 2006. 495 с.
- Коньшин А.Е.* История коми-пермяцкого народа 1917–1940 гг. Учебное пособие. Кудымкар: Филиал Удмуртского государственного университета в г. Кудымкаре, 2004. 344 с.
- Лаллукка С.* Коми-пермяки и Коми-Пермяцкий округ. История, демографические и этнические процессы. СПб.: Европейский дом, 2010. 336 с.
- Пономарев С.И.* Создание национальной государственности коми-пермяцкого народа и ее роль в социалистических преобразованиях края // Труды Московского историко-архивного института. 1970. Т. 28. С. 420–437.
- Рамазанова Д. Ш.* О политическом конструировании советских национальностей и народностей Дагестана (по материалам архивных исследований) // Этнографическое обозрение. 2016. № 5. С. 150–166.
- Тараканов Ф.Г.* Борьба за округ. Стихи и воспоминания. Кудымкар: Пермское книжное издательство, Коми-Пермяцкое отделение, 1990. 96 с.
- Тараканов Ф. Г.* Как это было // Наш край. 1986. № 6. С. 17–22.
- Чеботарева В.Г.* Национальная политика Российской Федерации. 1925–1938 гг. М.: ГУ «Московский дом национальностей», 2008. 832 с.
- Чеботарева В.Г.* Наркомнац РСФСР: свет и тени национальной политики 1917–1924 гг. М.: Общественная академия наук российских немцев, 2003. 852 с.

⁶⁸ Это был первый национальный округ на территории РСФСР.

- Черных А.В., Голева Т.Г. Коми-пермяки Перми: история и культура. СПб.: Изд-во «Маматов», 2016. 64 с.
- Чугаев М.А. К вопросу об образовании Коми-пермяцкого национального округа // Ученые записки Пермского университета. 1965. № 133. С. 115–125.
- Brandenberger D., Zelenov M. V. Stalin's Answer to the National Question: A Case Study on the Editing of the 1938 Short Course // *Slavic Review*. 2014. № 4. P. 859–880.
- Dewhirst M. Review of Petrov, Petre and Ryazanova-Clarke, Lara (eds), *The Vernaculars of Communism: Language, Ideology and Power in the Soviet Union and Eastern Europe* // *Canadian Slavonic Paper*. 2017. № 2. P. 531–533.
- Hirsch F. *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Cornell University Press, Ithaca and London. 2005. 368 p.
- Jääts, Indrek. «The Permiak question»: Bolshevik Central Authorities, Russian and Non-Russian Provincial Elites Negotiating Over Autonomy in the Early 1920s // *Nationalities Papers*. 2012. Vol. 40. № 2. P. 241–257.
- Lenkart J. Russian Revolutions in Print: The Fate of the Ethnic Press // *Slavic Review*. 2017. № 3. P. 665–664.
- Mogilner M. The Jewish Revolution in Belorussia: Economy, Race, and Bolshevik Power // *Soviet and Post Soviet Review*. 2019. 5 February. P. 71–75.
- Sablin I., Sukhan D. Regionalisms and Imperialisms in the Making of the Russian Far East, 1903–1926 // *Slavic Review*. 2018. № 2. P. 333–358.

References

- Amanzholova, D. “Center and regions under the conditions of Soviet nation-building in the 1920s.” *Bulletin of the Russian Nation*, no. 2 (2019): 34–44 (in Russian).
- Bachev, G.T. *Komi-Permyatskiy natsional'nyy okrug: kratkiy spravochnik. 2 izdaniye*. Kudymkar: Permskoye knizhnoye izdatel'stvo. Komi-Permyatskoye otdeleniye Publ., 1975 (in Russian).
- Bekhrin, I.B. *Istoriya Komi ASSSR*. Syktyvkar: Komi knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1981 (in Russian).
- Brandenberger, D., and Zelenov, M.V. “Stalin's answer to the National Question: A Case Study on the Editing of the 1938 Short Course.” *Slavic Review*, no. 4 (2014): 859–880.
- Chebotareva, V.G. *Natsional'naya politika Rossiyskoy Federatsii. 1925–1938 gg*. Moscow: GU “Moskovskiy dom natsional'nostey” Publ., 2008 (in Russian).
- Chebotareva, V.G. *Narkomnats RSFSR: svet i teni natsional'noy politiki 1917–1924 gg*. Moscow: Obshchestvennaya akademiya nauk rossiyskikh nemtsev Publ., 2003 (in Russian).
- Chernykh, A.V., and Goleva T.G. *Komi-permyaki Permi: istoriya i kul'tura*. St. Petersburg: Mamatov Publ., 2016 (in Russian).
- Chugayev, M.A. “K voprosu ob obrazovanii Komi-permyatskogo natsional'nogo okruga.” *Uchenyye zapiski Permskogo universiteta*, no. 133 (1965): 115–125 (in Russian).
- Dewhirst, M. “Review of Petrov, Petre and Ryazanova-Clarke, Lara, *The Vernaculars of Communism: Language, Ideology and Power in the Soviet Union and Eastern Europe*.” *Canadian Slavonic Paper*, no. 2 (2017): 531–533.
- Dzhanteyeva, D.S. “Nation-building in the North Caucasus: the communicative dimension.” *Bulletin of the Russian Nation*, no. 1 (59) (2018): 107–119 (in Russian).
- Genkel', A.G. “Perm' i oblast' Komi: Po voprosu o pretenzii oblasti naroda Komi na 19 volostey Permskoy gubernii s permyatskim naseleniyem.” *Ekonomika*, no. 6 (1923): 57–59 (in Russian).
- Hirsch, F. *Empire of nations: ethnographic knowledge and the making of the Soviet Union*. Ithaca, London: Cornell University Press, 2005.
- Jääts, Indrek. “‘The Permiak question’: Bolshevik Central Authorities, Russian and Non-Russian Provincial Elites Negotiating Over Autonomy in the Early 1920s.” *Nationalities Papers* 40, no. 2 (2012): 241–257.
- Kon'shin, A.Ye. *Istoriya Komi-permyatskogo Naroda 1917–1940 gg. Uchebnoye posobiye*. Kudymkar: Filial Udmurtskogo Gosudarstvennogo Universiteta v g. Kudymkare Publ., 2004 (in Russian).

- Lallukka, S. *Komi-permyaki i Komi-Permyatskiy okrug. Istoriya, demograficheskiye i etnicheskiye protsessy*. St. Petersburg: Yevropeyskiy dom Publ., 2010 (in Russian).
- Lenkart, J. “Russian Revolutions in Print: The Fate of the Ethnic Press.” *Slavic Review*, no. 3 (2017): 665–664.
- Mogilner, M. “The Jewish Revolution in Belorussia: Economy, Race, and Bolshevik Power.” *Soviet and Post Soviet Review*, no. 2 (2019): 71–75.
- Ogonovskaya, I.S., and Popova, N.N. *Istoriya Urala s drevneyshikh vremen do nashikh dnei*. Yekaterinburg: Sokrat Publ., 2006 (in Russian).
- Ponomarev, S.I. “Sozdaniye natsional’noy gosudarstvennosti komi-permyatskogo naroda i yeye rol’ v sotsialisticheskikh preobrazovaniya kraia.” *Trudy Moskovskogo istoriko-arkhivnogo institute* 28 (1970): 420–437 (in Russian).
- Ramazanova, D.Sh. “O politicheskom konstruirovaniy sovetskikh natsional’nostey i narodnostey Dagestana (po materialam arkhivnykh issledovaniy).” *Etnograficheskoye obozreniye*, no. 5 (2016): 150–166 (in Russian).
- Sablin, I., and Sukhan, D. “Regionalisms and Imperialisms in the Making of the Russian Far East, 1903–1926.” *Slavic Review*, no. 2 (2018): 333–358.
- Tarakanov, F.G. *Bor’ba za okrug. Stikhi i vospominaniya*. Kudymkar: Permskoye knizhnoye izdatel’stvo, Komi-Permyatskoye otdeleniye Publ., 1990 (in Russian).
- Tarakanov, F.G. “Kak eto bylo.” *Nash kray*, no. 6 (1986): 17–22 (in Russian).
- Zherebtsov, I.L., Popov, A.A., and Smetanin, A.F. *Istoriya Komi s drevneyshikh vremen do sovremenosti*. Syktyvkar: Anbur Publ., 2011 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Каменских Михаил Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, археологии и этнографии Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН.

Mikhail S. Kamenskikh, Kandidat Historicheskikh Nauk [PhD in History], Senior Researcher of the Department of history, archaeology and ethnography of Perm Federal Research Center, Ural Branch of Russian Academy of Sciences.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-1-63-77>

Научная статья / Research article

**М.К. Аммосов:
из плеяды национальных лидеров раннесоветской эпохи**

Н.И. Бурнашева^а, В.Б. Игнатьева^а

^а Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
ФИЦ СО РАН; 677007, Россия, Якутск, ул. Петровского, 1; n_burnasheva@mail.ru

**M.K. Ammosov:
A Prominent National Leader of the Early Soviet Period**

Natalia I. Burnasheva^а, Vanda B. Ignatieva^а

^а The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North;
1, Petrovsky St., Yakutsk, 677007, Russia; n_burnasheva@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена деятельности видного советского политического и государственного деятеля М.К. Аммосова (1897–1938), посвятившего свою жизнь революционным преобразованиям и становлению социалистической экономики в Якутской республике, Киргизии и Казахстане. В статье рассматриваются идеи М.К. Аммосова, касающиеся проблем социалистической реконструкции национальных окраин, перевода на социалистические рельсы хозяйств кочевых и полукочевых народов. Показано, что большое место в деятельности М.К. Аммосова занимала практическая работа по подъему региональных экономик на основе комплексного научного изучения производительных сил и человеческих ресурсов, органичному встраиванию экономики окраин в систему народно-хозяйственного комплекса СССР. Во многом благодаря усилиям М.К. Аммосова хозяйственное развитие национальных республик получило для своего роста первоначальный старт, отвечающий вековым чаяниям народов по преодолению бедности и нищеты. Новизна исследования состоит в том, что впервые проанализирована и обобщена деятельность М.К. Аммосова с точки зрения его вклада в становление экономики, своеобразных по своему территориальному и хозяйственному значению, национальных окраин СССР, вопросам постепенного включения их в процессы социалистического строительства. Учитывая факт того, что развитие экономики национальных окраин эпохи социалистического строительства в значительной степени зависело от организаторских качеств и человеческих принципов руководителей регионов, их бескорыстного и честного служения интересам советского государства, в статье уделено значительное внимание умению М.К. Аммосова работать с людьми, при принятии государственных решений исходить из интересов и потребностей народа. Отмечено, что именно такие качества руководителя, умеющего органично сочетать государственные и общественные интересы, вознесли М.К. Аммосова на высший политический олимп и одновременно ниспровергли в жернова политических репрессий в СССР. Сделан вывод о том, что его мысли и дела, направленные на благо трудящегося человека, вышли далеко за пределы рамок централизованно-планирования, войдя в непродолимое противоречие с принятой тогда практикой управления.

Ключевые слова: Якутская АССР, Киргизия, Казахстан, история экономики, национальные окраины, перспективное планирование

© Бурнашева Н.И., Игнатьева В.Б., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: Бурнашева Н.И., Игнатьева В.Б. М.К. Аммосов: из плеяды национальных лидеров раннесоветской эпохи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 1. С. 63–77. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-1-63-77>

Abstract: The article is devoted to the activities of the prominent Soviet politician and statesman M.K. Ammosov (1897–1938), who devoted his life to revolutionary transformations and the formation of a socialist economy in the Yakut Republic, Kyrgyzstan and Kazakhstan. The article considers the ideas of M.K. Ammosov concerning the socialist reconstruction of the national regions, and in particular of the households of nomadic and semi-nomadic peoples. Practical work to boost regional economies occupied a central place in M.K. Ammosov's activities and was based on a comprehensive scientific study of productive forces and human resources. His goal was the organic integration of the economy of the periphery into the Soviet national economic system. Thanks to the efforts of M.K. Ammosov, the economic development of the national republics accelerated, in accordance with the centuries-old aspirations of the peoples to overcome poverty and misery. M.K. Ammosov is analyzed here for the first time from the point of view of his contribution to the economy of the USSR's national periphery, and to its gradual inclusion into the processes of socialist construction. The development of the economy of the national regions in the early Soviet period largely depended on the organizational qualities and human principles of regional leaders and their selfless and honest service to the interests of the Soviet state. Accordingly, considerable attention is paid to M.K. Ammosov's work among the people. When making decisions on governmental level he proceeded according to the interests and needs of society. Precisely such leadership qualities as someone who knows how to organically combine state and public interests elevated M.K. Ammosov to the highest political Olympus; at the same time these qualities exposed him to political repression. The article concludes that M.K. Ammosov's thoughts and deeds to benefit the working people went far beyond the framework of central planning and entered into an insurmountable conflict with the then accepted practices of administrative management.

Keywords: Yakut ASSR, Kyrgyzstan, Kazakhstan, economic history, national periphery, long-term planning

For citation: Burnasheva, Natalia I., and Ignatieva, Vanda B. "M.K. Ammosov: A Prominent National Leader of the Early Soviet Period." *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 1 (February 2020): 63–77. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-1-63-77>

Введение

Революционные события 1917 г. повлекли за собой политические изменения и выдвинули задачи создания новой, социалистической экономики, нацеленные на первоочередное обеспечение жизнеспособности страны и благополучие ее населения. В период образования советского государства новый контекст обрели вопросы управления огромной территорией с ее природным, климатическим, хозяйственным и национально-культурным разнообразием. Важной особенностью этого времени стала практика выдвижения на руководящие государственные посты политических лидеров, способных возглавить на местах процесс беспрецедентной в истории социалистической модернизации¹. Одним из ярких представителей первой плеяды национальных кадров СССР является Максим Кирович Аммосов (1897–1938), стоявший

¹ Лысенко Ю.А., Лысенко М.Ф. К вопросу о политике коренизации аппарата государственного управления в Туркестанской и Киргизской (Казахской) автономных советских социалистических республиках РСФСР (1919–1924 гг.): цели, этапы и итоги // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 3–2 (87). С. 131–138; Минеева Е.К., Кировов Н.В., Минеев А.И. Руководящие кадры в системе управления национальными автономиями РСФСР в 1920-е гг.: состав и социальная мобильность // Клио. 2016. № 4 (112). С. 77–82; Шекиев А.П. Национальная политическая элита Хакасии: вхождение во власть, борьба за суверенитет и судьба (1920–1930-е гг.) // Мир Евразии. 2011. № 1(12). С. 48–57.

у истоков государственности народов национальных окраин и внесший огромный вклад в развитие экономики и культуры Якутии, Казахстана и Киргизии.

Несмотря на то, что со времени официальной реабилитации М.К. Аммосова как жертвы политических репрессий (1956) было опубликовано немало трудов, посвященных его жизни и деятельности, тем не менее историография изучаемой проблемы еще не может считаться полной². На написание настоящей статьи авторов натолкнула обнаруженная в недавно рассекреченных фондах РГАСПИ служебная записка, текст которой свидетельствует о довольно тесных деловых контактах М.К. Аммосова с главой государства – И.В. Сталиным. В своей служебной записке М.К. Аммосов обращается к И.В. Сталину с просьбой назначить ему личную встречу для обсуждения четырех животрепещущих вопросов – «по пшенице в степях, по животноводству, по казахской школе и казахским кадрам» (рисунок)³.

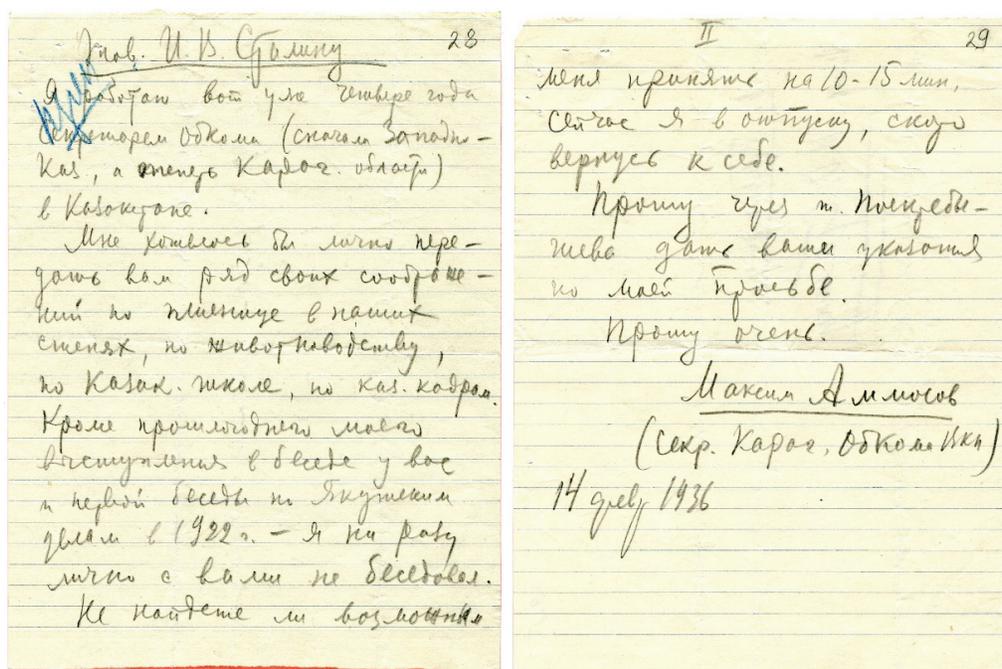

Рисунок. Служебная записка И. В. Сталину от М. К. Аммосова. Датирована 14 февраля 1936 г. / Figure. A memo to I. V. Stalin from M. K. Ammosov. Dated February 14, 1936

Источник / Source: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 698. Л. 27-29 об.

К сожалению, в настоящее время не найдено документов, свидетельствующих о том, была ли удовлетворена эта просьба или нет. Тем не менее, сохранилось несколько документальных свидетельств о встречах М.К. Аммосова с И.В.

² Назаров А.Д. Отец-основатель: знаменитый и неизвестный (штрихи к политическому портрету пламенного революционера-интернационалиста М.К. Аммосова) // М. Аммосов: публикации, воспоминания, документы, фотографии. Якутск, 2012. С. 409–422.

³ РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 558. Оп. 11. Д. 698. Л. 27–29 об.

Сталиным. Одна из них состоялась весной 1922 г., когда, будучи членом ВЦИК, М.К. Аммосов беседовал с народным комиссаром по делам национальностей Совнаркома РСФСР И.В. Сталиным по вопросу предоставления автономии якутскому народу⁴. По этому поводу М.К. Аммосов в одном из своих выступлений вспоминал: «Я работал тогда в Якутии и, как представитель якутских партийных и советских организаций, в 1922 г., в разгар очень тяжелых событий гражданской войны – белобандитского восстания, когда Якутия переживала трудные дни, явился в Москву для возбуждения вопроса об образовании Якутской республики. Тогда товарищ Сталин пригласил меня к себе на квартиру, и когда я ему доложил, что среди якутских работников есть течение, чтобы не создавать автономной республики, он в длительной беседе разъяснил всю ошибочность этой концепции».⁵ Эти и другие документальные сведения могут стать основанием для интерпретации профессиональной биографии М.К. Аммосова, приоткрыть еще одну яркую грань интеллектуальной истории страны.

М.К. Аммосов о путях движения народов национальных окраин России к социализму, минуя капитализм

В 1920-е гг. М.К. Аммосов являлся признанным политическим лидером Якутии: возглавлял постоянное представительство Якутской АССР при Президиуме ВЦИК (1923–1925), был назначен председателем Совета народных комиссаров ЯАССР (1925–1928), избран председателем ЦИК ЯАССР (1927–1928), в 1928–1930 гг. работал ответственным инструктором ЦК ВКП(б). С сентября 1932 г. он проходил обучение в Аграрном институте Института Красной профессуры. Время учебы в институте стало для М.К. Аммосова периодом творческого роста. Его теоретические статьи публиковались в партийной печати – газете «Правда» и журнале «Большевик», в журнале «Революция и национальности» Совета Национальностей ЦИК СССР и в других изданиях, служивших трибуной для специалистов, занятых научной разработкой проблем социалистического строительства и развития советского общества.

Основное внимание в своих работах М.К. Аммосов обращал на проблемы формирования социалистической экономики в национальных регионах (Туркестан, Киргизия, Башкирия, Татария, Якутия и др.), интеграции производительных сил окраин в систему народного хозяйства РСФСР и СССР. При этом наиболее важным для него представлялся вопрос о путях развития национальных меньшинств с докапиталистической экономикой, основу которой составляло мелкотоварное, натуральное хозяйство. Данную экономическую модель он рассматривал как с теоретической, так и практической сторон в рамках выбора методов хозяйственного строительства в национальных районах. При этом особое значение Аммосов придавал комплексному подходу к реализации экономической и национальной политики советского государства, важности всестороннего учета эконо-

⁴ *Жирков А.Н., Слепцов П.А.* Жизнь, отданная народу // Максим Аммосов: публикации, воспоминания, документы, фотографии. Якутск, 2012. С. 4.

⁵ *Аммосов М.К.* Неизвестные страницы жизни и деятельности: сб. документов и материалов. Якутск, 2007. С. 276.

мического и социального положения окраин при осуществлении социалистической реконструкции народного хозяйства страны.

Сам Аммосов всегда считал важным следовать ленинскому курсу: «не копировать» тактику центра, а «обдуманно видоизменять ее применительно к развитию конкретных условий», «принять у себя (в окраинах) не букву, а дух, смысл» политики партии⁶.

Подобная точка зрения, по всей видимости, не всегда совпадала с «генеральной линией» партии. Так, в статье «Очередные задачи хозяйственной политики на окраинах», опубликованной в газете «Правда» 2 февраля 1924 г., Аммосовым анализировались проблемы смычки социалистической промышленности с натуральным хозяйством (скотоводческо-промысловым, земельным) окраин, решение которых, по его мнению, являлось невозможным без учета состояния не только крестьянского, но и национального вопроса. Публикуя статью М.К. Аммосова, редакция главной партийной газеты предусмотрительно известила своих читателей о том, что она носит дискуссионный характер⁷.

В другой своей статье «О путях к коммунизму в отсталых странах», опубликованной 15 июля 1924 г. в журнале «Большевик», М.К. Аммосов сформулировал и аргументировал идею о том, что в национальных окраинах строительство экономического фундамента новой советской власти займет довольно продолжительное время. Автор исходил при этом из необходимости одновременного подъема государственного и мелкобуржуазного (крестьянского) хозяйства, социалистического и капиталистического начала с тем, чтобы от эпохи кооперативного социализма перейти уже к собственно социализму⁸.

Несмотря на директивный характер первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР, М.К. Аммосов последовательно отстаивал тезис о важности дифференцированного подхода при преодолении исторически сложившихся диспропорций между промышленностью и сельским хозяйством. В более частных вопросах развития экономики национальных окраин дальновидность взглядов М.К. Аммосова проецируется через его отношение к фундаментальной проблеме аграрного хозяйства – сохранению и накоплению естественного плодородия почв как «основного капитала» земледелия. Так, в своем докладе на заседании оргбюро ЦК ВКП (б) о работе и состоянии партийной организации Узбекистана 8 мая 1929 г. М.К. Аммосов высказал свою обеспокоенность следующим вопросом: «В основных хлопковых районах дело дошло до такого положения, что мы имеем там исключительно хлопковую культуру (монокультура), которая ставит известный предел нормальному севообороту, мешает правильному севообороту. Например, в Ферганском районе хлопковый клин составляет у бедняцких хозяйств 86 %»⁹. Напомним, что подобный критический подход к организации сельского хозяйства с интенсивной монокультурой не только в то время, но и в течение

⁶ Аммосов М.К. С помощью русских рабочих и крестьян. Статьи, речи, воспоминания, письма. Якутск, 1987. С. 190.

⁷ Там же. С. 92.

⁸ Там же. С. 94–105.

⁹ Аммосов М.К. Неизвестные страницы жизни... С. 252.

всего последующего советского периода вступал в непреодолимое противоречие с задачей расширения хлопковой базы для развития текстильной промышленности СССР. В целом, анализ научно-теоретического и публицистического наследия М.К. Аммосова является свидетельством его умения выделять узловые вопросы развития производительных сил национальных окраин, разумно сочетать теоретические вопросы экономики социализма с достижениями практического опыта, обращать серьезное внимание на приоритетную поддержку отраслей, развивающихся за счет внутренних ресурсов.

М. К. Аммосов о стратегических задачах развития экономики Якутской АССР в 1920-е гг.

В начале 1920-х гг., вслед за центром, окраины России приступили к восстановлению экономики, разрушенной в годы Гражданской войны. Постепенно военные и политические проблемы все больше уходили в плоскость решения вопросов экономического характера. Этот процесс почти во всех регионах сопровождался преодолением многих политических противоречий и экономических проблем, решением кадровых, бытовых и конкретных практических хозяйственных задач, стоявших перед регионами¹⁰. В Якутии переход к мирной жизни начался только в 1923 г., что было связано с окончанием борьбы с повстанчеством.

Якутская АССР (образованная в 1922 г.) вступила в начальный этап социалистического строительства с крайне низким уровнем социально-экономического развития, почему и центральные органы власти рассматривали Якутию как окраинную республику, производственная специализация которой среди других регионов страны могла быть основана лишь на преимущественном развитии животноводческого хозяйства¹¹. Такая позиция была подтверждена и результатами исследований, предпринятых союзным Госпланом в ходе разработки «Генерального плана развития и реконструкции народного хозяйства СССР на 1926/27–1940/41 гг.». В результате были даны общие, предварительные оценки состояния экономики республики, согласно которым Якутия была призвана в ближайшие 15 лет, главным образом, обеспечивать потребности внутреннего рынка. Речь шла прежде всего об организации бесперебойного снабжения золотодобывающей промышленности, располагавшейся в г. Алдан. Госплан СССР рекомендовал также руководству Якутии сосредоточить самое серьезное внимание на развитии животноводства, при подсобном характере полеводства путем увеличения «доли экстенсивных, но более капиталоемких форм хозяйствования»¹².

¹⁰ Демидов Л.А. Экономическая политика Дальневосточной республики: истоки, эволюция, финал // Дальний Восток России в период революций 1917 г. и гражданской войны: сборник статей. Владивосток, 1998. С. 216–247; Котюкова Т.В. С Россией или без нее: к 100-летию Туркестанской автономии // Мавродинские чтения – 2018: материалы Всерос. науч. конф. Санкт-Петербург, 2018. С. 455–458; Орлов И.Б. НЭП в региональном ракурсе: от усредненных оценок к многообразию // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. М., 2006. С. 33–54.

¹¹ РГАЭ (Российский государственный архив экономики). Ф. 4372. Оп. 22. Д. 12. Л. 176; НА РС (Я) (Национальный архив Республики Саха (Якутия)). Ф. 286. Оп. 16. Д. 321. Л. 15, 23; Оп. 12. Д. 3. Л. 6.

¹² Бурнашева Н.И. Оценка перспектив экономического развития Якутии в материалах к составлению Генерального плана развития и реконструкции народного хозяйства СССР на 1926/27–

Правительство Якутской АССР, которое в 1925 г. возглавил М.К. Аммосов, в качестве первоочередной выдвинуло задачу разработки экономической политики, нацеленной на повышение производительных сил республики. Одним из ее приоритетных направлений была объявлена ликвидация экономической изолированности Якутии и установление связей с центральными регионами СССР. Для этого необходимо было направить усилия республики на улучшение путей сообщения, развитие аграрного сектора, укрепление социалистических элементов в хозяйстве республики и решение переселенческого вопроса¹³. Власти Якутии в этом видели шаг на пути включения экономики Якутской АССР в общероссийские хозяйственные планы. В единую систему народного хозяйства СССР Якутия предполагала включиться на базе самостоятельной и всесторонне обоснованной хозяйственной специализации, собственного места в общесоюзном разделении труда и в крупнейших всесоюзных планах и мероприятиях. При этом стремление к экономическому росту не должно было превратиться в простое механическое уравнение отдельных отраслей хозяйства с соответствующими средними индексными показателями Союза ССР. Процесс выравнивания экономики Якутской АССР и подтягивания ее показателей к общесоюзному уровню был необходим для создания прочного фундамента последующего роста экономики и осуществления коренной реконструкции хозяйства республики.

В решении масштабных задач, стоявших перед Якутской АССР, М.К. Аммосов особое значение придавал научному обоснованию всех обсуждаемых и проводимых хозяйственных мероприятий. По его инициативе в 1924–1925 гг. была проведена важная работа по подготовке научной экспедиции Академии наук СССР по изучению производительных сил Якутии. Постановлением СНК РСФСР от 7 апреля 1925 г. было принято решение о комплексном изучении Академией наук СССР производительных сил ЯАССР. В апреле 1925 г. Академия наук учредила специальную комиссию по изучению Якутской республики (КЯР) под председательством академика С.Ф. Ольденбурга, в состав президиума комиссии был включен М.К. Аммосов. Комиссией были выработаны план и программа комплексного изучения Якутии, рассчитанные на пять лет. Для их реализации Академией наук СССР была организована Якутская экспедиция в составе 10 отрядов: этнографического, медико-санитарного, статистико-экономического, лесо-экономического, геоморфологического и агро-метеорологического направлений, которые представили уникальный по своему значению научный материал¹⁴. Результатом работы комиссии стало опубликование 50 академических изданий, содержащих научный анализ экономического развития Якутии¹⁵. В 1930-е гг. работа комиссии продолжилась с условием тесного увязывания научных исследований с вопросами реконструкции народного хозяй-

1940/41 годы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 7. С. 29.

¹³ Аммосов М.К. Строительство ЯАССР. (Отчет правительства ЯАССР пятому Всеякутскому съезду Советов). Якутск, 1927. С. 3–4.

¹⁴ НА РС (Я). Ф. 91. Оп. 1. Д. 422. Л. 8.

¹⁵ Аммосов М.К. Неизвестные страницы жизни... С. 323.

ства Якутии для решения экономических проблем республики¹⁶. На основе первых результатов работы Комплексной экспедиции Академии наук СССР, по инициативе и под руководством М.К. Аммосова, в 1927 г. был разработан «Генеральный план реконструкции народного хозяйства Якутской АССР на ближайшие 10–15 лет», который базировался на положении о том, что народное хозяйство Якутской республики «может возродиться лишь, как хозяйство всего Союза»¹⁷.

Выступая с отчетом правительства республики V Всеякутскому съезду Советов (1927 г.), М.К. Аммосов сделал заявление о том, что Якутия уверенно вступила на путь интенсивного развития и получила достаточные основания «считаться не чисто сельскохозяйственной, а сельскохозяйственной и золотопромышленной республикой»¹⁸. В пользу этого назывались следующие факты: «а) рост и укрепление Алданской золотопромышленности, б) начало капитального строительства, идущее по линии золотопромышленности, а также дорожного, школьного, больничного, коммунального строительства, по линии электрификации, роста местной промышленности...»¹⁹.

Особо указывалось на рост удельного веса в экономике Якутии промышленности Алдана. На тот момент она занимала одно из «первых (если не самое первое) мест в ряде золотопромышленных районов СССР, занимая никак не менее 25–30 % общесоюзной добычи золота»²⁰. В результате этого с созданием в 1925 г. треста «Алданзолото» недровые богатства, которыми обладала Якутия, приобретают общесоюзное значение.

Достижения первых лет советской власти в области народного хозяйства Якутской АССР позволили правительству в 1927 г. заявить о готовности республики к реализации планов по индустриализации страны.²¹ Научным обоснованием подобного заявления послужили данные предварительных изысканий Комплексной научной экспедиции Академии наук СССР, в ходе которой был установлен факт наличия в крае месторождений разнообразных полезных ископаемых. В материалах экспедиции говорилось: «Система р. Вилюй прорезывает район как по площади и богатству, так и по разнообразию ископаемых, превосходящих Урал более чем в два раза. В этом районе, кроме платины и золота обнаружены – медь, серебро, исландский шпат, залежи каменного угля и железа; имеются драгоценные и полудрагоценные камни»²². Опираясь на полученные данные, власти Якутской АССР рассматривали развитие золотодобывающей промышленности в качестве прочного фундамента для становления и развития местной добывающей и обрабатывающей промышленности. В дополнение к полученным результатам в июле 1927 г. М.К. Аммосовым был предложен план организации местного акционер-

¹⁶ ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 3977. Оп. 1. Д. 283. Л. 17.

¹⁷ Генеральный план реконструкции народного хозяйства Якутской АССР Республики на ближайшие 10–15 лет. Якутск, 1927. С. 5.

¹⁸ Аммосов М.К. Строительство ЯАССР... С. 10.

¹⁹ Там же. С. 18.

²⁰ Там же. С. 10.

²¹ Там же. С. 11.

²² Генеральный план... С. 69.

ного золотопромышленного общества с передачей ему всех обязательств треста «Алданзолото» перед Якутией²³. По мнению М.К. Аммосова, развитие промышленности должно было стать прочной основой для развития экономики в целом, прежде всего для расширения и укрепления сельскохозяйственного производства.

Придавая важное значение развитию сельского хозяйства в Якутии, Аммосов настаивал на необходимости создания специальной комиссии ВЦИК по вопросам детальной проработки вопросов сельского хозяйства Якутской АССР²⁴. Он отмечал: «Вопрос теперь надо ставить в смысле взятия твердого курса на промышленное развитие и, в первую очередь, на развитие золотопромышленности, роль которой с каждым годом должна возрастать, так как мы видим, как благоприятно отзывается развитие золотопромышленности на сельском хозяйстве. Замкнутое сельское хозяйство, работающее только на внутренний рынок, не может сильно развиваться и рассчитывать на быстрое развитие может лишь такое сельское хозяйство, которое имеет обеспеченные рынки сбыта»²⁵.

По итогам экономического развития второй половины 1920-х гг. республиканское правительство докладывало о достижениях. К тому времени на территории республики получили развитие три вида промышленности: общесоюзная золотодобывающая промышленность, которая находилась в ведении ВСНХ, местная государственная промышленность, финансируемая из местного и общегосударственного бюджета и регулируемая ЦСНХ ЯАССР, а также местная кустарная промышленность. Перспективы дальнейшего развития имела, в первую очередь, золотопромышленность, на алданские прииски планировалось доставить и установить 14 драг, при помощи которых характер и способы разработки должны были перейти на новый уровень и значительно увеличить добычу золота²⁶. К усиливающемуся в экономическом отношении Алданскому золотодобывающему району присоединялся еще один – Южно-Якутский район. Значительные перспективы для своего роста во второй половине 1920-х гг. получила и местная государственная промышленность, имевшая для своего развития природный потенциал – богатство недр, лесов и вод. Если в 1926/1927 хозяйственном году капитальные вложения в местную государственную промышленность составляли 54 тыс. руб., то в 1927–1928 хоз. г. – 968 тыс. руб.²⁷ С подъемом государственной промышленности перспективы для развития получила и кустарная промышленность республики²⁸. Таким образом, Якутия уже на начальном этапе советской индустриализации превращалась в важный промышленный регион Советского Союза с ведущей золотодобывающей отраслью, на базе которой предстояло развивать местную добывающую и обрабатывающую промышленность.

²³ НА РС (Я). Ф. 91. Оп. 1. Д. 422. Л. 7.

²⁴ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 121. Д. 491. Л. 83.

²⁵ Аммосов М. К. Строительство ЯАССР... С. 9–10.

²⁶ ГАРФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 541. Л. 32.

²⁷ Там же. Л. 17.

²⁸ НА РС (Я). Ф. 807. Оп. 1. Д. 104. Л. 51–53.

Вклад М.К. Аммосова в становление социалистической экономики Казахстана и Киргизии

Незаурядные знания и способности М.К. Аммосова в полной мере раскрылись в период его работы первым секретарем Оргбюро Казахского краевого комитета ВКП(б) по Западно-Казахстанской области, первым секретарем Западно-Казахстанского, Карагандинского – Северо-Казахстанского областных комитетов ВКП(б) (с марта 1932 г. по март 1937 г.). Начало его работы в Казахстане пришлось на сложный период преодоления катастрофических последствий политики форсированной коллективизации и седентаризации казахского скотоводческого общества – колоссального сокращения поголовья скота, массового голода и масштабной миграции кочевников в сопредельные регионы страны (Западная Сибирь, Поволжье, Узбекистан, Каракалпакия, Киргизия, Туркмения) и за пределы СССР – Монголию, Китай, Афганистан и Иран²⁹. В этом вопросе следует согласиться с мнением российского историка А.В. Грозина о недостаточности репрезентативных материалов о действиях властей по преодолению катастрофы 1932–1933 гг.³⁰ Вместе с тем архивные документы и мемуары современников дают нам возможность объективной оценки роли М.К. Аммосова в нормализации положения в сельской местности и стабилизации хозяйственной жизни скотоводческого населения (к 1933 г. в аулы Западно-Казахстанской области вернулись 20 тыс. откочевавших крестьян), а также оценки его вклада в подготовку национальных кадров, социально-экономическое развитие крупнейших областей Казахстана³¹.

Прежде всего, обращает на себя внимание бережное отношение М.К. Аммосова к самобытному национальному обществу, к его хозяйственным и культурным ресурсам, что с современных позиций можно назвать политикой «сбережения народа», сохранения людского потенциала. Так, в своем выступлении на XVII съезде ВКП(б) М.К. Аммосовым были высказаны мысли о необходимости организационно-хозяйственного укрепления товариществ по совместной обработке земли (ТОЗов) и косьбе как приоритетной форме колхозного движения; обеспечения, по возможности, их соответствия по размерам специфическим условиям расселения казахского населения, занятого в животноводстве (мелкие аулы, иногда отдельные юрты); а также об исключительном значении индивидуального животноводства членов ТОЗов и артелей для развития скотоводческой экономики и культуры. В своей речи он также привел следующие факты: «В Западном Казахстане бесскотных хозяйств насчитывается всего 8–10 %. Имеются уже отдельные члены тозов и артелей, располагающие 15–20 головами производственного скота. Наша задача заключается в том, чтобы в ближайшие годы это количество, по меньшей

²⁹ Грозин А.В. Голод 1932–1933 годов и политика памяти в республике Казахстан. М., 2014. С. 82; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы (1927–1939). М., 2001.

³⁰ Грозин А.В. Голод 1932–1933 годов... С. 71–72.

³¹ Хамидуллин А.Г. Легендарный Максим. Страницы жизни М.К. Аммосова. Алма-Ата, 1988. С. 162; Слепцов П.А. Максим Аммосов – политический и государственный деятель тюркских народов СССР. Якутск, 2001; Аммосова Л.М. Максим Аммосов: публикации, воспоминания, документы, фотографии. Якутск, 2012.

мере, учетверить или упятерить с тем, чтобы индивидуальное животноводство превратить в одну из важнейших форм развития животноводства...»³².

М.К. Аммосов последовательно продолжал отстаивать свои взгляды относительно необходимости поэтапного перехода народов национальных окраин к социализму, что выразилось в его попытках адаптации проекта советизации к внутренним закономерностям развития кочевого казахского социума, что, по существу, означало поддержку частной, семейно-родственной собственности на скот – основного его средства существования. При этом в своей практической работе он исходил из целесообразности «...увязки нужд и потребностей национальных окраин с нуждами и потребностями Союза». Судя по публичным выступлениям и статьям в периодической печати, параллельно с такими вопросами, как освоение Эмбинского нефтяного района, развитие рыболовства на казахстанском побережье Каспийского моря, разработка Карагандинского угольного бассейна и др., предметом его особого внимания и заботы была проблема расширения зернового хозяйства Казахстана для обеспечения продовольственной безопасности и роста благосостояния населения. Подъем полеводства и рост продуктивности урожая М.К. Аммосов связывал с внедрением достижений науки в области растениеводства, в частности, с организацией рационального севооборота. Он выступал за проведение профилактических мероприятий для сохранения плодородия почв (в районах, подверженных ветровой эрозии – это, главным образом, снегозадержание на полях). Он заявлял, в частности: «...Поразительно пестрая урожайность не только между районами, колхозами и совхозами, но и внутри отдельных колхозов и даже внутри отдельных земельных массивов подтверждает, как это видно дальше, значение ряда агротехнических мер в условиях нашей области»³³. Парадоксальным, учитывая полный растущий диктат партийно-бюрократических органов в хозяйственной жизни страны, выглядит такое его неординарное суждение-предложение: «Агроном – это инженер сельского хозяйства. Надо так поставить дело, чтобы распоряжения агронома не отменялись ни секретарем райкома, ни работниками райисполкома»³⁴.

Вместе с тем М.К. Аммосов осознавал, что кардинальный подъем зернового хозяйства Казахстана зависит от массового ввода в сельскохозяйственный оборот нетронутых целинных земель. Уже в 1933 г. в ряде районов Западно-Казахстанской области – Бурлинском, Уральском, Лбищенском и др. – расширились посевы за счет распашки целины³⁵. О действительном состоянии он доложил, в печально-ироничном ключе, на XVII съезде ВКП(б): «...Необходимо безусловно усилить механизацию сельскохозяйственных работ завозом тракторов. Надо сделать все для того, чтобы вчерашним и сегодняшним кочевникам, ныне членам ТОЗов, пахать не на коровах, а дать возможность использовать корову по ее прямому назначению, чтобы корова давала продукцию и воспроизводила нам скот»³⁶. В сентябре

³² Аммосов М.К. С помощью русских рабочих... С. 257–258.

³³ Аммосов М.К. Неизвестные страницы жизни... С. 270.

³⁴ Аммосов М.К. С помощью русских рабочих... С. 275.

³⁵ Хамидуллин А.Г. Легендарный Максим... С. 165.

³⁶ Аммосов М.К. С помощью русских рабочих... С. 258.

1934 г. Казахстан посетил секретарь ЦК ВКП(б) С.М. Киров, и М.К. Аммосов сопровождал его в длительной поездке по территории Карагандинской области. По свидетельству Н.М. Войханского, личного помощника Аммосова, они живо обсуждали проблему распашки целины как колоссального резерва для подъема сельского хозяйства, которую невозможно было решить без мощной техники³⁷.

О значительном усилении поставок сельскохозяйственной техники в период деятельности М.К. Аммосова в Казахстане можно судить по следующим словам из его доклада: «Область в 1936 хозяйственный год вступала, имея 66 % подготовленной земли... Сев проведен в 18 дней, план перевыполнен на 0,6 % с увеличением площади на 11,7 % против 1935 г. 72,4 % рядового сева являются рекордом во всей истории земледелия Казахстана и нашей области (в Казахстане рядового сева 30 %).... Уборка хлебов, после массовой прополки зерновых, проведена с наилучшим использованием комбайнов. В 1936 г. мы убрали комбайнами 336 тыс. га против 82 тыс. га в 1935 г., что составляет 41,3 % уборочной площади зерновых... Серьезных успехов добились в использовании тракторов, заняв девятое место в Союзе. В среднем на один 15-ти сильный трактор выработано в 1936 г. 528,8 га при средней выработке в Казахстане – 388 га и в Союзе – 463 га»³⁸.

В самый разгар плодотворной работы первым секретарем Северо-Казахстанского областного комитета ВКП(б) руководство краевого комитета партии неожиданно выдвинуло обвинение против М.К. Аммосова, ссылаясь на то, что «в отдельных районах области еще имеют место настроения некоторой “обособленности” и центробежные настроения, которым партийные организации и их руководители зачастую не дают должного отпора». По сути, ему вменялось в вину отсутствие «систематической и решительной борьбы с казахским контрреволюционным национализмом и уклонов к нему»³⁹. По указанию ЦК ВКП(б) в марте 1937 г., М.К. Аммосов был переведен в Киргизию, где был избран первым секретарем Киргизского областного комитета ВКП(б), затем первым секретарем ЦК КП(б) Киргизской ССР. В течение последних семи месяцев жизни им были предприняты первые практические шаги по научному изучению производительных сил, языка и культуры Киргизии. В июле 1937 г. он пишет председателю СНК СССР В.М. Молотову и президенту Академии наук СССР В.Л. Комарову: «Киргизия представляет крупнейший интерес для союзного хозяйства в области геохимии, полиметаллов, редких металлов, производства техкультур, организации мощного культурного животноводства... Вопросы изучения национальной культуры, создания научного словаря киргизского языка также являются первоочередными. Указанные обстоятельства ставят перед нами ряд новых задач в области научно-исследовательской работы и создании ряда научных учреждений»⁴⁰. К сожалению, М.К. Аммосову не удалось увидеть реализацию своих планов, поскольку его принципиальная позиция по сдерживанию политических репрессий, как и ранее в Якутии и Казахстане,

³⁷ Хамидуллин А.Г. Легендарный Максим... С. 191–194.

³⁸ Аммосов М.К. Неизвестные страницы жизни... С. 278–279.

³⁹ Винокурова Л.Е. Максим Кирович Аммосов: Якутия, Казахстан, Кыргызстан // М.К. Аммосов: обустройство новой Якутии. Якутск, 2007. С. 152.

⁴⁰ Там же. С. 156–157.

проведению гуманной политики по отношению к национальной интеллигенции привела к обвинению его в «буржуазном национализме». 16 ноября 1937 г. М.К. Аммосов был арестован, 28 июля 1938 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР приговорен к расстрелу. Реабилитирован посмертно в 1956 г.

Выводы

В самые тяжелые для СССР 1920–1930-е гг. М.К. Аммосов находился на ответственных должностях трех значительных по территории национальных республик. В раннесоветский период ему выпало решение масштабных задач, связанных с формированием социалистической экономики в наиболее отсталых, окраинных территориях советского государства. Знания, инициативность и профессионализм позволили ему стать политическим лидером трех тюркских республик СССР. Его яркий талант руководителя проявился в организации масштабных научных исследований естественно-производительных сил, природных и человеческих ресурсов, истории и культуры окраинных территорий, что впоследствии дало возможность диверсификации региональных экономик и включению их в единый хозяйственный организм страны. Сформулированные в свое время М.К. Аммосовым принципы развития окраинных территорий не теряют своей актуальности и в настоящее время, что свидетельствует о его системном видении экономических проблем, умении выделять ключевые направления и определять долгосрочные перспективы развития народного хозяйства, которые выходили далеко за пределы рамок централизованного планирования и управления.

Рукопись поступила: 26 октября 2019 г.

Submitted: 26 October 2019

Библиографический список

- Аммосов М.К.* Неизвестные страницы жизни и деятельности. Якутск: Медиа-холдинг Якутия, 2007. 376 с.
- Аммосов М.К.* С помощью русских рабочих и крестьян. Статьи, речи, воспоминания, письма. Якутск: Книжное издательство, 1987. 286 с.
- Аммосов М.К.* Строительство ЯАССР. (Отчет правительства ЯАССР пятому Всеякутскому съезду Советов). Якутск: Издательство кооператива «Ленинец», 1927. 42 с.
- Аммосова Л.М.* Максим Аммосов: публикации, воспоминания, документы, фотографии. Якутск: Бичик, 2012. 480 с.
- Бурнашева Н.И.* Оценка перспектив экономического развития Якутии в материалах к составлению Генерального плана развития и реконструкции народного хозяйства СССР на 1926/27–1940/41 годы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 7. С. 27–29.
- Винокурова Л.Е.* Максим Кирович Аммосов: Якутия, Казахстан, Кыргызстан // М.К. Аммосов: обустройство новой Якутии. Якутск: ИГИ АН РС(Я), 2007. С. 140–155.
- Грозин А.В.* Голод 1932–1933 годов и политика памяти в республике Казахстан. М.: Институт востоковедения РАН, 2014. 178 с.
- Демидов Л.А.* Экономическая политика Дальневосточной республики: истоки, эволюция, финал // Дальний Восток России в период революций 1917 г. и гражданской войны: сборник статей. Владивосток: ДВО РАН, 1998. С. 216–247.

- Жирков А.Н., Слепцов П.А. Жизнь, отданная народу // Максим Аммосов: публикации, воспоминания, документы, фотографии. Якутск: Бичик, 2012. С. 3–12.
- Котюкова Т.В. С Россией или без нее: к 100-летию Туркестанской автономии // Мавродинские чтения – 2018: материалы Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург: СПбГУ, 2018. С. 455–458.
- Лысенко Ю.А., Лысенко М.Ф. К вопросу о политике коренизации аппарата государственного управления в Туркестанской и Киргизской (Казахской) автономных советских социалистических республиках РСФСР (1919–1924 гг.): цели, этапы и итоги // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 2–3 (87). С. 131–138.
- Минеева Е.К., Кировов Н.В., Минеев А.И. Руководящие кадры в системе управления национальными автономиями РСФСР в 1920-е гг.: состав и социальная мобильность // Клио. 2016. № 4 (112). С. 77–82.
- Назаров А.Д. Отец-основатель: знаменитый и неизвестный (штрихи к политическому портрету пламенного революционера-интернационалиста М.К.Аммосова) // М. Аммосов: публикации, воспоминания, документы, фотографии. Якутск: Бичик, 2012. С. 409–422.
- Орлов И.Б. НЭП в региональном ракурсе: от усредненных оценок к многообразию // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. М.: РОССПЭН, 2006. С. 33–54.
- Слепцов П.А. Максим Аммосов – политический и государственный деятель тюркских народов СССР. Якутск: Бичик, 2001. 432 с.
- Хамидуллин А.Г. Легендарный Максим. Страницы жизни М.К. Аммосова. Алма-Ата: Казахстан, 1988. 222 с.
- Шекшеев А.П. Национальная политическая элита Хакасии: вхождение во власть, борьба за суверенитет и судьба (1920–1930-е гг.) // Мир Евразии. 2011. № 1 (12). С. 48–57.

References

- Ammosov, M.K. *Neizvestnyye stranitsy zhizni i deyatelnosti*. Yakutsk: Media-kholding Yakutiya Publ., 2007 (in Russian).
- Ammosov, M.K. *Spomoshch'yu russkikh rabochikh i krest'yan. Stat'i, rechi, vospominaniya, pis'ma*. Yakutsk: Knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1987 (in Russian).
- Ammosov, M.K. *Stroitel'stvo YAASSR. (Ochet pravitel'stva YAASSR pyatomu Vseyakutskomu s"yezdu Sovetov)*. Yakutsk: Kooperativ «Leninets» Publ., 1927 (in Russian).
- Ammosova, L.M. *Maksim Ammosov: publikatsii, vospominaniya, dokumenty, fotografii*. Yakutsk: Bichik Publ., 2012 (in Russian).
- Burnasheva, N.I. “Assessment of prospects for economic growth of Yakutia in materials for the general plan of development and reconstruction of national economy of the USSR for the period of 1926/27–1940/41.” *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice*, no. 7 (2015): 27–29 (in Russian).
- Demidov, L.A. “Ekonomicheskaya politika Dal'nevostochnoy respubliki: istoki, evolyutsiya, final.” In *Dal'niy Vostok Rossii v period revolyutsiy 1917 g. i grazhdanskoj vojny: sbornik statej*, 216–247. Vladivostok: DVO RAN Publ., 1998 (in Russian).
- Grozin, A.V. *Golod 1932–1933 godov i politika pamyati v respublike Kazakhstan*. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS Publ., 2014 (in Russian).
- Kotyukova, T.V. “S Rossii ili bez nee: k 100-letiyu Turkestanskoy avtonomii.” In *Mavrodinskiye chteniya – 2018: materialy Vserossiyskoj nauchnoj konferentsii*, 455–458. St. Peterburg: SPbGU Publ., 2018 (in Russian).
- Khamidullin, A.G. *Legendarnyy Maksim. Stranitsy zhizni M.K. Ammosova*. Alma-Ata: Kazakhstan Publ., 1988 (in Russian).
- Lysenko, Yu.A., and Lysenko, M.F. “To the Question of State Apparatus Indigenization Policy of Turkistan and Kurgyzstan (Kazakhstan) Autonomous Soviet Socialistic Republics RSFSR (1919–1924): Aims, Stages, Results.” *Izvestiya of Altai State University*, no. 2–3 (2015): 131–138 (in Russian).

- Mineyeva, Ye.K., Kirosov, N.V., and Mineyev, A.I. “Leading cadres in the system of managing the national autonomies of the RSFSR in the 1920s: composition and social mobility.” *Klio*, no. 4 (2016): 77–82 (in Russian).
- Nazarov, A.D. “Otets-osnovatel’: znamenityy i neizvestnyy (shtrikhi k politicheskomu portretu plamennogo revolyutsionera-internatsionalista M.K. Ammosova).” In *M. Ammosov: publikatsii, vospominaniya, dokumenty, fotografii*, 409–422. Yakutsk: Bichik Publ., 2012 (in Russian).
- Orlov, I.B. “NEP v regional’nom rakurse: ot usrednennykh otsenok k mnogoobraziyu.” In *NEP: ekonomicheskiye, politicheskiye i sotsiokul’turnyye aspekty*, 33–54. Moscow: ROSSPEN Publ., 2006 (in Russian).
- Sleptsov, P.A. *Maksim Ammosov – politicheskii i gosudarstvennyy deyatel’ tyurkskikh narodov SSSR*. Yakutsk: Bichik Publ., 2001 (in Russian).
- Shekshehev, A.P. “The national political elite of Khakassia: entry into power, the struggle for sovereignty and fate (1920–1930s).” *Eurasia World*, no. 1 (2011): 48–57 (in Russian).
- Vinokurova, L.Ye. “Maksim Kirovich Ammosov: Yakutiya, Kazakhstan, Kyrgyzstan.” In *M.K. Ammosov: obustroystvo novoy Yakutii*, 140–155. Yakutsk: IGI AN RS(YA) Publ., 2007 (in Russian).
- Zhirkov, A.N., and Sleptsov, P.A. “Zhizn’, otdannaya narodu.” In *Maksim Ammosov: publikatsii, vospominaniya, dokumenty, fotografii*, 3–12. Yakutsk: Bichik Publ., 2012 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Бурнашева Наталия Ивановна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории и арктических исследований, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера ФИЦ СО РАН.

Natalia I. Burnasheva, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Leading Researcher of the Department of History and Arctic Researches, The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian branch of the Russian Academy of Sciences.

Игнатъева Ванда Борисовна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра социологических исследований, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера ФИЦ СО РАН.

Vanda B. Ignatieva, Kandidat Istoricheskikh Nauk [Ph.D. in History], Leading Researcher of the Center for Sociological Researches, The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian branch of the Russian Academy of Sciences.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-1-78-94>

Научная статья / Research article

Comrades in Arts: The Soviet Dekada of National Art and the Friendship of Peoples

Isabelle R. Kaplan

National Research University Higher School of Economics;
21/4, Staraya Basmannaya St., Moscow, 105066 Russia; kaplanindc@yahoo.com

Товарищи по искусству: фестиваль народного искусства и дружбы народов в СССР в середине 1930-х гг.

И.Р. Каплан

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
105066, Россия, г. Москва, ул. Старая Басманная, 21/4; kaplanindc@yahoo.com

Abstract: This article examines the dekady of national art, a series of Soviet festivals first staged in the mid-1930s to highlight the cultures and artistic accomplishments of the various non-Russian republics of the USSR. The institution of the dekada, I contend, made considerable contributions to Soviet nation-building efforts and the construction of multiethnic culture. The article unfolds in three sections. The first relies on archival documents to trace the origins and evolution of the dekada of national art in the context of its bureaucratic home, the All-Union Committee on Arts Affairs. The second draws largely on periodical sources to consider the ways in which the larger currents of Stalin-era culture are reflected in the dekady of national art and, in particular in the national operas that served as the centerpieces of the dekady. The final section turns to the Friendship of Peoples campaign, identifying one aspect of it – that Soviet citizens appreciate not only their own national art but the art of other Soviet nations – as central to the dekady. Analyzing the public rhetoric surrounding the dekady, I identify several themes that emerge and their implications for forging a common pan-Soviet culture. I conclude that it is not only national cultural production, but the consumption of national cultural products by a multiethnic audience that is central to nation-building on multiple levels as well as a means to unite the ethnically diverse Soviet people, and that the dekada festivals aimed to bring the Soviet nations closer together by providing them an opportunity to consume one another’s cultural products.

Keywords: Dekada of National Art, Friendship of Peoples, Soviet republics, cultural production, cultural consumption, 1930s, national cultures

Acknowledgments: Writing and research for this article were supported by American Councils, Fulbright IIE, the US Embassy in Baku, the Azerbaijan Diplomatic Academy, Georgetown University, the University of Maryland-College Park, and the National Research University “Higher School of Economics.” Portions were presented at ARISC, ASEEEES, ICCEES and ASN conferences, and I am grateful to all panelists, discussants, and attendees for their feedback. Likewise, I extend my thanks to the two peer reviewers for their comments and suggestions.

For citation: Kaplan, Isabelle R., “Comrades in Arts: The Soviet Dekada of National Art and the Friendship of Peoples.” RUDN Journal of Russian History 19, no. 1 (February 2020): 78–94. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-1-78-94>

© Kaplan I., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Аннотация: В статье рассматривается советский опыт проведения декады или десятидневного фестиваля национального искусства, зародившегося в 1930-е гг. под названием «Дружба народов». Его целью было знакомство советской многонациональной аудитории с культурными достижениями отдельных народов СССР. В то время, как некоторые наблюдатели считают, что декада национально-го искусства – это просто демонстрация пропагандистского китча, автор статьи утверждает, что фестивали являлись важными площадками национального строительства в СССР. В рамках отдельной республики декада открывала возможность для формирования национальной идентичности, хотя и «официально санкционированной» версии, посредством художественного производства и гордой национальной самопрезентации. В то же время декада внесла свой вклад в создание всесоюзного, многоэтнического художественного канона, который призван был обеспечить важную особенность пансоветской идентичности. В статье отмечается, что декады национального искусства, с одной стороны, представляют собой очередную итерацию высокоэффективной советской пропаганды, воплощающей известные направления культуры сталинской эпохи. С другой стороны, эти фестивали стали важным событием в жизни советских наций и в советском национальном строительстве. Национальные культуры предоставили материал для построения международной культуры, так же как национальные продукты были строительными блоками интегрированной международной экономики. В качестве возможности для ритуального потребления всеми советскими народами избранных, одобренных Москвой, национальных продуктов, вносимых каждой братской республикой, фестивали Декады были направлены на содействие процессу культурной интеграции и построение единой советской идентичности. Рамки дружбы народов обеспечили многокультурную аудиторию, необходимую для того, чтобы сделать национальное искусство универсальным. Представление каждой нацией своего художественного продукта и восхищенного потребления его всесоюзной аудиторией было культурной операцией, посредством которой отдельная нация способствовала созданию общей советской культуры. В обмен была утверждена отдельная нация – «производитель». Таким образом, фестивали, подобные Декаде, предоставляли собой своеобразный механизм для развития всесоюзного, многонационального художественного канона, который, мог стать краеугольным камнем в здании единого советской идентичности.

Ключевые слова: декада народного искусства, дружба народов, советские республики, 1930-е годы, национальные культуры

Благодарности: Автор выражает благодарность за поддержку, оказанную Американским советом, Фулбрайтом ПЕ, посольством США в Баку, Дипломатической Академией Республики Азербайджан, Джорджтаунским университетом, Университетом штата Мэриленд-Колледж-Парк и Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики». Я благодарна всем участникам дискуссий на конференциях, организованных ARISC, ASEEES, ICCEES и ASN, а также двум анонимным рецензентам за их комментарии и предложения.

Для цитирования: Каплан И.Р. Товарищи по искусству: фестиваль народного искусства и дружбы народов в СССР в середине 1930-х гг. // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2020. Т. 19. № 1. С. 78–94. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-1-78-94>

Introduction

The title of the current issue of the present journal reminds us of *Druzhiba narodov* (the Friendship of Peoples) as a feature of Soviet life. Some see it as an instrumentalist campaign devised in the mid-1930s to forge unity among an ethnically diverse population by trumpeting, if hypocritically, the equality of the “*bratskii*” [brotherly] peoples of the Soviet Union against a backdrop of an officially sanctioned rising Russocentrism.¹ One scholar has identified “the rehabilitation of traditional Russian culture and Russian nationalism as

¹ Terry Martin, *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 2001), 270, 441; A formalized, official Friendship of Peoples rhetoric appeared in 1935 and quickly became ubiquitous as an obligatory part of Soviet fustian for all government channels.

a force for Soviet unity” as a “major feature of the Friendship of Peoples.”² For others, the phrase encapsulated the notion of internationalism, which despite some fluctuations in meaning, remained a fundamental tenet of Soviet ideology that preceded the Stalin era and remained relevant long after.³ In this broader understanding, the Friendship of Peoples ethos was, arguably, part of a set of Soviet policies that fostered interethnic cooperation so meaningful it was a factor in mitigating ethnic violence during World War II.⁴

This article takes as its focus the *dekada*, or ten-day festival, of national art, a Soviet institution born in the 1930s under the Friendship of Peoples rubric that aimed to bring the individual cultures of non-Russian Soviet nations to the attention of the broader, multiethnic audience of the USSR. While some observers have dismissed the *dekada* (pl. *dekady*) of national art as a mere display of propagandistic kitsch, I have argued that the festivals could be important sites of active nation-building on two discrete but interconnected levels. For the republic taking the stage, the *dekada* provided important opportunities for the forging of national identity, albeit the “officially sanctioned” version, through artistic production and proud national self-presentation.⁵ At the same time, I contend, the *dekada* contributed to the project of constructing an all-Union, multi-ethnic artistic canon that could furnish an important feature of pan-Soviet identity. The present analysis unfolds in three sections. The first relies on archival documents to portray the origins and evolution of the *dekada* of national art in its institutional setting. The second draws largely on periodical sources to show that the institution was not a mere outgrowth of Soviet nationalities policy but a product of Soviet 1930s culture more generally. The final section illustrates how the festivals employed the most salient cultural forces of the era to serve the needs of Soviet nationalities policy, mobilizing the period’s emphasis on production and consumption as a means to unite the ethnically diverse Soviet people.⁶

The Dekada of National Art and Institutional Context

Between 1936 and 1941, ten *dekady* of national art were presented in Moscow, each celebrating the artistic accomplishments of a different non-Russian ethnic group of the Soviet Union (See Table 1).⁷

² Terry Martin, *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 2001), 441.

³ While early on Soviet internationalism referred to all humankind, Yuri Slezkine asserts that in the 1930s “internationalism” and “Friendship of Peoples” alike referred to “close ties among Soviet nationalities.” Yuri Slezkine, “The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism,” *Slavic Review* 53, no. 2 (Summer 1994): 443; Later on, the term “Friendship of Peoples” came to encompass non-Soviet groups as well.

⁴ Diana Dumitru, and Carter Johnson, “Constructing Interethnic Conflict and Cooperation: Why Some People Harmed Jews and Others Helped Them during the Holocaust in Romania,” *World Politics*, no. 61/1 (January 2011): 1–42.

⁵ Jeffrey Brooks refers to the “officially sanctioned non-Russian cultures” on display at the *dekady*. See Jeffrey Brooks, *Thank You, Comrade Stalin! Soviet Public Culture from Revolution to Cold War* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2000), 96. The *dekady* have been described as Moscow’s “favored symbolic demonstration” of the Friendship of Peoples. (Martin, *The Affirmative Action Empire*, 439) One conference panel discussant referred to the national art *dekady* as instances of “Disneyfication.”

⁶ On the role of the festivals in forging local national identities, see Isabelle R. Kaplan, *The Art of Nation-building: National Culture and Soviet Politics in Azerbaijan and Other Minority Republics* (PhD diss., Georgetown University, 2017).

⁷ *Dekady* of national art were presented by the titular ethnic groups of Union-level republics and sometimes by groups with an autonomous republic within the RSFSR (for example, the Buriat-Mongol

Table 1

Pre-World War II Dekady of National Art in Moscow

Republic	Dates of dekada
Ukrainian SSR	10–21 March 1936
Kazakh SSR	17–25 May 1936
Georgian SSR	5–15 January 1937
Uzbek SSR	21–30 May 1937
Azerbaijani SSR	5–15 April 1938
Kirgiz SSR	26 May – 4 June 1939
Armenian SSR	20–29 October 1939
Belorussian SSR	5–15 June 1940
Buriat-Mongol ASSR	20–27 October 1940
Tajik SSR	12–21 April 1941

Source: RGALI, f. 962, op. 21, d. 2, *passim*.

Held under the auspices of the newly created All-Union Committee of Arts Affairs of the SNK SSSR [Всесоюзный комитет по делам искусств при СНК СССР], which aimed to unify control over all aspects of the arts, the dekady were organized by the local directorates [управления] of arts affairs established in each republic. The publicly stated purpose of the dekady of national art was to demonstrate the success of Soviet nationalities policy, specifically, the nation-building activities fostered by this policy in the area of culture. For each ten-day festival, the “host” republic sent a delegation of hundreds of artists and performers to Moscow to present an extravagant, carefully planned cultural program that included the full complement of what, in Moscow’s view, exemplified the cultural achievements of a mature nation. These, for the series of pre-war dekady examined here, were in large part localized around the activities of the opera and ballet theater in each republican capital. Collectives housed at these respective theaters typically included an opera or musical drama troupe, a ballet troupe, and a symphony orchestra, which became the nucleus of the national art dekada. Other ensembles that became staples of national art dekady included an orchestra of “national instruments,” a national dance group, amateur singing and dance collectives, and a children’s choir.

The first national art dekada in Moscow, that of Ukrainian art held in March 1936, was initially organized by the All-Union Committee of Arts Affairs’ Directorate of Theaters as part of a series of tour dates by the Kiev State Opera and Ballet Theater in Moscow and Leningrad. Early planning documents refer to the events as the “Dekada of Ukrainian Musical Art,” which is explained as a “showing of Ukrainian musical creative work and excellence in performance” [«показ Украинского музыкального творчества

ASSR). Following World War II, the tradition continued, with dozens more dekady of national art held in Moscow. By the 1960s the model expanded to bypass Moscow and establish periphery-to-periphery contacts through events such as the 1966 Dekada of Belorussian Art in Uzbekistan.

и исполнительского мастерства)].⁸ In a February 1936 letter to All-Union Committee of Arts Affairs Chair P.M. Kerzhentsev, acting chair of the new Directorate of Arts Affairs of the Ukrainian SSR A.A. Khvyliya outlined the dekada activities: Following an opening concert given by Bolshoi Theater performers at the Colonnade Hall of the House of Unions [Колонный зал Дом Союзова] to welcome the Ukrainian visitors, the Kiev State Academic Opera and Ballet Theater took the stage of the Bolshoi Theater across the street for ten days, presenting performances of three operas: two by Ukrainian composers as well as a Russian classic, sung in Ukrainian. The “tour” would conclude with “a concert of Ukrainian folk songs and dances” [«концерт украинской народной песни и танца»], which would feature a variety soloists along with groups such as a capella singers, a women’s choral ensemble, bandura players, and the Ukrainian Red Army amateur [самодеятельный] ensemble. The groups would bring all scenery and costumes with them from Kiev, as well as a staff of stagehands, along with Ukrainian and Russian editions of booklets with summaries and other information about each opera.⁹ Thus a range of Ukrainian musical culture was on display at the dekada.

While the above outline of the Ukrainian festival established a format repeated in subsequent dekady of national art, there are visible variations that address the individual circumstances of one or another republic. In addition, some features of the 1936 dekady (Ukrainian, Kazakh) appear to compensate for the limited organizational capacity of a new arts bureaucracy – the All-Union Committee of Arts Affairs – that was still taking shape in the first months of 1936. For example, the Ukrainian arts chief, Khvyliya, informed Kerzhentsev of where the dekada participants would be staying while in Moscow, and it is the administration of the Moscow State Philharmonic, under N.N. Kuliabko, that draws up a budget for the Ukrainian dekada and presents it to Kerzhentsev’s All-Union Committee.¹⁰ For later dekady of national art of the pre-war period, an organizational committee [оргкомитет] of All-Union Committee on Arts Affairs officials in Moscow was appointed to oversee such logistical aspects of the festivals. In contrast, the first three months of 1936 saw the new arts committee appointing its core staff in Moscow, confirming leadership of arts directorates in the republics, and inventorying the vast web of arts institutions now under its control. Khvyliya, the arts official in Kiev, was confirmed as head of the Ukrainian Directorate of Arts Affairs on 16 March 1936, as his dekada was taking place in Moscow.¹¹ While the participants of the Ukrainian dekada in 1936 were scheduled to give a series of concerts at Moscow State Conservatory, there is no evidence of analogous appearances in connection with subsequent festivals.¹² Since the Moscow State Philharmonic’s involvement in dekada organization is limited to the Ukrainian experience, one wonders if the All-Union Committee’s first dekada plans in February 1936 were relying on pre-existing tour engagements, and organizational infrastructure, perhaps out of necessity.

⁸ Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva (henceforth RGALI), f. 962, op. 21, d. 67, l. 22.

⁹ Ibid., ll. 19–21.

¹⁰ Ibid., ll. 21, 26, 31–30 ob.

¹¹ RGALI, f. 962, op. 3, d. 23, l. 85; Before his appointment as head of the new arts directorate, Khvyliya had held a leadership position in the Narkompros of the Ukrainian SSR. On Khvyliya, see Mayhill C. Fowler, *Beau Monde on Empire’s Edge: State and Stage in Soviet Ukraine* (University of Toronto Press, 2017).

¹² RGALI, f. 962, op. 21, d. 67, l. 23.

Planning documents for the Dekada of Kazakh Art, held in Moscow just two months later, in May 1936, likewise, reveal terminological uncertainty and organizational contingencies. Apart from the occasional use of *'dekadnik'* (rather than *'dekada,'* which quickly became the term used for the festivals of national art), Kazakh planning is notable for the unusually large role of the Writers' Union, both in Moscow and its local branch in the Kazakh capital. One reason for this could be the nascent state of the republican (and, in fact, all local) arts directorates; in contrast, the Union of Soviet Writers, which had existed since 1934, had had time to develop an infrastructure in the national republics, including channels of communication with Moscow, as well as its own financial resources and allotments. Thus, another possible reason is budgetary. The position of the All-Union Committee on Arts Affairs at this point was that, while there was certainly interest in a series of festivals of national culture of the peoples of the USSR, the arts committee itself did not have sufficient funds to support it and was not in a position to ask the Sovnarkom to dip into its reserve fund. So, deputy head of the arts committee's Main Directorate of Theaters, who had been looking into the feasibility of a Kazakh "dekadnik" in response to a query from the chair of the board of the Writers' Union and Commissar of Enlightenment of the Kazakh ASSR, concluded, if "the Kazakhstani organizations want to, they will find the money."¹³ The Kazakh festival, sometimes referred to as the "Dekada of Kazakh Art and Literature," included alongside performances by the Kazakh State Musical Theater and Kazakh State Philharmonic, a program of literary evenings, some with musical performances, the costs of which were covered by the Board of the Union of Soviet Writers of the USSR [Правление Союза Советских Писателей СССР].¹⁴

As the dekada of national art continued to evolve, they became more expansive, with larger delegations traveling to Moscow and new art forms included in the programming. For example, during the Dekada of Georgian Art in January 1937, the latest films produced by the republic's Goskinoprom studio were screened in Moscow movie theaters. The delegation that went to Moscow for the Dekada of Belorussian Art in June 1940 included a group of architects, whose travel expenses were covered by the board of the Union of Soviet Architects [Правление Союза Советских Архитекторов].¹⁵ As the All-Union Committee on Arts Affairs gained strength and resources, it solidified its control over the dekady and its ability to shape them. The arts committee was able to arrange approval of ever larger funding allocations for dekada preparation in republican yearly budgets, and when time was too short to include such provisions the committee asked the SNK to provide extra resources. For example, archival documents show that planning for the Dekada of Belorussian Art had begun in April 1939, with a projected delegation of 435, but when newly annexed territory pushed the republic's borders westward, authorities rushed to expand the festival to match the enlarged BSSR. The unforeseen expenses of a delegation that ballooned to well over 1000 were borne by the SNK SSSR.¹⁶

The Great Terror, which targeted the creative elites of the national republics in particular, did not leave dekada planning unscathed; it is telling that between May 1937 and May 1939 the only dekada held in Moscow was that of the Azerbaijani SSR. Fol-

¹³ RGALI, f. 962, op. 21, d. 38, l. 22; The Enlightenment Commissar, Temirbek Zhurgenov, was also appointed the head of the Directorate of Arts Affairs, holding both posts simultaneously.

¹⁴ Ibid., ll. 19–19 ob.

¹⁵ Ibid., d. 26, ll. 3, 48.

¹⁶ Ibid., ll. 68–71, 14, 12; Ibid., f. 962, op. 21, d. 27, ll. 1–67.

lowing these upheavals, however, dekada preparation became routinized under Mikhail Khrapchenko, the new chair of the All-Union Committee on Arts Affairs. The arts committee in Moscow determined if and when a republic was ready to undertake a dekada, issuing its timeline and budget recommendations to the SNK. It sent staff to assist republics in their preparation work and sent a brigade to preview each dekada program in a republic's capital before festival dates could be finalized.

Still, the emergence of procedural stability notwithstanding, central features of the dekada of national art were apparent from the start, with the Kiev State Academic Opera and Ballet Theater performing national works on the stage of Moscow's Bolshoi Theater before an audience of arts, government, and Party elites. Organizationally and conceptually, the dekada of national art was rooted in the theater. Unlike the Union of Soviet Writers, which had a section devoted to nationalities, the All-Union Committee on Arts Affairs did not. The framers and runners of the dekady of national art in Moscow came from the Main Directorate of Theaters of the All-Union Committee.

The Dekada of National Art and 1930s Culture

Given its grounding in the theater, it is perhaps not surprising that from start to finish, each ten-day festival of national art was about staging and choreography, both literally and metaphorically. A dekada's gala opening was typically the Moscow premiere of a national opera presented at the Bolshoi Theater with top state and Party brass, including Stalin, in attendance. A lavish final concert was followed by a Kremlin reception for the visiting delegation and luminaries of the Moscow arts world. In between, Moscow audiences were treated to a cultural program that included everything from folk dance to ballet, from folk instruments to full symphony orchestra. Each dekada was conceived as a showcase for evidence of mature nationhood and cultural progress, and for the arbiters of dekada success at the All-Union Committee on Arts Affairs, an original Western-style grand opera in the republican language was an essential artifact. So important was the presentation of such a work that one critic sourly summarized the Dekada of Uzbek Art held in 1937 as falling short of expectation "because it lacked a national operatic spectacle on a large scale."¹⁷ Generally speaking, republics strove to present multiple operas in their dekada repertoire, ideally including one based on a folk legend, national epic, or event from the national past and one based on revolutionary history or Soviet life.

A variety of factors underlay this fixation on grand opera as a litmus test for national development, and therefore its requisite presence at the center of each dekada program.¹⁸ Such influential cultural figures as Anatolii Lunacharskii saw opera's potential

¹⁷ Rena Moisenko, *Realist Music: 25 Soviet Composers* (London: Meridian Books, 1949), 238. There were some who referred to works presented at the Uzbek dekada as "operas," while others disparagingly called them "musical dramas."

¹⁸ A number of scholars have pointed out the particular importance of opera in the Soviet cultural pantheon as well as its particular role in the development of Soviet national art. See, for example, Marina Frolova-Walker, "'National in Form, Socialist in Content': Musical Nation-Building in the Soviet Republics," *Journal of the American Musicological Society* 51, no. 2 (Summer 1998): 335, and Martin, *The Affirmative Action Empire*, 440. To facilitate the generation of national operas, central authorities dispatched recent graduates of Moscow and Leningrad conservatories to republics perceived as in need of assistance, particularly in Central Asia.

to “transform consciousness” and therefore its value to the revolution.¹⁹ Yet the operatic genre that the (predominantly Russian) dekada architects at the All-Union Committee on Arts Affairs wanted to see uniquely epitomizes their cultural moment. They wanted grand national operas like those Europe produced in its age of nationalism, works that would do for each national republic what Glinka had done for Russia, that wove together different branches of the arts to achieve a unified, monumental whole.²⁰ Such artistic output aptly befitted the public culture of the era. This section examines how several prominent currents in Soviet 1930s culture mapped onto the dekady of national art.

Pageant – Celebration – Competition. Alongside events such as parades in Red Square and the All-Union Agricultural Exhibition that opened in Moscow in 1939, the dekada of national art belongs to the genre of large-scale public celebrations that by the late 1930s had overrun the Soviet calendar. These extravaganzas were evidence of Stalin’s 1935 declaration that life had become better, which ushered in a new era that demanded exuberant expressions of joy from individual and collective alike.²¹ In arts and athletics, the *olimpiada* and *spartakiada* formats showcased “socialist competition” in the service of celebrating Soviet achievement. In contrast to parades in which each republic marched ostensibly as an equal partner in the Soviet family of nations (with the exception of Russia, which was “first among equals”), contests made space for winners and thus explicitly invited comparison among participants.²² The dekada of national art, which focused on one republic at a time, did not officially include competition or even comparison between nations; instead, it offered each its moment in the spotlight on the all-Union stage.

Yet the “sibling rivalry” among national republics is evident in conversations among dekada planners. A member of Azerbaijan’s dekada-planning committee referred to one opera on the republic’s program as the Azerbaijanis’ “trump card” because it was “a response to all the problems that neither Georgia nor Ukraine solved” in their dekady.²³ The planning committee in Baku agreed that Azerbaijan must bring to Moscow a choir at least as large as the ones the Georgians and Uzbeks had brought to their dekady.²⁴ The statements of the authorities encouraged these comparisons by stressing that each republic should learn from previous dekady. At a June 1937 meeting with participants of the Dekada of Uzbek Art, which had just ended in Moscow, a deputy chair of the All-Union Committee discussed the high and low points of the festival, saying this stock-taking would be instructive not only for the Uzbeks but for all national republics, who, of course, want to present Moscow with the best they can. To facilitate this, a summary of the Uzbek dekada “results” would be pub-

¹⁹ Marina Frolova-Walker, “The Soviet Opera Project: Ivan Dzerzhinsky vs. Ivan Susanin,” *Cambridge Opera Journal* 18, no. 2 (July 2006): 188.

²⁰ Frolova-Walker, “‘National in Form, Socialist in Content,’” 339.

²¹ Evgenii Dobrenko, “Naideno v perevode: rozhdenie sovetskoi mnogonatsional’noi literatury iz smerti avtora,” *Neprikosnovennyi zapas*, no. 4 (July-August 2011): 246.

²² Karen Petrone describes the 1939 Physical Culture Parade in Red Square, in which the Russian delegation marched behind a banner emblazoned with these words. See Petrone, *Life Has Become More Joyous, Comrades: Celebrations in the Time of Stalin* (Bloomington, IN: Indiana University Press, 2000), 35.

²³ Republic of Azerbaijan State Literature and Art Archive named for Salman Mümtaz (henceforth ARDƏİA), f. 361, siy. 1, iş 17, səh. 259; Ukraine’s dekada had been the first, held in March 1936.

²⁴ ARDƏİA, f. 361, siy. 1, iş 18, səh. 27; State Archive of the Republic of Azerbaijan (henceforth ARDA), f. 411, siy. 19, iş 317, səh. 32, 57.

lished and distributed to the national republics as an aid in their own dekada preparations.²⁵ The comments of political and artistic leaders reveal an anxious awareness of the dekada's meaning and what was at stake. Secretary of the Central Committee of the Communist Party of Kirgiziia K. Dzhanaliev was cognizant in 1939 that the creative community of his republic had been summoned to Moscow to submit its artistic products for approval: "we realize that the *dekada* is an exam of the artistic and ideological [orthodox political] maturity of the theatrical and musical culture of Kirgiziia."²⁶

Unity and Integration. Some have argued that the mass celebrations of the 1930s reflected the state's "attempt to create a Soviet identity" and "a unified country out of ethnically diverse and geographically dispersed territories," commenting that such moves "remained in tension with efforts to promote the development of the individual nationalities that made up the Soviet Union."²⁷ Indeed, the sequence of the initial dekady of national art before World War II underscores the festival as a ritual of integration.

The choices of Ukraine and Kazakhstan as the first two republics to present a dekada in Moscow seems beyond coincidence. The invitation to the Ukrainians may have been part of the "dramatic revival of Ukrainization" in 1935–36 following the de-Ukrainization connected with the Skrypyk affair in 1932–34.²⁸ The welcoming to Moscow of one of Ukraine's premier cultural institutions in March 1936 served as evidence of the Stalinist state's esteem for Ukraine even as it bound the republic to the center. The Kazakh dekada in May 1936, celebrated the republic's accession from autonomous ethnic republic within RSFSR to Union-level status, a promotion said to reflect the "consolidation of the Kazakh people into a nation," which was an evolutionary step credited to Soviet nationalities policy.²⁹ A newly "reunited" Belorussia rushed to present a dekada in June 1940 that included collectives from the western as well as the eastern part of the republic. By this time the Sovietized Baltic republics of Lithuania and Estonia had already begun planning their respective dekady of national art.³⁰ In the words of one contemporary observer, the dekada of national art was a ritual "necessary for the creation of true Soviet citizens, for the knitting together of the vast State."³¹

The Stakhanovite Treatment. The dekada of national art projected Stakhanovite culture into the artistic sphere, starting with the term 'dekada' itself, which is connected with early Soviet attempts to reconfigure the conventions of measuring time so as to "rationalize" production. Rather than seven-day weeks, the early Soviets sought to establish a ten-day pe-

²⁵ RGALI, f. 962, op. 21, d. 62, ll. 42–46.

²⁶ K. Dzhanaliev, *Iskusstvo Sovetskoi Kirgizii* (M.: Iskusstvo, 1939), 7. Vis-à-vis the Asian republics, the Soviet concept of cultural maturity implied Westernization of artistic forms.

²⁷ Petrone, *Life Has Become More Joyous*, 10–11; Petrone is hardly alone in pointing out the tensions in Soviet nationalities policy. The theme of the policy's ambiguities and contradictions is an organizing principle of Terry Martin's *The Affirmative Action Empire*.

²⁸ Martin, *The Affirmative Action Empire*, 368.

²⁹ Semyon Dimanshtein, quoted in Martin, *The Affirmative Action Empire*, 447.

³⁰ *Pravda*, September 29, 1940; *Ibid.*, October 5, 1940, 1; RGALI, f. 962, op. 21, d. 43, *passim*; *Ibid.*, f. 962, op. 21, d. 71, *passim*; These dekady, along with those of the Tatar and Bashkir ASSRs, were preempted by the war.

³¹ Moisenko, *Realist Music*, 34.

riod, the *dekada*, as the standard temporal unit for measuring output.³² As Stalin's Five-Year Plans shifted the USSR into high gear, and the production cycle – setting, (over) fulfilling, and celebrating output goals of all kinds – began to structure the rhythm of public life, entire factories planned Stakhanovite shifts, Stakhanovite days, and Stakhanovite ten-day periods, referred to as *dekady*, during which a given enterprise or entire industry was challenged to maintain a Stakhanovite pace of production for the designated period.³³ Outstanding performances earned individuals and worker brigades trips to Moscow, where they were greeted by high-ranking Party officials at celebratory receptions, showered with gifts, and indulged with shopping sprees of consumer goods in the capital.³⁴ In this way, the *dekada* became the unit of time used to describe not only outstanding feats of production but of celebratory consumption.³⁵ “Heroes” of *dekada* cultural production were rewarded much the same way as their coal-mining and cotton-harvesting comrades: at the conclusion of each *dekada* of national art, awards, which frequently carried a cash prize, were distributed, with honors and “valuable gifts” bestowed upon members of each delegation. The Azerbaijani State Opera and Ballet Theater, for example, left Moscow with the Order of Lenin.³⁶ The day after each *dekada*-concluding Kremlin reception, *Pravda* published a list of *dekada* awardees and their photographs on the front page. Under arts committee chair Mikhail Khrapchenko, *dekada* delegations were permitted a shopping trip to a Moscow closed distribution store.³⁷

Press coverage of an upcoming *dekada* of national art included regular dispatches from the republican capital detailing preparation up to a year in advance. In keeping with the spirit of the Stakhanovite era, the language of speed and numbers loomed large in such pieces. For example, a *Pravda* article that appeared in the run-up to the *Dekada of Armenian Art*, held in October 1939, cited 1,764 costumes sewn especially for the festival and the 40 railway cars required to transport everything to Moscow from Erevan.³⁸ Another piece boasted that the staff of the Buriat-Mongol drama theater had increased from 60 to 250 in the short years since its founding.³⁹ Even warnings not to let productivity fall once the *dekada* was over were common to the economic and artistic spheres.⁴⁰

³² The term traces to the French Revolutionary calendar, which established a year of twelve 30-day months, with each month divided into three ten-day “weeks” (*décades*). See Matthew Shaw, *Time and the French Revolution: A History of the French Republican Calendar, 1789–Year XIV* (Woodbridge, Suffolk UK: The Boydell Press, 2011).

³³ Lewis Siegelbaum, *Stakhanovism and the politics of productivity in the USSR, 1935–1941* (Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1988), 101; Stephen Kotkin, *Magnetic Mountain: Stalinism as Civilization* (Berkeley, CA: University of California Press, 1995), 207.

³⁴ See, for example, *Pravda* coverage of the First All-Union Congress of Stakhanovites, which began on 17 November 1935.

³⁵ Siegelbaum identifies the link between the production of goods and their consumption as a feature of Stakhanovite culture. See Siegelbaum, *Stakhanovism*, chapter 6.

³⁶ *Pravda*, April 18, 1938; This was not unusual. Following a *dekada* of national art, the participating republican state opera and ballet theater typically left Moscow with the Order of Lenin, though Serhy Yekelchuk notes that the awarding of the Order of Lenin to the Kiev Opera Theater at the conclusion of the Ukrainian *dekada* in January 1936 was “the first time a theater company had ever received the highest Soviet award.” Yekelchuk, “Diktat and Dialogue in Stalinist Culture: Staging Patriotic Historical Opera in Soviet Ukraine, 1936–1954,” *Slavic Review* 59, no. 3 (Autumn 2000): 601.

³⁷ RGALI, f. 962, op. 21, d. 32, l. 35; *Ibid.*, f. 962, op. 21, d. 20, l. 18.

³⁸ “*Dekada armianskogo iskusstva v Moskve*,” *Pravda*, September 3, 1939.

³⁹ “*Rozhdeniie teatra*,” *Pravda*, 5 June, 1940, 4; “*Dekada buriat-mongol'skogo iskusstva v Moskve*,” *Pravda*, August 18, 1940, 4.

⁴⁰ Siegelbaum, *Stakhanovism*, 110. M.V. Khrapchenko, “*Rastsvet natsional'nogo iskusstva*,” *Pravda*, October 31, 1940, 2.

The dekada of national art, then, takes cues from a familiar cultural script of the Soviet 1930s. Yet, at the same time, the unique dekada format of singling out one ethnic republic at a time on the all-Union stage brings into relief a different approach to realizing the Friendship of Peoples, one that is more complex than national delegations parading across Red Square or ethnically diverse comrades marching arm-in-arm towards the bright future.

The Dekada of National Art and the Friendship of Peoples

Under the capacious banner of *Druzhba narodov*, public demonstrations of Soviet diversity inevitably doubled as celebrations of Soviet unity. Yet some fields of endeavor are more amenable to such multitasking than others. In the sphere of national cultural production, which so many scholars of nationalism have described as a key element in the process of creating national identity, the target audience is typically imagined as members of the nation, in whom the sentiment of national belonging is awakened or appealed to. In other words, national art is meant to be consumed by the nation. The Friendship of Peoples, however, required that “all Soviet nationalities be deeply moved by the art of other Soviet nationalities” -- that is to say, national art of the kind that helps build nations was permissible in the Soviet context so long as it was shared beyond the national audience.⁴¹ Vehicles such as the dekada of national art aimed to facilitate this sharing. This section identifies three themes that emerge from the copious press coverage of the national art dekady as central to the regime’s portrayal of cross-cultural exchange among Soviet peoples.

The National Interest. Dekada press coverage was studded with public proclamations of interest in and esteem for the cultures of all the nations of the Soviet Union. News articles stressed the packed Moscow houses that greeted dekada performances, and the capital’s arts establishment penned testimonials expressing their joy and gratitude at the opportunity for exposure to the brilliant culture of this or that brother republic, of which they had previously known so little and now had so much appreciation. (While informational pieces in the central press sometimes represented non-Russian voices, the testimonial genre was typically written by ethnic Russians, who dominated the Moscow arts intelligentsia that largely comprised the theater audience for dekada performances). Following the Dekada of Tajik Art in 1941, People’s Artist of the RSFSR B. Livanov wrote, “Until now we didn’t know Tajik art. It has brought and will yet bring much benefit to us Muscovites...”⁴² In his article “Results of the Ukrainian Dekada,” arts committee chief Platon Kerzhentsev attributed the festival’s success to “the high quality of the Ukrainians” as well as to “the interest and love for Ukrainian culture that lives strongly among the workers of Moscow.”⁴³ A piece about the Armenian dekada comments that the tsarist regime did as much as it could to isolate nations from one another, adding that in 1916 Armenian poetry was *terra incognita* for most Russians.⁴⁴ “Tsarist Russia,” wrote one music critic in an article preceding the 1937 Dekada of Georgian Art, “did not know any Georgian folk songs and did not want to

⁴¹ Slezkine, “The USSR as a Communal Apartment,” 447.

⁴² *Pravda*, April 26, 1941, 4.

⁴³ P. Kerzhentsev, “Itogi ukrainskoi dekady,” *Pravda*, March 22, 1936, 4.

⁴⁴ *Sovetskoe iskusstvo*, October 30, 1939.

know.”⁴⁵ Such statements implied the resounding success of Soviet nationalities policy: not only had it allowed national cultures to flourish, but it had transformed Russians into an audience eager to appreciate the cultures of other republics.

This image of the center’s reception of Soviet diversity departs from the one created at events such as the annual Physical Culture Parade in Red Square, where the gymnastics displays devised and performed by each national delegation defined their republic “by their economic or military contributions to the Soviet Union.” Thus, for instance, in Uzbekistan’s routine for Moscow’s physical culture parade in 1939, “the Uzbek nation was reduced to a giant cotton field,”⁴⁶ suggesting a Soviet center-periphery relationship that differed little from the old model of the imperial nation exploiting its colonies for labor and raw materials.⁴⁷ In contrast, the *dekada* format (focus on arts, one republic at a time) shifted attention to each republic’s refined cultural output; these finished intellectual products, rather than raw materials, were its contribution to the Soviet whole.⁴⁸ Moscow’s consumption of these “artistic goods” represented progress on all sides: the ethnic periphery was now in a position to deliver valuable, high-quality art, and the Russian center, its previous cultural chauvinism withered by Soviet multicultural enlightenment, demonstrated its own development through its interest in national cultures, desire to learn from them, and ability to appreciate their quality.

A piece that ran in an Azerbaijani newspaper in the wake of the republic’s arts *dekada* in 1938 serves to illustrate the significance ascribed to the center’s consumption of national cultural products imported from the periphery. It quotes Alexei Stakhanov himself wishing Azerbaijan’s workers the same level of success in the oil and cotton fields that the republic’s artists had achieved in cultural production, suggesting that Azerbaijani culture, rather than Azerbaijani oil, had made the republic’s greatest, most valuable contribution to socialist construction (and everyone knew the important role Azerbaijan’s oil played in socialist construction).⁴⁹ Moscow’s appreciation of Azerbaijani art was a sign of esteem and prestige highly craved in Baku. Consumption during the *dekady* of national art enriched all participants, producer and consumer alike. Here the art of one Soviet nationality was edifying and moving audiences of other Soviet nationalities, strengthening the bond of friendship among Soviet peoples.

Accessibility. The *dekada* of national art was not only a paean to the sagacity of Soviet nationalities policy but also an opportunity to demonstrate the universality of human culture. Despite the often-noted importance accorded the written word in Soviet culture, the *dekady* of national art before World War II emphasized music and dance, with, as noted earlier, a particularly high premium placed on opera.⁵⁰ There were likely pragmatic reasons

⁴⁵ *Sovetskoe iskusstvo*, September 17, 1936.

⁴⁶ Petrone, *Life Has Become More Joyous*, 36, 37. Petrone, noting the existence of a hierarchy of national groups, observes that Christian republics such as Georgia and Armenia had more freedom to make national cultural references than Muslim republics such as Azerbaijan and those of Central Asia. (38–9)

⁴⁷ *Ibid.*, 37.

⁴⁸ In his discussion of the *dekady* of national art in the 1930s, Jeffrey Brooks writes, “the press presented the *dekady* as offerings to the state and Russian people, and, in that sense, as a consumer good.” (Brooks, *Thank You, Comrade Stalin*, 96)

⁴⁹ “Hər sahədə qələbə uğrunda mübarizə!” *Qommunist*, April 14, 1938.

⁵⁰ Within a few years, republics began to hold separate literary *dekady* in Moscow devoted to the printed and spoken word – for example, in 1940, Azerbaijan presented the *Dekada* of Azerbaijani Literature

for this. For one, the translation of literature into Russian, let alone the other languages of the Soviet Union, was time- and resource-consuming.⁵¹ Second, the expectation of delivering a republic's most cherished cultural achievements in Russian translation might undercut the image of freedom and flowering of non-Russian cultures that the dekada of national art was intended to celebrate. In the run-up to the first dekada of national art, that of Ukraine, in 1936, Ukrainian opera singer Oksana Petrusenko described in *Pravda* the thrill of rehearsing at the Bolshoi preparing to perform an opera in Ukrainian, as in her youth under the tsarist regime Ukrainians had not been permitted to print books in their own language.⁵² So forcing national acting talent to come to Moscow and perform their national art in Russian would not do. Furthermore, language-based genres such as non-musical theater could obstruct or compromise the delivery of messages about unity and mutual understanding. In other words, the language barrier might obstruct the goal of one national group being moved by the art of another national group. Music, as a universal language, was a hedge against this problem.

Indeed, insistence that language was not a barrier to the fullest reception of national art by the non-national audience was a staple of dekada press coverage. During the Dekada of Kazakh Art in 1936, All-Union Committee of Arts Affairs chairman Kerzhentsev marveled at how scenes from two Kazakh operas “evoke[d] reactions from audience members who don’t even know Kazakh.”⁵³ Similarly, a Moscow critic remarked in his review of the closing concert of the Dekada of Armenian Art in 1939 that “even not knowing Armenian did not keep the audience from enjoying” the songs.⁵⁴ Alexei Stakhanov noted the same phenomenon with regard to the Azerbaijani dekada, enthusing that the performers were so excellent that the audience’s lack of knowledge of the Azeri language did not interfere with their being moved by the artists.⁵⁵

Toward a Common Culture. This assurance that artistic communication could overcome any and all potential barriers to mutual comprehension, and thus harmony, among the brotherhood of man resolves into another feature of dekada commentary: the declaration that the festivals had made the culture of one ethnic group into a common Soviet cultural asset. During Georgia’s dekada in January 1937, an article in *Pravda* explained that Moscow adopts the best products of the cultures of brother republics, while Kerzhentsev opined in the press about Georgian operas that should be part of the standard repertory.⁵⁶ Nearly a year earlier, after Ukraine held its dekada

in Moscow (See I. Kaplan, *The Art of Nation-building*, chapter 4), which was followed by the Dekada of Armenian Literature in 1941. After the war, dekady of national art began to encompass all branches of creative production (literature, music, dance, theater, film, visual and plastic arts, etc.) and were officially referred to as dekady of national art and literature.

⁵¹ Such translation activities were taken up in connection with the Pushkin Centennial in 1937 and thereafter by national republics in connection with their national poet jubilees.

⁵² *Pravda*, March 23, 1936, 4; She went on to credit the present flourishing of Ukrainian art to Soviet rule and the nationalities policy of Lenin and Stalin.

⁵³ P. Kerzhentsev, “Kazakhskoe iskusstvo,” *Pravda*, May 24, 1936, 4; The operas were *Kyz-Zhybek* and *Zhalbyr*.

⁵⁴ V. Gorodinskii, “Zakliuchitel’nyi kontsert,” *Pravda*, October 30, 1939.

⁵⁵ “Hər səhədə qələbə uqrunda mübarizə!” *Qommunist*, April 14, 1938.

⁵⁶ *Pravda*, January 7, 1937; *Pravda*, January 15, 1937; A similar piece ran in *Literaturnaia gazeta* on the same date.

in Moscow, a *Komsomolskaia Pravda* article announced, “Ukrainian art is becoming the property of all the peoples of the country... All the best created by peoples in the past... flows into the mainstream of socialist culture.”⁵⁷ In his appraisal of the Dekada of Kazakh Art in 1936, Kerzhentsev commented that “a number of Kazakh motifs will enter our common musical frame of reference,” adding that several arias from Kazakh operas set to be published in Russian translation would “doubtless prove popular,” a signal that knowledge of high Kazakh art had become a requisite part of Soviet cultural literacy for the *kul’turnyi* person.⁵⁸ Thanks to the festival, wrote first secretary of Kazakhstan’s Communist Party Levon Mirzoian, “Kazakh legends, songs, and folklore have become known to the entire country.”⁵⁹ Similarly, a 1940 article praising the institution of the *dekada* mentions that “after each *dekada*, the best works of national art appear in the repertoire of Moscow, Leningrad, and other theaters.”⁶⁰ Georgian composer Zakharii Paliashvili’s opera *Abesalom and Eteri* entered the repertoire of the Bolshoi Theater, and plans were made for the Azerbaijani opera *Koroğlu* to do the same.⁶¹

Figure 1. Moscow bookstore advertisement featuring the score of a new Azerbaijani opera *Koroğlu*

Notes: The opera *Koroğlu* had its Moscow premiere during the Dekada of Azerbaijani Art in April 1938. In May, Moscow’s Bolshoi Theater added the opera to its repertoire.

Source: *Literaturnaia gazeta*, May 10, 1938, 6.

⁵⁷ “Torzhestvo sovetskoi kul’turny,” *Komsomolskaia Pravda*, March 24, 1936; Bold in original.

⁵⁸ *Pravda*, May 24, 1936, 4.

⁵⁹ “Kazakhstan-soiuznaia respublika,” *Bol’shevik*, no. 4, 1937, 25; Quoted in Martin, *The Affirmative Action Empire*, 445; Mirzoian had been sent to Kazakhstan in 1935 after being removed from his post in Azerbaijan.

⁶⁰ *Pravda*, October 5, 1940, 1.

⁶¹ *Abesalom and Eteri* was removed from the Bolshoi’s repertoire after two seasons, however, and the Bolshoi production of *Koroğlu* was canceled during rehearsals. See Kaplan, *The Art of Nation-building*, Chapter 3.

During the dekada planning process in Azerbaijan, which had experienced difficulty getting central publishing houses to publish its cultural products, the chair of the republic's Sovnarkom said, "If we present things right, we won't have to raise the question. They'll come to us themselves."⁶² Sure enough, following Azerbaijan's festival of national art in 1938, the score of *Koroğlu*, a new Azerbaijani opera that had made its Moscow premiere during the dekada, went on sale in the capital (see Figure 1).

Letters from amateur clubs and professional theaters all over Russia and the Soviet Union to Azerbaijan's Directorate of Artistic Affairs requesting to purchase sheet music of works presented in the Azerbaijani dekada indicate that organizations throughout the USSR were picking up on the center's signal to engage with the touchstone artistic products of the various cultures of the brother republics.⁶³

Conclusion

While the dekady of national art in Moscow are, on one hand, another iteration of highly choreographed Soviet propaganda epitomizing well-known strands of Stalin-era culture, they also stand out as a Soviet multiethnic initiative that yielded some notable results. As the festivals provided the framework within which national art was produced, presented, and disseminated, they were a significant event in the lives of Soviet nations and in the life of Soviet nation-building. At the same time, they furnished cross-cultural exposure that broadened the horizons of many. Certainly, there were those on the periphery who resented Moscow's diktats and critiques, viewing any efforts to "modernize" national art or make it accessible to those beyond the nation as distorting exercises. Likewise, there were those in the center who did not welcome non-Russians to the Bolshoi stage and resented the investment of resources in the cultures of the periphery.

Still, the unique dekada format of highlighting one republic at a time paid reassuring homage to the separateness of each Soviet national group, even as Russian Moscow asserted itself as culturally dominant.⁶⁴ Taking a cue from the production-consumption nexus at the core of Stakhanovism, the dekady equated the popularization of national cultures with acknowledgment of nationhood, as if the litmus test for nationhood were not merely the production of a national culture but its presentation to and consumption by those outside the nation. This Soviet understanding of national development posited an interdependence between art and nation, between production and consumption, and between national and international, in which the elements of each pair were mutually defining and mutually reinforcing. These relationships were enshrined in Friendship of Peoples imperatives, which institutions such as the dekada of national art were devised

⁶² ARDA, f. 411, siy. 19, iş 201, səh. 12.

⁶³ ARDƏİA, f. 345, siy. 1, iş 77, səh. 14; f. 254, siy.1, iş 82, səh. 31; f. 254, siy. 1, iş 17, səh. 17. There had been similar developments after other dekady. The Rostov oblast' symphony orchestra included *Gul'sara*, a work presented during Uzbekistan's 1937 dekada, in its repertoire for the 1938-39 season, and in fall 1939 it presented the Georgian opera *Keto and Kote* (ARDƏİA, f. 345, siy. 1, iş 77, səh. 237–237 tərs tərəf.; *Sovetskoe iskusstvo*, October 24, 1939).

⁶⁴ I am drawing here on Yuri Slezkine's comment that in the metaphorical Soviet "communal apartment" of the 1930s, even as the "Russians began to bully their neighbors" and the "tenants were increasingly unequal," they remained "reassuringly separate," with each entitled to their own room. Slezkine, "The USSR as a Communal Apartment," 443–4.

to satisfy by systematizing the cross-cultural interaction necessary to forge a unified Soviet identity. The Friendship of Peoples provided the multicultural audience needed to make national art universal. In this way, it was transformational.

While the ritual consumption of the arts dekady certainly did not collapse hierarchies, it did succeed in pointing up the possibility of constructing an all-Union, multiethnic artistic canon, and, arguably prefiguring debates about multiculturalism that were taken up elsewhere only decades later. Finally, at an arts dekada, each nation's presentation of its artistic output for consumption by the all-Union audience was a cultural transaction through which the individual nation contributed to building a common Soviet culture. In exchange, the individual "producer" nation was validated. Perhaps this transactional dynamism made the dekada of national art a more interesting and satisfying exercise than other sorts of all-Union projects, such as Red Square parades or the "Istoriia narodov SSSR" in which each nation's self-contained contribution, whether youth marching in formation or historical narrative, simply took its place in line.

Рукопись поступила: 1 ноября 2019 г.

Submitted: 1 November 2019

References

- Brooks, Jeffrey. *Thank You, Comrade Stalin! Soviet Public Culture from Revolution to Cold War*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2000.
- Dobrenko, Evgenii. "Naideno v perevode: rozhdenie sovetskoi mnogonatsional'noi literatury iz smerti avtora." *Neprikosnovennyi zapas*, no. 4 (July – August 2011): 236–262 (in Russian).
- Dumitru, Diana, and Johnson, Carter. "Constructing Interethnic Conflict and Cooperation: Why Some People Harmed Jews and Others Helped Them during the Holocaust," *World Politics* 61, no. 1 (January 2011): 1–42.
- Dzhanaliev, K. *Iskusstvo Sovetskoi Kirgizii*. Moscow: Iskusstvo, 1939 (in Russian).
- Fowler, Mayhill C. *Beau Monde on Empire's Edge: State and Stage in Soviet Ukraine*. Toronto: University of Toronto Press, 2017.
- Frolova-Walker, Marina. "'National in Form, Socialist in Content': Musical Nation-Building in the Soviet Republics." *Journal of the American Musicological Society* 51, no. 2 (Summer 1998): 331–371.
- Frolova-Walker, Marina. "The Soviet Opera Project: Ivan Dzerzhinsky vs. Ivan Susanin." *Cambridge Opera Journal* 18, no. 2 (July 2006): 181–216.
- Kaplan, Isabelle R. *The Art of Nation-building: National Culture and Soviet Politics in Azerbaijan and Other Minority Republics*. PhD diss., Georgetown University, 2017.
- Kotkin, Stephen. *Magnetic Mountain: Stalinism as Civilization*. Berkeley, CA: University of California Press, 1995.
- Martin, Terry. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2001.
- Moisenko, Rena. *Realist Music: 25 Soviet Composers*. London: Meridian Books, 1949.
- Petrone, Karen. *Life Has Become More Joyous, Comrades: Celebrations in the Time of Stalin*. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2000.
- Shaw, Matthew. *Time and the French Revolution: A History of the French Republican Calendar, 1789–Year XIV*. Woodbridge, UK: The Boydell Press, 2011.

- Siegelbaum, Lewis H. *Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR, 1935–1941*. New York: Cambridge University Press, 1988.
- Slezkine, Yuri. “The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism.” *Slavic Review* 53, no. 2 (Summer 1994): 414–52.
- Yekelchyk, Serhy. “Diktat and Dialogue in Stalinist Culture: Staging Patriotic Historical Opera in Soviet Ukraine, 1936–1954.” *Slavic Review*, No. 59/3 (Autumn 2000): 597–624.

Информация об авторе / Information about the author

Каплан Изабель Рут, доктор исторических наук (PhD in History), научный сотрудник Международного центра истории и социологии Второй мировой войны и ее последствий Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия); приглашенный доцент Института европейских, российских и евразийских исследований, Школа международных отношений имени Эллиотта, Университет Джорджа Вашингтона (США).

Isabelle R. Kaplan, PhD in History, Post-Doctoral Fellow, International Centre for the History and Sociology of World War II and Its Consequences, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia); Visiting Assistant Professor, Institute for European, Russian, and Eurasian Studies, Elliott School of International Affairs, George Washington University (USA).

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-1-95-118>

Научная статья / Research article

Судьбы деятелей просвещения Башкирской АССР в годы борьбы с «буржуазным национализмом» (1937–1938 гг.)

Р.З. Алмаев

Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы;
450000, Россия, Уфа, ул. Октябрьской революции, 3 а; almaev_history@mail.ru

The Fate of Educators in the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic During the Struggle Against “Bourgeois Nationalism” (1937–1938)

Rustam Z. Almaev

Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah;
3 a, Oktyabrskoy Revolutsii St., Ufa, 450000, Russia; almaev_history@mail.ru

Аннотация: В данной статье на материалах Башкирской АССР (БАССР) рассматриваются особенности политических репрессий 1937–1938 гг. в сфере народного образования. Привлекаемые новые архивные документы, материалы периодической печати, воспоминания современников позволяют осветить региональную специфику репрессий в контексте общих политических процессов эпохи сталинизма. Особое внимание уделяется освещению основных механизмов выявления «врагов народа» в сфере просвещения. Делается вывод об определенной синхронности в действиях Башкирского обкома партии, СМИ, партийных комитетов образовательных учреждений, органов НКВД при разоблачении «враждебных элементов», троцкистов из числа руководителей просвещения, специалистов высшей школы, учителей. В этой связи раскрывается роль средств массовой информации и решений закрытых партийных собраний, проникнутых духом идеологической нетерпимости, в деле морально-психологической подготовки оправдания правомерности арестов. В статье показано, что в автономных республиках в качестве основного было обвинение региональных руководителей и представителей интеллигенции в проявлении «местного буржуазного национализма». Автором прослеживается процесс очищения партийно-государственных, просвещенческих органов республики от «националистов», прямо или косвенно связанных с представителями «национально-местнических уклонов» первых революционных лет. Кроме того, показывается судьбы жертв репрессий – наркомов просвещения БАССР, защищавших интересы национальных школ и выступавших за сохранение родного языка. Реконструкция сложной общественно-политической ситуации в Башкирской АССР в просвещенческой среде дает возможность извлечь уроки, лучше понять современные общественно-политические процессы.

© Алмаев Р.З., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Ключевые слова: репрессии, просвещенцы, народное образование, Башнаркомпрос, Башкирская АССР, контрреволюционная деятельность, троцкизм

Для цитирования: Алмаев Р.З. Судьбы деятелей просвещения Башкирской АССР в годы борьбы с «буржуазным национализмом» (1937–1938 гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 1. С. 95–118. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-1-95-118>

Abstract: This article discusses the political repressions of 1937–1938 in the field of public education, with the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic as its case study. The author assembles new archival documents, mass media materials and memoirs of contemporaries to illuminate the regional specifics of repression in the broader context of the Stalinist era. Particular attention is paid to how “enemies of the people” were identified. The author argues that the Bashkir Regional Party Committee, the media, and the party committees of educational institutions, as well as the organs of the NKVD worked in unison to expose “hostile elements” and Trotskyists among directors of educational institutions, specialists in higher education, and public school teachers. The media, as well as the decisions of closed party meetings, were imbued with the spirit of ideological intolerance; they provided the moral and ideological justification for the arrests. This article traces a trend that was characteristic of national autonomous republics in general: the persecution of regional leaders and members of the national intelligentsia on charges of “local bourgeois nationalism.” The author also examines how purges in the party, state and educational bodies of the republic targeted “nationalists” directly or indirectly associated with “national and local deviationists” of the revolutionary years. The article also discusses the fate of Bashkortostan’s People’s Commissars of Education who were subjected to repression. Reconstructing the complex social and political situation in the educational sphere of the BASSR allows us to draw important conclusions, and better understand contemporary social and political processes.

Keywords: repressions, education workers, public education, Bashkir People’s Commissariat of Education, Bashkir ASSR, Trotskyism

For citation: Almaev, Rustam Z. “The Fate of Educators of the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic During the Struggle Against ‘Bourgeois Nationalism’ (1937–1938)” *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 1 (February 2020): 95–118. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-1-95-118>

Введение

К одному из сложных и трагических этапов советской истории относятся 1930-е гг. Время, связанное с проведением «культурной революции» и патриотическим воспитанием молодежи, сопровождалось нагнетанием атмосферы подозрительности, поиском врагов народа, шпиономанией. Борьба за очищение страны от внутренних врагов напрямую затронула национальные республики. Знание исторического контекста политических репрессий в регионах страны позволяет выявить их социальную и национальную специфику.

Советский образовательный проект позволил за короткое время подготовить многонациональные кадры Башкирской АССР в сфере науки, образования, литературы и искусства. Однако определенная часть советской интеллигенции оказалась жертвой политических репрессий.

Социологические опросы последнего десятилетия свидетельствуют об устойчивом падении интереса в российском обществе к теме политических репрессий 1930-х гг.¹ Кроме того, приходится констатировать факт слабой историче-

¹ Шарин М.С. Политические репрессии в СССР в 30–40-е гг. XX века глазами современного российского общества. Опыт социологического опроса // Гуманитарные науки и образование. 2013. № 1. С. 117–120.

ской осведомленности современной молодежи о процессах предвоенных лет. Согласно октябрьскому опросу ВЦИОМ 2018 г. 47 % молодых людей в Российской Федерации не имеют никакого представления о репрессиях периода сталинизма². При этом растет число респондентов среднего и старшего возрастов, позитивно оценивающих роль И.В. Сталина в советской истории.

В условиях информационного общества все большее число школьников, изучая историю, обращаются не только к учебникам и книгам, но и кинофильмам и телевизионным сериалам, которые зачастую отличает авторская, нарочито вымышленная интерпретация событий. В этой связи стремлением к документальности отличается художественный фильм режиссера Булата Юсупова, вышедший в прокат к 100-летию образования Республики Башкортостан, в марте 2019 г. «Первая республика»³. Фильм, созданный на основе архивных документов и воспоминаний, воссоздает атмосферу сталинских репрессий 1937 г.

Ослабление уровня исторического образования и искажение исторической памяти грозят стиранием исторического сознания. Воспитание патриотизма и гражданственности невозможно без знания и осмысления исторических событий.

Еще одним фактором, повышающим актуальность исследования, является недостаточная изученность в региональной историографии темы репрессий в системе народного образования республики. В данной статье на основе комплекса опубликованных и неопубликованных источников и исследований отечественных и зарубежных ученых предполагается выявить особенности политических репрессий 1937–1938 гг. в сфере народного образования в Башкирской АССР. Это позволит проанализировать региональную специфику репрессий в контексте общих тенденций политических процессов эпохи сталинизма, осмыслить глубину трагедии сломанных человеческих судеб просвещенцев.

Среди современных исследователей истории политических репрессий в СССР 1930-х гг. не сложилось общепризнанного подхода к изучению данной проблематики. Используются различные методологические подходы, начиная от теории тоталитаризма, «сталинского социализма» до «советской модели модернизации». Сторонники последнего подхода относят политические репрессии к издержкам ускоренной модернизации.

Следует согласиться с утверждением В.М. Кириллова о том, что «различия в подходах и оценках сталинизма не привели наше общество к национальному примирению»⁴, а ученых – к объективному осмыслению политических процессов предвоенного десятилетия. Между тем проблема политических репрессий

² ВЦИОМ: половина молодежи в России ничего не знает о сталинских репрессиях // Интернет-газета «ЗНАК» [сайт]. URL: https://www.znak.com/2018-10-05/vciom_polovina_molodezhi_v_rossii_nichego_ne_znaet_o_stalinskih_repressiyah (дата обращения: 11.07.2019).

³ Учебник вместо фильма: в уфимский прокат выходит «Первая республика» Булата Юсупова // Все новости Уфы и Башкирии [сайт]. URL: <https://mkset.ru/news/culture/07-03-2019/uchebnik-vmesto-filma-v-ufimskiy-prokat-vyhodit-pervaya-respublika-bulata-yusupova?ind=4376> (дата обращения: 14.04.2019).

⁴ Кириллов В.М. История сталинизма в школьных учебниках истории // Детская книга и история отечества: материалы IX Всероссийской научно-практической конференции (Нижний Тагил, 19 мая 2016 г.). Нижний Тагил, 2017. С. 84–91.

1937–1938 гг. достаточно активно изучается в отечественной историографии начиная с середины 1980-х гг. и по настоящее время. Различные аспекты политических репрессий в общероссийском масштабе отражены в публикациях отечественных⁵ и зарубежных⁶ исследователей.

Один из наиболее дискуссионных вопросов, обсуждаемых в отечественной и зарубежной литературе, связан с оценкой роли И.В. Сталина в большом терроре. В ряде работ традиционно акцентируется внимание на личной ответственности вождя за развязывание репрессий⁷. Согласно концепции либеральных исследователей, причина первой волны арестов была связана с готовившимся заговором против И.В. Сталина. Репрессии в первую очередь инициировались Н.С. Хрущевым, П.П. Постышевым, Р.И. Эйхе⁸. Определенный интерес представляет точка зрения американского советолога А. Гетти⁹ и российского историка Ю.Н. Жукова. Исходя из идеи «о либерализме Сталина», они доказывают факт развязывания репрессий лидерами региональных элит, которые при недостаточном контроле со стороны центральной власти защищали собственные политические интересы, направляя террор против «врагов народа».

С этим не согласен известный российский исследователь О.В. Хлевнюк, по мнению которого партийно-советская номенклатура была достаточно слабой, а историки ревизионистского направления, по его мнению, не учитывают «феномена кадровой чистки 1930-х гг.»¹⁰.

Из трудов современных зарубежных исследователей, посвященных профессиональной группе учителей 1930-х гг., следует выделить книгу американского ученого Е. Томаса Юинга. Автор, описывая особенности труда и повседневную жизнь учителей, отмечает, что каждый представитель педагогической профессии этой эпохи «на вопрос, как реагировать на репрессии, решал сам, в соответствии со своим пониманием роли педагога и политическими взглядами»¹¹.

⁵ *Хлевнюк О.В.* 1937-й: Сталин, НКВД, советское общество. М., 1992; *Павлова И.Н.* «Понимание сталинской эпохи и позиция историка» // *Вопросы истории.* 2002. № 10. С. 3–18; *Багдасарян Э.В.* «Загадочный тридцать седьмой»: опыт историографического моделирования // *Историография сталинизма.* М., 2007. С. 172–206; *Земсков В.Н.* Масштаб политических репрессий в СССР (правда и домыслы). М., 2012. С. 303–318.

⁶ *Фицпатрик Ш.* Как мыши kota хоронили. Показательные процессы в сельских районах СССР в 1937 г. // *Судьбы российского крестьянства.* М., 1996. С. 387–415; *Эпплбаум Э.* ГУЛАГ. Паутина Большого террора. М., 2006; *Верт Н.* Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М., 2010; *Голдман В.З.* Террор и демократия в эпоху Сталина: Социальная динамика репрессий. М., 2010.

⁷ *Хлевнюк О.В.* «Большой террор» 1937–1938 гг. как проблема научной историографии // *Историческая наука и образование на рубеже веков.* М., 2004. С. 433–451; *Хаустов В., Самуэльсон Л.* Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М., 2010.

⁸ *Жуков Ю.Н.* Иной Сталин: Политические реформы в СССР в 1935–1937 гг. М., 2003; *Баранец В.М.* «Не надо вешать всех собак на Сталина» // *Комсомольская правда.* 2006. 22 декабря.

⁹ Американский советолог Арч Гетти о роли Сталина // *Live Journal* [сайт]. URL: <https://amarok-man.livejournal.com/270376.html> (дата обращения: 15.07.2019).

¹⁰ *Хлевнюк О.В.* Номенклатурная революция: региональные руководители в СССР в 1936–1939 гг. // *Российская история.* 2016. № 5. С. 38.

¹¹ *Юинг Е.Т.* Учителя эпохи сталинизма: власть, политика и жизнь школы 1930-х гг. М., 2011. С. 247.

Заметный вклад в изучение репрессивной политики государства на местах внесли региональные исследователи. Среди публикаций 90-х гг. XX в. – начала XXI в. следует отметить публикации, выполненные на материалах Республик Татарстана¹², Дагестана¹³, Мари Эл¹⁴, Калмыкии¹⁵ и др.

Особую группу представляют исследования, посвященные политическим репрессиям в Башкирской АССР. До начала 1990-х гг., в силу недоступности архивных фондов, тема «большого террора» не могла стать специальным предметом изучения. Одним из первых среди исследователей республики к проблеме репрессий обратился Г.Д. Иргалин, который, будучи директором Центрального государственного архива общественных объединений Республики Башкортостан в 1985–1999 гг., в соавторстве с коллегами подготовил несколько документальных очерков и публикаций о судьбе известных партийно-государственных и общественных деятелей Башкирии и малоизвестных людей, ставших жертвами сталинских репрессий¹⁶. Данные исследования позволили вернуть истории «забытые имена», показать механизм и размах репрессий в республике после визита в октябре 1937 г. в Башкирию секретаря ЦК А.А. Жданова.

Планомерная работа комиссий по реабилитации жертв политических репрессий в 1990-е гг. способствовала появлению широкого круга научно-популярных и публицистических изданий. Среди них – работа башкирского прозаика и драматурга Г.Г. Шафикова («И совесть и жертвы эпохи» (Уфа, 1991)), в которой воссоздаются образы реабилитированных деятелей культуры и некоторых государственных деятелей республики.

Проблема раскулачивания и репрессивной политики по отношению к крестьянству Башкирской АССР рассмотрена в монографии Р.А. Давлетшина¹⁷. Заметный вклад в накоплении знаний о жизни и деятельности известных просветителей республики, подвергшихся репрессиям в 1930-е гг., внес краевед Ю.В. Ергин¹⁸. В работах современных авторов получила освещение история III-го пленума Башобкома ВКП(б) (4–7 октября 1937 г.) и его последствия для роста масштабных

¹² Султанбеков Б.Ф., Хакимзянов Р.Г. Политические репрессии в Татарстане. Законы. Исполнители. Реабилитация. Казань, 2002.

¹³ Разаков Р.Ч.-М. К вопросу о политических репрессиях в Дагестане в 30-е годы XX века // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. 2016. № 4. С. 60–63.

¹⁴ Сануков К.Н. Из истории Марий Эл: трагедия 30-х годов. Йошкар-Ола, 2000.

¹⁵ Максимов К.Н. Трагедия народа: Репрессии в Калмыкии. 1918–1940-е годы. М., 2004.

¹⁶ Иргалин Г.Д. Сталинские репрессии в Башкирии // Страницы истории Башкирской республики: новые факты, взгляды, оценки. Сборник статей. Уфа, 1991. С. 55–69; Иргалин Г.Д., Асабин Е.П. Возвращенные имена: О репрессированных в годы культа личности Сталина в Башкирии. Уфа, 1991; Иргалин Г.Д., Каменев Н.П. Трудный путь к правде. Уфа, 1997; Иргалин Г.Д. Политические репрессии в Башкирии // Известия Башкортостана. 1996. № 84, 86, 89, 90, 91, 94, 95.

¹⁷ Давлетшин Р.А. «Великий перелом» и трагедия крестьянства Башкортостана. Уфа, 1993.

¹⁸ Ергин Ю.В. Ш.С. Абзанов – жертва тоталитарного сталинского режима // Педагогический журнал Башкортостана. 2007. № 4 (11). С.75–90; Ергин Ю.В. Расстрелянный нарком (К 115-летию со дня рождения Г.К. Давлетшина) // Педагогический журнал Башкортостана. 2008. № 6 (19). С. 108–123; Ергин Ю.В. А.Т. Гисматуллин – нарком просвещения Башкирской республики в 1926–1928 годах // Педагогический журнал Башкортостана. 2010. № 5 (30). С. 159–168.

репрессий в республике¹⁹ и судьбы известных представителей национальной интеллигенции²⁰. Источниковую базу исследования составили документальные материалы Национального архива Республики Башкортостан, периодической печати и источники личного происхождения. Обширные сведения по исследуемой теме (в том числе рассекреченные личные документы репрессированных деятелей просвещения) содержатся в фондах Башкирского обкома ВКП(б), первичной партийной организации ВКП(б) Башнаркомпроса при Кировском райкоме ВКП(б), Уфимского городского комитета ВКП(б), областного комитета комсомола республики. Особую ценность представляют воспоминания представителей национальной интеллигенции, находившихся в сталинских лагерях²¹.

Автором использованы также материалы «устной истории», включающие в себя записи бесед с участниками трагических событий 1930-х гг.

Годы «большого террора» в Башкирской АССР

Репрессивная политика государства в республиках и автономных областях РСФСР и СССР продолжалась до второй половины 1930-х гг. Башкирская АССР не составляла исключения. Репрессии направлялись, в первую очередь, против кулачества и старой интеллигенции. Данные, характеризующие масштабы репрессий в республике, показывают, что именно в 1937–1938 гг. они приобретают массовый характер. Особенно сильно пострадали наркоматы просвещения, земледелия, юстиции, финансов, прокуратура и другие учреждения. Репрессиям подверглись многие руководители народного образования, директора институтов, училищ, учителя.

Выступление И.В. Сталина на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г., в котором было сказано об обострении классово-борьбы по мере продвижения к социализму, определило курс на осуществление репрессий в стране. В частности, в Башкирии старт «большому террору» дал приезд в августе 1937 г. члена Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) М.М. Сахьяновой. Целью визита была проверка бдительности партийных кадров по отношению к враждебным элементам и организация работы по их разоблачению. В докладных записках М.М. Сахьяновой на имя Сталина и Ежова, а также в отдел организационно-партийной работы ЦК ВКП(б) на имя Маленкова содержались обвинения в адрес руководства Башкирского обкома в «замазывании» сигналов о врагах народа и требование проверки всего руководящего состава республики²².

¹⁹ *Гарипова Г.* Масштабы репрессий в Башкортостане в 30-е годы // Ватандаш. 2002. № 2. С. 41–44; *Янтурин Д.Х.* Массовые репрессии второй половины 30-х гг. в автономиях Урало-Поволжья // Ватандаш. 2004. № 1. С. 53–67; *Кузнецов С.В.* Некоторые страницы репрессий 1930-х годов в Башкирской АССР // Вестник ВЭГУ. 2011. № 6. С. 87–92.

²⁰ *Каримов К.К.* Репрессии ученых в БАССР в 30-е годы XX века // Вестник Башкирского университета. 2013. Т. 18. № 1. С. 259–261; *Воронцова Ю.С.* Социально-политический облик гуманитарной интеллигенции Башкирской АССР в 30-е годы XX века // Научный диалог. 2016. № 3 (51). С. 171–181.

²¹ *Азнабаев К.К.* Все выдержал... и в народ свой верю // Урал. 1989. № 1. С. 158–167; *Азнабаев К.К.* Страницы истории // Башкортостан. 1995. 15 ноября; *Алмаев Р.З.* Воспоминания К.К. Азнабаева как источник по истории народного образования Башкортостана // На изломе XX века: сборник воспоминаний. Уфа, 2008. С. 9–14.

²² *Иргалин Г.Д.* Трудный путь к правде. Уфа, 1997. С. 5.

Выполнение разнарядки центра по разгрому определенной части партийно-государственного аппарата Башкирии происходит после проведения III Пленума Башкирского обкома ВКП(б). Активную роль в его проведении сыграл лично секретарь ЦК А.А. Жданов. Фактически это был не Пленум, а суд над секретарями Башобкома ВКП(б) Я.Б. Быкиным и А.Р. Исанчуриным. На заседании Пленума из 63 членов Обкома ВКП (б), избранных на XVII областной конференции 12 июня 1937 г., присутствовало лишь 30 человек²³. После Пленума аресту подверглись 274 руководящих работника республики²⁴. Тем самым решения февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. предвлялись в жизнь. Так, М.М. Сахьянова, А.А. Жданов инициировали политические процессы не только в Башкирии. Сахьянова способствовала уничтожению части партийно-советской номенклатуры в Чувашской АССР, Жданов – в Татарской АССР.

Ответственный редактор республиканской газеты «Башкортостан» К.К. Азнабаев, сам переживший ужасы репрессий, впоследствии вспоминал: «Некоторые номенклатурные работники, включая руководителей народного образования, репрессировались постановлением тройки НКВД БАССР. Но основная масса региональной элиты подверглась расстрелу в июле 1938 года. Судебные приговоры исполнялись после прибытия в Уфу заместителя председателя Военной коллегии Верховного суда СССР И.О. Матулевича. Каждый судебный процесс длился не более 3-х минут. Приговор обжалованию не подлежал и немедленно приводился в исполнение. В течение 10 дней истребляется практически весь руководящий состав и многие деятели просвещения»²⁵.

Для представителей национальных элит и творческой интеллигенции преобладали обвинения в «буржуазном национализме», «пантюркизме», на основании их участия в контрреволюционном башкирском повстанческом движении. Кроме того, руководителям различных наркоматов и ведомств инкриминировали, как и по всей стране, членство в троцкистско-бухаринской организации или «вредительскую деятельность в пользу иностранных разведок». Жертвами репрессий становились и сами исполнители при неудачном осуществлении очередной политической акции. Кроме того, репрессиям подвергались не только вызывавшие опасения отдельные личности, высказывавшие недовольство положением в стране, но и целые социальные группы. Органы НКВД разоблачали вымышленные националистические движения и молодежные организации.

Основанием для арестов представителей Башнаркомпроса являлись обвинения в проявлении «местного буржуазного национализма». Вредительство «врагов народа» в органах народного образования Башкирии выражалось «в политике изоляции башкирской молодежи от русской культуры, создании препятствий на пути преподавания русского языка и русской литературы в башкирских и татарских школах»²⁶.

Существующие источники свидетельствуют о четкости разработки технологии произвола и беззакония по отношению ко многим деятелям просвещения.

²³ НА РБ (Национальный архив Республики Башкортостан). Ф. 122. Оп. 17. Д. 54 а. Л. 1.

²⁴ Юлдашбаев Б.Х. Новейшая история Башкортостана. Уфа, 1995. С. 141.

²⁵ Алмаев Р.З. Воспоминания К.К. Азнабаева... С. 14.

²⁶ НА РБ. Ф.122. Оп. 18. Д. 619. Л. 224.

Вопрос о выполнении решений февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) обсуждался на региональных Пленумах осенью 1937 г. Так, негативная оценка деятельности членов Башкирского обкома и Уфимского горкома по разоблачению врагов народа в Башкирии содержалась в выступлении М.М. Сахьяновой. Она в жесткой форме подвергла критике республиканскую парторганизацию за «отсутствие мобилизованности в борьбе с последствиями вредительства»²⁷, считая неправильным, что эту работу проводят только органы НКВД.

Одновременно 11 сентября 1937 г. проходило собрание актива комсомола города Уфы. Прибывший из Москвы представитель ЦК ВЛКСМ также с присущей для того времени революционной беспощадностью отметил: «Задача сегодняшнего актива вскрыть еще не разоблаченных врагов, а их в Башкирской организации больше, чем где бы то ни было. Почему? Потому, что в Башкирии долго орудовали националисты. Трудно назвать учреждения без разоблаченных врагов народа»²⁸.

Выступления участников партийного пленума и комсомольского актива публиковались в республиканской газете «Красная Башкирия» под емкими заголовками «Обком проходит мимо сигналов о врагах народа», «Гнилая семейственность притупила бдительность», «Нянчились с врагами народа» и др.

Путем формирования образа «врага народа» в советской прессе обеспечивалось воздействие на сознание народных масс. Тональность в разоблачительной политике задавали центральные партийные издания – газеты «Правда», «Известия». Статья в «Известиях» от 22 сентября 1937 г. на тему «Буржуазные националисты из Башкирского Наркомпроса» посвящалась партийным отклонениям в наркомате просвещения. Отмечалось, что новый нарком просвещения И.Х. Абызбаев не только не ликвидировал последствия вредительской деятельности бывшего наркома Г.А. Давлетшина, но и не обеспечил перелома в работе. В ходе пропагандистской кампании культивировался образ классовых врагов в лице руководителей Башнаркомпроса, якобы сознательно препятствовавших изданию учебников русского языка для нерусских школ, разрешавших отказываться от часов русского языка в школьных учебных планах. С помощью подобных мер, как отмечалось, «националисты из Башнаркомпроса» вели подрывную работу по срыву коммунистического воспитания в школах республики²⁹.

Свой вклад в раскрытие внедрившихся в Башнаркомпрос вражеских элементов вносила и местная печать, призывавшая к бдительности и поиску «врагов народа» в органах государственной власти, учебных заведениях. Для этого в средствах массовой информации использовалась идеологическая конструкция «свой – чужой». Так, публикация «Разоблачить остатки буржуазных националистов в Башнаркомпросе» в газете «Башкортостан» от 21 сентября 1937 г. осуждала бывшего наркома Г.А. Давлетшина и замнаркома С.А. Ямалеева за то, что эти «социально чуждые элементы» допустили издание «идеологически чуждых учебников», прежде всего с произведениями объявленных «врагами народа» башкирских

²⁷ Иргалин Г.Д., Каменев Н.П. Трудный путь к правде... С. 5.

²⁸ НА РБ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 1150. Л. 33.

²⁹ Солодий Г. Буржуазные националисты из Башкирского Наркомпроса // Известия. 1937. 22 сентября.

писателей Афзала Тагирова, Гайнана Хайри, Даута Юлтыя в ущерб материалам о В.И. Ленине и И.В. Сталине.

Еще одним инструментом политического террора в отношении просвещенцев служили закрытые партийные собрания, которые позволяли органам НКВД усомниться в политической благонадежности того или иного члена партии. Как отмечает исследователь О.Л. Лейбович, отмалчиваться на таких собраниях означало все равно, что признать себя врагом³⁰. Коллективные разоблачения врагов народа становились единственным безопасным способом выживания.

Бросается в глаза существовавшая парадоксальность ситуаций тех лет. Те представители государственного аппарата, кто осуждал и клеймил своих коллег, сам через короткое время обвинялся по схожим основаниям вчерашними товарищами по работе.

Архивные документы демонстрируют примеры того, как под напором коллективных обвинений ломались судьбы честных, ни в чем невинных людей. Например, на протяжении четырех дней, с 19 по 22 сентября 1937 г., первичная партийная организация Башнаркомпроса разоблачала наркома просвещения Башкирской АССР Ибрагима Хафизовича Абызбаева, который не смог противостоять напору обрушившихся на него обвинений со стороны коллег. «В интересах работы Наркомпроса прошу освободить меня от руководства Наркоматом просвещения, – читаем в заявлении Абызбаева в Бюро Башкирского обкома партии. – Хотя факты об обвинении меня еще поверяются, но в Наркомпросе создалось такое положение, что работники аппарата перестали обращаться ко мне по вопросам, относящимся к работе Наркомпроса»³¹. Участь наркома просвещения БАССР, как и других руководителей республики, была определена решением III Пленума Башобкома ВКП(б).

Так выглядели основные механизмы выявления «врагов народа» до арестов органами НКВД. Материалы средств массовой информации и решения закрытых партийных собраний, проникнутые духом идеологической нетерпимости, способствовали формированию общественного мнения в пользу оправдания правомерности арестов. В это время многочисленные трудности и проблемы в сфере образования объяснялись исключительно происками враждебных элементов.

Разоблачение «врагов народа» из Башнаркомпроса

Трагические парадоксы эпохи «всеобщего обучения» затронули всю вертикаль управления образованием страны. В октябре 1937 г. смещается с поста наркома просвещения РСФСР А.С. Бубнов, а уже в августе 1938 г. он необоснованно был репрессирован как участник правотроцкистского блока.

Руководством системой образования Башкирии в период с 1919 по 1941 гг. занимались 13 наркомов просвещения автономной республики. В условиях политической борьбы подверглись репрессиям семеро из них: А.А. Айдаров (нарком в 1919–1921 гг.), А.К. Адигамов (1923–1924 гг.), А.Т. Гисматуллин (1926–1928 гг.),

³⁰ Лейбович О.Л. Исповеди, проповеди и разоблачения на партийных собраниях 1936–1938 годов // *Вестник пермского университета. История*. 2015. № 3 (30). С. 163.

³¹ НА РБ. Ф. 207. Оп. 19. Д. 26. Л. 4.

К.А. Идельгужин (1928–1930 гг.), Р.В. Абубакиров (1930–1935 гг.), Г.А. Давлетшин (1935–1937 гг.), И.Х. Абызбаев (июль – сентябрь 1937 г.)³². Все они к моменту ареста занимали высокие должности в партийно-государственном аппарате республики.

При разоблачении «врагов народа», обвинениях в «буржуазном национализме» в прессе и вынесении в дальнейшем обвинительных судебных приговоров использовался прием «приклеивания политических ярлыков»; наиболее стандартные из них – принадлежность к «султангалиевщине»³³, «валидовскому движению»³⁴, «контрреволюционной буржуазно-националистической повстанческой террористической организации», а также «двурушничество» и прочее.

В большинстве случаев «антисоветская деятельность» контрреволюционных организаций оказывалась выдуманной. Руководителей образования, как правило, обвиняли в засорении образовательных учреждений классовыми врагами, связях с уже обвиненными во враждебной деятельности шпионами и контрреволюционерами. Так, нарком просвещения Губай Давлетшин обвинялся в назначении преподавателем Давлекановского педагогического техникума члена контрреволюционной организации «Джидегян», известного в будущем башкирского поэта и писателя Сагита Агиша. Впоследствии органы НКВД не подтвердили антисоветского заговора, а «Джидегян» оказалась творческим объединением молодых татарских и башкирских писателей³⁵.

Заместитель наркома просвещения С.Я. Ямалеев получил партийное взыскание, а затем был исключен из партии и репрессирован за то, что «защищал учителя-троцкиста Махова, был двурушником, пробрался в партию, скрыв свое социальное происхождение сына муллы и будучи женатым на дочери зажиточного кулака»³⁶.

Впрочем, двурушником мог оказаться любой человек, не только скрывший свое социальное происхождение, но и членство в небольшевистской партии, или участие во внутрипартийной борьбе 1920-х гг. Поводом для арестов могли стать просто дружеские отношения с людьми, объявленными «врагами народа».

Согласно архивным документам в кульминационный момент кровавых чисток жертвами репрессий осенью 1937 г. стали девять руководителей народного образования республики. К высшей мере наказания – расстрелу приговорили пятерых из них: И.Х. Абызбаева (нарком просвещения), С.Я. Ямалеева (замнаркома), М.С. Камилева (завотделом школ и науки Обкома ВКП (б)), Н.Б. Буланкина (инструктора Обкома союза учителей неполных средних и средних школ), И.С. Домогалова (старшего бухгалтера Башнаркомпроса)³⁷.

Система выдавливала педагогов-профессионалов, специалистов с опытом работы из сферы образования. Кроме того, Башнаркомпрос покинул 21 человек

³² *Ильгамов М.А.* Башкирская энциклопедия. Уфа, 2005–2011. Т. 1. С. 29, 31, 64, 83; Т. 2. С. 304, 408; Т. 3. С. 131.

³³ Султан-Галиев и национальная политика в Советской России // *Vuzlit* – архив студенческих работ [сайт]. URL: https://vuzlit.ru/616898/sultangalievschina_sultangalievizm (дата обращения: 13.08.2019).

³⁴ *Шакуров Р.З.* Башкортостан: краткая энциклопедия. Уфа, 1996. С. 20.

³⁵ *Кудашин С.* По следам молодости. Уфа, 1964. С. 36.

³⁶ НА РБ. Ф. 363. Оп. 15. Д. 49. Л. 90.

³⁷ Сведения о репрессированных жителях Уфы // *Вечерняя Уфа*. 1994. апрель – июль.

из числа начальников управления, заведующих отделами, инспекторов. К началу 1938 г. на половину обновляется аппарат БНКП. Бросается в глаза преобладание в составе новой номенклатуры бывших партийно-советских и хозяйственных работников, военных, студентов вузов. Очень мало среди выдвиженцев было директоров педучилищ или учителей³⁸.

Основательная чистка республиканского аппарата управления образованием от социально неблагонадежных элементов проводилась еще в 1930 г. В специально подготовленной инструкции «О порядке персональной чистки аппарата Башнаркомпроса» содержались следующие пункты: «Учесть классовую сторону его работы», «Выявить социальное происхождение», «Выступая на собраниях, предъявлять обвинения на основе конкретных фактов и примеров»³⁹. Вычищенные в аппарате управления лица, чье нахождение на руководящих должностях по классовым соображениям считалось недопустимым, заменялись выдвиженцами рабоче-крестьянского происхождения. Исчерпанность партийных и аппаратных чисток конца 1920-х – начала 1930-х гг. приводит к политике массовых репрессий 1937 г.

Процесс ориентации центральной власти на политически незрелые, но послушные кадры коснулся и партийного состава Башнаркомпроса. Среди нового поколения образовательной номенклатуры Башкирии не осталось членов ВКП(б) с дореволюционным «ленинским стажем». Увеличилась численность коммунистов, вступивших в партию после 1932 г., с 6 человек (24 %) до 9 (45 %). В составе членов партийной организации Наркомпроса только 8 человек (29 %) имели высшее образование. Преобладали руководители со средним и семилетним образованием – 16 человек (57 %), а 4 (14 %) имели только начальное образование⁴⁰.

На командные управленческие должности вместо старых кадров приходит поколение, всецело преданное И.В. Сталину. Проработка партийцами февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП (б) 1937 г. приводила их к пониманию того, что подбор и расстановка кадров должна была проводиться, во-первых, по признаку политического доверия и только, во-вторых, по деловым качествам и профессиональной пригодности к работе⁴¹.

Жесткая ротация кадров затрагивает и районные отделы народного образования. Практически в каждом районе Башкирии заведующие РОНО снимаются с работы или репрессируются. Архивные документы свидетельствуют о разоблачениях и арестах заведующих РОНО: Бакалинского (Юмашева), Давлекановского (Ахмадеева), Калтасинского (Коростина), Мишкинского (Сагадеева), Шаранского (Антипова) районов⁴². Под каток репрессий попадают директора педучилищ и школ, учителя.

После такого удара по кадрам требовалось время для «ликвидации последствий вредительства» в работе органов народного образования Башкирской АССР. Предметом пристального внимания обновленного обкома партии остается развитие высшего и среднего образования. Новым наркомом просвещения БАССР

³⁸ НА РБ. Ф. 122. Оп. 18. Д. 636. Л. 44–49.

³⁹ Там же. Ф. 363. Оп. 8. Д. 6. Л. 25.

⁴⁰ Там же. Оп. 15. Д. 51. Л. 49, 50.

⁴¹ Там же. Л. 49.

⁴² Там же. Ф. 122. Оп. 18. Д. 619. Л. 223.

10 октября 1937 г. назначается выходец из семьи бедного крестьянина Сагид Рахматович Алибаев. При его назначении, видимо, учитывалось не только рабоче-крестьянское происхождение, членство в партии, но и небольшой педагогически-управленческий опыт работы директором Оренбургского педучилища и инструктором отдела школ и науки Башкирского обкома ВКП(б).

Тем не менее, выдвиженец местной политической элиты не избежал обвинений в национализме и в последующем снятия с работы. Инструктор Башнаркомпроса Т.Х. Хусаинов вспоминал: «С.Р. Алибаев отличался прямоотой и принципиальностью, поэтому его недолюбливали многие руководители республики. Его беспокоила судьба башкирских детей. Он стремился сохранить обучение в национальных школах на родном языке»⁴³.

Направленность на преподавание родного языка раздувается в так называемую «гнилую позицию Башнаркомпроса». Под таким заголовком 20 марта 1938 г. в газете «Правда» публикуется соответствующая статья. Прежнее руководство Башнаркомпроса обвиняется во вредительстве и национализме, а в отношении нового во главе с Алибаевым указывалось, что оно «занимается пустыми разговорами, ничего не делая для ликвидации последствий вредительства»⁴⁴. Статья обсуждалась 4 апреля 1938 г. на заседании бюро Башобкома ВКП(б), которое признало ее целиком и полностью отвечающей действительности. Алибаева обвиняли в том, что нарком не проявил «большевистской заботы» по подготовке учителей русского языка для нерусских школ, и что на учительские курсы принимались случайные люди, отказывавшиеся ехать в районы⁴⁵.

По стандартному сценарию, инсценированному первым секретарем Башобкома партии А.Т. Заликиным и председателем СНК БАССР Ф.В. Шагимардановым, в декабре 1938 г. С.Р. Алибаев исключается из партии, снимается с должности наркома просвещения. В постановлении СНК содержится не отличавшаяся новизной формулировка: «за отсутствие большевистской борьбы с последствиями вредительства в системе Наркомпроса и за связь с врагами народа, бывшим наркомом просвещения Р.В. Абубакировым и редактором газеты «Башкортостан» К.К. Азнабаевым»⁴⁶.

Волею судьбы уже через месяц «обвинители» А.Т. Заликин, а чуть позже и Ф.В. Шагимарданов снимаются со своих постов. При отстранении А.Т. Заликина в январе 1939 г. на Пленуме Башобкома представитель ЦК Блохин отметил, что «Алибаев стал жертвой их клеветы»⁴⁷. Пережив трудности предвоенных лет и достойно пройдя фронты Великой Отечественной войны в качестве комиссара 112-й башкирской кавалерийской дивизии, Сагид Алибаев в 1946 г. вновь становится наркомом просвещения БАССР.

Что стояло за тем, что нарком избежал ареста? По утверждению Касима Азнабаева, одного из организаторов журналистики Башкирии (жертвы ложного

⁴³ Хусаинов Тагир Хусинович, инспектор Башнаркомпроса, заслуженный учитель РСФСР, 1912 г.р., г. Уфа, Республика Башкортостан // Архив автора. Запись от 30.01.1996, г. Уфа.

⁴⁴ НА РБ. Ф. 122. Оп. 18. Д. 85. Л. 38.

⁴⁵ Там же. Д. 234. Л. 233.

⁴⁶ Там же. Ф. 4657. Оп. 1. Д. 1. Л. 9.

⁴⁷ Там же. Д. 1. Л. 10.

обвинения, узника сталинских лагерей 1938–1956 гг.), Алибаева спасло следующее. «Став наркомом просвещения он избирается в Верховный Совет, становится депутатом палаты Совета национальностей. Кроме того, в конце 1938 г. спадает волна арестов, начинаются реабилитационные процессы в стране»⁴⁸.

Невольно задаешься вопросом. А можно ли было честным просвещенцам уберечься от репрессий? Опять обратимся к воспоминаниям современников этих противоречивых лет. По мнению Т.Ш. Саяпова, секретаря комсомольского бюро Башгоспединститута (БГПИ) имени К.А. Тимирязева, занимавшего должность ассистента кафедры истории, ему «удалось избежать репрессий благодаря своевременному переходу в сентябре 1937 г. рядовым преподавателем в металлургический рабфак города Уфы. Его преемника, нового секретаря комсбюро института И.М. Гулина долго таскали в НКВД»⁴⁹. То есть, как видим, от репрессий, в первую очередь, пострадали люди, находившиеся на руководящих должностях.

Казалось бы представители новой рабоче-крестьянской номенклатуры 1930-х гг. на местах должны были стать главной опорой руководства страны в период проводимой И.В. Сталиным модернизации. Однако именно региональная управленческая и интеллектуальная элита, склонная к идеям защиты национальной культуры и сохранения родного языка, оказалась невосприимчива к повороту властей к великодержавности. Поэтому, собственно, они и становятся главными жертвами репрессий конца 1930-х гг.

Жертвы политического террора в Башкирском государственном педагогическом институте имени К.А. Тимирязева

Несмотря на отсутствие в республике открытого конфликта между властью и представителями интеллигенции, преподаватели и студенты вузов стали особым объектом репрессий. Более того, именно через систему высшего образования шло формирование новой советской региональной элиты. Поэтому в Башкирии, как и в других национально-государственных образованиях, в 1920–1930-е гг. получила поддержку центра политика коренизации, когда национальные кадры на местах активно привлекались к государственному и культурному строительству. Основы этой политики закладывались в системе образования.

Следует признать, что, несмотря на часто слабые наборы абитуриентов из числа башкир, из стен Башкирского педагогического института вышел цвет довоенной национальной интеллигенции. При этом аудиторные занятия и воспитательную работу в этом учебном заведении вели преимущественно преподаватели с дореволюционным образованием, поскольку подготовка местных национальных кадров занимала долгое время. Среди профессорско-преподавательского состава БГПИ имени К.А. Тимирязева, основанного в 1929 г., выделялись профессора и доценты – выпускники Московского, Петербургского, Львовского университетов, Лазаревско-

⁴⁸ Алмаев Р.З. Воспоминания К.К. Азнабаева... С. 14.

⁴⁹ Саяпов Тимир Шаймухаметович, секретарь комсомольского бюро Башгоспединститута имени К.А. Тимирязева, кандидат исторических наук, 1914 г.р., деревня Верхнекарышево Бирского уезда Уфимской губернии // Архив автора. Запись от 25.02.1996, г. Уфа.

го института восточных языков, медресе «Мухаммадия», Народного университета имени Шанявского и других известных учебных заведений царской России⁵⁰.

Партийные органы пристально следили за ними, но допускали в первой половине 1930-х гг. наличие в вузе социально чуждых научно-педагогических кадров, проводя периодические чистки среди такой категории преподавателей. Чистка пединститута от антисоветских элементов достигает своего апогея, как и по всей стране, в 1937 г. Секретари парткомов и многочисленные комиссии начинают игнорировать профессиональные качества преподавателей, информируют вышестоящие организации и органы НКВД о неблагонадежных преподавателях.

Так, в январе 1937 г. в список преподавателей, «не внушающих политического доверия» у секретаря парткома Башпединститута, попадает несколько человек, в их числе декан физико-математического факультета, профессор Е.Н. Грибанов, в «прошлом белый офицер, пытавшийся устроить преподавателем на кафедру, ссыльного из Ленинграда», завкафедрой педагогики Н.Д. Чижов, «по слухам, бывший эсер». К таким преподавателям относился языковед и лингвист Б.Н. Кипарисов, «учившийся до революции на миссионера, просивший выписать заграничную литературу магометанско-религиозного содержания»⁵¹.

На протяжении трагического для советского народа 1937 г. на закрытых партийных собраниях пединститута все чаще выносились постановления и резолюции, обязывающие дирекцию института проводить линию на очищение вуза от враждебных элементов. В этой связи обращалось внимание на усиление контроля над лекциями преподавателей и немедленную чистку библиотеки от контрреволюционной литературы, содержавшую публикации «врагов народа». Не подлежали выдаче также книги на арабском языке.

Свободное мышление преподавателей, их рассуждения, высказывания в адрес опальных политических деятелей, отличавшиеся от общепринятых, трактовались как «контрреволюционные». Так, партсобрание осудило преподавателя Носкова, «читающего лекции не по программе и нахваливающего состояние рыболовства в Норвегии, в отличие от СССР»⁵².

Особое беспокойство у партийной организации института вызывали взгляды и лекции профессора физиологии Л.С. Пирогова, который вместо привития студентам генеральной линии партии восхвалял на своих занятиях Л.Д. Троцкого. В беседе на кафедре с коллегами Пирогов заявил: «Вот ругают троцкистов, как бы бояться, а что в их взглядах плохого?». Получивший ответ, о том, что «троцкисты – это фашисты, и они хотят возврата в нашей стране капитализма», Пирогов продолжил: «Ну чего капиталистам в России делать, откройте все двери и то, не придут. Это пустяки»⁵³.

На другом заседании парткома рассматривалось анонимное заявление доносительского характера в горком партии на преподавателя экономической географии Купраш. Политическая ошибка преподавателя, обвиненного в троцкизме,

⁵⁰ НА РБ. Ф. 122. Оп. 12. Д. 502. Л. 138.

⁵¹ Там же. Ф. 342. Оп. 2. Д. 689. Л. 10.

⁵² Там же. Д. 740. Л. 47.

⁵³ Там же. Д. 689. Л. 40.

заклучалось в рекомендации студентам статьи арестованного политического деятеля, старого большевика К.Б. Радека⁵⁴.

Пристальный контроль партийных органов осуществлялся и за студентами. Кроме изучения их личных дел, на партийных собраниях рассматривались жалобы, как говорили в то время, подозрительные и враждебные «вылазки». К такому относили случаи отказа студентами нести на демонстрациях знамена и портреты вождей.

Типичными для середины 1930-х гг. были прецеденты, когда студенты положительно высказывались в адрес Л.Д. Троцкого. Так, в ходе обсуждения вопроса, касающегося процесса троцкистско-зиновьевского центра, выяснилось, что студент Тайгильдин неоднократно высказывал контрреволюционные взгляды. В беседе с однокурсниками он выразил сомнение в правильности выбора И.В. Сталина вождем партии. По его мнению, «если бы Троцкого не выгнали из страны, именно он мог возглавить советское государство, а политика партии ведет рабочий класс к гибели»⁵⁵. Заслуги Троцкого выделялись и студентом Аксаровым. Обоих не марксистки мыслящих студентов исключили из БГПИ осенью 1936 г.

Бросается в глаза тот факт, что некоторые преподаватели на этих собраниях пытались вести себя достойно, защитить своих коллег и студентов. Например, директор БГПИ М.А. Мендельсон в ходе обсуждения этого вопроса сказал следующее: «Наша задача заключается не только в вылавливании и разоблачении “врагов народа”, но и в воспитании молодых студентов. Необходимо бороться за каждого студента, поддающегося враждебной агитации. Важно, чтобы молодежь не отшатнулась от нас. Мы не можем всех огульно исключать из института»⁵⁶.

Под понятие «жертва репрессий» попадали не только арестованные, но и уволенные из вузов преподаватели, лишившиеся права работать по профессии. Так, еще в 1935 г. дирекция института увольняет с работы административно высланных ранее в Уфу профессора-историка С.А. Покровского и профессора-филолога И.И. Соколова⁵⁷.

Среди лишившихся работы в 1937 г. оказались и те, кто стоял у истоков высшего образования Башкирии – руководители ряда кафедр и факультетов. Это – профессор, декан физико-математического факультета Е.Н. Грибанов, декан естественного факультета С.А. Баранова, зав. кафедрой педагогики Н.Д. Чиждова, профессор физиологии Л.С. Пирогов и многие другие⁵⁸.

Репрессивная политика привела к снятию с работы в августе 1937 г. директора пединститута М.А. Мендельсона «за недостаточную партийную бдительность по протаскиванию некоторыми преподавателями контрреволюционных враждебных идей». Мендельсон не смог противостоять давлению со стороны Башкирского обкома партии. На общем собрании пединститута он производил

⁵⁴ НА РБ. Ф. 342. Оп. 2. Д. 740. Л. 16.

⁵⁵ Там же. Д. 385. Л. 53.

⁵⁶ Там же. Д. 740. Л. 2.

⁵⁷ *Кульшарипов М.М.* Великий Октябрь и проблема высшего образования в Башкирии // Вопросы культурного строительства в БАСССР (1917–1985 гг.). Межвузовский сборник. Уфа, 1989. С. 6.

⁵⁸ НА РБ. Ф. 342. Оп. 2. Д. 740. Л. 35, 39.

впечатление обреченного человека, заявив: «Правильно сделал обком, сняв меня с работы, чтобы бить врага и укрепить работу института»⁵⁹.

Предыдущий директор вуза, первый профессор из башкир Ш.С. Абзанов, занимавший эту должность с августа 1931 по май 1935 гг., снимается с должности не только по болезни, но и за «притупление классовой бдительности». Абзанова арестовывают в июне 1937 г. как активного участника «контрреволюционной буржуазно-националистической повстанческой организации». Его расстреляли 10 июля 1938 г. вместе с основной массой руководителей республики на основании обвинительного заключения, вынесенного в ходе судебного заседания выездной сессии Военной коллегии Верховного суда Союза СССР⁶⁰.

За период с 1935–1937 гг. в Башкирском пединституте сменилось четыре директора: Ш.С. Абзанов, Г.К. Давлетшин, М.А. Мендельсон, М.Я. Янгиров. Все они оказались жертвами репрессий. Под предвоенную реабилитацию попал только М.Я. Янгиров, который руководил пединститутом незначительное время (с августа по ноябрь 1937 г.). Осужденного по 58-й политической статье как «участника контрреволюционной националистической организации» Янгирова спас начавшийся процесс незначительной либерализации карательной политики органов НКВД. Решением Верховного Суда РСФСР «ввиду недостаточности улик для предания суду» М.Я. Янгиров был реабилитирован в июне 1939 г.⁶¹

Согласно опубликованным источникам, в 1937–1938 гг. репрессиям подверглись: профессора Ш.С. Абзанов, А.В. Музычко, Х. Мусаев, С.А. Покровский, преподаватели Г.Я. Давлетшин, К.А. Идельгужин, Б.М. Магасумова, Л.Л. Мансуров, Е.Я. Штабной⁶².

В результате репрессивной политики в БГПИ устанавливается атмосфера подозрительности, недоверия и страха. Основная масса необоснованно репрессированных преподавателей так и не дождалась справедливого суда. Реабилитация репрессированных не носила последовательного и планомерного характера. Эти процессы привели к дефициту квалифицированных профессорско-преподавательских кадров, усложнили учебный процесс, вплоть до срыва выполнения учебных планов.

Воздействие террора на школу

Репрессии затронули и многочисленный корпус учителей республиканских школ. В условиях разрушения традиционных представлений о человеческой морали учителям, имеющим даже высшее образование, становится непросто разобрататься в сложной общественно-политической ситуации. Стереотипное мышление, внедряемое в сознание общества через мощную пропагандистскую машину, должно было стать неотъемлемой частью школьной жизни.

⁵⁹ НА РБ. Ф. 342. Оп. 2. Д. 740. Л. 38.

⁶⁰ *Ергин Ю.В.* Ш.С. Абзанов – жертва тоталитарного сталинского режима // Педагогический журнал Башкортостана. 2007. № 4 (11). С. 90.

⁶¹ НА РБ. Ф. 122. Оп. 18. Д. 1444. Л. 31.

⁶² Сведения о репрессированных жителях Уфы // *Вечерняя Уфа*. 1994. апрель – июль; *Кульшарипов М.М.*, Низамов А.Г. История Башкирского государственного университета. Уфа, 1997. С. 39.

Верили ли школьные учителя в существование сотен тысяч настоящих, а не вымышленных «врагов народа»? Современник этих событий Б.И. Северинов, назначенный в 1938 г. директором средней школы № 19 г. Уфы, вспоминает: «В 1930 г., с первого дня работы учителем, я приобрел десятитомную “Малую советскую энциклопедию” 1929 года издания. После расстрелов разоблаченных политических деятелей, известных революционеров, мне пришлось своей рукой исчеркать и исписать ее словами «шпион, расстрелян такого-то года, числа». В том, что они – враги народа, нисколько не сомневался. Сомнения появились, когда в стране началась массовая шпиономания»⁶³.

Чуть не попал под репрессии 1937 г. еще один представитель этой эпохи – Т.Х. Хусаинов, получивший должность директора средней школы № 60 города Черниковска после окончания Казанского университета. Он среди ночи был срочно вызван в комендатуру. Неточность в тексте транспаранта, украсившего фасад школы, едва не превратила его во врага народа. Недовольство представителей власти вызвало отсутствие в плакате «Да здравствует непобедимое дело К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина!», написанном на русском и башкирском языках, имени И. Сталина. Помогла находчивость молодого педагога. На вопрос коменданта: «Ты что, не считаешь Сталина продолжателем дела Маркса, Энгельса и Ленина?», молодой педагог ответил: «Этот лозунг из речи товарища Сталина на XVII съезде партии. Мое упущение, что внизу не дописали принадлежность слов вождю»⁶⁴.

В условиях катастрофической нехватки учителей в Башкирской АССР партийные комиссии обвиняли руководителей гор(рай)оно в засоренности школ вражескими элементами. Местных руководителей образования привлекали к партийной ответственности за принятие на учительскую работу административно высланных из Москвы и Ленинграда лиц с опытом педагогической работы.

Бросается в глаза классовая направленность тематики учительских партийных собраний: «Правые отщепенцы – защитники реставрации капитализма», «Революционная бдительность и подъем партийной работы», «О некоторых приемах иностранной разведки» и др. Например, в протоколах партийного собрания средней школы №3 города Уфы обращалось внимание на повышенный интерес к троцкистской литературе. В связи с чем секретарь партийной организации обозначил свою позицию: «Преподавание истории в школе, особенно в старших классах, надо поставить таким образом, чтобы выявить мнения учащихся, неверные рассуждения разбить»⁶⁵.

В большей степени классовый, чем образовательный характер носила государственная аттестация учителей 1936-1938 гг. В сентябрьской 1937 г. резолюции Башкирского обкома партии отмечался формальный и бюрократический характер аттестации учителей Башкирии. Требовалось обратить внимание на пересмотр решений аттестационных комиссий, руководимых разоблаченными «врагами на-

⁶³ Северинов Борис Иосифович, директор средней школы № 19 г. Уфы, заслуженный учитель РСФСР, 1911 г.р. г. Уфа, Республика Башкортостан // Архив автора. Запись 25.08.1997. г. Уфа.

⁶⁴ Хусаинов Тагир Хусинович, инспектор Башнаркомпроса, заслуженный учитель РСФСР, 1912 г.р., г. Уфа, Республика Башкортостан // Архив автора. Запись от 30.01.1996, г. Уфа.

⁶⁵ НА РБ. Ф. 342. Оп. 2. Д. 754. Л. 9.

рода» – Р.В. Абубакировым, Г.А. Давлетшиным, И.Х. Абызбаевым, С.Я. Ямалеевым, М.Д. Голдыревым.

Преступным отношением к аттестации назывались случаи, когда звание учителя присваивалось, основываясь, в первую очередь, на профессиональных качествах педагогов, а не на обстоятельствах политического свойства. Тем самым, по мнению контролирующих высших партийных органов, аттестация использовалась для развала школы. В частности, председатели аттестационных комиссий многих городов и районов освобождали от работы учителей башкирской национальности, преподавателей – членов ВЛКСМ, по причине их непрофпригодности, присваивая звание учителя бывшим белогвардейцам, членам контрреволюционных организаций⁶⁶.

Составы аттестационных комиссий подлежали пересмотру не позднее 10 октября 1937 г. после исключения из них лиц, не оправдавших себя по деловым и политическим признакам. Для исключения подобного в будущем требовалось перестроить работу Наркомпроса БАССР таким образом, чтобы до утверждения материалов аттестационных комиссий наркомом просвещения Башкирии они должны были рассматриваться начальниками управлений начальной и средней школы.

Рост количества увольнений учителей пришелся на 1937 г. Уволенных в ходе переаттестации учителей можно разделить на три группы: с социально-чуждым происхождением и антисоветскими взглядами; недостаточной квалификацией и низким уровнем образования; и морально разложившихся в быту.

Под аресты органами НКВД попадали учителя из первой группы, выделявшиеся своим происхождением, антибольшевистским прошлым, антисоветскими взглядами. Так, в судебные органы были переданы материалы на учителя Нуримановского района, служившего в личной охране А.В. Колчака. Антисоветское поведение директора Исянгуловской средней школы Зиянчурина района Б.М. Борисова заключалось в его «плаче во время объявления приговора над троцкистами и вывешивании в школе портретов «врагов народа»».

Классово-враждебное влияние учителей на учащихся города Уфы выражалось в протаскивании на уроки рисования антисоветских орнаментов, в требовании выдачи в библиотеке троцкистской литературы⁶⁷. Например, учительница школы № 3 города Уфы Брешкова заявила о необходимости ей трудов Бухарина, Зиновьева и Троцкого для подготовки к урокам и рекомендовала эти книги учащимся. А.А. Перкон, преподавательницу этой же школы, исключили из рядов ВКП(б) как голосовавшую в 1923 г. за троцкистскую платформу⁶⁸.

Еще одним основанием для политических увольнений учителей служили письма-доносы во власть со стороны коллег. В архивных источниках можно обнаружить подробные и подписанные заявления-жалобы в СНК и ЦИК БАССР учителей на директоров школ. Подобные сигналы содержали информацию о сокрытии социального происхождения, родственных связей за границей, помощи в устройстве на работу лиц, лишенных избирательных прав, а также об антисоветских высказываниях.

⁶⁶ НА РБ. Ф. 122. Оп. 18. Д. 624. Л. 157.

⁶⁷ Там же. Л. 133.

⁶⁸ Там же. Ф. 342. Оп. 2, Д. 754. Л. 20, 62.

Характерный пример – письмо-донос учителя Кучербаевской неполной средней школы Благоварского района на своего директора школы Усманова. Главное обвинение – в подборе классово-чуждых элементов в школе – учителей – детей мулл и кулаков – подкреплялось сопутствующими – в притеснении молодых учителей-комсомольцев и членов партии, в дореволюционном образовании директора, несоответствующем требованиям времени (он являлся выпускником медресе «Гусманья»). Реакцией Башнаркомпроса на письмо стало снятие Усманова с должности директора школы⁶⁹. По утверждению исследователя А.И. Савина, тем самым авторы писем «демонстрировали свою советскую идентичность, через выражение своей непримиримости ко всему чуждому и враждебному»⁷⁰.

Нехватка подготовленных кадров во всех сферах общества, включая образование, вынудила центральные власти, подвергнуть критике «ошибочные» исключения из партии и увольнения с работы. Постановление январского 1938 г. пленума ЦК ВКП (б) «Об ошибках парторганизаций при исключении из партии» позволило восстановить в партии отдельных педагогов и закрыть учительские вакансии во многих школах республики за счет возвращения уволенных.

Обоснованием для увольнения учителей служила и формулировка «разоблачен, как враг народа». Архивные документы свидетельствуют о том, что практически в каждом городе и районе республики учителя разоблачались как «враги народа». Причем многие из них репрессировались без судебного разбирательства, не попадая ни в какие списки. Источники позволяют установить наличие небольшой доли учителей республики, оказавшихся жертвами политических репрессий.

Согласно неполным данным, опубликованным в 1994 г. по городу Уфе, за весь период репрессий пострадало 42 педагогических работника из числа учителей и директоров, 52 % из которых были женщины. По национальному признаку среди осужденных преобладали русские – 66 %; далее шли белорусы – 7 %; татары, башкиры, латыши, немцы, поляки – по 4 %; евреи – 2 %. По годам размах политических репрессий составлял: 1936 г. – 9 %, 1937 г. – 35 %, 1938 г. – 38 %. Аресты в основном связывались с причастностью к троцкистско-зиновьевскому блоку. Всех учителей осудили по 58-й статье. Преобладали также пункт 10 (за контрреволюционную, антисоветскую пропаганду и агитацию) – 54 % и пункт 12 (несообщение о преступлении) – 28 %. В группе расстрелянных учителей оказались только мужчины⁷¹.

По мнению американского ученого Е. Томаса Юинга, учителя пострадали меньше других представителей профессиональных групп, составляя около 3 % репрессированных по стране⁷². Во многом это объяснялось молодостью и аполитичностью большинства учителей. Власть настораживала их политическая беспечность, недовольство материальным положением, но серьезной угрозы безопасности страны они не представляли. Поэтому репрессии для учителей в те годы в большей степени выразились в увольнениях.

⁶⁹ НА РБ. Ф. 342. Оп. 3. Д. 2103. Л. 4.

⁷⁰ Савин А.И. Письма во власть как специфическая форма политической адаптации советских граждан в 1930-е годы // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2016. Т. 15. № 8. С. 140.

⁷¹ Сведения о репрессированных жителях Уфы // *Вечерняя Уфа*. 1994. апрель – июль.

⁷² Юинг Е.Т. Учителя эпохи сталинизма: власть, политика и жизнь школы... С. 238.

Выводы

Репрессии 1937–1938 гг. в Башкирской АССР носили организованный и целенаправленный характер. Одним из главных оснований для предъявления обвинений к руководящим работникам национальных автономных республик стало проявление «местного буржуазного национализма». Такие обвинения использовались применительно к местной номенклатуре и национальной интеллигенции. Причем признаки понятия «буржуазный национализм» носили достаточно обтекаемый характер. «Буржуазным националистом» в широком смысле слова могли объявить любого гражданина, имевшего «бывшее» социальное происхождение или друзей из их числа.

Сталинская власть, насаждая свою моноидеологию, очищала партийно-государственные органы республики от «националистов», прямо или косвенно связанных с представителями «национально-местнических уклонов» революционных лет – А.З. Валидовым, М.Л. Муртазиным, М.Х. Султан-Галиевым и другими, чьи взгляды на национальное устройство СССР отличались от официально принятых. Дискредитация наркомов просвещения путем сбора компрометирующих материалов давала возможность для фальсификации дел об их причастности к контрреволюционным буржуазно-националистическим организациям. Политика республиканских наркомов по развитию обучения в национальных школах на родном языке представлялась в официальных средствах массовой информации и директивных документах как «гнилая позиция Башнаркомпроса».

В условиях раннесоветского общества региональная управленческая элита и интеллигенция испытали на себе методы выявления «врагов народа» до ареста органами НКВД. Наблюдалась определенная синхронность в действиях Башкирского обкома партии, прессы, партийных комитетов образовательных учреждений, НКВД при разоблачении «враждебных элементов», троцкистов из числа руководителей просвещения, специалистов высшей школы, учителей.

Эволюционировали методы воздействия на педагогическую интеллигенцию: от административных наказаний и увольнений в первой половине 1930-х гг. до уголовных преследований в 1936–1938 гг. В ходе репрессий больше других пострадали представители системы образования, занимавшие руководящие должности. В условиях осуществления широкомасштабного советского образовательного проекта учительство, не избежавшее увольнений и арестов, вынужденно придерживалось политической индифферентности. Страх, пережитый людьми в годы террора, приводил к взаимному недоверию, подозрительности, деформировал психологию как педагогов, так и учащихся, подрывая уважение к человеку как к личности.

Рукопись поступила: 17 сентября 2019 г.

Submitted: 17 September 2019

Библиографический список

- Азнабаев К.К.* Все выдержал... и в народ свой верю // Урал. 1989. № 1. С. 158–167.
Азнабаев К.К. Страницы истории // Башкортостан. 1995. 15 ноября.

- Алмаев Р.З. Воспоминания К.К. Азнабаева как источник по истории народного образования Башкортостана // На изломе XX века: сборник воспоминаний. Уфа: Гилем, 2008. С. 9–14.
- Багдасарян Э.В. Загадочный тридцать седьмой: опыт историографического моделирования // Историография сталинизма. М.: РОССПЭН, 2007. С. 172–206.
- Баранец В.М. «Не надо вешать всех собак на Сталина» // Комсомольская правда. 2006. 22 декабря.
- Верт Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М.: РОССПЭН, 2010. 447 с.
- Воронцова Ю.С. Социально-политический облик гуманитарной интеллигенции Башкирской АССР в 30-е годы XX века // Научный диалог. 2016. № 3 (51). С. 171–181.
- Гарипова Г. Масштабы репрессий в Башкортостане в 30-е годы // Ватандаш. 2002. № 2. С. 41–44.
- Голдман В.З. Террор и демократия в эпоху Сталина: Социальная динамика репрессий. М.: Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина»; РОССПЭН, 2010. 334 с.
- Давлетшин Р.А. «Великий перелом» и трагедия крестьянства Башкортостана. Уфа: Китап, 1993. 160 с.
- Ергин Ю.В. Ш.С. Абзанов – жертва тоталитарного сталинского режима // Педагогический журнал Башкортостана. 2007. № 4 (11). С. 75–90.
- Ергин Ю.В. Расстрелянный нарком (К 115-летию со дня рождения Г.К. Давлетшина) // Педагогический журнал Башкортостана. 2008. № 6 (19). С. 108–123.
- Ергин Ю.В. А.Т. Гисматуллин – нарком просвещения Башкирской республики в 1926–1928 годах // Педагогический журнал Башкортостана. 2010. № 5 (30). С. 159–168.
- Жуков Ю.Н. Иной Сталин: Политические реформы в СССР в 1935–1937 гг. М.: Концептуал, 2003. 368 с.
- Земсков В.Н. Масштаб политических репрессий в СССР (правда и домыслы). М.: Институт российской истории РАН, 2012. 506 с.
- Ильгамов М.А. Башкирская энциклопедия. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2005–2011. 623 с.
- Иргалин Г.Д. Сталинские репрессии в Башкирии // Страницы истории Башкирской республики: новые факты, взгляды, оценки. Сборник статей. Уфа: Издательство Башкортостан, 1991. С. 55–69.
- Иргалин Г.Д., Асабин Е.П. Возвращенные имена: О репрессированных в годы культа личности Сталина в Башкирии. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1991. 272 с.
- Иргалин Г.Д., Каменев Н.П. Трудный путь к правде. Уфа: Китап, 1997. 271 с.
- Каримов К.К. Репрессии ученых в БАССР в 30-е годы XX века // Вестник Башкирского университета. 2013. Т. 18. № 1. С. 259–261.
- Кириллов В.М. История сталинизма в школьных учебниках истории // Детская книга и история отечества: материалы IX Всероссийской научно-практической конференции (Нижний Тагил, 19 мая 2016 г.). Нижний Тагил: Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет», 2017. С. 84–91.
- Кузнецов С.В. Некоторые страницы репрессий 1930-х годов в Башкирской АССР // Вестник ВЭГУ. 2011. № 6. С. 87–92.
- Кудаш С. По следам молодости. Уфа: Башкнигоиздат, 1964. 192 с.
- Кульшарипов М.М. Великий Октябрь и проблема высшего образования в Башкирии // Вопросы культурного строительства в БАССР (1917–1985 гг.). Межвузовский сборник. Уфа: БГУ, 1989. С. 3–12.
- Кульшарипов М.М., Низамов А.Г. История Башкирского государственного университета. Уфа: БГУ, 1997. 197 с.
- Лейбович О.Л. Исповеди, проповеди и разоблачения на партийных собраниях 1936 – 1938 годов // Вестник Пермского университета. История. 2015. № 3 (30). С. 160–168.
- Максимов К.Н. Трагедия народа: Репрессии в Калмыкии. 1918–1940-е годы. М.: Наука, 2004. 309 с.
- Павлова И.Н. «Понимание сталинской эпохи и позиция историка» // Вопросы истории. 2002. № 10. С. 3–18.

- Разаков Р.Ч.-М. К вопросу о политических репрессиях в Дагестане в 30-е годы XX века // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. 2016. № 4. С. 60–63.
- Савин А.И. Письма во власть как специфическая форма политической адаптации советских граждан в 1930-е годы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2016. Т. 15. № 8. С. 133–145.
- Сануков К. Н. Из истории Марий Эл: трагедия 30-х годов. Йошкар-Ола: Марийский госуниверситет, 2000. 195 с.
- Солодий Г. Буржуазные националисты из Башкирского Наркомпроса // Известия. 1937. 22 сентября.
- Султанбеков Б.Ф., Хакимзянов Р.Г. Политические репрессии в Татарстане. Законы. Исполнители. Реабилитация. Казань: Правозащитный центр, 2002. 145 с.
- Фицпатрик Ш. Как мыши kota хоронили. Показательные процессы в сельских районах СССР в 1937 г. // Судьбы российского крестьянства. М.: РГГУ, 1996. С. 387–415.
- Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М.: РОССПЭН, 2010. 432 с.
- Хлевнюк О.В. 1937-й: Сталин, НКВД, советское общество. М.: Республика, 1992. 268 с.
- Хлевнюк О.В. «Большой террор» 1937–1938 гг. как проблема научной историографии. Историческая наука и образование на рубеже веков. М.: Собрание, 2004. 451 с.
- Хлевнюк О.В. Номенклатурная революция: региональные руководители в СССР в 1936–1939 гг. // Российская история. 2016. № 5. С. 36–52.
- Шарин М.С. Политические репрессии в СССР в 30–40-е гг. XX века глазами современного российского общества. Опыт социологического опроса // Гуманитарные науки и образование. 2013. № 1. С. 117–120.
- Шакуров Р.З. Башкортостан: краткая энциклопедия. Уфа: ГУ РБ НИ Башкирская энциклопедия, 1996. 672 с.
- Эпплбаум Э. ГУЛАГ. Паутина Большого террора. М.: Московская школа политических исследований, 2006. 606 с.
- Юинг Е.Т. Учителя эпохи сталинизма: власть, политика и жизнь школы 1930-х гг. М: РОССПЭН, 2011. 362 с.
- Юлдашбаев Б.Х. Новейшая история Башкортостана. Уфа: Китап, 1995. 288 с.
- Янтурин Д.Х. Массовые репрессии второй половины 30-х гг. в автономиях Урало-Поволжья // Ватандаш. 2004. № 1. С. 53–67.

References

- Aznabayev, K.K. “Vse vyderzhal... i v narod svoy veryu.” *Ural*, no. 1 (1989): 158–167 (in Russian).
- Aznabayev, K.K. “Stranitsy istorii.” *Bashkortostan*. November 15, 1995 (in Russian).
- Almayev, R.Z. “Vospominaniya K.K. Aznabayeva kak istochnik po istorii narodnogo obrazovaniya Bashkortostana.” In *Na izlome XX veka: sbornik vospominaniy*, 9–14. Ufa: Gilem Publ., 2008 (in Russian).
- Bagdasaryan, E.V. “‘Zagadochnyy tridtsat’ sed’moy’: opyt istoriograficheskogo modelirovaniya.” In *Istoriografiya stalinizma*, 172–206. Moscow: ROSSPEN Publ., 2007 (in Russian).
- Baranets, V.M. “«Ne nado veshat’ vsekhn sobak na Stalina».” *Komsomol’skaya Pravda*. December 22, 2006 (in Russian).
- Garipova, G. “Masshtaby repressiy v Bashkortostane v 30-ye gody.” *Vatandash*, no. 2 (2002): 41–44 (in Russian).
- Goldman, V.Z. *Terror i demokratiya v epokhu Stalina: Sotsial’naya dinamika repressiy*. Moscow: Prezidentskiy tsentr B. N. Yel’tsin Publ.; ROSSPEN Publ., 2010 (in Russian).
- Davletshin, R.A. *‘Velikiy perelom’ i tragediya krest’yanstva Bashkortostana*. Ufa: Kitap Publ., 1993 (in Russian).
- П’гамов, М.А. *Bashkirskaya entsiklopediya*. Ufa: Bashkirskaya entsiklopediya Publ., 2005–2011 (in Russian).

- Irgalin, G.D. “Stalinskiye repressii v Bashkirii.” In *Stranitsy istorii Bashkirskoy respubliki: novyye fakty, vzglyady, otsenki. Sbornik statey*, 55–69. Ufa: Bashkortostan Publ., 1991 (in Russian).
- Irgalin, G.D., and Asabin, Ye.P. *Vozvrashchennyye imena: O repressirovannykh v gody kul'ta lichnosti Stalina v Bashkirii*. Ufa: Bashkir Book Publ., 1991 (in Russian).
- Irgalin, G.D., and Kamenev, N.P. *Trudnyy put' k pravde*. Ufa: Kitap Publ., 1997 (in Russian).
- Khaustov, V., and Samuel'son, L. *Stalin, NKVD i repressii 1936–1938 gg.* Moscow: ROSSPEN Publ., 2010 (in Russian).
- Karimov, K.K. “Repressii uchenykh v BASSR v 30-ye gody XX veka.” *Bulletin of Bashkir University* 18, no. 1 (2013): 259–261 (in Russian).
- Khlevnyuk, O.V. *1937-y: Stalin, NKVD, sovetskoye obshchestvo*. Moscow: Respublika Publ., 1992 (in Russian).
- Khlevnyuk, O.V. *‘Bol'shoy terror’ 1937–1938 gg. kak problema nauchnoy istoriografii. Istoricheskaya nauka i obrazovaniye na rubezhe vekov*. Moscow: Sobraniye Publ., 2004 (in Russian).
- Khlevnyuk, O.V. “Nomenklaturnaya revolyutsiya: regional'nyye rukovoditeli v SSSR v 1936–1939 gg.” *Russian History*, no. 5 (2016): 36–52 (in Russian).
- Kirillov, V.M. “Istoriya stalinizma v shkol'nykh uchebnikakh istorii.” In *Detskaya kniga i istoriya otechestva: materialy IX Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. (Nizhniy Tagil, 19 maya 2016 g.)*, 84–91. Nizhniy Tagil: FGAOU VO, 2017 (in Russian).
- Kuznetsov, S.V. “Nekotoryye stranitsy repressiy 1930-kh godov v Bashkirskoy ASSR.” *Vestnik VEGU*, no. 6 (2011): 87–92 (in Russian).
- Kudash, S. *Po sledam molodosti*. Ufa: Bashknigoizdat Publ., 1964 (in Russian).
- Kul'sharipov, M.M. “Velikiy Oktyabr' i problema vysshego obrazovaniya v Bashkirii.” In *Voprosy kul'turnogo stroitel'stva v BASSR (1917–1985 gg.)*. *Mezhvuzovskiy sbornik*, 3–12. Ufa: BGU Publ., 1989 (in Russian).
- Kul'sharipov, M.M., and Nizamov, A.G. *Istoriya Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta*. Ufa: BGU Publ., 1997 (in Russian).
- Leybovich, O.L. “Ispovedi, propovedi i razoblacheniya na partiynykh sobraniyakh 1936–1938 godov.” *Vestnik of Perm University. History*, no. 3 (30) (2015): 160–168 (in Russian).
- Maksimov, K.N. *Tragediya naroda: Repressii v Kalmykii. 1918–1940-ye gody*. Moscow: Nauka Publ., 2004 (in Russian).
- Pavlova, I.N. “«Ponimaniye stalinskoy epokhi i pozitsiya istorika.»” *Issues of History*, no. 10 (2002): 3–18 (in Russian).
- Razakov, R.CH.-M. “K voprosu o politicheskikh repressiyakh v Dagestane v 30-ye gody XX veka.” *Vestnik of North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov*, no. 4 (2016): 60–63 (in Russian).
- Yanturin, D.Kh. “Massovyye repressii vtoroy poloviny 30-kh gg. v avtonomiyakh Uralo-Povolzh'ya.” *Vatandash*, no. 1 (2004): 53–67 (in Russian).
- Yergin, Yu.V. “Sh.S. Abzanov – zhertva totalitarnogo stalinskogo rezhima.” *Journal of Bashkir State University*, no. 4 (11) (2007): 75–90 (in Russian).
- Yergin, Yu.V. “Rasstrelyannyy narkom (K 115-letiyu so dnya rozhdeniya G.K. Davletshina).” *Journal of Bashkir State University*, no. 6 (2008): 108–123 (in Russian).
- Yergin, Yu.V. “A.T. Gismatullin – narkom prosveshcheniya Bashkirskoy respubliki v 1926–1928 godakh.” *Journal of Bashkir State University*, no. 5 (30) (2010): 159–168 (in Russian).
- Yuing, Ye.T. *Uchitel'ya epokhi stalinizma: vlast', politika i zhizn' shkoly 1930-kh gg.* Moscow: ROSSPEN Publ., 2011 (in Russian).
- Yuldashbayev, B.Kh. *Noveyshaya istoriya Bashkortostana*. Ufa: Kitap Publ., 1995 (in Russian).
- Zhukov, Yu.N. *Inoy Stalin: Politicheskkiye reformy v SSSR v 1935–1937 gg.* Moscow: Kontseptual Publ., 2003 (in Russian).
- Zemskov, V.N. *Masshtab politicheskikh repressiy v SSSR (pravda i domysly)*. Moscow: Institut rossiyskoy istorii RAN Publ., 2012 (in Russian).

- Savin, A.I. "Pis'ma vo vlast' kak spetsificheskaya forma politicheskoy adaptatsii sovetskikh grazhdan v 1930-ye gody." *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology* 15, no. 8 (2016): 133–145 (in Russian).
- Sanukov, K.N. *Iz istorii Mariy El: tragediya 30-kh godov*. Yoshkar-Ola: Mariyskiy gosuniversitet Publ., 2000 (in Russian).
- Sharin, M.S. "Politicheskiye repressii v SSSR v 30–40-ye gg. XX veka glazami sovremennogo rossiyskogo obshchestva. Opyt sotsiologicheskogo oprosa." *The Humanities and Education*, no. 1 (2013): 117–120 (in Russian).
- Shakurov, R.Z. *Bashkortostan: kratkaya entsiklopediya*. Ufa: GU RB NI Bashkirskaya entsiklopediya Publ., 1996 (in Russian).
- Solodiy, G. "Burzhuznyye natsionalisty iz Bashkirskogo Narkomprosa." *Izvestiya*. September 22, 1937 (in Russian).
- Sultanbekov, B.F., and Khakimzyanov, R.G. *Politicheskiye repressii v Tatarstane. Zakony. Ispolniteli. Reabilitatsiya*. Kazan': Pravozashchitnyy tsentr Publ., 2002 (in Russian).
- Fitspatrik, Sh. "Kak myshi kota khoronili. Pokazatel'nyye protsessy v sel'skikh rayonakh SSSR v 1937 g." In *Sud'by rossiyskogo krest'yanstva*, 387–415. Moscow: RGGU Publ., 1996 (in Russian).
- Eppelbaum, E. *GULAG. Pautina Bol'shogo terrora*. Moscow: Moscow School of Political Studies Publ., 2006 (in Russian).
- Vert, N. *Terror i besporyadok. Stalinizm kak sistema*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2010 (in Russian).
- Vorontsova, Yu.S. "Sotsial'no-politicheskiy oblik gumanitarnoy intelligentsii Bashkirskoy ASSR v 30-ye gody XX veka." *Scientific Dialogue*, no. 3 (2016): 171–181 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Алмаев Рустам Закирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Башкирского государственного педагогического университета имени М. Акмуллы.

Rustam Z. Almaev, Kandidat Istoricheskikh Nauk [Ph.D. in History], Associate Professor at the Department of Russian History, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-1-119-135>

Научная статья / Research article

Soviet-Tajik Writing Intelligentsia in the Late 1930s

Nicholas Seay

Ohio State University; 203 Annie and John Glenn Ave., Columbus, Ohio, 43210 USA;
seay.27@buckeyemail.osu.edu

Советская таджикская писательская элита в конце 1930-х годов

Николас Сии

Университет штата Огайо; 43210, США, шт. Огайо, г. Колумбус,
Энни энд Джон Глен Авеню, 203; seay.27@buckeyemail.osu.edu

Abstract: This paper looks at the formation of a Tajik-Soviet writing elite in the 1930s, exploring how a new generation of Soviet writers in the late 1930s emerged out of new state institutions. Prior to their emergence, the founders of Tajik literature – Sadriiddin Aini and Abolqosim Lahuti – used their unique position vis-à-vis Moscow to shape the direction of Tajik literature. Despite the former’s important place in Soviet hagiography, it was the younger generation of Tajik writers – including writers like Mirzo Tursunzoda, Jalol Ikromi, Sotim Ulughzoda, and others – that emerged on the all-Union writing scene in the late 1930s and became key cultural and political figures in the post-war era. While the role of the Tajik writer inevitably became the portrayal of the national subject in the modern context of Soviet development, this article shows how comparing the themes and writings of these two generations in the 1930s demonstrates how Tajik national identity building related to the nationalities policies of the early Soviet Union and, in particular, the relationship between Tajik national identity and territory. This paper relies on a few primary source materials the Central State Archive of the Republic of Tajikistan, but also online archives, newspapers/periodicals, and published Books and collections. This paper finds that the mobilization of a younger generation of Tajik-Soviet Writing Intelligentsia led to the creation of a new vision of Tajik national identity unfolding in a Soviet space. Unlike the early writers Sadriiddin Aini and Abolqosim Lahuti, these younger writers emerged in new Soviet institutions and therefore projected a new Soviet-Tajik identity in the late 1930s and eventually became leaders of Central Asian literature in the post WWII period.

Keywords: national identity, national politics, Tajik writers, Tajik-Persian literature

For citation: Seay, Nicholas. “Soviet-Tajik Writing Intelligentsia in the Late 1930s,” *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 1 (February 2020): 119–135. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-1-119-135>

Аннотация: Статья посвящена истории формирования новой таджикской советской литературной элиты в 1930-е гг. На примере реализации проекта «Политика советских национальностей» показан процесс становления новых национальных символов, языка, мифологии Таджикистана, представлены основные его участники в лице основателей таджикской литературы – Садриддина Аини и Аболкосима Лахути и молодых авторов – Мирзо Турсунзаде, Ялола

© Seay N., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Икромии, Сотима Улутзода и др., которые стали ключевыми фигурами в культурной и политической жизни республики в послевоенную эпоху. Показано, что роль таджикского писателя в те годы во многом определялась необходимостью создания и изображения национального субъекта в контексте советского развития. Проведенный автором анализ тематики художественных произведений двух поколений литераторов 1930-х гг. продемонстрировал то, как построение национальной идентичности таджиков, определение их территориальной локализации были связаны с национальной политикой Советского Союза той эпохи. Данная статья опирается на разные группы источников, включая документы Центрального государственного архива Республики Таджикистан и онлайн-архивов, публицистические материалы и художественные произведения. Автор приходит к выводу, что мобилизация молодого поколения представителей таджикской советской литературной интеллигенции привела к формированию нового типа таджикской национальной идентичности на советском пространстве. В отличие от Садриддина Айни и Аболкосима Лахути, молодые таджикские литераторы сумели вписаться в условия советской действительности. Именно они формировали с конца 1930-х гг. новую таджикскую идентичность, став в итоге лидерами художественной литературы Центральной Азии в послевоенный период советской истории.

Ключевые слова: национальная идентичность, национальная политика, таджикские писатели, таджикско-персидская литература

Для цитирования: Николас Си. Советская таджикская писательская элита в конце 1930-х годов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 1. С. 119–135. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-1-119-135>

Introduction

In contemporary Tajikistan, the image of the Soviet-Tajik writer continues to lend itself to the state-building project. Traveling around the country's capital Dushanbe, you will find streets, buildings, and public monuments celebrating figures like Sadriddin Aini, Mirzo Tursunzoda, and Abolqosim Lahuti. Examples include the Sadriddin Aini Theater of Opera and Ballet, a street named after Mirzo Tursunzoda, and the Lahuti Drama Theatre, all found in the city center. Not far from these landmarks, stands a mural alongside the Writers' Union building, where Aini, Lahuti, and Mirzo Tursunzoda's life-sized likenesses can be found alongside the Russian-Soviet writer Maksim Gorky and more classical Persian figures like Abu Ali Ibn Sino (Avicenna), Firdowsi, Rudaki, and Hofiz Sherozi. The Tajik state evokes these writers' images in more official settings too. For example, Aini and Tursunzoda are two of the six individuals awarded Tajikistan's "highest honorary title" (Hero of Tajikistan).¹ Finally, the citizens of contemporary Tajikistan encounter these latter two writers on a daily basis, as the two writers are respectively portrayed on the one-*somoni* and five-*somoni* bills, the lowest (and most commonly used) bills of Tajik currency.

Why is the Soviet-Tajik writer promoted in the post-Soviet period if these figures were so closely linked to the Soviet state? The importance of these figures is a direct consequence of the project of Soviet Nationalities' Policy in the context of the Tajik SSR. As Adeeb Khalid explains, Tajikistan's elevation as a full Soviet Republic in 1929 pre-dated a Tajik nation-building project and therefore demanded considerable attention

¹ K. Abudullaev, *Historical Dictionary of Tajikistan* (Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2018), 187. The others include Soviet-Tajik party members and scholars Bobojon Ghafurov, Nusratullo Maqsum, and Shirinsho Shotemur. The current President of Tajikistan Emomali Rahmon is the only living recipient of the award.

and initiative in the creation of national symbols, language, and a founding mythology of Tajikistan.² The project itself required the participation of politicians, ethnographers, scientists, writers, journalists, politicians, and teachers both from within Soviet borders (especially from the Tajik SSR, the Uzbek SSR, the Russian Soviet Federative Socialist Republic), but also those from beyond its borders in Europe and Iran. Writers like the Bukharan writer Sadriddin Aini and the Iranian revolutionary poet Abolqosim Lahuti played an important role in this process, particularly following the national delimitations of Central Asia.

This article first looks at these two figures who lent themselves in the service of the Soviet party-state. Because they could be mobilized as trusted Bolsheviks and reliable speakers of Persian, they were among the first articulators of a Tajik-Soviet literary identity, which simultaneously laid claim to a Persian heritage rooted in the history of Central Asia and the larger Persian-speaking world. The story, of course, did not end with these two writers; as the second part of this article demonstrates, a second generation of writers – the Komsomol Generation – eventually emerged out of budding Soviet institutions and would continue the work, creating their own distinct vision of a Tajik national identity.³ By comparing these two generations, their works, and their place within a broader pan-Soviet stage, this article demonstrates an inherent tension in the 1930s search for a Tajik national identity and its place in a broader Persianate context.

The politics of the 1930s demanded “native” voices to promote a new Tajik national identity and bolster the Soviet Union’s anti-colonial rhetoric.⁴ Absent a local group of Tajikistan-based intellectuals, Aini and Lahuti served this function. Yet, Aini’s status as witness to the oppressive pre-revolutionary Central Asian order and Lahuti’s unique position in Moscow as a devoted Stalinist, an internationalist, revolutionary poet, and a representative of the “East” at large made it impossible for them to fully develop a local “insider” perspective on Tajikistan that would be simultaneously national and Soviet. To fill this gap, local party members and Writers’ Union officials encouraged the younger generation of Tajik writers to create the insider images and narratives that the Soviet center demanded. The first achievement on that path was the young writer Sotim Ulughzoda’s play *Red Clubs* that was presented for Russian audiences at the 1941 Festival of Tajik Art in Moscow; the trend was more fully developed in the post-war

² “Tajik as a Residual Category,” in A. Khalid, *Making Uzbekistan: Nation, Empire, and Revolution in the Early USSR* (Ithaca: Cornell University Press, 2015).

³ The idea of this group as the Komsomol Generation comes from Soviet scholars. In cultural studies of Tajikistan from the Soviet period, scholars often emphasized the importance of the Komsomol in this group’s emergence in the 1930s. See, for example: Z. Osmanova, *Ocherk istorii tadjikskoy sovetskoy literatury* (Moscow: Akademiya Nauk, 1961), 338.

⁴ See: K. Holt, “The Rise of Insider Iconography: Visions of Soviet Turkmenia in Russian-Language Literature and Film, 1921–1935” (PhD diss., Columbia University, 2013), 155–220. In using “insider iconography,” I borrow from Holt, who defines “insider iconography” as a set of guiding principles in literature in which “outsider” writers tried to incorporate “insider” or native voices and perspectives into their Russian-language works depicting the region. She suggests that these practices informed how later natives depicted the Republic. In Tajikistan, where the process of Sovietization and the attempt at creating a Soviet-Tajik nation started in earnest in the 1930s, intermediaries Aini and Lahuti played a much larger role in developing this “insider iconography” until eventually younger writers more extensively developed a Soviet-Tajik identity in their works.

years, when the membership of the Komsomol Generation of Tajik writers significantly increased. The attempt to mobilize local educated elites had been a source of frustration for the Soviet Writers' Union members in Moscow, but, by the time of the German Invasion in 1941, their plans started to show promise. The same generation of Komsomol Writers on the verge of breakthrough in 1941 would become the undisputed authority on Tajik literature in the post-war period.

Creation of a New Tajik Literature: Aini and Lahuti in the Early 1930s

Sadriddin Aini had strong ties with the Tajik intellectual project since its earliest conception in the 1920s. Throughout his post-revolutionary life, he conducted most of his work from Samarqand, a city that had a sizable minority of Persian-speakers and served as the center of Tajik literature before 1929.⁵ In 1923, Aini had been elected a member of the Central Executive Committee of the Bukhara People's Soviet Republic, but remained in Samarqand. In this period, he also started writing his first novel, *Odina*, first published in Samarqand in 1924 and subsequently translated and published in Russian in 1928.⁶ In 1925, he started writing his *Namunai Adabiyoti Tojik (Anthology of Tajik Literature)*, a study of Central Asian Persian literature (newly defined as Tajik) of the 16th and 19th centuries. Shortly after, in 1930, he published his second major literary work, *Dokhunda* (translated and published in Russian in 1934) which the Soviet press continuously praised as the first Tajik novel. The administrative decision to transform Tajikistan from an ASSR (Autonomous Soviet Socialist Republic) within Uzbek borders to the seventh Soviet Socialist Republic in 1929 made the task of building up a Tajik national identity all the more pressing; in this changing climate, Aini's ability to fashion himself as a reliable figure up for the task solidified his position as founder of Tajik literature and allowed him to secure his position in the field of Soviet culture.

It is difficult to overestimate Aini's role in the developing national-Soviet culture of Tajikistan in the 1930s. He was the first to publish works (published in Tajik, Uzbek, and Russian) that featured Tajiks as the main characters.⁷ Additionally, he served several political roles in both Uzbekistan and Tajikistan, showing his ability to navigate the tough political milieu of Stalinist Central Asia. During the brief existence of the Tajik ASSR, he served as an official Tajik representative in Samarqand and played a crucial role in the Samarqand section of the Tajik State Press. When Tajikistan became a Republic in 1929, he, alongside Lahuti and others, was elected as a member of the Central Executive Committee of the Tajik SSR.

Similarly, Lahuti played a leading role in the early development of Tajik literature. After his emigration to the Soviet Union from Iran in the early 1920s, Lahuti briefly lived in Moscow, working as a typesetter at the newly-established Central

⁵ K.P. Marsakova, *Istoriia Kul'turnogo Stroitel'stva v Tadzhikistane (1917–1977)*, v. 2 tt. (Dushanbe: Donish, 1983. Vol. 2), 29; Even after the 1929 creation of the Tajik Republic, Samarqand and Bukhara, two major Persian-speaking cities in Central Asia, would remain part of the Uzbek SSR.

⁶ L. Yountchi, *Between Russia and Iran: Soviet Tajik Literature and Identity, 1920–1991* (PhD diss., Northwestern University, 2011), 61; J. Becka, *Sadriddin Ayni: Father of Modern Tajik Culture* (Naples: Istituto Universitario orientale: Seminario Di Studi Asiatici: Series Minor V, 1980): 38–39.

⁷ E. Grassi, "From Bukhara to Dushanbe: Outlining the Evolution of Soviet Tajik Fiction," *Iranian Studies* 50, no. 5 (2017): 693–694; Yountchi, *Between Russia and Iran*, 33–44.

Press of the East and studying at the Communist University for the Toilers of the East.⁸ In 1925, he moved to Stalinobod (contemporary Dushanbe) and became a leading figure in the party-state system, working in agitprop (political propaganda), the state publishing house, and, after 1926, by serving as a member of the Central Executive Committee of the Tajik SSR. By the establishment of the Tajik Republic in 1929, Lahuti's name already had become synonymous with the Tajik SSR, but he moved back to Moscow in 1931. During its inception in 1933, Lahuti was selected as a member Organizational Committee for the 1934 Congress of Soviet Writers in Moscow.

The 1934 Congress served as a watershed moment for reporting on Tajik literature in the Soviet Press, but the situation throughout the 1930s resembled what happened at the Congress itself. Aini and Lahuti were praised for their contributions and leadership, while commentators repeatedly raised the issue of the unimpressive state of Tajik literature and obscurity of the Soviet Tajik writers. At the Congress, Aini and Lahuti were the only representatives to deliver speeches on the state of Tajik literature.⁹ Ulughzoda, Chairman of the Organizational Committee of the Soviet Writers' Union in Tajikistan, was originally expected to speak on Tajik literature, but Lahuti fulfilled this role. If we are to believe Lahuti's explanation, Ulughzoda could not deliver the speech because his participation in a "sowing campaign" had caused him to arrive late to the Congress.¹⁰

In his report on the state of Tajik literature, Lahuti used the opportunity to qualify its dismal state. National bourgeois tendencies spurred on by the Jadids, he said, had been the result of this weakness. After praising Aini, he explained his main concern that all the young writers suffered from one major issue. Namely they showed a "low level of literary technique and general literacy, a limited purview [*krugozor*] and a low set of knowledge, which inevitably led to an oversimplification and a shallow penetration into their portrayed object."¹¹ In his speech, later translated by the writer Vladimir Lugovskoi, Aini praised Tajik poetry's long history and Lahuti's defining role as a contemporary poet and a model for young poets. He went into less detail describing the deficiencies of the local writers, explaining simply that the task was to improve their ability to match the standard set by Lahuti.¹² These reports, delivered by Aini and Lahuti, demonstrate both the clear leadership of Aini and Lahuti in Tajik literary affairs, as well as their clear separation from the younger generation of writers and poets.

⁸ S. Hodgkin, "Classical Persian Canons of the Revolutionary Press, Abū al-Qāsim Lāhūtī's Circles in Istanbul and Moscow," in A. Mozafari, H. Rezaei Yazdi, *Persian Literature and Modernity: Production and Reception* (London: Routledge, 2018).

⁹ K. Schild, "Between Moscow and Baku: National Literatures at the 1934 Congress of Soviet Writers" (Phd diss., University of California, Berkeley, 2010), 95, 164–165; *Pervy vsesoiuzny s'ezd sovetskikh pisateley: stenograficheskii otchet* (Moscow: Sovetskii pisatel', 1990), 141, 533, 706. In terms of quantity, Tajikistan's two representatives resembled the number of representatives from other republics of Central Asia and the Caucasus' Republics, but the Tajik case is somewhat unique, primarily because Aini and Lahuti both resided and worked beyond the borders of the Tajik Republic.

¹⁰ *Pervy vsesoiuzny s'ezd sovetskikh pisateley*, 141; the reasons for he did not speak are not clear – Schild proposes that it is possible that none of the other Tajik delegates felt comfortable enough with their Russian. Given his prominence, it is possible that others expected Lahuti to speak on Tajik literature's behalf.

¹¹ *Pervy vsesoiuzny s'ezd sovetskikh pisateley*, 142–143.

¹² *Ibid.*, 544.

Moscow, Bukhara, and Beyond: Abolqosim Lahuti and Sadriddin Aini and the Space of Tajik Identity

Throughout the 1930s, Aini and Lahuti played an increasingly important role as representatives of a Tajik identity, while serving as special links between the Moscow and Stalinobod. Unlike Russian authors who visited to the region, they possessed knowledge of the local language and could pass as Tajiks, serving the Writers' Union's anti-colonial image of promoting "native" voices. Yet, they each fulfilled specific roles within the Soviet hierarchy, which relied on the writers' personal backgrounds to fulfill its broader goals. Lahuti – the revolutionary, Stalinist, and internationalist – served as Stalin's Central Asian and played an important role in shaping the Soviet Union's anti-colonial image abroad.¹³ Sadriddin Aini was a steadfast reminder of the horrors of the pre-revolutionary Central Asian past that helped justify Soviet power in Central Asia. Although they would gradually give way to a younger generation of writers who evolved out of new Soviet institutions in Central Asia, the rise and continued prominence of Aini and Lahuti – for most of their lives and in the form of Soviet-style hagiographies after their death – reflect their reliability for the center in a tenuous era of struggle for control in Soviet Tajikistan. At the same time, the literary and public profiles they created raised an important – and never fully resolved – intellectual issue regarding the place of Central Asian Persian speakers (Tajiks) in the broader Persian-speaking world.

In the aftermath of the congress, Lahuti rose to even more prominence in Moscow circles. While he nominally served as a "Tajik" poet, his work and public profile demonstrates a much more central place in Soviet politics and cultural production. During this period his poetry and press coverage highlighted three important parts of his identity – a revolutionary, a devoted Stalinist, and an international Communist, which in turn limited his ability to articulate a localized vision of a Tajik national identity. Lahuti first achieved high status in the Soviet literary system as a Tajik poet and literary functionary by the 1930s, but he also gained authority as a representative of Central Asia.¹⁴ His close devotion to the Stalinist cult and his personal relationship with the General Secretary of the Communist Party no doubt explained his high ranking position in Moscow society, but, especially given the other two aspects of his identity, also had implications for the ambiguities surrounding Tajikistan's place in the Persianate speaking world.

Prior to his rise to prominence, Lahuti's limited coverage in the press focused on his revolutionary Iranian background. For example, an aptly-titled 1931 *Pravda* article, "Blacksmith, Cobbler, Poet, Revolutionary," described his longstanding position in the revolutionary movement in Iran as early as 1905 and recalled his involvement in the first workers' organization in his native Kermanshah, as well as his forced exile (for revolutionary activity) to Turkey. After a return to Iran in 1922, the article explained that Lahuti was again forced to leave his country, then choosing to come to the Soviet Union, where he participated in the establishment of revolutionary power in Tajikistan.¹⁵

¹³ K. Holt, "Performing as Central Asia's Source Texts: Lahuti and Dzambul in Moscow, 1935–1936," *Cahiers d'Asie centrale*, no. 24 (2015): 222.

¹⁴ *Ibid.*, 9.

¹⁵ "Kuznets, Bashmachnik, Poet, Revolutsioner," *Pravda*, September 7, 1931, 4.

Similarly, in a 1935 piece, the writers Boris Lapin and Zakhar Khatsrevin explained how the Soviet Union had allowed Lahuti to transform from an “eastern Revolutionary to a “poet-Communist.”¹⁶

Lahuti’s prominence reached new heights, however, vis-à-vis his participation in the Stalin cult. For example, Lahuti played a central role during Stalin’s December 4, 1935 meeting with Turkmen and Tajik *kolkhoz*, a defining moment in Soviet history, because of Stalin’s first mention of the “friendship of Peoples” among Soviet nations.¹⁷ The meeting proved to be one of great personal importance for Lahuti too, because it signaled his prominence as a committed Stalinist.¹⁸ According to the story, Lahuti wrote a *rubai* (a traditional Persian quatrain) at the event, inspired by the moment when the Turkmen *kolkhoz* worker Ene Gel’dieva presented Stalin with a portrait of Lenin. The poem, in Russian translation, was published the following day in *Pravda*’s coverage of the event, where Lahuti was shown handing his poem to Stalin. As the article explained, Lahuti read the poem out loud before giving it to Stalin.¹⁹

Lahuti’s participation in the Stalin cult increasingly appeared in his published volumes, too. In 1936, for example, Lahuti sent Stalin *rubai*, addressed to the leader, which appeared in the dedication page of his 1937 *Sadovnik*. The original letter contained the original Persian, followed by the Russian translation:

*Ty, Stalin, bolee velikii chem velich'e,
Poznal serdtsa liudei i dushu krasoty.
Dusha moia poiot i serdse gromko klichet,
Chto Lenina i Znak i Put' – vse dal mne ty.*

[You, Stalin, are greater than greatness,
You came to know the heart of the people and the soul of beauty.
My soul sings and my heart cries out,
That you gave me everything – Lenin, the Sign, and the Path].²⁰

From these excerpts, it becomes clear that by the end of the 1930s, Lahuti had fully embraced his role in perpetuating the cult of Stalin.

By the end of the decade, Lahuti had blended his identity as an Iranian revolutionary, and devoted Stalinist, which he used in his poetry, demonstrating that his position was beyond that of a national Tajik poet. In 1940 the State Publishing House of the Tajik SSR released a collection of his works. This publication, with translation of Lahuti’s work by his wife, referred to simply as “Banu,” demonstrates how he use. For example, his 1940 collected and translated works collection is divided into several sections: “Motherland of Happiness,” “October and the Singer,” “Tajikistan,” “East,” and “Heart.” As the titles indicate, each section provides samples of Lahuti’s poetry around a specific theme. The first section included poems dedicated to themes celebra-

¹⁶ B. Lapin, Z. Khatsrevin, “Abul’ Gasem Lakhuti,” *Pravda*, September 4, 1935, 4.

¹⁷ T. Martin, *Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1929–1939* (Ithaca: Cornell University Press, 2011), 437.

¹⁸ Holt, “Central Asia’s Source Texts,” 9.

¹⁹ *Ibid.*, 10; *Pravda*, no. 334 (1935).

²⁰ *Stikhotvorenie persidskogo poëta Lakhuti* (New Haven: Yale University Press, 2018), <http://www.stalindigitalarchive.com.ezproxy.library.wisc.edu/frontend/node/119452>; Lakhuti, *Sadovnik*, 1937.

ting the Soviet Union. One focused on the Stalinist Constitution, while another commemorated the death of Sergo Ordzhonikidze. A poem titled “To the Leader of the Peoples,” a reprint of a poem sent to Stalin in one of Lahuti’s letters, specifically celebrated the Soviet leader.²¹ “October and the Singer” revealed Lahuti’s pan-Soviet solidarity and his role as an internationalist. In the poem “Taras Shevchenko,” he celebrated the pride of Soviet Ukraine and the October Revolution’s role in the development of Ukrainian culture. The second half of the poem shifted the focus to Iran, which had not yet realized its true freedom. In the last lines, Lahuti anticipated a similar fate for Iran:

The steel sword of Leninism
gave freedom to Ukraine
My old Iran will likewise
become a free, Soviet country.²²

By the end of the decade, in contrast to both Sadridin Aini and a rising generation of younger Tajik writers, Lahuti retained his Tajik identity, but had utilized multiple parts of his identity to improve his position in Soviet society. As we will see below, in contrast to both Aini and younger Tajik writers, he used this position to emphasize the link between a Tajik identity and a broader Persian literary culture, attempting to bring the two together.

While Lahuti’s transition to prominence in Moscow in the 1930s solidified multiple aspects of his identity, Aini, featured considerably less in major newspapers like *Pravda*, formed an identity derived from his position in Central Asia and his connection to the pre-revolutionary era. As a native Bukharan fluent in both Uzbek and Persian, he played crucial roles in the cultural life of both republics. Perhaps to evade persecution given his Jadidist background, Aini embraced his Tajikness. If Lahuti’s credentials in the press emphasized his revolutionary background in early 20th century Iran, journalists highlighting Aini’s role as co-founder of Tajik literature focused on his Central Asian background and his personal suffering under the defeated Emir of Bukhara. For example, a November 1935 *Pravda* article celebrated the thirtieth anniversary of his career as a writer, but first emphasized his early alliance with the Jadids against the Emir, whose oppressive punishments cost the young Aini seventy-five lashings and subsequent imprisonment. The author then explained Aini’s flourishing as a Soviet writer, with novels like *Odina* and *Dokhunda*, and praised his ability to demonstrate the “collapse of the age-old building of eastern despotism.”²³

Although not quite as thematically diverse as poems of Lahuti, Aini’s works reflected his Bukharan background. In her dissertation, Lisa Yountchi demonstrates Aini’s important contribution in developing a Tajik hero in his early works. With clear ideological motivations in its writing, Aini wrote his first novel *Odina* to demonstrate the oppression faced by Tajiks in pre-revolutionary Bukhara. In the novel, the helpless

²¹ A. Lakhuti, *Izbrannaia lirika* Stalinobod: Gos. izdatel’stvo tadjihskoi SSR, 1940), 14–20.

²² *Ibid.*, 42.

²³ “30-letie literaturnoi deiatel’nosti sedreddina aini,” *Pravda*, November 26, 1935, 4.

title-character Odina is diagnosed with tuberculosis (from which he eventually dies) and the love of his life is forced into an abusive marriage.²⁴ In his next major novel, *Dokhunda* (translated into Russian in 1933), the action again takes place in the pre-revolutionary period. Like Odina, *Dokhunda's* hero Edgor is also oppressed by the ruling regime; yet, Edgor is awarded a greater degree of agency as he decides to fight back, join the Red Army, help create the new Tajik Soviet government, and defend the new country from *basmach* rebels.²⁵

Even in his later works, Aini maintained his focus on pre-revolutionary Bukhara, writing only a few works which moved past the period of revolution. As late as 1939, his tale, *Death of a Money Lender* (*Smert' rostovshchika* in Russian, *Marg-i Sudkhur* in Tajik) found its setting again in Bukhara, this time looking at how local moneylenders used their connections with tsardom to rob the peasants of their wealth and property. Aini devoted great attention to describing the “typical” character who would take advantage of the Central Asian peasants (*dekhans*).²⁶ In his last major work of fiction, *Yatim*, Aini presented the story of a Tajik who, once again, experienced the changes swept into the revolution. Unlike in previous works, Aini continued the storyline into the 1920s and 1930s, showing how his hero joined the Komsomol and fought against the *basmach*, and he ended the story with the capture of Ibrohim-Bek.²⁷ While the novel is distinct from Aini's earlier works, it still differs radically from novels written by the younger generation of Tajik writers who featured a small number of flat characters in their works, as well as a few locations, to provide didactic plots in a socialist realism key that fit, in the words of Katerina Clark, “modal schizophrenia.” In doing so, they collapsed the present and the future into the representation of the ideal outcome of revolutionary fervor.²⁸

Despite their many contributions and prominent roles as Tajik writers, neither Aini nor Lahuti wrote works that described how Soviet power had begun to transform life for Tajiks in Soviet Tajikistan. In the case of Lahuti, his rise to prominence depended on his ability to position himself as a revolutionary Iranian, a Stalinist, and an internationalist. Once settled in Moscow, he was significantly removed from local writers who had begun to formulate their own conceptions of a Tajik national identity. In the case of Aini, understanding motivations are much more difficult, but the majority of his works criticized pre-Revolutionary Bukhara, but remained intentionally vague in describing the development of post-Revolutionary Tajikistan. His prior association with the Jadids, as he was no doubt aware, had deadly consequences that he himself

²⁴ Yountchi, *Between Russia and Iran*, 37–39; Yountchi explains that Odina's character was robbed off most agency, dependent on others to change his fate, although this characteristic separates *Odina* from Aini's next novel, *Dokhunda*.

²⁵ *Ibid.*, 37–41; In her article, Evelyn Grassi too looks at the differences between the generations. She explains that the majority of Aini's works in the 1930s explored the world of pre-revolutionary Bukhara. See: E. Grassi, “From Bukhara to Dushanbe: Outlining the Evolution of Soviet Tajik Fiction,” *Iranian Studies* 50, no. 5, 694–696.

²⁶ Grassi, “From Bukhara to Dushanbe,” 696.

²⁷ *Ibid.*, 696–697.

²⁸ K. Clark, *The Soviet Novel: History as Ritual* (Bloomington: Indiana University Press, 2000), 36–39.

had only barely escaped by latching on to a Tajik identity.²⁹ It is entirely plausible that Aini avoided adopting new visions of a Tajik national identity out of precaution, but this warrants further research. As we will see below, the generation of writers that emerged in the aftermath of the 1937 purges had a new way of conceptualizing what it meant to be Tajik in the Soviet and used their new roles as national writers to re-center the Tajik nation in the post-1929 borders of the Tajik Republic.

The Emergence of the Komsomol Generation: Tajik Literature in the Wake of the Stalinist Purges

Nearly a decade after the establishment of the Tajik SSR, the All-Union Writers' Union grew increasingly concerned with the perceived inadequacies of Tajik literature. In December of 1938, in the wake of the latest round of Stalinist purges, the Organizational Bureau (OrgBiuro) of the Tajik Writers' Union met to discuss their plans for the following year. The meeting was chaired by Mirzo Tursunzoda, a rising Tajik writer and Party member, who would come to play an immense role in the political and cultural life of the Republic. At the meeting, Mirzo Tursunzoda, addressed fellow writers of the Komsomol Generation. Also, in attendance was the Russian-Soviet writer Sergei Mstislavskii, who had recently arrived from Moscow as part of a Soviet Writers' Union Commission to inspect the work of Uzbek and Tajik writers.

During the meeting, Tursunzoda demonstrated his ability to deflect criticism away from his organization, a crucial skill for any Soviet institutional leader in the late 1930s. The most recent wave of Stalinist purges had devastated the small Writers' Union in Stalinobod, making figures like Tursunzoda more mindful of their public personas. Roberts shows that nine of the original twenty members of the Writers' Union were arrested during the purge; five of them died in prison, one served a fifteen-year term, while three others were released in 1938.³⁰ Those released were quickly re-integrated into the cultural life of the country. Despite the apparent end of the purge by December of 1938, Tursunzoda's interactions with Mstislavskii and the other Tajik writers demonstrates that he understood the precariousness of his position.

Tursunzoda opened the meeting by addressing common criticisms lodged against the Tajik Writers by officials of the All-Union Writers' Union. His words show his ability to utilize the politically loaded language of the purge years demonstrate that the failures of the Tajik Writers' Union were beyond the writers' control. He blamed recent failures on the Republic's "political enemies":

In the last few years the Soviet writers of Tajikistan composed, to the best of their abilities, several works and poems. However, the leadership of the enemies of the people did not provide a path for the literature of Soviet Tajikistan to develop. Our task is to completely liquidate the remnants of these evil doings and to improve the work of the OrgBiuro.³¹

²⁹ Khalid, *Making Uzbekistan*, 387.

³⁰ F. Roberts, *Old Elites Under Communism: Soviet rule in Leninobod* (PhD diss., The University of Chicago, 2016), 330.

³¹ Central State Archive of the Republic of Tajikistan (TsGART), op. 1, d. 3, l. 3. My thanks to Professor Artemy Kalinovsky for sharing some material he obtained during his own research on the Writers' Union. Here Tursunzoda is referring to the victims of 1937 purges that had also reached Tajikistan. For more on the purges see Roberts, *Old Elites Under Communism*, 330.

Tursunzoda showed that, despite the problems of recent years, the Tajik writers were moving in the right direction:

The SSP (All-Union Writers' Union) needs to... acknowledge the creative achievements of the recent years. Our poets and writers for the last two years have written a number of worthy poems, songs, plays, etc. Rakhim Djalil finished the first part of his novel '*Gulru*.'³²

Having demonstrated his commitment to the party-line and absolved himself and his comrades of responsibility for the failures of the local Writers' Union, Tursunzoda moved on to discuss specific problems he and his fellow writers faced.

Tursunzoda used the opportunity of Mstislavskii's visit to request assistance from the center in pursuit of the Tajik writers' literary goals. First, Tursunzoda explained, the financial situation of the Writers' Union was unacceptable – in 1938, they had only received forty rubles for the entire year, one-third of the 1937 amount. As a result, they lacked the resources to train new writers and, unlike their Uzbek and Kazakh neighbors, they could not afford to build connections with their national “folk poets and writers” on the ground.³³

Other issues were administrative in nature but resulted from the Tajik writers' relative isolation from the center. The lack of good translators and the funds to pay them meant that important translation projects remained neglected. The Almanac of Tajik Literature (published locally in the Tajik language) sat for a year-and-a-half in the State Publisher's office (*Tajikgosizdat*) awaiting its translation into Russian. Even the Tajik writers' main representative in Moscow, Lahuti, had neglected his duties as their intermediary. Tursunzoda explained:

Despite the several major shortcomings from our side, the leadership of the Soviet Writers' Union of the USSR leads us weakly [*slabo rukovodit nami*]. For example, let's take Comrade Lahuti. Although we aren't sure if this had to do with his illness or not, he has *not* directed the work of the SSP [Soviet Writers' Union] of Tajikistan. SSP resolutions or letters that were sent often went unanswered.³⁴

In the above quote, Tursunzoda addressed the failures of Lahuti and showed that the causes of Tajik literature's delayed progress were often beyond the control of local writers. Throughout his appeal directed at the visitor Mstislavskii, he used his position to lobby for financial and administrative support from Moscow, while simultaneously demonstrating his loyalty to the Communist Party.

Like Mstislavskii, Soviet journalists and Soviet Writers' Union officials approached the Republic's frequently complained about the stagnation of literary activity in Stalinobod.³⁵ By the mid-1930s, however, observers in major newspapers started to change their

³² TsGART, op. 1, d. 3, l. 3.

³³ Ibid.

³⁴ Ibid., l. 4.

³⁵ Ch. Shaw, *Making Ivan-Uzbek: War, Friendship of the Peoples, and the Creation of Soviet Uzbekistan, 1941–1945* (PhD diss., University of California, Berkeley, 2015), 188. Charles Shaw shows that the attitudes Shteinberg expressed in his treatment of Tajik literature persisted and shaped the approaches of representatives from Tajikistan and Moscow when trying to improve the state of Tajik literature.

tone. For example, a *Pravda* article in 1935, “Amidst Tajik Literature,” (*Vokrug Tadzhikskoi Literatury*), explained how these negative perceptions emerged out of the linguistic and geographic distance between the average Russian reader and the Tajik writers:

Lahuti and Aini give Tajik literature an exceptional place in the literatures of the Soviet Union. But Lahuti and Aini are people of the old generation and the younger generation of Tajik literature somehow have not shown themselves capable of replacing their fathers... What do we know about them? Have we really read their works or read anything about them? ... The young Tajik writers live like they are invisible. Yet, they are real. You can see them on Lenin [street] in the House of the Press [*Dom Pechati*] or at each other’s residences but if you do not know their language and cannot look at their books, it will be very difficult to learn anything about their work...³⁶

By the end of the 1930s, the importance of translating Tajik works into Russian had gained traction among both Tajik writers in Stalinobod and observers in the Russian-language press.

The new campaign to connect Tajik writers to the metropole was a crucial step in the emergence of the Komsomol Generation on the Soviet-wide stage. Leading writers like Tursunzoda had survived the purges and showed their ability to navigate the tense political environment and lobby on their organization’s behalf. Although issues such as geographic distance, administrative gaps, and lack of financial resources impacted the efficacy of these efforts, coordination between writers in the metropole and periphery had reached new heights in the late 1930s and 1940s. Both groups were willing and able to take the necessary steps to improve the quality of Tajik literature and to make its writers more visible for Russian-speaking audiences. As discussed below, the 1941 Festival of Tajik Art became the crowning moment for this new interaction between center and periphery.

Tajikness unfolding in Soviet Space: The 1941 Festival of Tajik Art

From the end of the Stalinist purges of the late 1930s until the German invasion of the Soviet Union in 1941, the Komsomol Generation of Tajik writers published a row of new works that demonstrated their adherence to the doctrine of socialist realism. This included works, such as Rakhim Djilil’s novel *Gulru* and Jalol Ikromi’s novel *Shodi*. The former’s plot centered around Soviet engagement with the *basmachi*, while the latter told the story of the creation of a Tajik collective farm (*kolkhoz*). Finally, Sotim Ulughzoda had completed two plays *Shodmon* (1939) and *Red Clubs* (in Russian: *Krasnopalochniki*, in Tajik: *Kaltakdoroni Surkh* 1940). Despite the relative obscurity of the younger Tajik writers, all-Union celebratory events such as the 1941 Festival of Tajik Art show how increased interaction between center and periphery allowed Tajik writers to develop their own “insider iconography” for the Tajik Republic and share their visions of Tajikistan with a Russian audience.

The lead-up to the 1941 Festival of Tajik Art put the spotlight on the history and culture of the Tajik SSR in the Soviet press. As early as January of 1941, journalists in *Pravda* started publishing about the event, which was set to take place in mid-to-late April. On January 18, *Pravda* published an interview with a member of the Central Com-

³⁶ D. Mirskii, “Vokrug Tadzhikskoi Literatury,” *Pravda*, August 20, 1935, 2.

mittee of the Tajik Communist Party, T. Isaev, who shared the main details of the event. The Stalinobod Theater of Opera and Ballet would showcase their work with several performances, including a musical, two operas (*Vose's Uprising* and *The Blacksmith Kova*; in Russian: *Vosstannie Vose* and *Kuznets Kova*), and two plays (Ulughzoda's *Red-Clubs* and Shakespeare's *Othello*).³⁷ The Festival would conclude with a large concert, which would feature songs and dances by ensembles from around the Republic's regions.

During the festival, the writer Abdusalom Dehoti and Tursunzoda used the principles of socialist realism in their opera *Vose's Uprising* and introduced a distinctly Tajik story. Set in the Hissor Valley of Tajikistan in the late nineteenth century, the opera told the story of a proto-nationalist uprising against an unpopular leader supported by the Bukharan Emir. The first act begins with a gathering of peasants in the village of Mukhtor; together with their leader, an old peasant named Vose, the people share their complaints against the Emir of Bukhara and his viceroy, Khakim, for their abuses against the people. The second act demonstrates Khakim's evil deeds – he cannot trust the people beneath him and he has captured the hero Vose's daughter, Gulnor, who he intends to take as his wife. By the third act, the uprising has freed Gulnor and the people have captured Khakim's fortress. At the end of the act, however, Khakim's forces have taken Vose prisoner. In the final act, they execute him for his role in the uprising. The revolt continues under the leadership of the young Nazir, who finally defeats the tyrant. He enacts his vengeance and kills the traitor Sharir, who carried out Vose's execution. The difference between Lahuti's opera and the one written by Dehoti and Tursunzoda is indicative of broader differences between these writers' strategies of representing Tajikistan. While Lahuti emphasized Tajikistan's connection to a broader Persian literary culture, the younger writers instead promoted Tajikistan's distinctiveness.³⁸

Another writer of the Komsomol generation, Sotim Ulughzoda was the most visible Tajik writer at the Festival. The young playwright and member of the Tajik Writers' Union OrgBiuro wrote the play *Red Clubs*, which depicted local resistance to the *basmachis*.³⁹ Shown during the Festival, this play was the first work in which Russian-speaking audiences encountered a depiction of Soviet struggle with the *basmachis*, told from the perspective of local Tajiks. Although the play was staged in the original Tajik, attendees received a synopsis of each scene, allowing them to follow the development of the plot.⁴⁰

Attendees would have been aware that the play centered on a national theme. The playbill included a brief biography of Ulughzoda and told of his promising future as a writer and playwright.⁴¹ The text explained the philosophy motivating Ulughzoda's work – according to the writer, the theater would only become “genuinely national”

³⁷ Both operas were composed by the Russian composer, Sergei Balasnian. The libretto for *Vose's Uprising* was written by Dehoti and Tursunzoda, whereas Lahuti wrote the libretto for the *Blacksmith Kova*.

³⁸ This is not to say that these writers never employed images from classical Persian literature or rejected Tajik claims to figures like Rudaki and Firdowsi. Rather, they, unlike Lahuti, increasingly stressed Tajikistan's distinctiveness as a national category.

³⁹ The play was written by Ulughzoda and directed by Platonov, a figure associated with the creation of an “insider iconography” for Turkmenistan. See: Holt, *The Rise of Insider Iconography*, 221–273.

⁴⁰ Andrey Platonov directed the play and therefore it is likely that the play was translated live, but the historical record is silent on the issue.

⁴¹ *Krasnapalochniki: Narodno-Geroicheskaia Drama v Chetyrekh Aktakh* (Moscow: Gosudarstvennoe Izdatel'stvo 'Isskustvo', 1941), 1–5.

when it staged truly “national plays.” Ulughzoda’s goal, the text maintained, was to write works based on “material of Soviet Tajik reality.”⁴² The result of this endeavor included his featured *Red Clubs* and his first major play (*Shodmon*), which told the story of *collectivization* in Soviet Tajikistan.

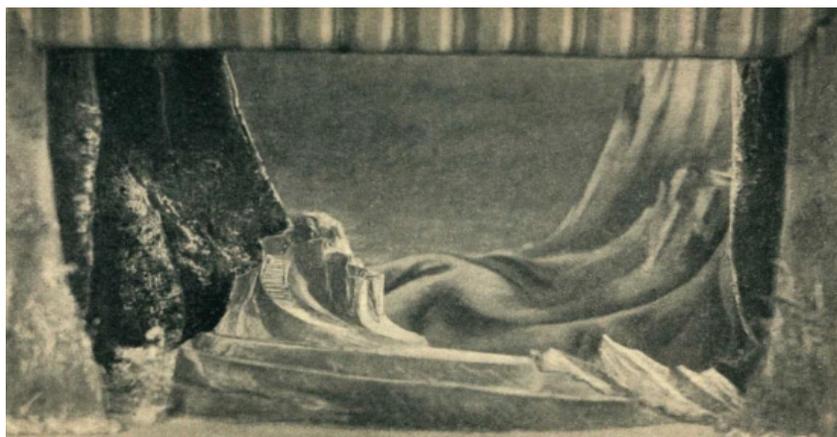

Figure 1. Stage set from Act II, showing the mountains where Salim gathers his forces in preparation of countering Rakhim-Bek’s attack)

Source: *Krasnpalochniki*, 19.

Figure 2. From left to right: A. Burkhanov in the role of Salim; M. Kasymov in the role of Rakhim-Bek; Kh. Babakhanova in the role of Khurmo

Source: *Krasnpalochniki*, 17.

⁴² *Krasnpalochniki: Narodno-Geroicheskaia Drama v Chetyrekh Aktakh* (Moscow: Gosudarstvennoe Izdatel'stvo 'Isskustvo', 1941), 6.

The hero of *Red Clubs* was Salim, the chairman of a local *kolkhoz* and commander of a group of local *krasnopalochniki* (literally, “red clubs”). Under his leadership, the red clubs defend their region from a group of *basmachi* led by the reactionary Rakhim-Bek.⁴³ The pinnacle of anti-Soviet resistance, Rakhim-Bek has returned to Soviet Tajikistan to wage war against the Soviet state and has captured Khurmo, Salim’s soon-to-be bride. In the end Khurmo escapes and returns to Salim’s camp. After her return, Salim leads a valiant attack against the *basmachi*. As the playbill explained, the director Andrei Platonov, together with Ulughzoda and the play’s artist, K. Kuleshov, went to great lengths to showcase Tajiks and Tajikistan; the stage was specifically set with mountainous backgrounds and the costumes clearly distinguished the actors as natives of Central Asia. Viewers could see Tajikistan as a place where Soviet transformation was unfolding with their own eyes.

Ulughzoda’s *Red Clubs* differed from the operas written by Lahuti, Dehoti, and Tursunzoda, because its fictional plot was set in very concrete historical context of Tajikistan’s recent past – the struggle with the *basmachi*. By creating the Tajik equivalent of the socialist realist “positive hero” who is an “emblem of Bolshevik virtue” and whose life is “patterned ‘to show the forward movement of history,’” Ulughzoda started a trend that was further developed by his fellow writers in the post-war period.⁴⁴ Following his lead, they wrote full-length novels employing the same strategy of dividing post-revolutionary Tajik history into simple periods (civil war, collectivization, and the Great Patriotic War) and presented narratives which conformed to the doctrines of socialist realism. This helped connecting Tajik and Central Asian history with that of the other parts of the Soviet Union, thus including the history of the region into the uniform historical narrative of the early Soviet period. These new works of Tajik literature also allowed the writers to use settings and characters that emphasized Tajikistan’s national distinctiveness unfolding in a Soviet space.

Conclusion

This paper has explored a brief period of Tajik intellectual history, which can effectively be called the pre-history of the Soviet-Tajik writers. In the aftermath of the Second World War, writers including Mirzo Tursunzoda, Sotim Ulughzoda, Rahim Jalil, Foteh Niyozzi, Abdusalom Dehoti, Jalol Ikromi and Mirsaid Mirshakar and others emerged as the undisputed leaders of Tajik literature. Especially after their deaths in 1954 and 1957, Aini and Lahuti became enshrined symbolically as the fathers of modern Tajik literature. Yet the competing visions over the Tajik nation’s place in the Persian-speaking world reached new heights in the late 1940s. In 1949, just a few years before Bobojon Gafurov published his *History of the Tajik People*, for example, Mirzo Tursunzoda published an article “Protiv Kosmopolitizima i Paniranizma (Against Cosmopolitanism and Iranization)” in *Literaturnaya Gazeta*. Much like Gafurov, Tursunzoda put Tajikistan and Tajiks at the center of classical Persian literary heritage, but

⁴³ The Russian “krasnopalochniki” is slightly different from the original Tajik, *Kaltakdoroni Surkh*, which literally means “red club carriers.” This term refers to everyday individuals who took up items as their disposal and fashioned them as weapons (including clubs, farm equipment, etc.) to fight the *basmachi*.

⁴⁴ K. Clark, *The Soviet Novel*, 46–47.

went on to strongly criticize “bourgeois” theories that robbed Tajikistan of its national distinctiveness and suggested a shared pan-Iranian literary past.⁴⁵ The tension between Lahuti’s vision of a shared Persian literary past and the younger generation’s insistence on a national distinctiveness had been overcome. Tursunzoda went far enough as to criticize the term “Tajik-Persian Literature,” which, if once useful during a period when Tajiks needed to reclaim their “undeniable rights against the rampant ‘iranization’ of our Tajik culture,” had now outlived itself in a new period when both Tajik culture and “patriotic self-awareness” had grown to new heights.⁴⁶ While the phrase “Tajik-Persian Literature” would later appear in scholarly works and publications, it was clear that a Tajik-centered vision of Tajik identity had become an institutionalized fact.

Рукопись поступила: 1 ноября 2019 г.

Submitted: 1 November 2019

References

- Abudullaev, K. *Historical Dictionary of Tajikistan*. Lanham: Rowman & Littlefield, 2018.
- Becka, J. *Sadriddin Ayni: Father of Modern Tajik Culture*. Naples: Istituto Universitario orientale: Seminario Di Studi Asiatici: Series Minor V, 1980.
- Clark, K. *The Soviet Novel: History as Ritual*. Bloomington: Indiana University Press, 2000.
- Grassi, E. “From Bukhara to Dushanbe: Outlining the Evolution of Soviet Tajik Fiction,” *Iranian Studies* 50, no. 5 (2017): 680–705.
- Hodgkin, S. “Classical Persian Canons of the Revolutionary Press, Abū al-Qāsim Lāhūtī’s Circles in Istanbul and Moscow.” In A. Mozafari, H. Rezaei Yazdi, *Persian Literature and Modernity: Production and Reception, 185–212*. London: Routledge, 2018.
- Holt, K. “Performing as Central Asia’s Source Texts: Lahuti and Dzambul in Moscow, 1935–1936.” *Cahiers d’Asie centrale*, no. 24 (2015): 213–238.
- Holt, K. “The Rise of Insider Iconography: Visions of Soviet Turkmenia in Russian-Language Literature and Film, 1921–1935.” PhD diss., Columbia University, 2013.
- Khalid, A. *Making Uzbekistan: Nation, Empire, and Revolution in the Early USSR*. Ithaca: Cornell University Press, 2015.
- Lapin, B., and Khatsrevin, Z. “Abul’ Gasem Lakhuti.” *Pravda* (September 4, 1935) (in Russian).
- Lakhuti, A. *Izbrannaiia lirika*. Stalinobod: Gosudarstvennoye izdatel’stvo tadjhikskoy SSR Publ., 1940 (in Russian).
- Martin, T. *Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1929–1939*. Ithaca: Cornell University Press, 2011.
- Mirskiy, D. “Vokrug Tadjhikskoy Literatury.” *Pravda* (August 20, 1935) (in Russian).
- Osmanova, Z. *Ocherk istorii tadjhikskoy sovetskoy literatury*. Moscow: Akademiya Nauk Publ., 1961 (in Russian).
- Roberts, F. “Old Elites Under Communism: Soviet rule in Leninobod.” The University of Chicago, 2016.
- Schild, K. “Between Moscow and Baku: National Literatures at the 1934 Congress of Soviet Writers.” PhD diss., University of California, Berkeley, 2010.

⁴⁵ M. Tursun-zade, “Protiv Kosmopolitizma i Paniranizma,” *Literaturanaya Gazeta*, February 9, 1949, 3; L. Yountchi, “The Politics of Scholarship and the Scholarship of Politics: Imperia, Soviet, and post-Soviet Scholars Studying Tajikistan,” in *The Heritage of Soviet Oriental Studies* (New York: Routledge, 2011), 225–226. Yountchi explains that Gafurov’s 1952 edition of *History of the Tajik People: A Brief Account* argued that the Tajiks “have their own culture independent from the Persians, their own cultural traditions, and their own history,” even as he acknowledged shared historical-linguistic backgrounds.

⁴⁶ Tursun-zade, “Protiv Kosmopolitizma i Paniranizma,” 3.

- Shaw, Ch. “Making Ivan-Uzbek: War, Friendship of the Peoples, and the Creation of Soviet Uzbekistan, 1941–1945.” PhD diss., University of California, Berkley, 2015.
- Tursun-zade, M. “Protiv Kosmopolitizma i Paniranizma.” *Literaturanaya Gazeta* (February 9, 1949) (in Russian).
- Yountchi, L. “Between Russia and Iran: Soviet Tajik Literature and Identity, 1920–1991.” PhD diss., Northwestern University, 2011.
- Yountchi, L. “The Politics of Scholarship and the Scholarship of Politics: Imperia, Soviet, and post-Soviet Scholars Studying Tajikistan.” In *The Heritage of Soviet Oriental Studies*, 225–226. New York: Routledge, 2011.

Информация об авторе / Information about the author

Сии Николас, аспирант кафедры истории Университета штата Огайо (США). **Nicholas Seay**, PhD Student of the History Department, Ohio State University (USA).

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-1-136-154>

Научная статья / Research article

Брак и семья в Удмуртии в 1939–1959 гг.

С.Н. Уваров

Ижевская государственная сельскохозяйственная академия; 426069, Россия,
Удмуртская Республика, Ижевск, ул. Студенческая, 11; sergey.uvarov@mail.ru

Marriage and Family in Udmurtia between 1939–1959

Sergey N. Uvarov

Izhevsk State Agricultural Academy; 11, Studencheskaya St., Izhevsk,
Udmurt Republic, 426069, Russia; sergey.uvarov@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается малоизученная тема трансформации брачно-семейной структуры населения Удмуртии в период с 1939 по 1959 гг., выявляются ее особенности. Большое внимание уделяется исследованию влияния Великой Отечественной войны на семью и брак в республике. Источниками послужили материалы переписей 1939 и 1959 гг. и текущего статистического учета указанного периода. С началом войны число браков в Удмуртии резко сократилось. Минимальное количество браков наблюдалось в 1942 г.: по отношению к предыдущему году их число уменьшилось более чем в два раза. На селе сокращение составило более трех раз, что говорило о большом дефиците женихов. Прямым следствием войны явилось сокращение средних размеров семьи, рост доли семей во главе с женщинами. Так, в 1959 г. в сельской местности женщины находились во главе 38,5 % семей. С началом Великой Отечественной войны в Удмуртии участились повторные браки. Начиная с 1944 г. и до 1951 г. их заключали чаще женщины. Скорее всего, это делали потерявшие мужей в боевых действиях. Резко повысилась внебрачная рождаемость. Особенно много детей вне брака в послевоенный период рождалось в сельской местности республики, поскольку погибло больше мужчин. Своего пика внебрачная рождаемость достигла в 1950 г., когда каждый третий ребенок в Удмуртии рождался вне брака.

Ключевые слова: семья, браки, разводы, внебрачная рождаемость, население, Удмуртия

Для цитирования: Уваров С.Н. Брак и семья в Удмуртии в 1939–1959 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 1. С. 136–154. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-1-136-154>

Abstract: The article deals with the transformation of the marriage and family structures of the population of Udmurtia in the period between 1939 to 1959. Attention is paid to the study of the influence of the Great Patriotic War on the family and marriage in the republic. Sources used include census materials from 1939 and 1959 and statistical records from the period in question. With the beginning of the war, the number of marriages in Udmurtia sharply decreased. The smallest number of marriages was observed in 1942. In the countryside, this was a reduction of more than three times, indicating a unusually great shortage of men. A direct consequence of the war was a reduction in the average family size as well as an increase in families headed by women. By 1959, 38.5 % of families in the countryside

© Уваров С.Н., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

were led by women. With the beginning of the Great Patriotic War, remarriages became more frequent in Udmurtia. Between 1944 and 1951 they were mostly concluded by women who presumably had lost their husbands in the fighting. The extramarital birth rate also sharply increased. In the post-war period, particularly in the rural areas many children were born out of wedlock. The extramarital birth rate reached its peak in 1950, when every third child in Udmurtia was born out of wedlock.

Keywords: Family, marriage, divorce, birth out of wedlock, population, Udmurtia

For citation: Uvarov, Sergey N. “Marriage and Family in Udmurtia between 1939–1959.” *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 1 (February 2020): 136–154. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-1-136-154>

Введение

К числу важнейших социальных институтов относится семья, в основе которой находится брак. Развитие брачно-семейных отношений в значительной мере определяет демографические процессы и прежде всего рождаемость. 2013-й год в России впервые за долгое время закончился положительным естественным приростом, и, казалось бы, положил конец длившейся с начала 1990-х гг. депопуляции населения в нашей стране. Однако с 2016 г. количество смертей вновь стало превышать число рождений¹, что актуализирует дальнейший поиск путей решения демографической проблемы. Принятая еще в 2007 г. Концепция демографической политики РФ предполагает повышение рождаемости за счет рождения в семьях второго ребенка и последующих детей, а также укрепление института семьи². Не случайно в 2014 г. была принята Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации³. Поддержку должны оказать и научные исследования, в том числе исторические, семьи и брака в России.

Крупные изменения в семейно-брачной структуре населения СССР произошли в 1939–1959 гг., и главной их причиной явилась Великая Отечественная война. Огромные человеческие потери привели к серьезной деформации возрастно-полового состава населения, оказав на многие десятилетия негативное влияние на демографические процессы в стране. Прямым следствием войны явились, в частности, безбрачие сотен тысяч женщин, безотцовщина миллионов детей, произошло сокращение средних размеров семьи⁴.

Теоретические вопросы, связанные с эволюцией типов и моделей семьи, рассматривали Б. Андерсон, А.Г. Вишневецкий, В.Б. Жиромская, С. Уиткрофт⁵. Се-

¹ Демографический ежегодник России. 2015: Стат. сб. / Росстат. 2015. С. 37; Российский статистический ежегодник. 2018: Стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 96.

² Концепция демографической политики РФ на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351) // Гарант [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/191961/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (дата обращения: 20.02.2019).

³ Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р) // Гарант [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/70727660/> (дата обращения: 20.02.2019).

⁴ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Государство, общество и война. М., 2014. Т. 10. С. 683–684.

⁵ Вишневецкий А.Г. Эволюция российской семьи // Экология и жизнь. 2008. № 8. С. 8–13; Жиромская В.Б. От военных потерь к консенсуальному браку: особенности демографического развития России в XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2007. № 3. С. 5–20; Anderson B.A. Family and Fertility in Russian and Soviet Censuses // Research Guide to Russian and Soviet Censuses. Ithaca, 1986. P. 131–154; Afontsev S., Kessler G., Tyazhelnikova V., Marke-

мья и брачность данного периода рассматривались сквозь призму демографических процессов в целом⁶.

Семье и браку в СССР периода 1939–1959 гг. посвящено немало серьезных исследований в советской и современной российской историографии. Комплексные проблемы развития семьи изучали А.Г. Волков, А.Г. Харчев⁷; брачность и формирование семьи – Л.Е. Дарский⁸. Социологическое исследование мнения женщин о числе детей в семье провела В.А. Белова, динамику плодovitости поколений женщин по величине семьи и по темпам ее формирования исследовала Р.И. Сифман⁹. Городской семье посвящены исследования Н.А. Араловец¹⁰, сельской – О.М. Вербицкой и Л.Н. Денисовой¹¹. Межэтнические браки исследовали А.Г. Волков, А.А. Сусоколов¹². Предметом изучения была также семейная политика¹³.

При этом специфика развития брачно-семейных отношений на региональном уровне остается наименее изученной. Лишь в ряде регионов имеются заметные исследования. Изменениям в брачно-семейной структуре отмеченного периода посвящены труды, например, Н.С. Коробейниковой, А.И. Кузьмина, В.Н. Ракачева, В.Т. Сакаева, Н.В. Чернышевой¹⁴. Дефицит региональных исследований актуализирует изучение специфики развития семьи и брака в республиках, краях и областях страны. Одним из

vich A., Valetov T. The Urban Household in Russia and the Soviet Union, 1900–2000: Patterns of Family Formation in a Turbulent Century // *The History of the Family*. 2008. Vol 13. № 2. P. 178–194; *Wheatcroft S.* The Great Leap Upwards: Anthropometric Data and Indicators of Crises and Secular Change in Soviet Welfare Levels, 1880–1960 // *Slavic Review*. 1999. Vol. 58. № 1. P. 27–60.

⁶ *Исупов В.А.* Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000; *Поляков Ю.А.* Население России в XX веке. 1940–1959 гг. М., 2001. Т. 2.

⁷ *Волков А.Г.* Семья – объект демографии. М., 1986; *Харчев А.Г.* Брак и семья в СССР. М., 1979.

⁸ *Дарский Л.Е.* Формирование семьи (демографо-статистическое исследование). М., 1972.

⁹ *Белова В.А.* Число детей в семье. М., 1975; *Сифман Р.И.* Динамика рождаемости в СССР: (По материалам выборочных обследований). М., 1974.

¹⁰ *Араловец Н.А.* Брак и семья в РСФСР в послевоенные годы // *Российская история*. 2010. № 4. С. 55–62; *Она же.* Городская семья в России, 1927–1959 гг. Тула, 2009.

¹¹ *Вербицкая О.М.* Сельское население Российской Федерации в 1939–1959 гг. (демографические процессы и семья). М., 2002; *Она же.* Основные закономерности развития сельской семьи в России в XX в. // *Труды Института российской истории РАН*. 2010. № 9. С. 332–353; *Денисова Л.Н.* Брак и семья в российской деревне второй половины XX века // *Диалог со временем*. 2008. № 23. С. 118–148.

¹² *Волков А.Г.* Этнически смешанные семьи в СССР: динамика и состав // *Вестник статистики*. 1989. № 7. С. 12–23; № 8. С. 8–24; *Сусоколов А.А.* Межнациональные браки в СССР. М., 1987.

¹³ *Рабжаева М.В.* Семейная политика в России XX в.: историко-социальный аспект // *Общественные науки и современность*. 2004. № 2. С. 166–176; *Хасбулатова О.А., Смирнова А.В.* Эволюция государственной политики в отношении семьи в России в XX – начале XXI века (историко-социологический анализ) // *Женщина в российском обществе*. 2008. № 3. С. 3–14.

¹⁴ *Коробейникова Н.С.* Разводы и разводимость в городах Западной Сибири в годы Второй мировой войны // *Вестник Новосибирского государственного университета*. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. № 8. С. 167–172; *Кузьмин А.И.* Семья на Урале: демографические аспекты выбора жизненного пути. Екатеринбург, 1993; *Ракачев В.Н.* Особенности брачно-семейной структуры населения Кубани и Ставрополя в 1930–1950-е гг. // *Научные проблемы гуманитарных исследований*. 2012. № 4. С. 57–68; *Сакаев В.Т.* Городское население Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны: историко-демографические процессы. Казань, 2008; *Чернышева Н.В.* Социальное положение женщин в годы Великой Отечественной войны: историко-социологический анализ (на материалах Кировской области) // *Женщина в российском обществе*. 2016. № 3. С. 98–105.

регионов, в которых существует недостаток трудов по истории семьи и брака в период с 1939 по 1959 гг., является Удмуртия. Изучались лишь некоторые сюжеты, связанные с брачностью и разводимостью сельского населения республики в годы Великой Отечественной войны¹⁵. В упомянутой выше монографии А.И. Кузьмина, в которой рассматривается весь Урал, о семье и браке в Удмуртской АССР информации немного.

Целью данной статьи является рассмотрение трансформации брачно-семейной структуры населения Удмуртии в межпереписной период 1939–1959 гг. и выявление ее особенностей. Удмуртия – западноуральский регион, в котором по переписи 1939 г. проживало 1,1 % от общего количества жителей РСФСР. Крупные административно-территориальные изменения в республике в этот период не происходили, границы оставались практически неизменными. Одной из важных отличительных характеристик Удмуртской АССР, как называлась республика в то время, явилась сильнейшая деформация половозрастного состава, вызванная Великой Отечественной войной. Если в 1939 г. удельный вес мужчин равнялся 46,5 %, а женщин – 53,5 %, то в 1959 г. соотношение оказалось равным 43,3 % и 56,7 % (на селе дисбаланс был еще большим). В РСФСР первая послевоенная перепись зафиксировала гендерное неравенство в пропорции 44,6 % к 55,5 %¹⁶.

Источниками послужили материалы переписей и текущего статистического учета. Что касается переписей, то сведения за 1939 г. по Удмуртской АССР усилиями В.П. Мотревича были опубликованы¹⁷, за 1959 г. привлекались материалы переписи, хранящиеся в Статистическом управлении Удмуртской АССР (фонде Р-845) в Центральном государственном архиве Удмуртской Республики. В том же фонде хранятся материалы естественного движения населения республики, из которых использовались «Сведения о естественном движении населения» (форма № 1), «Сведения о браках по возрасту брачующихся» (форма № 7), «Сведения о разводах по возрасту разводящихся и продолжительности расторгнутых браков» (форма № 8). В исследовании применялись такие методы, как историко-генетический, историко-типологический и историко-сравнительный. Обработка материалов статистики осуществлялась с помощью составления динамических рядов в виде таблиц.

Изменения в семейной структуре населения

По официальным данным переписи 1939 г., в Удмуртской АССР население насчитывало 1219350 чел., из которых 320504 чел. (26,3 %) проживало в городских поселениях, а 898846 чел. (73,7 %) – в сельской местности. К 1959 г. численность наличного населения выросла до 1336927 чел., из которых 593875 чел. (44,4 %) относилось к горожанам, а 743052 чел. (55,6 %) – к селянам¹⁸.

Всего в 1939 г. в Удмуртской АССР насчитывалось 256905 семей, из которых 72424 (28,2 %) существовали в городских поселениях, а 184481 (71,8 %) – в сель-

¹⁵ Уваров С.Н. *Сельское население Удмуртии в годы Великой Отечественной войны: демографический аспект: монография*. Ижевск, 2014.

¹⁶ Мотревич В.П. *Всероссийская перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион: сборник материалов*. Екатеринбург, 2002. С. 78; *Население России за 100 лет (1897–1997)*. М., 1998. С. 36; Центральный государственный архив Удмуртской Республики (далее – ЦГА УР). Ф. Р-845. Оп. 5. Д. 253. Л. 2.

¹⁷ Мотревич В.П. *Всероссийская перепись населения СССР 1939 года...*

¹⁸ Там же. С. 78; ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 5. Д. 253. Л. 2.

ской местности. Через два десятилетия эти доли изменились: 136830 (45,2 %) семей проживало в городах, 165922 (54,8 %) – на селе. Перемены были связаны в первую очередь с происходившими процессами урбанизации. В городах семейных союзов оказалось больше на 88,9 %, поскольку увеличилась численность городского населения (на 85,3 %). В сельской местности число семей уменьшилось на 10,1 %, так как сократилась численность селян (на 17,3 %). Всего же число семей в Удмуртской АССР с 1939–1959 гг. увеличилось на 17,8 % (табл. 1), но население республики за тот же период выросло только на 9,6 %. Подобная несообразность может объясняться только уменьшением средних размеров семей.

Таблица 1 / Table 1

Группировка семей в Удмуртской АССР по числу совместно живущих членов семьи по переписям населения 1939 и 1959 гг. (постоянное население) / Grouping of families in the Udmurt ASSR by the number of family members living together according to population censuses of 1939 and 1959 (resident population)

	Вся республика				Городские поселения				Сельская местность			
	1939		1959		1939		1959		1939		1959	
	Число семей	%	Число семей	%	Число семей	%	Число семей	%	Число семей	%	Число семей	%
Всего семей, в том числе из:	256905	100	302752	100	72424	100	136830	100	184481	100	165922	100
2-х чел.	49604	19,3	70095	23,2	19979	27,6	33250	24,3	29625	16,1	36845	22,2
3-х чел.	51676	20,1	68981	22,8	18064	25,0	34098	24,9	33612	18,2	34883	21,0
4-х чел.	52197	20,3	63124	20,9	15239	21,0	31144	22,8	36958	20,0	31980	19,3
5-ти чел.	43272	16,9	46117	15,2	10037	13,9	20269	14,8	33235	18,0	25848	15,6
6-ти чел.	30156	11,7	28693	9,5	5355	7,4	10466	7,6	24801	13,4	18227	11,0
7-ми чел.	16973	6,6	15142	5,0	2417	3,3	4680	3,4	14556	7,9	10462	6,3
8-ми чел.	7926	3,1	6823	2,3	901	1,2	1877	1,4	7025	3,8	4946	3,0
9-ти чел.	3136	1,2	2549	0,8	316	0,4	683	0,5	2820	1,5	1866	1,1
10 и более чел.	1965	0,8	1228	0,4	116	0,2	363	0,3	1849	1,0	865	0,5

Источники / Sources: Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион: Сборник материалов / сост. В.П. Мотревич. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2002. С. 79; ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 5. Д. 254. Л. 25, 28.

Подавляющее большинство жителей республики, как и в РСФСР в целом, совместно проживало в семьях. Одиночками в 1939 г. в Удмуртии являлось 27583 чел., а живших отдельно от семьи – 94357 чел. В 1959 г. эти цифры еще уменьшились и

равнялись соответственно 25261 чел. и 34778 чел. За рассматриваемый межпереписной период средние размеры семьи (по числу совместно проживающих членов семьи) в целом по Удмуртии уменьшились – с 4,3 чел. до 4,0 чел. Доли семей, состоящих из двух, трех и четырех членов, увеличились, а состоящих из пяти или более членов – уменьшились.

Однако в городах и сельской местности тенденции не во всем совпадали. Так, городские семьи стали несколько крупнее: их средние размеры увеличились с 3,7 чел. до 3,8 чел. Значительно сократилась в городах доля тех семей, которые состояли лишь из двух человек. Также заметно вырос удельный вес семей из четырех человек. Возможно, эта ситуация объясняется увеличением удельного веса среди горожан удмуртов и татар, численность которых в городах в данный период росла быстрее, чем у русских. Удмуртские и татарские семьи были крупнее русских. По переписи 1959 г. у русских доля семей из 2–4 чел. составляла в республике 71,5 %, у удмуртов – 59,7 %, у татар – 62,1 %, а из пяти и более человек – 28,5 %, 40,3 % и 37,9 % соответственно.

Сельская семья в Удмуртской АССР была крупнее городской, но ее размеры постепенно мельчали. Средняя семья вместо 4,5 чел. стала составлять 4,1 чел.¹⁹ Особенно резко у селян выросли доли семей из двух и трех человек. Отметим, что в РСФСР средние размеры совместно проживающих семей были меньше: в городах за эти почти два десятилетия они уменьшились с 3,6 чел. до 3,5 чел., в сельской местности – с 4,3 чел. до 3,8 чел.²⁰

Всего по переписи 1939 г. на каждую 1000 населения в возрасте 15 лет и старше в Удмуртской АССР приходилось 715 мужчин и 585 женщин, состоящих в браке. В РСФСР в том же году в браке состояло 675 мужчин и 577 женщин. У горожан республики доля состоящих в браке были выше, чем у селян: у первых – 671 мужчина и 531 женщина, у вторых – 733 мужчины и 607 женщин²¹.

Великая Отечественная война привела к тому, что очень многие женщины лишились своих мужей и/или возможности вступить в брак. По переписи 1959 г. на 1000 населения в Удмуртской АССР в возрасте 16 лет и старше приходилось 704 мужчины и 457 женщин, состоящих в браке²². По РСФСР дисбаланс был меньшим: у мужчин на 1000 населения в браке состояло 692 чел., у женщин – 505 чел. В сельской местности эта проблема стояла острее. Если в городских поселениях Удмуртии состоящих в браке мужчин на 1000 населения в возрасте 16 лет и более приходилось 705 чел., женщин – 492 чел., то в сельской местности – 703 мужчины и 435 женщин. В РСФСР эти цифры равнялись соответственно 687 и 520 чел., 698 и 488 чел.²³

Резко увеличилось число семей, во главе которых были женщины. Если в 1939 г. таковых было 50475 из 256905 (19,6 %), то в 1959 г. – 101868 из 302752

¹⁹ Мотревич В.П. Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года... С. 79; ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 5. Д. 254. Л. 24, 30.

²⁰ Вербицкая О.М. Сельское население Российской Федерации в 1939–1959... С. 282.

²¹ Мотревич В.П. Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года... С. 80; Всесоюзная перепись населения 1939 г.: основные итоги. М., 1992. С. 88–89.

²² Подсчитано автором по источнику: Всесоюзная перепись населения 1959 г. Распределение населения регионов России по полу, возрасту и состоянию в браке // Демоскоп Weekly [сайт]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_mar_59.php?reg=84&gor=3&Submit=OK (дата обращения: 20.02.2019).

²³ Население России за 100 лет (1897–1997). М., 1998. С. 80–83.

(33,6 %). Причина подобного роста заключается в гибели на фронте многих мужчин в годы войны. Поскольку основная часть военных потерь пришлась на сельское население, то именно на селе данное увеличение было наибольшим. Так, в городах и рабочих поселках в 1939 г. женщины являлись главами 15622 семей из 72424 (21,6 %), в 1959 г. – 38050 из 136830 (27,8 %). В сельской же местности женщины находились в 1939 г. во главе 34853 семейств из 184481 (18,9 %), а в 1959 г. – 63818 из 165922 (38,5 %). В городах РСФСР в 1959 г. женщины были главами в 28,3 % семей, в сельской местности – в 33,4 % семей²⁴.

Были отличия и в возрастном составе. Мужчина – глава семьи в 0,4 % семей имел возраст до 20 лет, в 23,6 % семей – 20–29 лет, в 28,7 % – 30–39 лет, 20,6 % – 40–49 лет, 15,3 % – 50–59 лет, 11,4 % – 60 лет и старше. Средний возраст семей, где главой являлась женщина, был выше. У них распределение было соответственно: в 0,4 % семей это были женщины до 20 лет, в 8,8 % – 20–29 лет, в 20,6 % – 30–39 лет, 30,8 % – 40–49 лет, 27,0 % – 50–59 лет, 12,4 % – 60 лет и старше²⁵.

Динамика брачности

На начало рассматриваемого периода брак как добровольный и равноправный союз мужчины и женщины регулировался Кодексом о браке, семье и опеке 1926 г. В соответствии с документом незарегистрированные, фактические браки приравнивались к зарегистрированным, за его участниками признавались все права и обязанности супругов.²⁶ Очевидно, что доля незарегистрированных браков была ощутима. Однако поскольку их статистика отсутствует, в данной статье будут рассматриваться лишь зарегистрированные в органах ЗАГС браки. Их количественная динамика представлена в табл. 2.

Накануне Великой Отечественной войны в республике заключалось в среднем 5,5–6 тыс. брачных союзов. Число браков в городах и сельской местности было сопоставимым, хотя численность селян превосходила количество горожан едва не втрое.

Во время войны количество зарегистрированных браков, заключенных в Удмуртской АССР, резко сократилось. Это объясняется уходом на фронт большого числа мужчин, что привело к уменьшению их количества в бракоспособных возрастах. Уже в 1942 г. браков было заключено в два раза меньше, чем в предыдущий год, а в сельской местности – более чем в три раза. 1942 год показал своеобразный антирекорд – на селе образовалось всего 987 семейных пар, что могло произойти только из-за дефицита мужчин на «брачном рынке». С 1943 г. число браков стало расти, но поначалу не очень значительно.

²⁴ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М., 1963. С. 450, 452–453.

²⁵ ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 5. Д. 254. Л. 29, 31; *Мотревич В.П.* Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года... С. 79.

²⁶ Постановление ВЦИК от 19.11.1926 «О введении в действие Кодекса законов о браке, семье и опеке» (вместе с Кодексом) // СУ РСФСР. 1926. № 82. С. 612.

Таблица 2 / Table 2

**Число браков и разводов в Удмуртской АССР в 1938–1959 гг. /
The number of marriages and divorces in the Udmurt ASSR in 1938–1959**

Годы	Вся республика			Городские поселения			Сельская местность		
	Браки	Разводы	%	Браки	Разводы	%	Браки	Разводы	%
1938	6161	420	6,8	2932	323	11,0	3229	97	3,0
1939	5842	538	9,2	2790	411	14,7	3052	127	4,2
1940	5492	598	10,9	2781	468	16,8	2711	130	4,8
1941	6034	484	8,0	2904	360	12,4	3130	124	4,0
1942	2660	470	17,7	1673	389	23,3	987	81	8,2
1943	3211	544	16,9	1905	416	21,8	1306	128	9,8
1944	4251	356	8,4	2401	239	10,0	1850	117	6,3
1945	6607	–	–	3905	–	–	2702	–	–
1946	12670	–	–	6752	–	–	5918	–	–
1947	10002	118	1,2	4445	95	2,1	5557	23	0,4
1948	9825	181	1,8	4789	106	2,2	5036	75	1,5
1949	12890	356	2,8	5923	229	3,9	6967	127	1,8
1950	12614	592	4,7	6012	366	6,1	6602	226	3,4
1951	14094	596	4,2	6550	407	6,2	7544	189	2,5
1952	12750	614	4,8	5537	398	7,2	7213	216	3,0
1953	12601	654	5,2	5909	452	7,6	6692	202	3,0
1954	12862	611	4,8	6105	494	8,1	6757	117	1,7
1955	13616	703	5,2	6577	608	9,2	7039	95	1,3
1956	13843	730	5,3	6519	624	9,6	7324	106	1,4
1957	15475	1038	6,7	7808	897	11,5	7667	141	1,8
1958	16778	1265	7,5	8281	1098	13,3	8497	167	2,0
1959	16253	1296	8,0	7837	1140	14,5	8416	156	1,9

Источники / Sources: ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 3. Д. 109. Л. 9 об., 16 об., 23 об.; Оп. 7. Д. 1. Л. 24 об., 44 об., 54 об.; Д. 2. Л. 13 об., 14 об., 15 об.; Д. 4. Л. 16 об., 17 об., 18 об.; Д. 6. Л. 7 об., 8 об., 9 об.; Д. 8. Л. 8 об., 9 об., 10 об.; Д. 10. Л. 24 об., 25 об., 26 об.; Д. 12. Л. 43 об., 78 об., 84 об.; Д. 16. Л. 22 об., 23 об., 24 об.; Д. 19. Л. 9 об., 10 об., 11 об.; Д. 25. Л. 84; Д. 31. Л. 53 об., 54 об., 55 об.; Д. 35. Л. 72 об., 73 об., 74 об.; Д. 47. Л. 65; Д. 52. Л. 64 об., 65 об., 66 об.; Д. 59. Л. 52 об., 53 об., 54 об.; Д. 64. Л. 57 об., 58 об., 59 об.; Д. 71. Л. 19 об., 20 об., 21 об.; Д. 81. Л. 9 об., 10 об., 11 об.; Д. 85. Л. 30 об., 31 об., 32 об.; Д. 87. Л. 21 об., 22 об., 23 об.

Война с ее большими людскими потерями вынудила изменить отношение государства к форме брака. 8 июля 1944 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР, который признавал полную легитимность лишь официально зарегистрированных браков. В Указе говорилось, что только зарегистрированный брак порождает права и обязанности супругов по закону²⁷. Это должно было стимулировать регистрацию браков. Резкий скачок произошел в 1946 г., когда в республике было сыграно 12670 свадеб. Свою роль сыграло и начавшееся возвращение фронтовиков к родным местам. В первые послевоенные годы быстрый рост брачности объяснялся отложенными ранее решениями о вступлении в брак, т. е. так называемой «компенсаторной брачностью».

В 1942–1946 гг. браков больше заключалось в городах Удмуртской АССР, но затем – в сельской местности (исключение – 1957 г.). К концу рассматриваемого периода в республике заключалось более 16 тыс. браков в год. За 1939–1959 гг. количество браков в Удмуртии выросло почти в 2,8 раза. Как говорилось выше, население республики за тот же период выросло только на 9,6 %. Даже если учесть изменения возрастного-полового состава, получается очень большое несоответствие. Его главной причиной могло быть только увеличение числа повторных браков.

Что касается возраста вступления в брак, то накануне войны в Удмуртии мужчины чаще всего женились в 23–26 лет, а девушки выходили замуж в 18–20 лет. С началом войны произошли некоторые изменения. Раньше стали жениться – в 22–26 лет (при этом в 1942 г. самая большая доля женившихся селян пришлась на 18-летних, хотя количественно их было всего 82 чел.). Выходить замуж стали позднее – в 19–22 года. Во второй половине 1940-х – 1950-е гг. самым популярным для вступления в брак у мужчин был возраст 23–25 лет, у женщин – 20–22 года.

Сельское население республики раньше вступало в брачные отношения, о чем говорят большие доли женившихся в раннем возрасте. Городские юноши, к примеру, в отличие от сельских парней практически не вступали в брачные союзы до 18 лет. Это соответствовало традиционным установкам удмуртов (которых на селе было большинство), согласно которым сыновей родители старались как можно раньше женить, чтобы получить вместе с этим новую работницу в дом, а дочерей – как можно позднее выдать замуж, чтобы не потерять помощницу в хозяйстве.

Динамика разводимости

Не все семейные союзы оказывались прочными, некоторые распались и заканчивались оформлением разводов. Накануне войны в среднем распался каждый десятый брак (см.: табл. 2). Сельские браки были гораздо крепче, чем городские, селяне разводились намного реже. Например, в 1940 г. в городах на 2781 брачный союз пришлось 468 разводов (16,8 %), а на селе на 2711 браков пришлось

²⁷ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» // Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 – июль 1956). М., 1956. С. 387.

только 130 разводов (4,8 %). При этом тенденция и там, и здесь была повышательной. Остановила ее начавшаяся война. В результате в 1941 г. сократилось как количество разводов, так и их удельный вес в общем числе заключавшихся браков.

Однако в 1942 г. доля разводов в Удмуртии выросла до 17,7 % (а в городских поселениях – до 23,3 %), хотя данный рост произошел на фоне сокращения числа браков из-за ухода на фронт огромного количества мужчин. Фактически и разводов стало меньше. Но в 1943 г. выросло уже и их количество. Очевидно, для того, чтобы переломить складывающуюся ситуацию, 8 июля 1944 г. принимается Указ Президиума Верховного Совета СССР, который ужесточил юридическую процедуру развода. И если до июля 1944 г. расторжения браков в Удмуртской АССР еще были, то, начиная с августа 1944 г. и на протяжении 1945–1946 гг. в республике не было зафиксировано ни одного развода (см.: табл. 2).

Первые разводы после двухлетнего перерыва были зарегистрированы в 1947 г., и сначала их было мало. Лишь в 1950 г. количество разводов в республике превысило довоенный уровень, но их доля была невелика, поскольку гораздо больше стало браков. В конце 1950-х гг. число разводов достигло исторического максимума и превышало 1200 случаев в год, но по отношению к числу браков их удельный вес был даже меньше, чем перед войной. Сельские браки и во время войны, и после ее окончания были крепче, чем городские, селяне по-прежнему разводились намного реже. В сельской местности после перерыва уровень разводимости не превышал 3 %. Исключением стал лишь 1950 г, когда доля разводов составила 3,4 % по отношению к числу заключенных браков.

Также стоит отметить, что если в послевоенный период в городах число и удельный вес разводов только росли, то на селе повышательные тенденции (в 1947–1950, 1956–1958 гг.) сменялись понижательными (в 1951, 1953–1955, 1959 гг.).

Продолжительность расторгнутых браков в городских поселениях и сельской местности Удмуртской АССР представлена в таблице 3. В предвоенный период в городах чаще всего разводились супруги, прожившие в браке 1–2 года. С началом войны ситуация изменилась, и наибольшая доля в случае развода была у тех, кто прожил в браке 5–9 лет. С таким стажем чаще всего разводились и в послевоенный период, хотя периодически наибольшая доля была у тех, кто в браке прожил 3–4 или 10–19 лет. Прожившие в браке менее года или 20 лет и больше разводились реже всего.

В сельской местности подавляющее большинство расторгнутых браков в довоенный период и в годы войны распределялось в основном между теми, чей семейный стаж насчитывал менее 20 лет. С 1947 г. наибольшая доля разводящихся селян имела стаж 10–19 лет. Правда, нельзя не отметить, что во второй половине 1950-х гг. увеличилась доля разводящихся, проживших в браке 5–9 лет. В самом конце десятилетия именно их удельный вес был самым большим.

Обращает на себя внимание и тот факт, что брачные союзы, созданные в конце войны или после ее окончания, оказались очень крепкими. В конце 1940-х гг. распадалось очень мало семей со стажем менее четырех лет. Особенно это касалось сельских супружеских пар.

Таблица 3 / Table 3

**Продолжительность расторгнутых браков в городских поселениях (г. п.)
и сельской местности (с. м.) Удмуртской АССР / Duration of dissolved marriages
in urban settlements and rural areas Udmurt ASSR**

	До 6 мес.		6–11 мес.		1–2 года		3–4 года		5–9 лет		10–19 лет		20 лет и выше		Неизвестно	
	Г. п.	С. м.	Г. п.	С. м.	Г. п.	С. м.	Г. п.	С. м.	Г. п.	С. м.	Г. п.	С. м.	Г. п.	С. м.	Г. п.	С. м.
1938	48	20	32	8	70	12	40	14	62	9	49	12	11	2	11	20
1939	37	12	27	5	96	20	67	20	84	19	50	18	8	4	42	29
1940	60	12	45	9	119	20	78	17	86	26	55	9	9	2	16	35
1941	55	18	36	9	68	14	59	17	79	30	40	15	14	3	9	18
1942	29	6	29	7	88	16	77	9	92	12	41	18	12	–	21	13
1943	30	15	19	7	98	31	83	13	96	17	51	23	10	9	29	13
1944	23	13	13	5	51	15	40	10	68	24	30	14	11	7	3	29
1947	2	1	6	–	20	1	7	–	33	9	22	11	3	–	2	1
1948	–	–	3	1	27	–	17	3	16	24	23	43	14	2	–	–
1949	2	–	5	–	53	1	60	2	43	27	56	77	10	20	–	–
1950	1	–	1	1	48	2	91	6	75	27	126	146	20	43	4	1
1951	3	–	7	–	55	3	78	8	121	16	119	129	24	32	–	1
1952	1	4	9	–	58	4	92	14	127	25	93	115	15	53	3	1
1953	6	–	9	–	73	8	77	10	139	27	126	101	22	56	–	–
1954	8	–	9	1	77	5	104	13	190	36	90	39	16	23	–	–
1955	14	–	20	3	114	10	119	12	212	33	97	31	32	6	–	–
1956	3	1	23	3	135	14	96	10	224	33	112	38	28	7	3	–
1957	3	3	37	5	180	17	171	16	263	41	189	49	48	9	2	1
1958	23	2	43	8	219	19	207	23	358	72	189	37	58	6	1	–
1959	25	1	38	1	250	30	204	35	369	46	189	32	62	6	3	5

Источники / Sources: Ф. Р-845. Оп. 3. Д. 109. Л. 15а, 22; Оп. 7. Д. 1. Л. 42, 51; Д. 2. Л. 52, 54; Д. 4. Л. 56, 57; Д. 6. Л. 47, 48; Д. 8. Л. 47, 48; Д. 10. Л. 79, 80; Д. 19. Л. 66, 67; Д. 25. Л. 77, 78; Д. 31. Л. 48, 49; Д. 35. Л. 42, 43; Д. 39. Л. 46, 47; Д. 47. Л. 48, 49; Д. 52. Л. 55, 56; Д. 59. Л. 43, 44; Д. 64. Л. 48, 50; Д. 71. Л. 48, 49; Д. 81. Л. 41, 42; Д. 85. Л. 72, 73; Д. 87. Л. 68, 69.

Гендерные особенности повторных браков

Великая Отечественная война оказала также существенное влияние и на повторную брачность. В табл. 4 представлена динамика вступления молодых людей в первый брак. Соответственно, путем нехитрых математических действий из данных этой таблицы можно сделать вывод о количестве и доле заключивших брачный союз повторно. К сожалению, форма № 7, в которую вносились сведения о браках по возрастам брачующихся, не позволяет узнать, в какой по счету повторный брак вступал(а) мужчина или женщина.

Как свидетельствуют цифры, накануне войны повторных браков было достаточно много. В 1939 и 1940 гг. 14 % женихов вступали в брак как минимум во второй раз, и почти 13 % невест выходили замуж не впервые в своей жизни. В 1938 г. доля повторных браков была еще больше – 19,3 % у мужчин и 16,8 % – у женщин. В сельской местности процент был выше, особенно у мужчин: например, в 1938 г. каждый четвертый брачующийся уже состоял ранее в браке. До 1938 г. включительно статистические органы вели сбор сведений о том, кто вступал в брак. Учитывались не состоявшие ранее в браке, а также вдовцы (вдовы) и разведенные. В 1938 г., например, из 6161 жениха 4972 чел. ранее никогда не состояли в браке, 339 чел. были вдовцами, 237 чел. – разведены, еще 613 чел. не указали свое семейное состояние. В городах распределение было следующим: из 2932 вступивших в брак женихов 2599 чел. ранее в браке не состояли, 148 чел. были вдовцами, 152 чел. – разведенными, 33 чел. не указали свое положение. В сельской местности из 3229 чел. женилось 2373 чел., ранее в браке не состоявших, 191 вдовец, 85 разведенных. Еще 580 не указали семейное состояние.

У женщин при том же количестве браков в том же году в целом по республике вышло замуж 5128 ранее не состоявших в браке, 266 вдов, 226 разведенных, и 541 женщина не указала свое семейное положение. В городах вышли замуж 2625 женщин, ранее не состоявших в браке, 125 вдов, 156 разведенных, и 26 чел. не указали семейное положение. В сельской местности из 3229 невест 2503 чел. ранее в браке не состояли, 141 чел. были вдовами, 70 чел. – разведены, 515 чел. не указали свое семейное состояние²⁸. Начиная с 1939 г. текущая статистика учитывала только доли тех, кто вступал в брак впервые.

С началом войны частота заключения повторных браков увеличилась. Своего максимума в Удмуртской АССР она достигла в 1942 г. У мужчин республики доля повторных браков равнялась 21,2 % от числа заключенных в том году браков, у женщин – 18,7 %. Затем началось сокращение. В следующем году удельный вес повторных браков уменьшился у мужчин до 17,2 %, у женщин – до 14,0 %. В 1944 г. соответствующий процент у мужчин уменьшился до 15,0, а у женщин он поднялся до 16,3. В 1945 г. произошло резкое уменьшение долей повторных браков, что было вызвано, скорее всего, указом от 8 июля 1944 г. С того времени было сложно развестись и заново вступить в брак. Правда, в 1947 г. доля повторных браков вновь была повышенной (у мужчин – 10,7 %, у женщин – 12,1 %), и как раз в этом году в республике вновь стали регистрировать разводы. Но начиная с 1948 г. удельный вес повторных браков в целом по Удмуртии и у мужчин, и у женщин до конца рассматриваемого периода не превышал 8 %.

²⁸ ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 3. Д. 109. Л. 30, 30 об.

Таблица 4 / Table 4

**Число мужчин и женщин в Удмуртской АССР, впервые вступивших в брак /
Number of men and women in the Udmurt ASSR who first entered into marriage**

Годы	Вся республика				Городские поселения				Сельская местность						
	Браки, всего	Мужчины		Женщины		Браки, всего	Мужчины		Женщины		Браки, всего	Мужчины		Женщины	
		Вперв.	%	Вперв.	%		Вперв.	%	Вперв.	%		Вперв.	%	Вперв.	%
1938	6161	4972	80,7	5128	83,2	2932	2599	88,6	2625	89,5	3229	2373	73,5	2503	77,5
1939	5842	5026	86,0	5101	87,3	2790	2446	87,7	2456	88,0	3052	2580	84,5	2645	86,7
1940	5492	4728	86,1	4801	87,4	2781	2438	87,7	2440	87,7	2711	2290	84,5	2361	87,1
1941	6034	5011	83,0	5054	83,8	2904	2469	85,0	2492	85,8	3130	2542	81,2	2562	81,9
1942	2660	2096	78,8	2163	81,3	1673	1345	80,4	1369	81,8	987	751	76,1	794	80,4
1943	3211	2660	82,8	2760	86,0	1905	1629	85,5	1625	85,3	1306	1031	78,9	1135	86,9
1944	4251	3615	85,0	3558	83,7	2401	2129	88,7	2077	86,5	1850	1486	80,3	1481	80,1
1945	6607	5986	90,6	5769	87,3	3905	3669	94,0	3464	88,7	2702	2317	85,8	2305	85,3
1946	12670	11798	93,1	11591	91,5	6752	6340	93,9	6265	92,8	5918	5458	92,2	5326	90,0
1947	10002	8932	89,3	8791	87,9	4445	3781	85,1	3826	86,1	5557	5151	92,7	4965	89,3
1948	9825	9200	93,6	9059	92,2	4789	4488	93,7	4471	93,4	5036	4712	93,6	4588	91,1
1949	12890	12204	94,7	12084	93,7	5923	5628	95,0	5528	93,3	6967	6576	94,4	6556	94,1
1950	12614	11869	94,1	11731	93,0	6012	5616	93,4	5574	92,7	6602	6253	94,7	6157	93,3
1951	14094	13383	95,0	13253	94,0	6550	6189	94,5	6102	93,5	7544	7194	95,4	7151	94,8
1952	12750	12022	94,3	12041	94,4	5537	5146	92,9	5110	92,3	7213	6876	95,3	6931	96,1
1953	12601	11995	95,2	11987	95,1	5909	5556	94,0	5460	92,4	6692	6439	96,2	6527	97,5
1954	12862	12157	94,5	12198	94,8	6105	5649	92,5	5681	93,1	6757	6508	96,3	6517	96,4
1955	13616	12940	95,0	12874	94,6	6577	6142	93,4	6095	92,7	7039	6798	96,6	6779	96,3
1956	13843	13013	94,0	13037	94,2	6519	6025	92,4	5992	91,9	7324	6988	95,4	7045	96,2
1957	15475	14660	94,7	14609	94,4	7808	7215	92,4	7198	92,2	7667	7445	97,1	7411	96,7
1958	16778	16032	95,6	16078	95,8	8281	7857	94,9	7893	95,3	8497	8175	96,2	8185	96,3
1959	16253	15176	93,4	15226	93,7	7837	7103	90,6	7170	91,5	8416	8073	95,9	8056	95,7

Источники / Sources: ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 3. Д. 109. Л. 30, 30 об.; Оп. 7. Д. 1. Л. 61, 61 об.; Д. 2. Л. 50, 50 об.; Д. 4. Л. 54, 54 об.; Д. 6. Л. 45, 45 об.; Д. 8. Л. 50, 50 об.; Д. 10. Л. 77, 77 об.; Д. 12. Л. 89, 89 об.; Д. 16. Л. 69, 69 об.; Д. 19. Л. 64, 64 об.; Д. 25. Л. 80, 80 об.; Д. 31. Л. 46, 46 об.; Д. 35. Л. 36, 36 об.; Д. 39. Л. 40, 40 об.; Д. 47. Л. 43, 43 об.; Д. 52. Л. 49, 49 об.; Д. 59. Л. 41, 41 об.; Д. 64. Л. 46, 46 об.; Д. 71. Л. 47, 47 об.; Д. 81. Л. 39, 39 об.; Д. 85. Л. 68, 68 об.; Д. 87. Л. 63, 63 об.

Накануне Великой Отечественной войны и в первые три военных года в повторные браки чаще вступали мужчины. Начиная с 1944 г. и до 1951 г. включительно это чаще делали женщины. Скорее всего, подобное поведение было вызвано тем, что многие жены потеряли своих мужей на фронте, поэтому были вынуждены выходить замуж вторично. С 1952 г. наблюдалось примерное равенство долей повторных браков у мужчин и женщин.

Отметим также, что до 1947 г. в сельской местности повторных браков было больше, чем у горожан, а с 1950 г. – меньше. Это касалось обоих полов. Во второй половине 1950-х гг. селяне в повторные браки вступали редко. Начиная с 1953 г. это делало всего около 3–4 % мужчин и женщин, хотя количество браков выросло и находилось в рассматриваемое время на максимуме.

Война повлияла и на возрастной состав вступающих в повторные браки. В предвоенный период процент женившихся повторно был заметен у мужчин в возрасте 23 лет и старше, у женщин рубежом были 22 года. Например, в 1940 г. повторным являлся брак для 4 мужчин из 225 в возрасте 21 года, для 4 из 265 в возрасте 22 лет, для 7 из 269 в возрасте 23 лет, и для 26 из 490 чел. в возрасте 24 лет. У женщин в возрасте 19 лет повторно замуж вышло 6 из 437 чел., в возрасте 20 лет – 9 из 552 чел., в возрасте 21 года – 9 из 532 чел., в возрасте 22 лет – 19 из 554 чел.

С началом войны у мужчин начальный возраст вступления в брак, в котором становились заметны повторные браки, повысился до 27 лет, а в 1945 г. перевалил отметку в 30 лет. У женщин возраст повысился менее значительно – до 23–24 лет (при том, что в 1941 г. доля вступивших в повторные браки была высокой и среди 20-летних)²⁹.

Внебрачная рождаемость

Рассмотрим также такой компонент брачности, как внебрачная рождаемость. С 1944 г. среди материалов естественного движения населения появились сводки статистической отчетности по форме 26 «Сведения о родившихся, в отношении которых отсутствуют записи об отце, по возрасту и занятию матери». Тем самым мы получили источник, позволяющий судить о размерах внебрачной рождаемости. Очевидно, сбор таких сведений связан с подписанием уже упоминавшегося Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г., который привел к увеличению числа детей, родившихся вне брака – теперь женщины могли рассчитывать на определенную поддержку в подобных случаях. Обратимся к таблице 5.

Как видно из таблицы, в 1944 г. вне брака в Удмуртской АССР родилось еще немного детей – 583 младенца (3,9 % от всех родившихся) на всю республику. Но уже в следующем году число внебрачных детей подскочило в 6 раз – до 3506 чел., что составило 18,4 %. В 1946 г. доля практически не изменилась (18,1 %), но количество увеличилось до 5713 детей. В 1947 г. вне брака на свет появилось уже 10688 детей, а их удельный вес составил в составе новорожденных 29,8 %. Особенно резкий скачок в том году произошел в сельской местности: у сельских женщин родилось 7148 внебрачных детей, что в 2,8 раза было больше в сравнении с прошлым годом.

²⁹ ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 7. Д. 2. Л. 50, 50 об.; Д. 4. Л. 54, 54 об.; Д. 6. Л. 45, 45 об.; Д. 8. Л. 50, 50 об.; Д. 10. Л. 77, 77 об.; Д. 12. Л. 89, 89 об.

Таблица 5 / Table 5

**Количество детей, рожденных в Удмуртской АССР вне брака в 1944–1959 гг. /
Number of children born in the Udmurt ASSR out of wedlock in 1944–1959**

Годы	Вся республика			Городские поселения			Сельская местность		
	Родилось	Вне брака	%	Родилось	Вне брака	%	Родилось	Вне брака	%
1944	15022	583	3,9	5895	358	6,1	9127	225	2,5
1945	19050	3506	18,4	8073	2106	26,1	10977	1400	12,8
1946	31588	5713	18,1	11420	3136	27,5	20168	2577	12,8
1947	35922	10688	29,8	12023	3540	29,4	23899	7148	29,9
1948	29867	7303	24,5	9850	2404	24,4	20017	4899	24,5
1949	40480	12603	31,1	14311	3888	27,2	26169	8715	33,3
1950	39841	13514	33,9	13901	3949	28,4	25940	9565	36,9
1951	39605	12373	31,2	14289	3461	24,2	25316	8912	35,2
1952	39550	11834	29,9	13376	2775	20,7	26174	9059	34,6
1953	37478	10995	29,3	12866	2601	20,2	24612	8394	34,1
1954	41771	11684	28,0	14439	2846	19,7	27332	8838	32,3
1955	40208	10123	25,1	13749	2339	17,0	26459	7784	29,4
1956	38165	8655	22,7	12628	1844	14,6	25537	6811	26,7
1957	41217	8583	20,8	15044	2179	14,5	26173	6404	24,5
1958	41487	8436	20,3	15490	2144	13,8	25997	6292	24,2
1959	40832	7472	18,3	15227	1964	12,9	25605	5508	21,5

Источники / Sources: ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 7. Д. 10. Л. 37–42 об.; Д. 12. Л. 47 об., 81 об., 87 об.; Д. 16. Л. 35–37 об.; Д. 19. Л. 22–24 об.; Д. 25. Л. 39–41 об.; Д. 31. Л. 9–11 об.; Д. 35. Л. 25–27 об.; Д. 39. Л. 9–11 об.; Д. 47. Л. 12–14 об.; Д. 52. Л. 16–18 об.; Д. 59. Л. 26–28 об.; Д. 64. Л. 32–34 об.; Д. 71. Л. 29–31 об.; Д. 81. Л. 19–21 об.; Д. 85. Л. 40–42 об.; Д. 87. Л. 33–35 об.

Своего пика внебрачная рождаемость в Удмуртской АССР достигла в 1950 г., когда рождение каждого третьего ребенка сопровождалось отсутствием в документах записи об отцовстве. Аналогичный показатель в стране был намного ниже, даже в годы, когда удельный вес внебрачной рождаемости имел максимальные размеры. Например, в 1945 г. доля родившихся вне брака в СССР равнялась 18,9 %, 1949 г. – 19,6 %, 1950 г. – 19,7 %³⁰. Тем самым по доле детей, рождавшихся вне брака, Удмуртия находилась намного выше.

³⁰ *Араловец Н.А.* Брак и семья в РСФСР в послевоенные годы // *Российская история*. 2010. № 4. С. 59.

До 1946 г. внебрачная рождаемость была выше в городах Удмуртской АССР, а с 1947 г. – в сельской местности республики. Объясняется подобное соотношение гораздо большей деформацией половозрастной структуры населения на селе. С конца 1940-х гг. разрыв все больше нарастал, и к концу рассматриваемого периода он достигал чуть ли не двукратной разницы. Показательно, что до конца 1950-х гг. в сельской местности сохранялся очень высокий процент: даже в 1959 г. каждый пятый родившийся ребенок у сельской матери не имел в акте о рождении записи об отце.

На протяжении 1950-х гг. как количество, так и удельный вес рожденных вне брака детей в республике постепенно снижались. В 1959 г. доля внебрачных новорожденных в целом по Удмуртии упала ниже 20 %. В СССР уже в 1958 г. соответствующий показатель равнялся 12,5 %. Сокращению рождений вне брака способствовала отмена в 1955 г. запрета аборт³¹, число которых резко выросло. Если в 1955 г. в республике было произведено 17760 прерываний беременности, то затем их количество непрерывно росло и составило в 1959 г. уже 45896 случаев³². С разрешением аборт³³ теперь не все нежелательные беременности заканчивались рождением детей, получавших затем в акте отсутствие записи об отце. Сказалось и вступление в репродуктивный возраст большего числа мужчин. По переписи 1959 г. численное преобладание женщин среди 20-летних было не таким уже и подавляющим.

Всего за послевоенное время (1945–1958 гг.) в целом в СССР вне брака родилось 10,6 млн детей, что составило 16,3 % к общему числу детей, родившихся в течение данного периода³³. В Удмуртии за тот же период родилось 136 тыс. внебрачных детей, что составило 26,3 % от общего числа рождений (см.: табл. 5). Тем самым республика внесла свой заметный вклад, который помог частично компенсировать демографические потери Великой Отечественной войны.

Выводы

Как показало проведенное исследование, Великая Отечественная война оказала значительное влияние на брачно-семейную структуру населения Удмуртии. При этом сельская семья пострадала гораздо сильнее. В отличие от городов республики, на селе средние размеры семьи уменьшились. Подавляющая часть внебрачных детей – 102,3 тыс. из 136 тыс. – появилась на свет в сельской местности. Намного больше в 1959 г. было число сельских семей во главе с женщинами. В 1959 г. на каждую 1000 населения в возрасте 16 лет и более приходилось всего 435 женщин, состоящих в браке. Это говорит о том, что деревня Удмуртии потеряла в годы войны больше мужчин, чем город. Тем не менее, сельская семья осталась крепкой, что подтверждает уменьшившаяся в течение рассматриваемого времени доля разводов.

Рукопись поступила: 14 февраля 2019 г.

Submitted: 14 February 2019

³¹ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 10. Государство, общество и война. М., 2014. С. 684.

³² ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 7. Д. 87. Л. 84.

³³ *Вербицкая О.М.* Сельское население Российской Федерации в 1939–1959... С. 184–185.

Библиографический список

- Араловец Н.А.* Брак и семья в РСФСР в послевоенные годы // *Российская история*. 2010. № 4. С. 55–62.
- Араловец Н.А.* Городская семья в России, 1927–1959 гг.: монография. Тула: Гриф и К, 2009. 303 с.
- Араловец Н.А.* Семейные отношения городского населения Российской Федерации в 1927–1959 гг. // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: История России. 2003. № 2. С. 144–152.
- Белова В.А.* Число детей в семье. М.: Статистика, 1975. 176 с.
- Вербицкая О.М.* Российская сельская семья в 1897–1959 гг. (историко-демографический аспект). М. – Тула: Гриф и К, 2009. 295 с.
- Вербицкая О.М.* Сельское население Российской Федерации в 1939–1959 гг. (демографические процессы и семья): дис. ... д-ра ист. наук. М.: ИРИ РАН, 2002. 416 с.
- Вербицкая О.М.* Основные закономерности развития сельской семьи в России в XX в. // *Труды Института российской истории РАН*. 2010. № 9. С. 332–353.
- Вишневский А.Г.* Эволюция российской семьи // *Экология и жизнь*. 2008. № 8. С. 8–13.
- Волков А.Г.* Этнически смешанные семьи в СССР: динамика и состав // *Вестник статистики*. 1989. № 7. С. 12–23; № 8. С. 8–24.
- Волков А.Г.* Семья – объект демографии. М.: Мысль, 1986. 271 с.
- Дарский Л.Е.* Формирование семьи (демографо-статистическое исследование). М.: Статистика, 1972. 208 с.
- Денисова Л.Н.* Брак и семья в российской деревне второй половины XX века // *Диалог со временем*. 2008. № 23. С. 118–148.
- Жиромская В.Б.* От военных потерь к консенсуальному браку: особенности демографического развития России в XX в. // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: История России. 2007. № 3. С. 5–20.
- Жиромская В.Б.* Население России в XX веке. 1940–1959 гг. М.: РОССПЭН, 2001. 416 с.
- Исупов В.А.* Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: историко-демографические очерки. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 244 с.
- Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П.* Семья и брак накануне и в годы Великой Отечественной войны // *Вопросы истории*. 2015. № 12. С. 46–55.
- Коробейникова Н.С.* Разводы и разводимость в городах Западной Сибири в годы Второй мировой войны // *Вестник Новосибирского государственного университета*. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. № 8. С. 167–172.
- Кузьмин А.И.* Семья на Урале: демографические аспекты выбора жизненного пути. Екатеринбург: Наука, 1993. 237 с.
- Лаллукка С.* Восточно-финские народы России: анализ этнодемографических процессов / пер. с англ. Л.И. Леденевой, С.В. Голованова при содействии автора С. Лаллукка. СПб.: Европейский Дом, 1997. 391 с.
- Мотревич В.П.* Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион: сборник материалов. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2002. 372 с.
- Петраков А.А.* Сельская семья и дети (Проблемы демографического развития). Ижевск: Удмуртия, 1983. 160 с.
- Петраков А.А.* Социология городской семьи. Демографическое поведение. С использованием материалов по Удмуртской АССР. Ижевск: Удмуртия, 1981. 164 с.
- Рабжаева М.В.* Семейная политика в России XX в.: историко-социальный аспект // *Общественные науки и современность*. 2004. № 2. С. 166–176.
- Ракачев В.Н.* Особенности брачно-семейной структуры населения Кубани и Ставрополя в 1930–1950-е гг. // *Научные проблемы гуманитарных исследований*. 2012. № 4. С. 57–68.
- Сакаев В.Т.* Городское население Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны: историко-демографические процессы: дис. ... канд. ист. наук. Казань: КГУ, 2008. 234 с.

- Сифман Р.И. Динамика рождаемости в СССР: (По материалам выборочных обследований). М.: Статистика, 1974. 183 с.
- Сусоколов А.А. Межнациональные браки в СССР. М.: Мысль, 1987. 144 с.
- Уваров С.Н. Сельское население Удмуртии в годы Великой Отечественной войны: демографический аспект: монография. Ижевск: ФГБОУ ВПО Ижевская ГСХА, 2014. 172 с.
- Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. М.: Мысль, 1979. 367 с.
- Хасбулатова О.А., Смирнова А.В. Эволюция государственной политики в отношении семьи в России в XX – начале XXI века (историко-социологический анализ) // Женщина в российском обществе. 2008. № 3. С. 3–14.
- Чернышева Н.В. Социальное положение женщин в годы Великой Отечественной войны: историко-социологический анализ (на материалах Кировской области) // Женщина в российском обществе. 2016. № 3. С. 98–105.
- Anderson B.A. Family and fertility in Russian and Soviet censuses // Research Guide to Russian and Soviet Censuses. Ithaca: Cornell University Press, 1986. P. 131–154.
- Afontsev S., Kessler G., Tyazhelnikova V., Markevich A., Valetov T. The urban household in Russia and the Soviet Union, 1900–2000: patterns of family formation in a turbulent century // The History of the Family. 2008. Vol. 13. № 2. P. 178–194.
- Wheatcroft S. The Great Leap Upwards: Anthropometric Data and Indicators of Crises and Secular Change in Soviet Welfare Levels, 1880–1960 // Slavic Review. 1999. № 58. P. 27–60.

References

- Aralovets, N.A. “Marriage and family in the post-war Russian Federation.” *Russian History*, no. 4 (2010): 55–62 (in Russian).
- Aralovets, N.A. *Gorodskaya sem'ya v Rossii, 1927–1959 gg.: monografiya*. Tula: Grif i K Publ., 2009 (in Russian).
- Aralovets, N.A. “Semeynyye otnosheniya gorodskogo naseleniya Rossiyskoy Federatsii v 1927–1959 gg.” *RUDN Journal of Russian History* 2, no. 2 (2003): 144–152 (in Russian).
- Anderson, V.A. “Family and fertility in Russian and Soviet censuses.” *Research Guide to Russian and Soviet Censuses*, 131–154. Ithaca: Cornell University Press Publ., 1986.
- Afontsev, S., Kessler, G., Tyazhelnikova, V., Markevich, A., and Valetov, T. “The urban household in Russia and the Soviet Union, 1900–2000: patterns of family formation in a turbulent century.” *The History of the Family* 13, no. 2 (2008): 178–194.
- Belova, V.A. *Chislo detey v sem'ye*. Moscow: Statistika Publ., 1975 (in Russian).
- Darskiy, L.Ye. *Formirovaniye sem'i (demografo-statisticheskoye issledovaniye)*. Moscow: Statistika Publ., 1972 (in Russian).
- Denisova, L.N. “Marriage and family life in the late 20th-century Russian village.” *Dialogue with Time*, no. 23 (2008): 118–148 (in Russian).
- Chernysheva, N.V. “The social status of women during the Great Patriotic War: historical and sociological analysis (based on the materials of the Kirov region).” *Woman in Russian Society*, no. 3 (2016): 98–105 (in Russian).
- Isupov, V.A. *Demograficheskiye katastrofy i krizisy v Rossii v pervoy polovine XX veka: istoriko-demograficheskiye ocherki*. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf Publ., 2000 (in Russian).
- Kharchev, A.G. *Brak i sem'ya v SSSR*. Moscow: Mysl' Publ., 1979 (in Russian).
- Khasbulatova, O.A., and Smirnova, A.V. “The evolution of state policy in relation to the family in Russia in the twentieth – beginning of the XX century of history (history-sociological analysis).” *Woman in Russian Society*, no. 3 (2008): 3–14 (in Russian).
- Krinko, Ye.F., and Khlynina, T.P. “Sem'ya i brak nakanune i v gody Velikoy Otechestvennoy voyny.” *Voprosy istorii*, no. 12 (2015): 46–55 (in Russian).
- Korobeynikova, N.S. “Divorces and divorces in the cities of Western Siberia during the Second World War.” *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology* 11, no. 8 (2012): 167–172 (in Russian).

- Kuz'min, A.I. *Sem'ya na Urale: demograficheskiye aspekty vybora zhiznennogo puti*. Yekaterinburg: Nauka Publ., 1993 (in Russian).
- Lallukka, S. *Vostochno-finskiye narody Rossii: analiz etnodemograficheskikh protsessov*. St. Petersburg: Yevropeyskiy Dom Publ., 1997 (in Russian).
- Motrevich, V.P. *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya SSSR 1939 goda: Ural'skiy region: Sbornik materialov*. Yekaterinburg: Humanitarian Institute Publ., 2002 (in Russian).
- Petrakov, A.A. *Sel'skaya sem'ya i deti (Problemy demograficheskogo razvitiya)*. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 1983 (in Russian).
- Petrakov, A.A. *Sotsiologiya gorodskoy sem'i. Demograficheskoye povedeniye. S ispol'zovaniyem materialov po Udmurtskoy ASSR*. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 1981 (in Russian).
- Rabzhayeva, M.V. "Family policy in Russia of the twentieth century: historical and social aspect." *Social Sciences and Contemporary World*, no. 2 (2004): 166–176 (in Russian).
- Rakachev, V.N. "Features of the marriage and family structure of the population of the Kuban and Stavropol Territory in the 1930–1950s." *VIA EVRASIA*, no. 4 (2012): 57–68 (in Russian).
- Sakayev, V.T. *Gorodskoye naseleniye Tatarskoy ASSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: istoriko-demograficheskiye protsessy*. Kazan': Kazan State University Publ., 2008 (in Russian).
- Sifman, R.I. *Dinamika rozhdayemosti v SSSR: (Po materialam vyborochnykh obsledovaniy)*. Moscow: Statistika Publ., 1974 (in Russian).
- Susokolov, A.A. *Mezhnatsional'nyye braki v SSSR*. Moscow: Mysl' Publ., 1987 (in Russian).
- Zhiromskaya, V.B. "Ot voyennykh poter' k konsensual'nomu braku: osobennosti demograficheskogo razvitiya Rossii v XX v." *RUDN Journal of Russian History* 6, no. 3 (2007): 5–20 (in Russian).
- Zhiromskaya, V.B. *Naseleniye Rossii v XX veke. 1940–1959 gg.* Moscow: ROSSPEN Publ., 2001 (in Russian).
- Verbitskaya, O.M. *Rossiyskaya sel'skaya sem'ya v 1897–1959 gg. (istoriko-demograficheskiy aspekt)*. Moscow-Tula: Grif i K Publ., 2009 (in Russian).
- Verbitskaya, O.M. *Sel'skoye naseleniye Rossiyskoy Federatsii v 1939–1959 gg. (demograficheskiye protsessy i sem'ya)*. Moscow: IRI RAN Publ., 2002 (in Russian).
- Verbitskaya, O.M. "Osnovnyye zakonomernosti razvitiya sel'skoy sem'i v Rossii v XX v." *Trudy Instituta rossiyской istorii RAN*, no. 9 (2010): 332–353 (in Russian).
- Vishnevskiy, A.G. "The evolution of the Russian family." *Ecology and Life*, no. 8 (2008): 8–13 (in Russian).
- Volkov, A.G. "Etnicheski smeshannyye sem'i v SSSR: dinamika i sostav." *Vestnik statistiki*, no. 7 (1989): 12–23 (in Russian).
- Volkov, A.G. *Sem'ya – ob'yekt demografii*. Moscow: Mysl' Publ., 1986 (in Russian).
- Wheatcroft, S. "The Great Leap Upwards: Anthropometric Data and Indicators of Crises and Secular Change in Soviet Welfare Levels, 1880–1960." *Slavic Review*, no. 58 (1999): 27–60.
- Uvarov, S.N. *Sel'skoye naseleniye Udmurtii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: demograficheskiy aspekt: monografiya*. Izhevsk: FGBOU VPO Publ., 2014 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Уваров Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой отечественной истории, социологии и политологии Ижевской государственной сельскохозяйственной академии.

Sergey N. Uvarov, Kandidat Istoricheskikh Nauk [Ph.D. in History], Head of the Department of Russian History, Sociology and Political Science, Izhevsk State Agricultural Academy.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-1-155-173>

Научная статья / Research article

Трансформация органов самоуправления Нахичевани-на-Дону в 1860-е годы

Л.В. Батиев

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук; 344006, Россия, Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41; batiev@ssc-ras.ru

The Transformation of Nakhichevan-on-Don's self-government in the 1860s

Levon V. Batiev

Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences;
41, Chekhov Av., Rostov-on-Don, 344006 Russia; batiev@ssc-ras.ru

Аннотация: В статье рассматриваются преобразования в системе армянского самоуправления Нахичеванской-на-Дону армянской колонии, созданной в 1779 г. после переселения армян из Крыма на Дон. Тема городского самоуправления в России дореформенного периода в целом, и самобытной организации общего управления, полиции и суда в Нахичевани-на-Дону, в частности, – недостаточно изученная. Исследование осуществлено преимущественно на основе архивных источников из Национального архива Армении и малоизвестных русскоязычным авторам публикаций на армянском языке, а также российского законодательства XIX в. Главной особенностью нахичеванской системы самоуправления являлось объединение всех армян-переселенцев из Крыма – как горожан, так и жителей пяти армянских сел в одно самоуправляемое сообщество. На основании жалованной грамоты Екатерины II самоуправление в Нахичевани осуществлялось на этнической основе армянами-переселенцами из Крыма. Автор приходит к выводу, что встраивание армянского самоуправления в общую систему российского управления и суда осуществлялось достаточно долго, и к середине XIX в. прослеживалось несколько параллельных процессов: 1) обсуждение с начала 1850-х гг. на разных уровнях власти целесообразности образования городской думы в Нахичевани-на-Дону; 2) лишение магистрата полицейских функций в 1865 г.; 3) формирование в 1866 г. временного вспомогательного органа при городском голове (совета 24 опекунов и 4 помощников головы), впредь до создания городской думы; 4) избрание городской (шестигласной) думы в 1866 г.; 6) упразднение магистрата в 1866 г. (лишение его судебных и смежных функций было завершено к маю 1869 г.); 5) передача в 1870 г. хозяйственной части магистрата, оставшейся после его формального упразднения, в ведение городского головы и окончательная ликвидация своеобразной системы армянского самоуправления в Нахичевани, несмотря на стремление нахичеванцев сохранить дарованные Екатериной II «права и преимущества».

Ключевые слова: самоуправление, магистрат, дума, суд, полиция, городской голова

Благодарности: Исследование выполнено в рамках реализации гранта РФФИ № 18-59-05004 «Армянская община Дона в новейший период: история, институты, идентичность».

Для цитирования: Батиев Л.В. Трансформация органов самоуправления Нахичевани-на-Дону в 1860-е годы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 1. С. 155–173. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-1-155-173>

© Батиев Л.В., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Abstract: The author analyzes the Armenian self-government of the Nakhichevan-on-Don Armenian colony that had been established in 1779 after Armenians from Crimea were resettled to the Don region. The municipal self-government in Russia of the pre-reform period in general, and in particular the peculiar organization of the administration, police, and court in Nakhichevan-on-Don, have so far barely been studied. The present research is based on archival sources from the National archives of Armenia and on little-known publications in the Armenian language, as well as on Russian legislation of the 19th century. The main feature of the Nakhichevan system of self-government was the unification of all Armenian immigrants from the Crimea – city dwellers as well as residents of five Armenian villages – into one self-governing community. Based on a Charter issued by Catherine II, self-government in Nakhichevan was carried out on an ethnic basis, by Armenian immigrants from the Crimea. However, the Armenian self-government was gradually integrated into the general system of the Russian administration and court system. Several parallel processes can be discerned: 1) since the beginning of the 1850s, the expediency of the formation of a city Duma in Nakhichevan-on-Don was discussed at different levels of government; 2) the magistrate was stripped of police functions in 1865; 3) in 1866 a temporary subsidiary body was established under the mayor: a council of 24 trustees and four assistants of the mayor, to be in action until a city Duma is established; 4) a six-member city Duma comes into being in 1866; 5) the magistrate was abolished in 1866 (its judicial and related functions were removed by May 1869); 6) in 1870 the economic part of the magistrate, which remained after its formal abolition, were transferred to the mayor, and the unique system of Armenian self-government in Nakhichevan ended despite the Nakhichevanis' request to preserve the "rights and advantages" granted by Catherine II.

Keywords: Self-government, magistrate, Duma, court, police, the mayor

Funding: This research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR). The scientific project № 18-59-05004.

For citation: Batiev, Levon V. "The Transformation of Nakhichevan-on-Don's self-government in the 1860s" *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 1 (February 2020): 155–173. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-1-155-173>

Введение

Городское самоуправление в России, по мнению современных специалистов, – тема недостаточно изученная. Самым большим «белым пятном» истории самоуправления в Российской империи отечественные исследователи называют период между введением Жалованной грамоты городам 1785 г. Екатерины II и Городовым положением 1870 г.¹ Эта оценка, однако, сегодня нуждается в определенной корректировке. Действительно, работ общего характера по истории городского самоуправления указанного периода не так много. Это – известные дореволюционные работы историков и юристов² и минимум работ советского периода³. Однако в последнее

¹ *Куприянов А.И.* Культура городского самоуправления русской провинции. М., 2009 // История государства [сайт]. URL: https://statehistory.ru/books/Aleksandr-Kupriyanov_Kultura-gorodskogo-samoupravleniya-russkoj-provintsi--1780-1860-e-gody/1 (дата обращения: 25.08.2019).

² *Плошинский Л.О.* Городское или среднее состояние русского народа в его историческом развитии. СПб., 1852; *Муллов П.А.* Историческое обозрение правительственных мер по устройству городского общественного управления. СПб., 1864; *Лохвицкий А.* Губерния, ее земские и правительственные учреждения. СПб., 1864; *Дитятин И.И.* Устройство и управление городов России. Города России в XVIII столетии. СПб., 1875; *Он же.* Устройство и управление городов России. Городское самоуправление в настоящем столетии. Ярославль, 1877; *Градовский А.Д.* Начала русского государственного права. Том III. Органы местного управления. СПб., 1908; *Коркунов Н.М.* Русское государственное право. СПб., 1903; *Семенов Д.Д.* Городское самоуправление. Очерки и опыты. СПб., 1901; *Кизеветтер А.А.* Городовое положение Екатерины II 1785 г.: опыт исторического комментария. М., 1909; *Кизеветтер А.А.* Местное самоуправление в России IX–XIX ст.: Исторический очерк. М., 1910.

³ *Рындзюнский П.Г.* Городское гражданство в России. М., 1958; *Нардова В.А.* Городское самоуправление в России в 60-х–начале 90-х годов XIX века. Правительственная политика. Л., 1984; *Рабинович В.В.* Сибирский город в дореформенной системе управления. Новосибирск, 1984; *Миронов Б.Н.* Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социально-экономическое развитие. Л., 1990.

время интерес к данной тематике усилился, благодаря чему появились учебные издания, научные статьи и монографии, а также диссертационные исследования по истории городского самоуправления в различных регионах России.

Такой подход с точки зрения разработки региональной специфики городского управления представляется оправданным. Несмотря на наличие общего законодательного акта, регламентировавшего в целом систему городского самоуправления (екатерининской «Грамоты на права и выгоды городам Российской империи» от 21 апреля 1785 г.)⁴, в России наблюдалось большое разнообразие в организации самоуправления на местах. На «Жалованной грамоте городам», этом «краеугольном камне» российского законодательства⁵, выстраивались в силу исторических, этнических, географических и социально-экономических причин самые разные конфигурации городского самоуправления. И поэтому исследованиям общего характера могут и должны предшествовать работы, выполненные на местном материале. В этом отношении Нахичевань (с 1838 г. – Нахичевань-на-Дону)⁶, которая пользовалась дарованным Екатериной II правом самоуправления и суда⁷, как образец самобытной организации городского самоуправления представляет собой интересный объект для изучения. Исследований по истории самоуправления в Нахичевани-на-Дону очень мало. Из монографических работ следует выделить основанную на большом фактическом материале книгу В.Б. Бархударяна, в которой, однако, проблемам организации самоуправления посвящен только один параграф⁸. На армянском языке в начале XX в. издано сочинение Е. Шахазиза, которое содержит весьма интересный материал, в том числе и по организации и деятельности нахичеванского магистрата, практически неизвестный русскоязычному читателю⁹. Не переведена на русский язык и работа Г. Патканяна, представляющая собой своеобразную летопись жизни армянского города на Дону и органов его управления¹⁰.

Источники по истории самоуправления нахичеванских армян сегодня, помимо российских архивов, содержащих документы центральных органов власти, хранятся в основном в Национальном архиве Армении (НАА) и частично в Государственном архиве Ростовской области и в Российском государственном историческом архиве (РГИА). При написании статьи была использована справочная и научная литература, а также законодательство Российской империи. В качестве источника использованы мемуары И.М. Келле-Шагинова¹¹, историческая часть которых, впрочем, основана на вышеупомянутой работе Г. Патканяна.

⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е (далее – ПСЗ-I). Т. 22. СПб., 1830. С. 358–364.

⁵ *Дитятин И.И.* Устройство и управление городов России... С. 50.

⁶ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е (ПСЗ-II). СПб., 1839.

⁷ Жалованная грамота вышедшим из Крыма армянам христианского закона 14 ноября 1779 г. // ПСЗ-I. Т. 20. № 14942.

⁸ *Бархударян В.Б.* История армянской колонии Новая Нахичевань (1779–1917). Ереван, 1996. С. 47–61.

⁹ *Шахазиз Е.* Исторические зарисовки. Тифлис, 1903. С. 1–48.

¹⁰ *Патканян Г.* История Новой Нахичевани. Нахичевань, 1917.

¹¹ *Келле-Шагинов И.М.* Моя единственная жизнь. Ростов-на-Дону, 2015.

Статья подготовлена на основе традиционных методов исторического исследования. Ее целью является определение специфики перехода от созданных в Нахичеванском округе органов самоуправления к общероссийской модели городского и земского управления, характерной для пореформенного периода. Это предполагает рассмотрение предпосылок и причин подготовки реформы самоуправления Нахичевани-на-Дону, основных препятствий (упорного консерватизма нахичеванцев) на пути ее проведения и конечных результатов преобразований. Актуальность проблемы обусловлена не только недостаточной ее исследованностью, но и тем значением, которое она имеет с точки зрения оценки модернизации местного самоуправления в России, в том числе с учетом многонационального состава населения и особенностей регионального развития.

Общая характеристика самоуправления Нахичевани

Главной особенностью нахичеванской системы самоуправления являлось объединение всех армян-переселенцев из Крыма – как горожан, так и жителей пяти армянских сел в одно самоуправляемое сообщество. Как отмечалось, «армяне города Нахичевани составляют одно общество с поселянами пяти армянских селений, расположенных в округе: Чалтыря, Крыма, Салы, Султан-Салы и Несветая»¹². Такое объединение городских и сельских жителей в качестве субъекта самоуправления не соответствовало общероссийским порядкам и порой вызывало вопросы у вышестоящего начальства¹³.

Самоуправление Нахичевани с армянскими селами округа осуществлялось на этнической основе, армянами-переселенцами из Крыма. Дела с участием иногороднего населения рассматривались русской частью магистрата. Правовой основой жизни армянской колонии стал Армянский (Астраханский) судебник, привезенный в 1782 г. в Нахичевань архиепископом Иосифом Аргутинским.

Имперский элемент в управлении был представлен в грамоте Екатерины II в пункте пятом, который позднее использовался для ограничения власти городского самоуправления и постановки его под контроль царской администрации¹⁴. В этом пункте повелевалось: «Учредить Магистрат и в нем производить суд и расправу по вашим правам и обыкновением выбираемыми из вас же по жребию начальниками, коим и пользоваться чинами и жалованием по штату Азовской Губернии и быть под апелляцией Наместнического Правления; в городе же и в деревнях для защиты во всех нужных случаях определяются особые начальники из России, коим в судопроизводство сих поселян не мешаясь, быть токмо охранителями и их заступать»¹⁵. В городе имперский элемент представлял секретарь магистрата, который с самого момента его образования был русским¹⁶. В армянских селах присутствовали «смотрители», которые совместно с атаманом и стариками осуществ-

¹² Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–62 г. Часть первая. СПб., 1863. С. 37.

¹³ НАА (Национальный архив Армении). Ф. 139. Оп. 1. Д. 197. Л. 3.

¹⁴ Шахазиз Е. Исторические зарисовки... С. 30–31.

¹⁵ ПСЗ-1. Т. 20. № 14942.

¹⁶ Келле-Шагинов И.М. Моя единственная жизнь... С. 255.

вляли функции по управлению селом¹⁷. Сами органы городского управления и суда были включены в общую систему государственной власти. Указом от 11 мая 1780 г. Азовская губернская канцелярия постановила: «Выбранным из армян председателю и четырем заседателям производить жалованье: председателю – 120 рублей, заседателям, каждому, по 100 рублей, секретарю – 150 рублей, канцеляристам по 60 рублей, подканцеляристам по 40 рублей, рассыльным – по 20 рублей, сторожам двум – по 15 рублей, на канцелярию – 100 рублей»¹⁸. В 1784 г. «по распоряжению Екатеринославского и Таврического генерал-губернатора князя Потемкина, Екатеринославское наместническое правление прислало при указе от 19-го июля 1784 года особый штат». В этом штате были предусмотрены: председатель магистрата, четыре заседателя, один секретарь и четыре урядника. В документе говорилось: «На содержание Нахичеванского армянского магистрата и 4 служителей положено отпускать из казны 1418 рублей ассигнациями, остальные же за тем расходы, следующие на жалованье чиновникам и вообще на содержание магистрата и других частей нахичеванского управления пополняются из городских доходов и добровольной складки»¹⁹. В 1854 г. на содержание магистрата Нахичевань получала из казны 545 руб., к которым из городских доходов добавлялись еще 10 853 руб. 35 коп.²⁰ Нахичеванское армянское самоуправление, как и городское самоуправление в других регионах страны, было полностью «встроено» в общегосударственную систему, подчиняясь вышестоящему начальству – Азовской губернии²¹, Екатеринославскому наместничеству²², Таганрогскому градоначальству²³, Екатеринославской губернии²⁴ и т. д. Контроль со стороны начальства, по всей видимости, был не слишком плотным. Во всяком случае его недостаточность со стороны таганрогского градоначальства усиленно отмечал М.Н. Жемчужников²⁵.

Система органов армянского самоуправления, включавшая в себя распространенные на просторах Российской империи органы, тем не менее, отличалась определенным своеобразием. Уже в процессе переселения на Дон в 1778–1779 гг. крымские армяне выбрали себе предводителем купца М. Когпетляна (Когбетлиева), который затем четырежды (с 1779 по 1787 и с 1794 по 1779 гг.) становился выборным городским головой Нахичевани.²⁶ Но главным органом власти стал открытый 14 января 1780 г. магистрат, который совмещал общеуправленческие и судебно-полицейские функции, заведовал опекунскими делами²⁷. В 1844 г. сенатор М.Н. Жемчужников своем отчете отмечал: «В настоящее время: 1) судебная

¹⁷ НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 197. Л. 8–9.

¹⁸ *Келле-Шагинов И.М.* Моя единственная жизнь... С. 249.

¹⁹ РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф.1405. Оп. 42. Д. 6812. Л. 4, 13 об. – 14.

²⁰ НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 87. Л. 20–20 об.

²¹ ПСЗ-1. Т. 20. № 14942; Т. 24. № 18033.

²² Там же. Т. 22. № 15910.

²³ Там же. Т. 29. № 22671.

²⁴ Памятная книжка Екатеринославской губернии на 1864 г. Екатеринослав, 1864. С. 189.

²⁵ РГИА Ф. 1405. Оп. 42. Д. 6812. Л. 27.

²⁶ *Патканян Г.* История Новой Нахичевани... С. 44, 52–53.

²⁷ *Алексеев К.* Изложение законоположений в Армянском судебнике. М., 1870. С. 4.

и полицейская части управления в Нахичеванском округе вверены Армянскому магистрату, который и по городу Нахичевану соединяет в себе власти магистрата, полиции, словесного суда и по имениям секвестрованным; а равно и по заведованию капиталами малолетних сирот обязанности сиротского суда и отчасти градской думы, – по Нахичеванскому же округу власти уездного и земского судов»²⁸.

В соответствии с «Грамотой на права и выгоды городам Российской империи» от 21 апреля 1785 г. во всех городах предусматривалось создание двухуровневой городской думы (общей и шестигласной)²⁹ и введение должности городского главы³⁰.

В Нахичевани шестигласная дума появляется первый раз в 1788 г. «Ей и городскому голове, согласно закону, передавалось от магистрата решение всех вопросов городского хозяйства³¹. Однако новая модель городского самоуправления оказалась неудобной для города³². В 1795 г. она была преобразована согласно проекту, разработанному архиепископом И. Аргутинским, в соответствии с которым появляется собрание 24 опекунов, избираемых, как и остальные городские органы власти, на три года. Совместно с магистратом и под председательством городского головы опекуны должны были решать все основные вопросы городского управления. Разрешение на специфическую систему управления было получено именным указом от 4 июля 1797 г.³³

Самоуправление в Нахичеванском округе в середине XIX в.

По состоянию на середину XIX в. органы нахичеванского армянского самоуправления, согласно изданию «Городские поселения в Российской империи», включали в себя: «присутствие магистрата, которое состоит из председателя, определяемого по назначению от правительства, четырех заседателей, городского головы и мещанского старосты по выбору». Кроме них в числе городских органов власти называются также сиротский суд и городское депутатское собрание³⁴. Материалы для издания «Городские поселения в Российской империи» собирались в 1840–1850-х гг. по приказу министра внутренних дел. При составлении справочника черновые тетради со сведениями о городах в 1854 г. были разосланы по губерниям и областям «для проверки исправления и дополнения на месте»³⁵. Помимо этой информация о состоянии городского самоуправления собиралась в связи с рассмотрением в министерстве дела «о преобразовании городского управления в некоторых городах Новороссийского края и Бессарабской области», для чего от нахичеванских властей были запрошены необходимые сведения и соображения³⁶.

²⁸ РГИА. Ф. 1405. Оп. 42. Д. 6812. Л. 27 об.

²⁹ ПСЗ-I. Т. 22. № 16187. Ст. 157, 164–165.

³⁰ Там же. Т. 22. № 16187. Ст. 31.

³¹ Патканян Г. История Новой Нахичевани... С. 53

³² Шахазиз Е. Исторические зарисовки... С. 2; Рабцевич В.В. Сибирский город... С. 126–150;

Муллер П. Историческое обозрение правительственных мер по устройству городского общественного управления... С. 162.

³³ ПСЗ-I. Т. 24. № 18033; РГИА. Ф. 1405. Оп. 42. Д. 6812. Л. 13–13 об.

³⁴ Городские поселения в Российской Империи. СПб., 1861. Т. 2. С. 205.

³⁵ Там же. С. X–XI.

³⁶ НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 87. Л. 4–4 об.

В ведомости, подготовленной по запросу, указывалось: «В городе Нахичеване находится армянский магистрат, в составе коего заключаются уездные власти: городская дума, градская и земская полиции нахичеванского округа, сиротский суд³⁷ и градской глава, заведующий сбором и расходом сумм городских доходов и взносимой вдобавок к оным от местного купечества и мещан добровольной складки. Сверх сего в магистрате производится продажа гербовой простой и крепостной бумаги и паспортных бланков для купцов, мещан и поселян армян, состоящих в Нахичеванском округе и выдача последних. В Магистрате состоят членами председатель одного и 4 заседателя. В канцелярии служащих секретарь 1, и канцелярских чиновников на действительной службе 16»³⁸. Порядок избрания и утверждения также представлен в соответствующей ведомости: «Градской глава, председатель и заседатели избираются чрез каждые трехлетие по выборам от городских купеческого, мещанского и поселенского армянского общества и утверждаются от таганрогского градоначальника, и прочие чины определяются от градоначальника»³⁹. В отчете М.Н. Жемчужникова функции городского головы охарактеризованы шире: «Нахичеванский градской голова: 1-е) печется о благоустройстве общества, 2-е) управляет общественными делами, 3-е) изыскивает источники городских доходов и производит из одного расходы»⁴⁰. Среди важнейших обязанностей головы названы также управление общественной землей и попечение о бедных и неимущих жителях г. Нахичевани⁴¹. При этом отмечалось, поскольку «обязанности нахичеванского градского главы не определены ни законом, ни общественным приговором, то пространство власти сего почетного лица зависит от личных его качеств и от уважения, которым он пользуется в Нахичеванском округе»⁴². Поэтому на практике происходит усиление единоличной власти городского головы⁴³ при фактическом «угасании» собрания 24 опекунов и отсутствии контроля магистрата за городским головой и городскими финансами⁴⁴. Так, в сводной ведомости о доходах и расходах Нахичевани-на-Дону, подготовленной в 1858 г. городскими властями по запросу Таганрогского градоначальства⁴⁵, указывается на отсутствие сведений о доходах и расходах. В материалах ревизии М.Н. Жемчужниковым отмечено, что «в прежние годы градские головы никому, кроме общества, не давали отчета о расходовании городских доходов, но в последствии времени по предписаниям начальства введена наравне с другими городами отчетность и градской глава о приходе и расходе городских сумм представляет ежегодно отчет в Екатеринославскую казенную палату», при этом он не отдает никому отчета в расходовании сумм, собранных по добровольной складке, а суммы эти простираются до восьми тысяч рублей. И это при том, что городские доходы были немногим более

³⁷ РГИА. Ф. 1405. Оп. 42. Д. 6812. Л. 15, 62–69.

³⁸ НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 87. Л. 20.

³⁹ Там же. Л. 20 об., 16 об.

⁴⁰ РГИА. Ф. 1405. Оп. 42. Д. 6812. Л. 79.

⁴¹ Там же. Л. 80.

⁴² Там же. Л. 79–79 об.

⁴³ *Дитятин И.И.* Устройство и управление городов России... Т. 2 С. 163–164.

⁴⁴ *Бархударян В.Б.* История армянской колонии Новая Нахичевань... С. 55–58.

⁴⁵ НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 122. Л. 5–5 об.

четырёх тысяч, а тратились они по смете, ежегодно утверждаемой таганрогским градоначальником⁴⁶.

М.Н. Жемчужников еще упоминает об опекунах, но в середине 1850-х гг. о них вспоминают уже как о хорошо забытом старом. Падает престиж и привлекательность службы на выборных городских должностях⁴⁷, власть фактически присваивается городской олигархией. С другой стороны, на город и сельский армянский округ постепенно распространяются общие законы империи, ограничивается юрисдикция магистрата, городская кассационная инстанция – суд девяти – уступает свои полномочия губернской судебной палате⁴⁸, усиливается давление центральных властей, раз за разом настаивающих на необходимости реформ в желании поставить органы самоуправления под плотный контроль коронной администрации⁴⁹.

Проекты реформирования нахичеванского самоуправления

Первый известный нам проект реформирования армянского самоуправления и приведения его в соответствие с общероссийскими порядками был предложен сенатором М.Н. Жемчужниковым в 1844 г. По итогам ревизии Нахичеванского округа сенатор сделал вывод о том, что система армянского самоуправления, так же, как и Армянский судебник, не соответствуют общероссийским нормам. К тому же Судебник не являлся памятником права крымских армян, и потому его использование не соответствовало нормам жалованной грамоты Екатерины II. Соединение в магистрате судебной и полицейской частей управления, по мнению сенатора, было неприемлемо и требовало изменений. Поэтому, исходя из того, что в российском законодательстве ясно обнаруживалось желание правительства подчинить всех единому порядку⁵⁰, сенатор предложил свой проект преобразования самоуправления Нахичеванского округа на общих основаниях⁵¹. В 1844 г. по его же поручению Судебник был переведен на русский язык для проверки его на соответствие российскому законодательству. Однако после его изучения во II отделении императорской канцелярии в 1848 г. «нахичеванским армянам оставлено было право решать гражданские дела на основании собственных законов и обычаев, впредь до издания нового для империи гражданского уложения»⁵².

Дополнительным фактором обоснованности реформ стало увеличение численности русского населения Нахичевани и сельского округа. Если в первые десятилетия существования Нахичевани необходимости в представительстве русских

⁴⁶ РГИА. Ф. 1405. Оп. 42. Д. 6812. Л. 81–83.

⁴⁷ Шахазиз Е. Исторические зарисовки... С. 30–35; Муллов П. Историческое обозрение правительственных мер по устройству городского общественного управления... С. 158–161; Писарькова Л.Ф. Городское самоуправление пореформенной России: замысел и воплощение // Труды Института российской истории РАН. 1997–1998 гг. М., 2000. С. 137.

⁴⁸ РГИА. Ф. 1405. Оп. 42. Д. 6812. Л. 23 об. – 24; Шахазиз Е. Исторические зарисовки... С. 30–31. Бархударян В.Б. История армянской колонии Новая Нахичевань... С. 51.

⁴⁹ Рабцевич В.В. Сибирский город... С. 72.

⁵⁰ РГИА. Ф. 1405. Оп. 42. Д. 6812. Л. 96 об.

⁵¹ Там же. Л.100–103 об.

⁵² Алексеев К. Изложение законоположений в Армянском судебнике... С. 5.

в управлении не было ввиду их отсутствия, то во второй половине XIX в., в связи с усиленным притоком русского населения в город и формированием хуторов, населенных русскими крестьянами и прочими лицами, такая необходимость появилась. По подсчетам офицеров Генерального штаба, в 1853–1857 гг. в Нахичевани из 14,5 тыс. жителей 3 тыс. были пришлыми⁵³. К 1864 г. речь уже шла о 2,5 тыс. православных в Нахичевани (26 %) и 1,2 тыс. – в сельском округе⁵⁴. И нежелание делиться властью уже становилось проблемой⁵⁵.

Набор этих факторов и поиски имперской администрацией оптимальных форм управления городами обусловили одновременное протекание в Нахичевани в указанный период нескольких процессов: 1) избрание очередного состава магистрата для выполнения традиционных функций; 2) обсуждение на разных уровнях власти, вплоть до собрания городского общества, вопроса о целесообразности реформы самоуправления; 3) формирование временного вспомогательного органа – совета 24 опекунов и 4 помощников городского головы, впрямь до общей реформы самоуправления (создания городской думы); 4) лишение магистрата полицейских функций; 5) избрание городской (шестиголосной) думы; 6) лишение магистрата судебных функций в соответствии с судебной реформой в России; 7) передача хозяйственной части магистрата, оставшейся после его формального упразднения, в ведение городского головы и окончательная ликвидация своеобразной системы армянского самоуправления в Нахичевани, существовавшего с конца XVIII в.

Первый подступ к коренному преобразованию системы армянского самоуправления в Нахичевани был сделан уже в 1854 г. Городской голова и армянский магистрат 13 января 1854 г. получили предписание Таганрогского градоначальника. В нем указывалось, что в министерстве внутренних дел «производится дело о преобразовании городского управления в некоторых городах Новороссийского края и Бессарабской области», в связи с чем предполагается рассмотреть вопрос о принятии «общих мер к устройству общественного управления в городах, смотря по положению каждой местности, по ее населению, торговле и т.п. обстоятельствам». Начальство Киевской и Волынской Губернии выступило с предложением об открытии городских дум со штатами трех разрядов. Министр внутренних дел Д.Г. Бибииков потребовал представить заключения с мест на предложенный проект, а также, независимо от этого, – сведения и соображения о необходимости устройства общественного управления в заштатных городах, посадах и местечках. Поэтому Таганрогский градоначальник запрашивал необходимые сведения в Нахичевани⁵⁶.

В Нахичевани озаботились сбором необходимых сведений⁵⁷, но не представили их вовремя, в связи с чем 12 мая 1854 г. получили новое предписание с приложением к нему отзыва министра внутренних дел Д.Г. Бибиикова «Об устройстве общественного управления в заштатных городах, посадах и местечках»⁵⁸, из ко-

⁵³ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Екатеринославская губерния. СПб., 1862. С. 12, 126, 341.

⁵⁴ Памятная книжка Екатеринославской губернии на 1864 год. Екатеринослав, 1864. С. 189, 73.

⁵⁵ Материалы, относящиеся до нового общественного устройства в городах Империи: (Городовое положение 16 июня 1870 г.). СПб., 1877. С. 202.

⁵⁶ НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 87. Л. 4–4 об.

⁵⁷ Там же. Л. 8–11 об.

⁵⁸ Там же. Л. 13–15.

того видно, что в правительстве рассматривалась передача всех магистратов и судебных ратуш в ведомство уездных судов⁵⁹.

В черновике совместного рапорта нахичеванского городского головы и магистрата Таганрогскому градоначальнику 17 мая 1857 г. за № 445 говорится о готовности к реформам, если «признано будет для управления хозяйственными делами отделить думу от магистрата», хотя и отмечался недостаток средств «к удовлетворению сметных расходов»⁶⁰. Согласование вопроса затянулось надолго, пока 7 мая 1857 г. Таганрогский градоначальник по требованию министра внутренних дел не предписал Нахичеванскому армянскому магистрату и городскому голове «немедленно собрать городское общество, и в видах правильного заведывания городским хозяйством войти в соображение не следует ли образовать в Нахичевани на общих правах городскую думу и если это будет признано возможным и необходимым, то представить... проект штата»⁶¹.

Однако нахичеванцы цепко держались за устоявшийся порядок, поскольку опасались, что любые преобразования приведут к дальнейшему лишению их «прав и преимуществ», гарантированных Жалованной грамотой Екатерины II. В общественном приговоре от 28 июня 1857 г., подписанном 142 нахичеванцами и доверенными от пяти сел, предлагалось не менять сложившуюся структуру управления, основанную на грамоте 14 ноября 1779 г. В нем, в частности, говорилось: «Но чтобы доставить городскому голове возможность к более успешному исполнению всех обязанностей на нем имеющих, и которые в настоящее время от развития городской промышленности заметно увеличились, общество может и полагает необходимым назначить из среды себя 24-х опекунов общества для советов по делам общественным и в помощь городскому голове 4-х граждан, которые будут находиться под непосредственным его распоряжением для возложения на них различных поручений до городского хозяйства относящихся»⁶². В более позднем (от 21 февраля 1864 г.) совместном рапорте нахичеванского магистрата и городского головы читаем: «О последствиях разрешения этого общественного приговора никакого сведения от начальства ... не последовало, а потому и предположение общества в том приговоре изложенное приводимо до сих пор в исполнение не было»⁶³.

Следующий документ относится к 31 августа 1862 г., когда «Екатеринославский гражданский губернатор, полагая что неуспех реформ был связан с недостаточным учетом местных особенностей, запросил соответствующие сведения и проекты с мест»⁶⁴. Городской голова 15 сентября 1862 г. представил губернатору составленный об этом приговор общества. Суть приговора заключалась в том, что «общество не находит существенной надобности и пользы в перемене сего существующего ныне учреждения». Однако ответного решения по приговору нахичеванского общества не было получено⁶⁵.

⁵⁹ НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 87. Л. 14 об.

⁶⁰ Там же. Л. 18–18 об.

⁶¹ Там же. Л. 23–23 об.

⁶² Там же. Л. 34–34 об.

⁶³ Там же. Л. 48 об.

⁶⁴ Там же. Л. 50.

⁶⁵ Там же. Л. 50 об.

Совет 24 опекунов

Вновь вопрос о создании думы был поднят в 1864 г. благодаря активности М.К. Катакази – действительного статского советника, состоявшего при Новороссийском и Бессарабском генерал-губернаторе. 14 февраля 1864 г. в Нахичеване был получен очередной запрос о том, что было сделано в соответствии с решением нахичеванского общества о необходимости назначить из своей среды 24 опекунов для совета по делам общественным и 4 граждан собственно в распоряжение городского головы для возложения на них различных поручений. М.К. Катакази интересовали подробности исполнения (неисполнения) этого решения⁶⁶.

Из письма М.К. Катакази в Нахичевань городскому голове от 23 января 1866 г. мы узнаем, что он предлагал Новороссийскому и Бессарабскому генерал-губернатору до утверждения и введения в Нахичевани общественного управления на новых началах назначить «к городскому голове до 24 опекунов, с правом совещательного голоса в делах городского хозяйства и до 4 граждан в помощь ему по заведыванию городскими оброчными статьями, по сбору окладных доходов и т.п.»⁶⁷. Генерал-губернатор согласился с предложением и 28 декабря 1865 г. велел распорядиться о созыве нахичеванского городского общества для выборов⁶⁸.

9 февраля 1866 г. городской голова пишет армянскому магистрату о проведении выборов 29 января 1866 г. и запрашивает списки 1) купцов и мещан, имеющих по закону право голоса в выборах; 2) тех, которые состоят под судом и следствием⁶⁹. Однако выборы состоялись 26 февраля 1866 г. в соответствии с порядком, указанным М.К. Катакази: 24 февраля – из дворянства и купечества, а 25 февраля – из мещан назначались по 75 выборщиков, а 26 числа выборщики избирали опекунов и помощников⁷⁰.

В архивных документах сохранились упоминания о деятельности совета опекунов (попечителей). В конце июня 1866 г. к их мнению апеллировало собрание общества, не будучи в состоянии решить вопрос о дополнительной добровольной складке для финансирования необходимых расходов по переводу на русский язык судебных дел⁷¹. 12 сентября 1867 г. именно опекуны приняли постановление на предмет расходов, произведенных членами магистрата. При этом заседания опекунов происходили совместно с городским головой⁷².

Отделение полиции от магистрата

К началу 1860-х гг. развивался и другой процесс, связанный с реформой полицейской службы и ее отделением от судебной власти. Указом от 4 июля 1858 г. были намечены основные начала реформы полиции⁷³. 28 сентября 1859 г. Алек-

⁶⁶ НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 87. Л. 45 об.

⁶⁷ Там же. Д. 197. Л. 2.

⁶⁸ Там же. Л. 2 об.

⁶⁹ Там же. Д. 191. Л. 79.

⁷⁰ Там же. Л. 81–83.

⁷¹ Там же. Д. 207. Л. 17–17 об., 20 об., 21.

⁷² Там же. Д. 223. Л. 28, 29–29 об.

⁷³ Министерство внутренних дел. Исторический очерк. 1802–1902. СПб., 1901. С. 132; Временные правила об устройстве полиции в городах и уездах губерний, по общему учреждений управляемых» от 25 декабря 1862 г. // ПСЗ-II. Т. 37. Отд. 2. № 39087.

сандр II одобрил проект «преобразования управления городов Мариуполя и Нахичевана с их округами согласно с общими началами в государстве, не касаясь существа льгот и привилегий». Но при этом предполагалось «судебную власть в сих городах отделить от власти полицейской... Городскую полицию в Мариуполе и Нахичеване и земскую в их округах устроить на общем основании, с определением в города особых полицеймейстеров или городничих от короны»⁷⁴. Это решение не было реализовано в течение ряда лет, пока наконец в 1865 г., вопреки петициям армянской общины, решением генерал-губернатора Нахичевань не была подчинена полицейскому управлению Ростова. Армянские села, составлявшие сельский округ Нахичевани, к этому времени уже находились в подчинении земств Ростова⁷⁵. Поначалу это решение подавалось в качестве временной меры, но уже 27 февраля 1868 г. Нахичевань с округом окончательно перешли в ведение Ростовского городского и уездного полицейских управлений⁷⁶. Один из трех приставов и трое из девяти помощников Ростовского полицейского управления несли службу в Нахичевани. В итоге нахичеванцы полностью утратили полномочия в области полицейской службы. Члены магистрата продолжали избираться обществом, но выполняли полицейские функции под руководством ростовских городского и уездного полицейских управлений. Из материалов делопроизводства магистрата видно, что полицейские заседатели старались под предлогом болезни или торговой надобности избежать полицейской службы, из-за чего останавливалось производство дел⁷⁷. В результате, несмотря на неоднократные попытки городской элиты, создать в Нахичевани собственное полицейское управление с финансированием за счет городского бюджета так и не удалось⁷⁸.

Последний магистрат Нахичевани

На этом фоне достаточно непросто развивалась история магистрата последнего созыва. Она началась в обычном порядке, с решения о необходимости проведения выборов в его состав на следующее трехлетие, начиная с 1866 г., в связи с окончанием к 1 января указанного года срока службы действующего состава магистрата, а также городского головы и других должностных лиц⁷⁹. В соответствии со ст. 409 Устава о службе по выборам выборы председателя и членов магистрата и других выборных должностей происходили под председательством городского головы. Выборы головы были назначены на 15 сентября 1865 г.⁸⁰, а 19 октября 1865 г. он был утвержден губернским правлением с разрешения исправляющего должность губернатора.

⁷⁴ НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 131. Л. 2; *Келле-Шагинов И.М.* Моя единственная жизнь... С. 297.

⁷⁵ *Бархударян В.Б.* История армянской колонии Новая Нахичевань... С. 336.

⁷⁶ ПСЗ-П. Т. 43. № 45541.

⁷⁷ НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 191. Л. 259–260, 267, 268, 270–272, 311, 320, 335–338 об., 342, 357, 362–363, 367–368, 382.

⁷⁸ Там же. Д. 249. Л. 16 об. – 17; Д. 251. Л. 7–28 об.; ГАРО (Государственный архив Ростовской области). Ф. 91, оп.1. Д.15. Л. 1–20 об.

⁷⁹ НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 191. Л. 17–18.

⁸⁰ ПСЗ-П. Т. 34. № 26790.

Выборы председателя, членов магистрата и кандидатов⁸¹ на эти должности, а также присяжных городских оценщиков, попечителей над несостоятельными должниками и соответствующих кандидатов состоялись 15 ноября, а 31 декабря 1865 г. Екатеринославское губернское правление утвердило в должности председателя магистрата на трехлетие с 1866 г. и кандидатов на эту должность. Но в это же время была удовлетворена просьба четверых нахичеванских купцов и одного мещанина не утверждать их на должности кандидатов по болезни, а также занятости по торговым делам вне Нахичевани⁸². А решением от 22 января 1866 г. от службы по его же прошению был уволен один из новоизбранных заседателей⁸³.

В итоге армянский магистрат, не успев даже собраться, оказался в усеченном составе – не хватало ни заседателей, ни кандидатов. По этому поводу по предписанию губернского правления от 31 декабря 1865 г. «произведены были 1го числа сего февраля в особом доме выборы второго кандидата к Нахичеванскому городскому голове и восьми кандидатов к четырем заседателям армянского магистрата к каждому по два на наступившее с 1866 года трехлетие»⁸⁴. Но и здесь не обошлось без проблем. Четыре избранных кандидата пожаловались губернскому начальству на нарушения при производстве выборов: «Выборы произведены не всем обществом г. Нахичевана и не уполномоченными от общества как это требуется законом, а лицами, назначенными городским головою»⁸⁵. Они просили освободить их от несения соответствующих обязанностей. Однако по рассмотрении материалов, запрошенных из Нахичевани, губернское правление 12 декабря 1866 г. определило оставить без последствий просьбы этих лиц⁸⁶.

К рассматриваемому периоду служба на выборных должностях воспринималась как тяжкая обязанность, а не почетное право. Уклонение от исполнения обязанностей заседателей магистрата под разными предлогами (болезнь и необходимость отлучек по торговым делам – наиболее распространенные из них), а также прошения о не утверждении на избранные должности стало обычным делом⁸⁷.

Постоянная смена заседателей магистрата, по-видимому, настолько запутала губернское правление, что оттуда в Нахичевань был направлен запрос о том, кто именно и в какие сроки исполнял обязанности члена и секретаря магистрата начиная с 15 января 1865 г.⁸⁸ «Выписка, учиненная в Нахичеванском армянском магистрате из журналов по этому запросу» показывает, насколько частыми были отпуска по разным основаниям и замена одних заседателей другими⁸⁹.

⁸¹ В соответствии с законом, они избирались в качестве запасных, на случай болезни и т. п. самих заседателей // ПСЗ-П. Т. 24. № 23130.

⁸² НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 191. Л. 38–39, 40.

⁸³ Там же. Л. 40–46.

⁸⁴ Там же. Л. 51.

⁸⁵ Там же. Л. 29–32.

⁸⁶ Там же. Л. 31 об.

⁸⁷ *Муллов П.* Историческое обозрение правительственных мер по устройству городского общественного управления... С. 142–143.

⁸⁸ НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 191. Л. 126 об.

⁸⁹ Там же. Л. 128–128 об., 153.

Избрание шестигласной думы

После утверждения «Положения о введении в действие Судебных Уставов» 20 ноября 1864 г.⁹⁰ окончательное упразднение магистратов и ратуш было вопросом времени. Подписав 13 апреля 1866 г. «Правила об упразднении магистратов и судебных ратуш», Александр II потребовал «осуществить упразднение магистратов и судебных ратуш в течение нынешнего 1866 года во всех губерниях, управляемых по общему учреждению»⁹¹. Пункт 17 «Правил» установил на окончательное упразднение магистратов и ратуш двухмесячный срок со дня получения закона на местах. Но на смену им должен был прийти другой орган. Поэтому Екатеринославское губернское правление 20 июня 1866 г. сделало распоряжение о реализации указа об упразднении магистрата и передаче всех уголовных и гражданских дел в уездный суд, а также постановило предписать нахичеванскому городскому голове, «без всякого отлагательства произвести установленным порядком выборы членов думы с кандидатами и баллотированных всех представить губернскому правлению на утверждение»⁹². 25 июня 1866 г. нахичеванскому городскому голове поступило соответствующее указание. И уже 1 июля 1866 г. были проведены по всей форме выборы в городскую думу⁹³. Таким образом, был сформирован состав так называемой шестигласной думы, от которой в Нахичевани отказались еще в конце XVIII в.

В это же время 20 июня 1866 г. стряпчий по Нахичевани (который уже 25 мая 1866 г. требовал от магистрата приступить к передаче дел согласно закону и завершить этот процесс к 6 июля 1866 г.⁹⁴) получил от Екатеринославского губернского прокурора ответ на свое «представление» от 9 июня. В нем ему указывалось, «что до получения окончательного разрешения об упразднении Нахичеванского армянского магистрата с исполнением предписания господина прокурора от 14 мая за № 1952, следует приостановиться». Связано это было с отправленным Екатеринославским губерньским правлением «представлением на дальнейшее усмотрение... Новороссийскому и Бессарабскому генерал-губернатору»⁹⁵.

Введение новых порядков предполагало учет мнения местного населения. Но сами нахичеванцы не могли сразу определиться. Они, во-первых, обратились в Екатеринославское губернское управление, которое, в свою очередь, адресовало вопрос генерал-губернатору Новороссийскому и Бессарабскому. Во-вторых, 27 июня 1866 г. провели собрание нахичеванского общества. Не приняв о переустройстве городских властей никакого решения, оно предложило переложить на опекунов ответ на вопрос о том, насколько новое правило «относится к нашему обществу, пользующемуся до сего времени высочайше дарованными особыми правами»⁹⁶. 29 июня 1866 г. тринадцать опекунов нахичеванского городского хо-

⁹⁰ ПСЗ-П. Т. 40. № 42587.

⁹¹ ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1830–1884. Т. 41. Отд. I. № 43183.

⁹² НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 197. Л. 4–4 об.

⁹³ Там же. Л. 5–25.

⁹⁴ Там же. Д. 207. Л. 2 об.

⁹⁵ Там же. Л. 7 об.

⁹⁶ Шахазиз Е. Исторические зарисовки... С. 35–36; НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 207. Л. 17–17 об.

зайственного управления согласились дать ответ на поставленный вопрос вместе с почтенными лицами из граждан, специально избранными для этого случая по усмотрению городского головы. Новое обсуждение было назначено исправляющим должность городского головы на 30 июня⁹⁷.

У самих властей по поводу реформирования городского управления Нахичевани также не было ясности, и поэтому на согласование мнений на разных уровнях потребовалось довольно много времени. Екатеринославский губернатор 20 сентября 1866 г. запрашивал Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора «о том, следует ли в г. Нахичевани образовать городскую думу на общем основании или оставить ныне учрежденное там временное управление по заведыванию городским хозяйством». Этот вопрос был переадресован министру внутренних дел с присовокуплением мнения Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора. П.Е. Коцебу предлагал «в отмену циркуляра от 28 мая 1866 г. № 110 разрешить оставить в г. Нахичевани в силе введенное там, по его распоряжению, временное общественное управление по заведыванию городским хозяйством, тем более, что в непродолжительном времени ожидается введение в этом городе общественного управления на новых началах»⁹⁸. 31 января 1867 г. П.Е. Коцебу сообщил результаты переписки Екатеринославскому губернатору. Министр внутренних дел П.А. Валуев 14 декабря 1866 г. уведомил, «что в виду предстоящего преобразования городского общественного управления, он... не встречает препятствия к оставлению в г. Нахичевани заведывание делами общественного управления и городского хозяйства на существующих основаниях»⁹⁹. Таким образом, несмотря на то, что первый состав шестигласной думы был избран в полном составе вместе с кандидатами, эта дума так и не стала действующим органом власти.

Упразднение магистрата

«Правила об упразднении магистратов и судебных ратуш» давали возможность министру внутренних дел, до общего преобразования городского управления в тех поселениях, где магистраты и судебные ратуши заведовали и делами городского хозяйства, учредить для подобных дел до преобразования городского управления или городские думы на общих основаниях, или упрощенное общественное управление, согласно ст. 133 т. II ч. 2¹⁰⁰. На основании этой оговорки по распоряжению Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора летом 1866 г. в Нахичевани было введено временное управление по заведыванию городским хозяйством, которое возглавил городской голова¹⁰¹.

Судебные уставы 20 ноября 1864 г. были введены в действие в Екатеринославской губернии 30 апреля 1869 г., и с этого же числа была упразднена судебная часть Нахичеванского армянского магистрата¹⁰². Полицейская власть была утрачена магистратом уже с 1865 г. Таким образом, магистрат лишился основных функ-

⁹⁷ НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 207. Л. 20–21.

⁹⁸ Там же. Д. 197. Л. 26–26 об.

⁹⁹ Там же. Л. 26–26 об.

¹⁰⁰ ПСЗ-П. Т. 41. № 43183.

¹⁰¹ НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 197. Л. 26. Д. 249. Л. 46.

¹⁰² Там же. Л. 24, 45.

ций, но за ним еще оставались так называемые хозяйственная, опекунская и распорядительная части¹⁰³. Поэтому городской голова на протяжении 1869–1870 гг., аргументируя необходимостью экономии средств, упрощения делопроизводства и контроля, активно ходатайствовал перед губернским руководством «о перемещении оставшихся в магистрате частей со столом старосты и двумя столоначальниками впредь до окончательного закрытия армянского магистрата в дом городского хозяйств. управления, с упразднением должности и.д. секретаря, в коем за упразднением судебной и административной части магистрата не предстоит уже надобности»¹⁰⁴. В июне 1870 г. по распоряжению Екатеринославского губернского правления магистрат был перемещен в дом хозяйственного управления¹⁰⁵. Вслед за этим Екатеринославский губернатор, признав удобным «оставшиеся в... армянском магистрате неупраздненными части присоединить учрежденному там... временному управлению городским хозяйством с предоставлением заведывания сими делами членам... управления, а дела по продовольствию арестантов и административные к местным полицейским управлениям, 25 мая 1869 г. за № 4296 представлял об этом г. генерал-губернатору, испрашивая на исполнение изложенного его распоряжения разрешения»¹⁰⁶. А до получения окончательного разрешения по указанному вопросу в качестве промежуточной меры губернское правление 11 мая и 3 июля 1870 г. заведывание теми частями поручило одному из помощников нахичеванского городского головы, по его усмотрению и под его личным наблюдением. Этим же решением последний исправляющий должность председателя магистрата и заседатели были освобождены от занятий¹⁰⁷.

Процедура передачи дел армянского магистрата затянулась до ноября 1870 г. в связи с упорным сопротивлением трех его заседателей и исправляющего должность председателя¹⁰⁸. Последний пытался продолжать выполнять соответствующие функции до конца октября 1870 г., несмотря на то что с 13 июня 1870 г. был отставлен от службы указом Екатеринославского губернского правления¹⁰⁹. Наконец 19 июня 1871 г. Екатеринославское губернное правление распорядилось неупраздненную часть магистрата (находившуюся уже под управлением помощника городского головы М. Шапошникова), согласно решениям вышестоящих органов, с 1 июля 1871 г. присоединить к нахичеванскому городскому хозяйственному управлению, а магистрат с 1 июля 1871 г. упразднить¹¹⁰. Так закончилась история самого магистрата. Но в отношении последнего исправляющего должность председателя магистрата дело о незаконном осуществлении полномочий продолжалось, по крайней мере, до конца августа 1872 г.¹¹¹

¹⁰³ НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 197. Л. 26. Д. 249. Л. 2–2 об., 5, 16 об., 45.

¹⁰⁴ Там же. Л. 3–3 об.

¹⁰⁵ Там же. Л. 24 об.

¹⁰⁶ Там же. Л. 45 об. – 46.

¹⁰⁷ Там же. Л. 46 об. – 47.

¹⁰⁸ Там же. Л. 29.

¹⁰⁹ Там же. Л. 54–57.

¹¹⁰ Там же. Л. 50–51.

¹¹¹ Там же. Л. 54–57.

В 1872 г. в Нахичевани было введено «Городовое положение» 1870 г. и «с 1873 г. образовалась Дума при 72 гласных на 4-летие»¹¹². Так завершился перевод всей системы армянского самоуправления на единую общеимперскую модель. Нахичеванский армянский округ полностью утрачивает после этого статус колонии с дарованной автономией, а Нахичевань-на-Дону превращается в заштатный российский город. Все попытки нахичеванцев отстоять «права и преимущества» оказались тщетными.

Выводы

Архаичный характер самоуправления в Нахичевани, предполагавший соединение управленческих, судебных и полицейских функций в магистрате, не соответствовал российским реалиям и новым тенденциям в организации общественного управления, реализуемым в общеимперском масштабе. Самоуправление армянской колонии на Дону было основано на этническом принципе и не допускало к его осуществлению никого, кроме армян-переселенцев из Крыма. При достаточно большой численности русских жителей города во второй половине XIX в. такое положение становилось нетерпимым. Поиски оптимальных форм управления городами, стремление центральной власти к унификации городского самоуправления и желание поставить города под более плотный контроль администрации обусловили несколько попыток реформирования самоуправления в Нахичевани-на-Дону. Процесс преобразований был запущен в 1850-е гг., и после ряда промежуточных решений, несмотря на неготовность нахичеванцев к переменам из-за опасений потери дарованной Екатериной II в 1779 г. автономии и связанных с ней «прав и преимуществ», завершился в 1872 г. созданием новой системы в соответствии с Городовым положением 1870 г. В результате Нахичевань-на-Дону получила новый толчок для более эффективного развития.

Рукопись поступила: 26 октября 2019 г.

Submitted: 26 October 2019

Библиографический список

- Алексеев К.* Изложение законоположений в Армянском судебнике. М.: Катков и К^о, 1870. 89 с.
- Бархударян В.Б.* История армянской колонии Новая Нахичевань (1779–1917). Ереван: Айастан, 1996. 528 с.
- Градовский А.Д.* Начала русского государственного права. Том III. Органы местного управления. СПб.: Книжное издание, 1908. 599 с.
- Дитятин И.И.* Устройство и управление городов России. Города России в XVIII столетии. СПб.: Типография П.П. Меркульева, 1875. 507 с.
- Дитятин И.И.* Устройство и управление городов России. Городское самоуправление в настоящем столетии. Ярославль: Типография Г.В. Фальк, 1877. 565 с.
- Коркунов Н.М.* Русское государственное право. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1903. 602 с.
- Келле-Шагинов И.М.* Моя единственная жизнь. Ростов-на-Дону: Старые русские, 2015. 320 с.

¹¹² История семьи из бывшего города Нахичевани-на-Дону в воспоминаниях ушедших поколений // Научно-культурологический журнал [сайт]. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?level1=main&level2=articles&textid=3238> (дата обращения: 01.10.2019).

- Кизеветтер А.А.* Городовое положение Екатерины II 1785 г.: опыт исторического комментария. М.: Типография Московского университета, 1909. 492 с.
- Кизеветтер А.А.* Местное самоуправление в России IX–XIX ст.: Исторический очерк. М.: Русская мысль, 1910. 155 с.
- Куприянов А.И.* Культура городского самоуправления русской провинции. М.: ИРИ РАН, 2009. 325 с.
- Лохвицкий А.* Губерния, ее земские и правительственные учреждения. СПб.: Типография А.Ф. Базунова, 1864. 224 с.
- Мионов Б.Н.* Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социально-экономическое развитие. Л.: Наука, 1990. 271 с.
- Муллов П.А.* Историческое обозрение правительственных мер по устройству городского общественного управления. СПб.: Типография министерства внутренних дел, 1864. 197 с.
- Нардова В.А.* Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х годов XIX века. Правительственная политика. Л.: Наука, 1984. 260 с.
- Патканян Г.* История Новой Нахичевани. Нахичевань: Книга, 1917. 210 с.
- Писарькова Л.Ф.* Городское самоуправление пореформенной России: замысел и воплощение // Труды Института российской истории РАН. 1997–1998 гг. М.: ИРИ РАН, 2000. С. 136–163.
- Плошинский Л.О.* Городское или среднее состояние русского народа в его историческом развитии. СПб.: Типография Э. Веймара, 1852. 286 с.
- Рындзюнский П.Г.* Городское гражданство в России. М.: Академия наук СССР, 1958. 559 с.
- Рабцевич В.В.* Сибирский город в дореформенной системе управления. Новосибирск: Наука, 1984. 197 с.
- Семенов Д.Д.* Городское самоуправление. Очерки и опыты. СПб.: Электротипография Н.Я. Стойковой, 1901. 389 с.
- Шахазиз Е.* Исторические зарисовки. Тифлис: [Б.и.], 1903. 239 с.

References

- Alekseev, K. *Izlozheniye zakonopolozheniy v Armyanskom sudebnike*. Moscow: Katkov i K° Publ., 1870 (in Russian).
- Barkhudaryan, V.B. *Istoriya armyanskoj kolonii Novaya Nakhichevan' (1779–1917)*. Yerevan: Ayastan Publ., 1996 (in Russian).
- Dityatin, I.I. *Ustroystvo i upravleniye gorodov Rossii. Goroda Rossii v XVIII stoletii*. St. Petersburg: Tipografiya P.P. Merkul'yeva Publ., 1875 (in Russian).
- Dityatin, I.I. *Ustroystvo i upravleniye gorodov Rossii. Gorodskoye samoupravleniye v nastoyashchem stoletii*. Yaroslavl': Tipografiya G.V. Fal'k Publ., 1877 (in Russian).
- Gradovskiy, A.D. *Nachala russkogo gosudarstvennogo prava. Tom III. Organy mestnogo upravleniya*. St. Petersburg: Knizhnoye izdaniye Publ., 1908 (in Russian).
- Korkunov, N.M. *Russkoye gosudarstvennoye pravo*. St. Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha Publ., 1903 (in Russian).
- Kelle-Shaginov, I.M. *Moya yedinstvennaya zhizn'*. Rostov-on-Don: Staryye russkiye Publ., 2015 (in Russian).
- Kizevetter, A.A. *Gorodovoye polozheniye Yekateriny II 1785 g.: opyt istoricheskogo kommentariya*. Moscow: Tipografiya Moskovskogo universiteta Publ., 1909 (in Russian).
- Kizevetter, A.A. *Mestnoye samoupravleniye v Rossii IX–XIX st.: Istoricheskij ocherk*. Moscow: Russkaya mysl' Publ., 1910 (in Russian).
- Kupriyanov, A.I. *Kul'tura gorodskogo samoupravleniya russkoj provintsii*. Moscow: IRI RAN Publ., 2009 (in Russian).
- Lokhvitskiy, A. *Guberniya, yeye zemskie i pravitel'stvennyye uchrezhdeniya*. St. Petersburg: Tipografiya A.F. Bazunova Publ., 1864 (in Russian).
- Mironov, B.N. *Russkiy gorod v 1740–1860-ye gody: demograficheskoye, sotsial'no-ekonomicheskoye razvitiye*. Leningrad: Nauka Publ., 1990 (in Russian).

- Mullof, P.A. *Istoricheskoye obozreniye pravitel'stvennykh mer po ustroystvu gorodskogo obshchestvennogo upravleniya*. St. Petersburg: Tipografiya ministerstva vnutrennikh del Publ., 1864 (in Russian).
- Nardova, V.A. *Gorodskoye samoupravleniye v Rossii v 60-kh – nachale 90-kh godov XIX veka. Pravitel'stvennaya politika*. Leningrad: Nauka Publ., 1984 (in Russian).
- Patkanyan, G. *Istoriya Novoy Nakhichevani*. Nakhichevan': Kniga Publ., 1917 (in Russian).
- Pisar'kova, L.F. "Gorodskoye samoupravleniye poreformennoy Rossii: zamysel i voploshcheniye." In *Trudy Instituta rossiyskoy istorii RAN. 1997–1998 gg.*, 136–163. Moscow: IRI RAN Publ., 2000 (in Russian).
- Ploshinskiy, L.O. *Gorodskoye ili sredneye sostoyaniye russkogo naroda v yego istoricheskom razvitii*. St. Petersburg: Tipografiya E. Veymara Publ., 1852 (in Russian).
- Rabtsevich, V.V. *Sibirskiy gorod v doreformennoy sisteme upravleniya*. Novosibirsk: Nauka Publ., 1984 (in Russian).
- Ryndzyunskiy, P.G. *Gorodskoye grazhdanstvo v Rossii*. Moscow: Akademiya nauk SSSR Publ., 1958 (in Russian).
- Semenov, D.D. *Gorodskoye samoupravleniye. Ocherki i opyty*. St. Petersburg: Elektrotipografiya N.Ya. Stoykovoy Publ., 1901 (in Russian).
- Shakhaziz, Ye. *Istoricheskiye zarisovki*. Tiflis: [S.n.], 1903 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Батиев Левон Владимирович, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории социологии и права, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук.

Levon V. Batiev, Kandidat Yuridicheskikh Nauk [PhD in Law], Leading Researcher at the Laboratory of Sociology and Law, Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-1-174-196>

Научная статья / Research article

Формирование органов власти и самоуправления на Кубани в период революционных преобразований 1917 г.

З.Я. Емтыль^а, А.В. Пахомов^а

^аКубанский государственный технологический университет;
350072, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Московская, 2;
adg1070@gmail.com, pahomov_an1981@mail.ru

The formation of bodies of power and self-government in the Kuban region during the revolutionary changes of 1917

Zarema Ya. Emtyl^a, Andrey V. Pakhomov^a

^aThe Kuban State University of Technology; 2, Moskovskaya St., Krasnodar, 350072, Russia; adg1070@gmail.com, pahomov_an1981@mail.ru

Аннотация: В статье осуществляется комплексное исследование процесса формирования органов власти и самоуправления на Кубани в период революционных преобразований 1917 г. Отмечается, что он имел ярко выраженные отличия от развития аналогичных процессов в других губерниях Российской империи, которые были связаны с особенностями колонизации и социальной структуры населения области, а также существовавшей до революции системой управления областью. Особое внимание авторы уделяют формированию всесословной системы органов власти и самоуправления в русле постфевральских демократических процессов и анализу причин их несостоятельности. На основе проведенного исследования авторы выделили в развитии процесса формирования системы органов управления на Кубани два разнонаправленных по своему содержанию периода. Первый период (с марта 1917 г. по июль 1917 г.) происходил в русле постфевральских демократических процессов и был направлен на формирование более демократичной всесословной системы регионального и местного управления. Второй период, начавшийся в июле 1917 г., носил контрреволюционный характер и был ознаменован фактическим захватом всей полноты власти органами казачьего самоуправления. Упразднение земельных комитетов, закрытие областного Совета и Облисполкома, ограничение деятельности левых партий, разгромом Гражданских комитетов на местах и переход всей власти в руки Кубанского Войскового правительства не оставляли правовых оснований для решения вопроса с учетом интересов всех сословий. Сформировавшаяся на Кубани к осени система управления не была ориентирована на достижение социального согласия и мира, а напротив, формировала почву для острого социального конфликта.

Ключевые слова: горцы, Гражданский комитет, земельный комитет, иногородние, казачество, Кубанское Войсковое правительство, Кубанская Законодательная рада.

Для цитирования: Емтыль З.Я., Пахомов А.В. Формирование органов власти и самоуправления на Кубани в период революционных преобразований 1917 г. // Вестник Россий-

© Емтыль З.Я., Пахомов А.В., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

ского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 1. С. 174–196. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-1-174-196>

Abstract: The present article studies the emergence of institutions of government and autonomy in the Kuban region during the revolutionary transformations of 1917. In the Kuban region, this process differed from the development of similar institutions in other provinces of the Russian Empire; these differences resulted from the peculiarities of colonization and from the social structure of the region's population, as well as from the pre-revolutionary management of the region. As the authors demonstrate, the system of government and self-administration in the region encompassed all social estates, in line with post-February democratic processes. The article analyzes the reasons for the failure of this system. The authors identify two periods. Between March 1917 and July 1917, the establishment of governmental bodies and bodies of self-administration was in line with post-February democratic processes and aimed at the formation of a more democratic system of regional and local government. The second period, which began in July 1917, was of counter-revolutionary nature; the authorities seized the bodies of Cossack self-government. The abolition of land committees, the closure of the oblast' council and executive committee, the restriction of the activities of left parties, the elimination of civil committees and the transfer of all power to the Kuban Military government left no legal room for considering the interests of all classes. By the autumn of 1917, the system of governance formed in the Kuban region was not aimed at achieving social harmony and peace but formed the basis for acute social conflict.

Keywords: highlanders, Civic Committee, Land Committee, Cossacks, the Kuban host government, Kuban Legislative Rada.

For citation: Emtyl, Zarema Ya., Pakhomov, Andrey V. "The formation of bodies of power and self-government in the Kuban region during the revolutionary changes of 1917," *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 1 (February 2020): 174–196. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-1-174-196>

Введение

Комплекс вопросов, связанных с революционными преобразованиями в российской провинции в 1917 г., традиционно привлекает к себе широкое исследовательское внимание. В результате сформировалась обширная историография проблемы, основанная на анализе большого фактического материала и позволяющая реконструировать важные события и процессы региональной истории. В то же время на протяжении длительного времени в отечественной историографии происходило рассмотрение проблем региональной истории, связанных с революционными событиями и, в частности, формированием системы органов власти в контексте единого по форме и сути общероссийского революционного процесса.

Непосредственно развитие системы органов власти на Кубани в 1917 г. только начало оформляться в отдельную исследовательскую тему. Тем не менее, она с разной степенью основательности нашла отражение в целом комплексе исследований по истории аграрного движения, революции и Гражданской войны в регионе, а также в обобщающих исследованиях по истории Кубани и Северного Кавказа.

Сложившуюся историографию проблемы условно можно разделить на два периода: советский и постсоветский, в основе которых лежат существенно отличающиеся друг от друга теоретико-методологические основания. Начало научной разработки вопросов, связанных с формированием органов власти и самоуправлением на Кубани в революционный период, относится к 20-30-м гг. XX в., когда были предприняты первые попытки по сбору и систематизации разрозненных ма-

териалов, отражающих социально-политическое развитие региона¹. Уже на этом этапе стала складываться советская историографическая традиция, в основе которой лежало обоснование закономерности социалистической революции и «подтягивание» социально-политических событий в регионе к содержанию и ходу событий в столице. Особое место в исследованиях отводилось социально-классовой проблематике, выявлению причин и характера социально-экономических (в особенности аграрных) противоречий казачества и иногороднего населения региона.

В исследованиях 1940-х гг. произошло укрепление данной традиции, а также осуществлялись попытки систематизации, анализа и обобщения революционного опыта народов Кубани и Северного Кавказа в целом². Исследовательское внимание фокусировалось на ключевой роли партии большевиков, сумевшей установить «нерушимый союз» между немногочисленным на Кубани промышленным пролетариатом, крестьянством, а также беднейшим казачеством, и возглавить борьбу против сил контрреволюции.

Значительное расширение проблематики научных исследований и их источниковой базы на основе привлечения региональных архивов, отказа от ряда догматически тенденциозных оценок произошел со второй половины 50-х гг. XX в.³ Однако по-прежнему региональные процессы вписывались в заданную общероссийскую схему. Наибольшей полнотой и комплексностью в изучении вопросов, связанных с социально-политическим развитием Кубани в 1917 г., отличается исследование А.А. Сенцова⁴. Оставаясь в рамках марксистской методологии, он на основе разнообразной источниковой базы исследовал динамику, условия и содержание процесса формирования органов регионального и местного управления на Кубани, при этом концентрируя внимание на создании и деятельности советов.

Большой интерес с точки зрения понимания основ социально-политической конфронтации между основными социальными группами Кубани представ-

¹ *Ладоха Г.* Очерки Гражданской войны на Кубани. Краснодар, 1923; *Октябрь на Кубани и Черноморье* (сборник воспоминаний). Краснодар, 1924; *Янчевский Н.* Гражданская борьба на Северном Кавказе. Ростов н/Д., 1927; *Буркин Н.Г.* Октябрьская революция и гражданская война в горских областях Северного Кавказа. Ростов н/Д., 1933.

² *Раенко Я.Н.* Из историй большевистских организаций Кубано-Черноморья (1914–1920 гг.). Хронологический очерк. Краснодар, 1940; *Раенко Я.Н.* Борьба за установление Советской власти на Кубани и в Черноморье // Уч. зап. Ростовского пед. ин-та. 1953. № 1. С. 53–95; *Раенко Я.Н.* Хроника исторических событий на Дону, Кубани и в Черноморье. Вып. 2. Март 1918 г. – апрель 1920 г. Ростов н/Д., 1940; *Разгон И.М.* Орджоникидзе и Киров и борьба за власть Советов на Северном Кавказе. 1917–1920 гг. М., 1941.

³ *Хижняк И.* Октябрь на Кубани // *Кубань родная*. Краснодар, 1957. С. 52–60; *Тумасов Б.В.* Борьба за власть Советов на Кубани // Труды краснодарского ин-та пищевой промышленности. 1957. № 17. С. 3–12; *Бабичев М.М.* Подъем крестьянского движения на Кубани в период борьбы за установление Советской власти (1917–1918 гг.) // Труды краснодарского пед. ин-та. 1963. № 33. С. 13–29; *Осадчий И.П.* Большевики Черноморской губернии в борьбе за победу Октября // Из истории партийных организаций Краснодарского края. Краснодар, 1968. С. 5–39; *Осадчий И.П.* Борьба за власть Советов на Кубани и Черноморье в годы Гражданской войны. Краснодар, 1971; *Осадчий И.П.* За власть трудового народа. Историко-документальный очерк о борьбе за власть Советов на Кубани и Черноморье (1917–1920 гг.). Краснодар, 1987.

⁴ *Сенцов А.А.* Рождение Кубано-Черноморской республики (1917–1918): Из истории становления советской государственности. Краснодар, 1984.

ляет работа М.М. Бабичева, посвященная крестьянскому движению в Кубанской области, в которой формулировалась мысль о том, что крестьянское движение возглавляли возвращавшиеся с фронта революционно настроенные иногородние крестьяне.

Принципиально новый этап в отечественной историографии проблемы, связанный с изменением теоретико-методологических оснований отечественной науки и отказом от идеологических штампов, начался в 1990-х гг., что позволило воссоздать более сложную картину развития революционных преобразований в различных областях общественной жизни на Кубани.

Существенный вклад в изменение ракурса рассмотрения истории революции и аграрного вопроса в российской провинции внесли западные историки, обратившие свое внимание на то, что революция в отдельных регионах России часто развивалась по отличным от столицы сценариям и являлась следствием местных, региональных, локальных условий и конфликтов⁵. Данный подход получил развитие также в новейшей отечественной историографии истории революции в провинции⁶.

Со стороны исследователей обнаружился большой интерес к более объективной реконструкции истории казачества и его роли в событиях периода революции и Гражданской войны. Однако под влиянием желания «реабилитировать» казачество зачастую происходила идеализация его роли в социально-политическом развитии региона и сужение исследовательского поля вокруг «казачьей проблематики».

Среди комплекса работ рассматриваемого периода выделяются исследования В.П. Трута, А.В. Венкова, в которых анализировалась степень социальной дифференциации в казачьей и крестьянской среде, влияние различных идеологических течений и политических партий на казачество⁷. Однако процесс формирования новой системы власти на Юге России был ими рассмотрен лишь в общих чертах.

В отношении процессов формирования органов власти на Кубани широкое распространение получила точка зрения, согласно которой казачество выработало программу возрождения России, которая была способна утвердить демократию, законность и последующую модернизацию всей страны. В противоположность существовавшему в советской историографии тезису о «сепаратизме» и «контрреволюционности» казачества Юга России была выдвинута небесспорная идея о том, что казачьи войска «пошли по пути укрепления своей возрождаемой государственности», и, если мелкие крестьянские локальные миры разваливали государственность, «то казаки крепили власть областную, придавая ей функции власти государственной»⁸.

Эта идея получила развитие и в исследовании А.А. Зайцева. В частности, наиболее существенным последствием революционных событий 1917 г. для Ку-

⁵ *Badcock S. Politics and the People in Revolutionary Russia: A Provincial History*. Cambridge, 2007; *Raleigh D. Revolution on the Volga: 1917 in Saratov*. Ithaca, 1986. *Raleigh D. Experiencing Russia's Civil War: Politics, Society, and Revolutionary Culture in Saratov, 1917–1922*. Oxford-Princeton, 2002.

⁶ *Галлямова Л.И.* 1917 год на Дальнем Востоке России: региональные особенности социально-политических трансформаций // *Россия и АТР*. 2017. № 2. С. 9–24; *Кабытова Н.Н.* Властные парадигмы российской провинции в 1917 году // *Вестник архивиста*. 2017. №2. С. 211–220.

⁷ *Венков А.В.* Антибольшевистское движение на Юге России на начальном этапе гражданской войны. Ростов н/Д., 1995; *Трут В.П.* Казачий излом. Ростов н/Д., 1997.

⁸ Там же. С. 13.

бани, по его мнению, стало нарастание деструктивных элементов самоуправления. В свою очередь «казаки как сторонники народоуправства, демократии, стали жертвой экстремистских сил, уничтоживших особый уклад их жизни»⁹.

В некоторых исследованиях явно преувеличивается демократический потенциал сформировавшихся на Кубани органов казачьего самоуправления, которые, как утверждает, имели «перспективу дальнейшего развития на буржуазно-демократической основе»¹⁰. Возрождая традиции казачьего самоуправления, по мнению В.В. Черпакова, они стремились стать истинно демократическими органами власти и привлечь к управлению широкие социальные слои населения, в частности, горцев. При этом автор упускает из поля зрения, что горцы составляли лишь 4 % в структуре населения области, в то время как большая часть иногороднего населения и рабочие были лишены избирательных прав, что ставило под сомнение легитимность этих органов власти.

Наряду с данной, господствующей среди региональных историков точкой зрения, появились исследования, ориентированные на более объективный анализ перспектив казачьего самоуправления на Кубани¹¹. В них ставится под сомнение возможность лидеров кубанского казачества в постфевральский период структурировать свою государственность в состав федерации народов России и отмечается, что тенденция к обособлению казачества и созданию им сословных властных структур являлась следствием возникновения бессословных земельных комитетов, которые представляли реальную угрозу привилегиям казачества в сфере землепользования.

Особый интерес представляет исследование В.А. Терновского, который отметил, что в период с марта по июнь 1917 г. создание органов власти на Кубани, несмотря на существовавшую «властную неразбериху», происходило в направлении формирования «более демократичной системы местного самоуправления, в которой были бы интегрированы интересы всех слоев населения Кубани»¹². Однако в последующем, «имея целью сохранение сословных прав на землю, казачья

⁹ Зайцев А.А. Региональный политический процесс в условиях Гражданской войны 1917–1922 гг.: На материалах Дона и Кубано-Черноморья. Краснодар, 2009.

¹⁰ Черпаков В.В. Выборные представительные органы государственной власти на Кубани (1917 – первая половина 1918 года) // Культурная жизнь Юга России. 2011. № 2. С. 37.

¹¹ Артемов С.Н. Земельный вопрос на крестьянских и казачьих съездах Юга России (1917 г.) // Научный исторический вестник. 2007. № 16. С. 102–111; Емтыль З.Я., Аверина А.В. Нарастание противоречий между иногородними и казачеством в период революционных событий 1917 года // Этнос и культура в эпоху глобализации. Сборник материалов III Международной научной очно-заочной конференции, 27–28 июня 2019 г. Краснодар, 2019. С. 165–176; Федина И.М. Кубанское казачество и иногороднее население на рубеже XIX–XX вв. как отражение социальных парадигм кубанской станицы // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2. С. 175–177; Федина И.М. Отношение земледельцев кубанских станиц к аграрным преобразованиям советской власти в 1920-е гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2018. Т. 17. № 4. С. 792–811; Терновский В.А. Формирование органов казачьего самоуправления на Кубани (март – декабрь 1917 г.) // Петербургский исторический журнал. 2019. № 1. С. 82–106.

¹² Терновский В.А. Формирование органов казачьего самоуправления на Кубани (март – декабрь 1917 г.)... С. 99.

власть на Кубани законодательно оттесняет от выборных процессов «некоренное» население края, фактически узурпируя власть...»¹³.

К данной исследовательской позиции близка работа Е.М. Трусовой (и это единственное специальное исследование процесса формирования органов власти на Юге России в 1917 г.)¹⁴. Анализ деятельности Гражданских комитетов позволил автору прийти к выводу о том, что «эти органы власти на местах были наиболее работоспособными, демократичными и в начале деятельности довольно авторитетными в массах»¹⁵. Однако последующий отказ в поддержке их со стороны Временного правительства способствовал расколу общества и переходу власти казачьим органам. Причины этого, по мнению автора, заключались в том, что «казаки располагали материальной и военной базой, имели отлаженную систему управления с подготовленными кадрами», а «комиссары, выдвинутые из казачьей среды, не только симпатизировали казакам, но и прямо становились на их сторону»¹⁶.

Сложившаяся историография проблемы свидетельствует об отсутствии комплексности в ее изучении. Исследовательские акценты расставлены таким образом, что в центре научного интереса, как правило, оказывалась система управления, сложившаяся на Кубани после октября 1917 г., а также комплекс вопросов, связанных с борьбой РСДРП(б) за установление советской власти, деятельностью земельных комитетов или становлением казачьего самоуправления в регионе. На фоне резко возросшего внимания к вопросам социально-политической и экономической трансформации кубанского казачества в революционный период остаются недостаточно изученными важные аспекты процесса формирования всесословной системы органов власти и самоуправления в контексте постфевральских демократических процессов. Не получил должного внимания и вопрос политической роли горского населения области в условиях «хрупкого равновесия сил» между основными социальными группами – казачеством и иногородними.

Достигнутый уровень разработки проблемы, носящий зачастую тенденциозный характер, обуславливает цель данной статьи, которая состоит в осуществлении объективного комплексного исследования процесса формирования органов власти и самоуправления на Кубани в период революционных преобразований 1917 г. и выявлении его специфики.

Источниковую базу исследования составили источники различной видовой принадлежности. Богатый фактический материал, позволяющий реконструировать процесс становления и развития региональных и местных органов власти на Кубани в период между Февральской и Октябрьской революциями, был выявлен в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), Государственном архиве Краснодарского края (ГАКК), Центре документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК) и архиве Министерства внутренних дел Краснодарско-

¹³ Терновский В.А. Формирование органов казачьего самоуправления на Кубани (март – декабрь 1917 г.)... С. 99.

¹⁴ Трусова Е.М. Местное управление и самоуправление на Дону, Кубани и Ставрополье в 1917 г. Ростов н/Д., 1999.

¹⁵ Там же. С. 216.

¹⁶ Там же.

го края (АМВД КК), Центральном государственном архиве Республики Северная Осетия – Алания (ЦГА РСО-А). Значительная часть источников была извлечена из тематических сборников документов¹⁷. Большое значение для разработки темы исследования имела региональная периодика, позволившая более полно представить картину происходивших событий и отношение к ним различных властных структур, политических партий и социальных групп Кубани.

Использованный в работе круг исторических и историографических источников представляется адекватным исследуемой теме. Их объем и содержание дают возможность рассмотреть основные составляющие проблемы: условия, предпосылки и региональные особенности складывания органов власти и самоуправления на Кубани; характер и содержание их деятельности; столкновение социально-политических и экономических интересов различных социальных и национальных групп, влиявших на деятельность властных структур и перспективы их дальнейшего существования.

Исследование основано на сочетании различных научных подходов и методов, обеспечивающих комплексность и глубину изучения проблемы. Основопологающую роль в исследовании таких сложных и противоречивых процессов, как формирование органов власти и самоуправления на Кубани в период революционных преобразований, играет применение системного подхода, который позволил осмыслить сложившуюся в исследуемом регионе социально-политическую ситуацию как некую целостную систему со своими элементами и особенностями функционирования и на этом основании осуществить комплексное исследование в контексте развития социально-экономических и политических процессов в регионе и стране.

Полноценное изучение темы исследования не представляется возможным без широкого применения историко-генетического метода, позволяющего понять обусловленность процесса формирования органов власти на Кубани, природу отношения к ним со стороны населения, причины конфронтации между основными социальными и национальными группами. Проведение исследования потребовало также использования проблемно-хронологического и историко-сравнительного методов.

Стремление к преодолению господствовавшей в отечественной исторической науке традиции, состоявшей в «подтягивании» местной истории под исследование данного явления в центре страны, актуализирует рассмотрение проблемы с точки зрения методологии локальной истории. Она позволит понять многомерность политического процесса периода революционных преобразований и выявить его специфические черты как проявление локальных обстоятельств, противоречий и конфликтов.

Сохраняющийся дискуссионный характер проблемы обуславливает применение ценностного подхода, предоставляющего возможность не только дать оценку и «задать точку зрения» на исследуемый процесс и связанные с ним явления, но и выделить его индивидуальные особенности.

¹⁷ Борьба за советскую власть на Кубани в 1917–1920 гг.: Сборник документов и материалов. Краснодар, 1957; Сборник указов и постановлений Временного правительства 27 февраля – 5 мая 1917 г. Петроград, 1917.

Представляется, что исследование процесса формирования органов власти и самоуправления на Кубани на обозначенных методологических и теоретических основаниях создаст условия для его комплексной реконструкции, а также обогатит новыми фактами из жизни региона эмпирическое пространство общероссийской истории.

Резонанс Февраля на Кубани

Развитие социально-политической ситуации на Кубани между Февральской и Октябрьской революциями имело выраженную специфику, связанную с особенностями социальной и национальной структуры населения региона. К началу XX в. население Кубани составляло 2 800 000 чел., из них 43 % составляли казаки, 53 % – иногороднее (пришрое) население, в основном состоявшее из крестьян и 4 % горцев¹⁸. Абсолютно привилегированное положение занимало казачье сословие, в руках которого находилось управление областью и большая часть (79 %) земельного фонда. Не относящиеся к казачеству социальные и национальные группы были отстранены от управления областью и существенно ущемлены в политическом и социально-экономическом положении. Атаман Кубанского казачьего войска одновременно являлся Начальником Кубанской области, которая была разделена на отделы, во главе с подчиненными ему атаманами. Кроме того, для «неказачьего» иногороднего населения была введена жесткая регламентация на различные виды хозяйственной деятельности. Ему было запрещено использовать природные ресурсы, создавать семьи с казаками или казачками, посещать церковь на территории Кубанского войска. Иногородним детям запрещалось учиться в общих с казаками школах, пользоваться общественными магазинами и больницами. Составлявшие большинство населения иногородние в основной массе не имели своей земли и были вынуждены арендовать землю у казаков, которые становились в их представлении «коллективным помещиком»¹⁹. Сложившееся на Кубани социально-политическое и экономическое неравенство основных социальных групп порождало разногласия, принявшие в ходе революции характер острого политического антагонизма.

Февральские революционные события в столице дали мощный импульс росту политической активности населения Кубанской области, активно включившегося в деятельность по формированию представительных органов власти. Новые политические обстоятельства, порождая большие надежды, связанные с решением наиболее острых политических и социально-экономических проблем, неминуемо углубляли социально-политические противоречия и конфронтацию в обществе. На волне революционного энтузиазма в населенных пунктах Кубани и Черноморья, не дожидаясь указаний от правительства, из представителей политических партий, общественных движений и групп населения, начали создаваться Гражданские комитеты, являвшиеся органами Временного правительства на местах.

¹⁸ АМВД КК (Архив министерства внутренних дел Краснодарского края). Ф. 18. Оп. 1. Д. 16. Л. 54.

¹⁹ Федина И.М. Отношение земледельцев кубанских станиц к аграрным преобразованиям советской власти... С. 176.

8 марта 1917 г. по указанию атамана М.П. Бабыча для управления областью был создан Кубанский Областной гражданский комитет, в руках которого сосредоточивалась высшая гражданская власть области. Из числа членов Областного и Екатеринодарского Гражданских комитетов, а также представителей казачества 9 марта был сформирован Временный Кубанский областной исполнительный комитет²⁰. 11 марта Временный Кубанский областной исполнительный комитет принял решение о формировании гражданских комитетов в отделах и населенных пунктах Кубанской области. В инструкции о формировании Гражданских комитетов указывалось, что в ведении атаманов сохраняются все вопросы, связанные со службой казаков, а гражданские вопросы жизни населения станиц и отделов должны перейти в ведение Гражданских комитетов²¹.

По своему социальному составу в станичных гражданских исполкомах казаков было значительно больше, чем иногородних. Формирование новых органов власти строилось на многопартийной основе и отразило ту политическую и классовую расстановку сил, которая сложилась в области еще перед революцией.

Избрание в Гражданские комитеты и их исполнительные органы на внесловной основе порождало классовую несовместимость. Вхождение в одну структуру власти враждебно настроенных по отношению друг к другу групп населения станиц и хуторов часто заводило работу комитетов в тупик.

Иногородние и беднейшее казачество с помощью комитетов и при поддержке значительной части населения пытались решить проблему социального неравенства на местах, что наталкивалось на ожесточенное сопротивление казачества. В этой связи казаки иногда выступали против создания Гражданских комитетов, так как считали, что через эти органы иногородние могут отобрать у них земельные паи.

Параллельно с Гражданскими комитетами Временное правительство инициировало создание института комиссаров. В их обязанности входило проведение в жизнь правительственных указаний и регулирование процесса создания властных структур. На Кубани эту должность занял выходец из зажиточной казачьей семьи генерал К.Л. Бардиж. С формированием на Кубани Гражданских комитетов и институтов комиссаров отпадала надобность в существовании прежних органов власти, и 12 марта 1917 г. атаман М.П. Бабыч был отстранен от должности.

Таким образом, административное управление в Кубанской области и в Екатеринодаре сменилось, и официально власть перешла в руки органов Временного правительства. Однако политическая реальность на Кубани, как и в целом по стране, оказалась гораздо сложнее, и говорить об обладании органами Временного правительства полнотой фактической власти не приходилось.

Большую политическую активность и организованность с первых дней революции на Кубани продемонстрировали представители революционных социалистических партий. Осознавая важность исторического момента, они сразу же приступили к формированию органов революционного самоуправления. В Кубанской области, как и в остальной России, существовало два вида Советов. В городах

²⁰ Свободная Кубань. 1917. 23 марта.

²¹ *Ратушняк В.Н.* Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. Краснодар, 1996. С. 496–497.

это были рабочие и солдатские советы. В станицах, где иногородние составляли значительную часть населения (Усть-Лабинской, Крымской, Северской, Апшеронской др.), под политическим руководством партии эсеров стали создаваться крестьянско-казачьи союзы, основу которых составляли иногородние и безземельное казачество. В задачи формирующихся союзов входило устранение сословного неравенства и демократическое решение земельного вопроса. Кубанское казачество принимало меры, чтобы не допустить установления их влияния на безземельное и рядовое казачество. Станичные правления ограничивали вступления казаков в союзы под угрозой выселения из станиц, исключения из сословия или лишения земельных паев. Однако данные меры не дали желаемого результата.

Рассматривая деятельность советов в Кубанской области, следует отметить, что их депутаты представляли различные партии и классы, что приводило к политическим противоречиям внутри них. Значительное влияние в советах, как и в целом по стране, имели эсеры. Такая популярность основывалась на поддержке иногороднего крестьянства и безземельного казачества, которых привлекала аграрная программа социал-революционеров.

Немаловажное влияние на развитие социально-политической обстановки на Кубани играла избранная Временным правительством позиция в отношении Кубанского казачества. Новая власть была крайне заинтересована в привлечении его на свою сторону, так как казачество представляло собой серьезную военно-политическую силу. Кроме этого, для Временного правительства было важным оторвать казачество от советов.

Пытаясь добиться лояльности казачества, Временное правительство не только не предпринимало действий, направленных на ограничение их привилегированного положения, но и способствовало расширению казачьего самоуправления. 11 марта 1917 г. Военный и морской министр Временного правительства октябрист А.И. Гучков подписал приказ «О реорганизации местного гражданского правления казачьего населения»²². Данный приказ отменял все правоограничения казаков, кроме военной службы, а также предписывал реорганизацию местного управления казачьими войсками на началах самого широкого самоуправления, в соответствии с историческим прошлым казачьих войск²³.

Особый интерес для понимания причин роста социальной напряженности в области имеет организация выборов в станичные и хуторские правления. Так, постановление о проведении выборов, подписанное 20 марта 1917 г. комиссаром области К.Л. Бардигом, допускало к выборам только станичное и хуторское мужское казачье население, достигшее 21 года²⁴. Оно сохраняло сословное неравенство и нарушало постановление Облисполкома от 17 марта 1917 г. о всеобщем голосовании, позволявшие участвовать в выборах женщинам и иногородним.

Для того, чтобы казачество твердо поддерживало Временное правительство, ему было разрешено создание казачьих съездов и союзов. Так, с 23 по 29 мар-

²² Сборник указов и постановлений Временного правительства: 27 февраля – 5 мая 1917 г. Петроград, 1917. С. 326–327.

²³ Там же.

²⁴ Сенцов А.А. Рождение Кубано-Черноморской республики... С. 21–22.

та 1917 г. в Петрограде проходил 1 Всероссийский общеказачий съезд. Решения съезда сыграли большую роль в развитии социально-политических процессов в казачьих областях и на Кубани, в частности. Съезд постановил все земли, воды и недра на территории казачьих областей объявить неприкасаемой собственностью казачьих войск. Было принято решение вернуть в войсковую собственность расположенные в казачьих областях земли казенные, удельные, монастырские, церковные, частновладельческие на условиях, которые предстояло выработать Учредительному собранию²⁵. Таким образом, решения съезда были направлены не просто на сохранение, но и на значительное расширение привилегий казачества в области пользования землей и ее недрами, что противоречило демократическому характеру происходивших революционных преобразований и не могло в дальнейшем не отразиться на углублении социального противостояния на Кубани.

Складывание «дуалистической системы» управления

Одним из наиболее важных политических событий региональной общественной жизни в рассматриваемый период стал I съезд уполномоченных представителей населенных пунктов Кубанской области, проходивший в Екатеринодаре с 9 по 18 апреля 1917 г. Руководящую роль на съезде играли эсеры. Отсутствие четких инструкций и указаний правительства относительно деятельности Гражданских комитетов и формирования органов власти на Кубани привело к тому, что одним из главных вопросов съезда стал вопрос о формировании условий самоуправления, применимого для Кубанской области. Не менее важной задачей съезда было урегулирование социальных противоречий между сословиями и проживавшими в области народами.

В контексте рассматриваемой проблемы наибольший интерес представляют решения съезда по вопросу «о власти». Решением съезда в основу конструкции региональной власти был взят общероссийский образец, в соответствии с которым высшим органом гражданской власти должен был стать Областной совет, а его исполнительным органом Областной исполком совета. В состав Областного совета было избрано 135 человек. В сформированный для работы между его сессиями Областной Исполком вошли 29 человек: по два представителя от казаков и иногородних от каждого отдела и четыре – от горцев, 1 представитель – от городов, 8 – от казачьей Рады и 2 – от Совета рабочих и воинских депутатов.

В результате работы съезда был подготовлен проект Положения о временном самоуправлении Кубанской области. В его первом параграфе говорилось, что «Кубанский областной совет является высшим органом гражданской власти в области..., все существующие учреждения и организации военного ведомства остаются в своих законом указанных формах и не подчиняются гражданским учреждениям»²⁶. Выступавший перед делегатами Н.С. Долгополов говорил о необходимости сохранения той обособленности, которая исторически сложилась между казачеством и

²⁵ ЦГА РСО-А (Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания). Ф. Р.-2. Оп. 1. Д. 2. Л. 7 об.

²⁶ Сенцов А.А. Рождение Кубано-Черноморской республики... С. 17.

иногородними, и что у казаков должно быть свое Войсковое Правительство, и что вопросы казачества должна решать только казачья Войсковая Рада²⁷.

Таким образом, съезд признал Гражданские комитеты органами новой власти, но их деятельность в казачьих станицах и хуторах области была ограничена станичным правлением, и в вопросы казачьего хозяйства, в деятельность гражданских комитетов они не могли вмешиваться. Это означало, что делегаты съезда разделили власть в области: военные и хозяйственные структуры Кубанского войска остались в подчинении казачества, а гражданская власть в области передавалась в ведение сословных органов. В результате в регионе сформировалась «дуалистическая система» управления, предполагавшая функционирование двух параллельных органов власти. Она представляла собой, по справедливому мнению В.А. Терновского, шаткий компромисс между казачеством и остальным населением области в сфере построения сословных органов власти²⁸. Ключевые посты в хозяйстве области и контроль за вооруженными силами был в руках казачества или людей, симпатизировавших казачеству, сохранялась также самостоятельность Войсковой Рады в принятии решений. Сложившаяся в регионе конструкция власти на практике ставила Областной совет в положение органа власти, который ничего не решал.

Изучение материалов работы съезда позволяет сделать вывод о том, что он не смог решить основные социально-политические вопросы: уравнивание в правах всех социальных и национальных групп области, формирование единой системы управления областью. Однако, несмотря на свою ограниченность, решения съезда предполагали реформирование системы управления областью в направлении ликвидации казачьего узко-сословного управления и формирования новой системы, основанной на паритетном сословном и национальном представительстве. Данное обстоятельство на фоне значительно выросшей политической активности иногороднего населения, все больше попадавшего под влияние социалистических партий, формировало настороженность у лидеров казачества и боязнь посягательств со стороны других социальных групп на их привилегии, в особенности в области землепользования.

В связи с этим, еще до завершения работы I съезда представителей населенных пунктов в Екатеринодаре, 17 апреля 1917 г., начал свою работу казачий съезд, объявивший о создании Кубанской краевой Войсковой Рады и образовании Временного Кубанского войскового правительства. В документе о формировании Войскового правительства говорилось, что «Кубанское войсковое правительство есть высший исполнительный и руководящий орган Кубанского войска и представляет последнее как лицо юридическое»²⁹. Его действия были подотчетны законодательной Раде, а все члены Войскового правительства должны были входить в Областной исполнительный комитет. Данные решения ставили органы казачьего управления в оппозицию по отношению к структурам власти Временного правительства и советов.

²⁷ Ладоха Г. Очерки Гражданской войны на Кубани... С. 35–36.

²⁸ Терновский В.А. Формирование органов казачьего самоуправления... С. 89.

²⁹ Свободная Кубань. 1917. 28 апреля.

Произошедшая децентрализация власти в области привела к тому, что многие лидеры кубанского казачества высказывали мнение не только о расширении самоуправления, но и о том, что интересы казачества должны стоять выше указаний правительства. Так, П.Л. Макаренко заявлял «Мы должны сами сказать, какой основной закон может нас удовлетворить, а не ждать его от правительства»³⁰.

В ответ Временное правительство, осознавая, что Кубанская рада и Войсковое правительство выражают интересы основной части казачества, одобрило разделение власти в области между органами казачьего управления и органами Временного правительства. В письме министров Временного правительства А.Ф. Керенского и Н.Д. Авксентьева отмечалось, что «Войсковое правительство и Рада органы казачьей части населения Кубанской области, являющиеся фактически хозяином большей части земель и имущества области, должны являться органами хозяйственного управления имуществами и капиталами Кубанского казачьего войска, не беря на себя функции гражданского управления»³¹.

Таким образом, на волне революционного подъема на Кубани происходило формирование новой региональной модели управления. Данный процесс имел выраженные особенности. Хотя в первые же после свержения самодержавия дни власть на Кубани официально перешла в руки органов Временного правительства, политическая реальность к лету 1917 г. в регионе, как и в целом по стране, оказалась гораздо сложнее, и говорить об обладании органами Временного правительства полнотой фактической власти не приходилось. Своеобразие региональных противоречий и конфликтов привело к созданию и параллельному функционированию органов Временного правительства, войскового правления и советов. В результате политических разногласий, носивших на Кубани в основном социальный характер, разгорелась ожесточенная борьба между Облисполкомом, крестьянско-казачими советами, Гражданскими комитетами, с одной стороны, и казачеством в лице Кубанской Рады и станичных правлений при поддержке комиссара Временного правительства, с другой.

Политика заигрывания Временного правительства с казачеством способствовала децентрализации власти на Кубани и ее фактическому разделению между органами Временного правительства и казачьего управления: военные и хозяйственные структуры Кубанского войска остались в подчинении казачества, а гражданская власть в области передавалась в ведение всесословных органов (Гражданских комитетов). Сложившаяся в регионе конструкция власти не могла быть жизнеспособной, так как не только не была ориентирована на достижение социального согласия и мира в регионе, но, наоборот, способствовала углублению социально-политического размежевания в кубанском обществе.

Оформление казачьего управления

К началу лета 1917 г. кризисные явления в Кубанской области стали нарастать. Они были связаны с углублявшимися социальными противоречиями на фоне отсутствия единой системы органов власти. Центральное значение в сослов-

³⁰ Сенцов А.А. Рождение Кубано-Черноморской республики... С. 23.

³¹ ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 3. Оп. 1. Д. 303. Л. 6.

но-классовом и политическом противостоянии в регионе приобрел земельный конфликт.

Многовластие в станицах в лице станичных правлений, гражданских, крестьянско-казачих советов фактически приводило к безвластию на местах. Зачастую данным обстоятельством пользовалось наиболее революционно настроенная часть населения области (иногородние и безземельное казачество), переходившая к решительным действиям по земельному вопросу. Во всех отделах области широкий размах приобрели аграрные беспорядки: самозахват земель, порубка лесов, отказ от уплаты арендной платы.

Большую роль в дальнейшем развитии социально-политической ситуации на Кубани сыграло Положение «Об учреждении земельных комитетов», принятое Временным правительством 21 апреля 1917 г. для предотвращения роста аграрных беспорядков и недовольства крестьян. Положение предполагало создание в регионе бессловных земельных комитетов, в обязанности которых входила подготовка документов по будущей земельной реформе и издание положений, касающихся земельных отношений.

Обсуждавшиеся на состоявшемся 6 июня 1917 г. заседании Облисполкома тезисы Временного правительства о реформе гражданского управления в Кубанской, Терской и Донской областях содержали предписание о создании в области земских учреждений на основе всеобщего голосования. В их компетенции должны были находиться общественно-хозяйственные вопросы. Атаманам станиц, хуторов и отделов, а также станичному и войсковому правлению отводилось только военное значение³².

Работа по формированию земельных комитетов происходила в чрезвычайно сложных условиях. В населенных пунктах с иногородним большинством создание земельных комитетов не вызывало сложностей, в то время как в станицах с казачьим большинством станичная и хуторская администрация всячески препятствовали созданию комитетов.

В июне 1917 г. областной комиссариат принял решение о временной приостановке организации земельных комитетов на местах до разработки особого положения о формировании земельных комитетов в казачьих областях³³. Предлогом для приостановки создания комитетов был рост числа столкновений из-за земельного вопроса, который связывался с деятельностью комитетов. Фактическая же причина была в нежелании областного и особенно Войскового правительств решать земельный вопрос с учетом равных прав всех сословий.

Политическая нестабильность и сохранявшееся сословное неравенство привели к еще большему обострению конфронтации между казачеством и иногородними. В такой ситуации кубанское казачество в лице станичных правлений и областного комиссара предпринимало меры для уменьшения активности иногороднего населения области: от выселения до арестов активистов крестьянско-казачьих Советов³⁴.

³² Ладоха Г. Очерки Гражданской войны на Кубани... С. 45.

³³ ГАРФ. Ф. 1796. Оп. 1. Д. 13. Л. 30.

³⁴ Сенцов А.А. Рождение Кубано-Черноморской республики... С. 34.

Для разрешения возникших политических и земельных противоречий было объявлено об открытии 23 июня 1917 г. первой сессии Кубанского областного совета, основной задачей которой являлось рассмотрение вопроса о введении всесословного земского самоуправления. Однако Облисполком не смог предоставить конструктивного плана по введению в области земств. Итогом заседания первых дней стало заявление казачьей фракции о снятии с повестки дня вопроса о земствах. Такая постановка вопроса привела к расколу Областного совета, который в результате непримиримых социальных разногласий раскололся по признаку казачьей и неказачьей фракции на Кубанский Войсковой Совет и Областной Совет Иногородних³⁵.

В резолюции Кубанского Войскового совета, принятой 4 июля 1917 г., говорилось, что «казачья часть Кубанского областного Совета находит дальнейшую совместную работу невозможной, а потому постановила: 1) выйти казачьей части из Областного Совета и образовать Кубанский Войсковой Совет; 2) отозвать представителей казачьего населения из Областного Исполнительного Комитета; 3) объявить населению области, что так называемый Кубанский Областной Совет и Областной Исполнительный Комитет отныне не существует за выходом из них представителей всего казачьего населения области...»³⁶.

Выход казачьей фракции из Облисполкома, по сути, превратил его в законосовещательный орган под руководством эсеров, который больше не имел значения как правительственное учреждение. В сложившейся кризисной ситуации комиссар Временного правительства К.Л. Бардиж открыто стал на сторону лидеров казачества в их противостоянии с неказачьим населением. Своим Постановлением от 4 июля он упразднил Кубанский Областной Совет и Облисполком, объявив, что на Войсковое правительство, имеющее в своем распоряжении все средства, возлагается сохранение порядка и спокойствия³⁷.

Данным постановлением областной комиссар только узаконил захват казачьими верхами власти в области. В свою очередь, Временное правительство в лице Министерства внутренних дел одобрило постановление комиссара области о том, что представителем государственной власти на Кубани является Войсковое правительство³⁸, которое сразу же приступило к ликвидации местных советов и возрождению старых органов станичного самоуправления.

Пытаясь противостоять оформлению казачьего управления в области, 9 июля 1917 г. руководство умеренных социалистических партий Екатеринодарского совета, Областного исполкома, Советов крестьянско-казачьих депутатов, а также Областного исполкома иногородних приняли резолюцию, в которой говорилось: «Переход всей власти в руки войскового правительства угрожает иногороднему населению, составляющему 57 % всего населения области, лишением гражданских прав и участия в общественной жизни...»³⁹. Все это свидетельствовало о углублении конфронтации между основными сословными группами.

³⁵ Сенцов А.А. Рождение Кубано-Черноморской республики... С. 40–45.

³⁶ Ладоха Г. Очерки Гражданской войны на Кубани... С. 46.

³⁷ Там же. С. 46.

³⁸ Там же. С. 46.

³⁹ Вольная Кубань. 1917. 23 июля.

В свою очередь, лидеры казачества в Казачьем Совете, воспользовавшись закрытием Облсовета и Облисполкома, приступили к спешному принятию решений о закрытии на местах Гражданских комитетов. В результате по области при помощи станичных правлений на казачьих сходах прокатилась волна их закрытия.

С разгромом Гражданских комитетов вся власть в области перешла в руки Кубанского Войскового правительства. В станицах власть сосредоточилась в руках станичных правлений, которые восстановили атаманское управление, а в селах власть перешла к старшинам. Закрытие Гражданских комитетов только обострило и без того сложные отношения казачества с иногородними. Сложившаяся система регионального и местного управления не давала иногородним возможности оказывать влияние на принимаемые решения.

Войсковое правительство для окончательного укрепления своей власти приступило к ограничению активности левых партий и профсоюзов, многие представители которых подверглись арестам и были вынуждены уйти в подполье. Дальнейшему наступлению на левые партии способствовала и смена политической обстановки в стране в начале июля 1917 г.

Установление союза между казаками и горцами

В сложившейся на Кубани ситуации острого социально-политического противостояния между казачеством и иногородними важное значение приобретала позиция, занятая горским меньшинством области. Осознавая это, представители казачества предпринимали систематические усилия по установлению союза с горцами. С апреля 1917 г. в аулы области направлялись агитаторы с целью обработки горского населения в духе, «угодном» Кубанскому войсковому правительству⁴⁰.

С 10 по 17 августа в ауле Хакуринохабль прошел Первый свободный съезд горцев Кубанской области, на котором присутствовали представители от казачества. Центральное место в работе съезда занял вопрос о том, кого поддерживать горцам в региональных разногласиях. Член Кубанского областного исполнительного комитета Султан Шахим-Гирей сделал доклад о происшедшем расколе в Областном совете и Комитете между казаками и иногородними. С тем, чтобы склонить горцев области на свою сторону, Войсковое правительство пошло на предоставление им права национального представительства. После длительного обсуждения съезд постановил «действовать в контакте с казачьим населением Кубанской области, предварительно установив и согласовав точно и определенно политические и общественно-административные задачи обоих народов»⁴¹. Данное решение участников съезда было продиктовано тем, что горцы Кубани видели в казачестве наиболее влиятельную политическую силу, без содействия которой в условиях политического хаоса и ослабления центральной власти невозможно было решение наиболее значимых для них национально-политических и социально-экономических проблем.

Ввиду раскола в Областном комитете было решено образовать Областной горский комитет в составе четырех членов. На съезде также были избраны пред-

⁴⁰ Емтыль З.Я. Жернова истории. Социально-политическая история адыгов конца XIX в. – 20-х гг. XX в. в очерках и документах. Краснодар, 2016. С. 87.

⁴¹ ГАКК (Государственный архив Краснодарского края). Ф. 799. Оп. 1. Д. 11. Л. 241.

ставители от горцев в Кубанский областной Совет. Учитывая абсолютное доминирование на Кубани русского населения, делегаты съезда отметили необходимость при выборах в органы управления областью соблюдать «принцип гарантии от меньшинства»⁴².

Стоит заметить, что на Первом съезде горцев в ауле Хакуринохабль участниками отстаивалась и другая точка зрения. Часть участников съезда констатировала факт назревания между казаками и иногородними серьезных противоречий, которые способны были перерасти в вооруженную схватку. В этой связи они не видели причин ссориться с иногородними, которые не претендовали на их «гнилые клочки земли»⁴³. Установление союза между горцами и казаками крайне негативно было воспринято иногородними, расценившими это как сговор.

Таким образом, к осени 1917 г. был окончательно оформлен раскол кубанского общества, в который были вовлечены основные социальные и национальные группы области. Уже в ближайшем будущем он стал основой широкомасштабного гражданского противостояния и повлек за собой большие людские потери.

Создание на Кубани казачьей автономии

Объявление Временным правительством 1 сентября 1917 г. России республикой не совпадало с желанием не только кубанского, но и в целом всего казачества об особой автономии казачьих областей. Лидеры казачества предполагали, что Россия станет федеративным государством и субъекты федерации будут иметь широкие полномочия. В этой связи на очередной казачьей конференции представителей Кубанского, Донского и Терского казачества, проходившей в Екатеринодаре 2–4 сентября 1917 г., была принята резолюция, в которой формулировалось требование признания России федеративной республикой с угрозой учредить ее явочным порядком⁴⁴.

Деятельность по созданию казачьей автономии была продолжена на очередной конференции, проходившей в Екатеринодаре 20–25 сентября 1917 г. В резолюции конференции отмечалось: «Мы, ниже подписавшиеся Казачьи войска, Горские народы Кавказа и вольные народы степей, заключили между собой союз с целью способствовать установлению наилучшего государственного строя, внешней безопасности и порядка в государстве Российском, а также обеспечить Членам Союза их неприкосновенность...»⁴⁵

Иногороднее население южных казачьих областей увидело в создании этого союза нежелание лидеров казачества к социальному и политическому уравниванию граждан и решительную готовность отстаивать до конца свои привилегии. Представители кубанских иногородних «упрекали казаков, что они скорее готовы объединиться с калмыками и черкесами, чем с ними русскими людьми»⁴⁶. В ре-

⁴² ГАКК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 11. Л. 240.

⁴³ *Емтыль З.Я.* Жернова истории. Социально-политическая история адыгов... С. 87.

⁴⁴ *Сенцов А.А.* Рождение Кубано-Черноморской республики... С. 49.

⁴⁵ ЦДНИКК (Центр документации новейшей истории Краснодарского края). Ф. 2830. Оп. 1. Д. 123. Л. 2.

⁴⁶ *Скобцов Д.Е.* Три года революции и гражданской войны на Кубани. М., 2015. С. 54.

зультате среди иногородних стала распространяться идея о необходимости образования «Союза иногородних Кубани, Дона, и Терека».

К концу сентября влияние центрального правительство на местах упало настолько, что областной комиссар К.Л. Бардиж находился при Войсковом правительстве в виде старшего советника без права вмешиваться в управление⁴⁷. В условиях фактически отсутствия центральной власти в регионе депутаты Рады попытались до созыва Учредительного собрания создать на Кубани «демократически избранную власть». В принятой Радой резолюции «Об управлении Кубанской областью» были утверждены «Временные основные положения о высших органах в Кубанском крае»⁴⁸. Высшим органом власти в крае на основании данных положений становилась Краевая рада, формировавшаяся из делегатов, представлявших 5 тыс. правомочных граждан. В обязанности Краевой Рады входило формирование Законодательного собрания и организация выборов войскового атамана⁴⁹.

Законодательная Рада должна была собираться два раза в год. Ее первая сессия была назначена на начало ноября 1917 г. В обязанности Рады входило избрание председателя и членов краевого правительства, краевого контролера, представителя края при центральном правительстве, издание законов, рассмотрение и утверждение бюджета, а также обсуждение деятельности войскового (краевого) правительства и в исключительных случаях вынесения ему вотума недоверия.

Краевое правительство формировалось из десяти человек, избираемых из числа депутатов Законодательного собрания, и председателя. Члены правительства должны были возглавить все управления, созданные в крае: финансов, гражданское, военное, просвещения, юстиции, торговли и промышленности, земледелия, продовольствия, народного здоровья, путей сообщения. Два места в правительстве предоставлялось коренным иногородним и одно – горцам.

В обязанности Войскового атамана входило быть главой края, утверждать законопроекты, принимаемые Радой, а также быть главой всех вооруженных сил, находящихся на территории края даже временно⁵⁰. До начала работы Законодательной рады обязанности Краевого правительства выполняло старое Войсковое правительство⁵¹. По сути «Временные основные положения о высших органах в Кубанском крае» стали конституцией Кубанского края. На основании данных положений Кубанская область должна была именоваться Кубанским краем, а Войсковое правительство и Рада – краевыми.

Несмотря на то, что представители «самостийников» усиленно проводили агитацию среди кубанского казачества, рассказывая о самобытности и праве казаков на свое независимое государство, пойти на окончательный разрыв отношений с центральным правительством депутаты Рады не решались. Так, в ст. 3 «Времен-

⁴⁷ Скобцов Д.Е. Три года революции и гражданской войны на Кубани. М., 2015. С. 54.

⁴⁸ Общая сводка рассмотренных Кубанской краевой Радой вопросов и принятых решений. Екатеринодар. 1917. С. 3–7.

⁴⁹ Там же. С. 4–7.

⁵⁰ Сенцов А.А. Рождение Кубано-Черноморской республики... С. 47–48.

⁵¹ Скобцов Д.Е. Три года революции и гражданской войны на Кубани... С. 57.

ных Положений» говорилось только о широкой местной автономии и о самостоятельности в «разрешении вопросов местной жизни...»⁵².

В условиях углублявшегося социального конфликта внутри кубанского общества представители казачьей фракции в Раде предприняли попытку объединения с горцами и частью иногороднего «коренного» населения. Горцы Кубани еще на августовском съезде в ауле Хакурнохабле пришли к соглашению с казачеством и приняли сторону Кубанского правительства. Чтобы склонить на свою сторону часть иногороднего населения, лидеры Рады во «Временных Положениях» пошли на уравнивание в правах с казачеством коренных иногородних. В ст. 2 говорилось, что «гражданские права и обязанности в вопросах как управления, так и самоуправления кубанское коренное население осуществляет наравне с казачеством немедленно»⁵³. Согласно «Временных Положений» носителями высшей власти в крае были представительные собрания. В выборах в данные собрания должны были участвовать только правомочные граждане от 20 лет обоего пола, из числа казаков, горцев и коренных крестьян. Под полноправными гражданами подразумевалось только казачье население и иногородние, владеющие землей на правах общинной или частной собственности. Таким образом, большая часть иногородних и рабочих была лишена избирательных прав. Коренные иногородние на предложение краевых властей о включении их в состав полноправных граждан отвечали уклончиво, так как числиться казаками в преддверии новых политических потрясений перестало быть почетным.

На основании Положений в состав президиума Рады были включены по представителю от горцев и коренного иногороднего населения. Однако данные представители отказались от работы по обсуждению резолюций и от голосований, так как не считали себя представителями всего иногороднего и горского населения и предложили созвать всесословный съезд путем прямого, равного и тайного голосования⁵⁴.

Ограничившись уравниванием в правах только «коренных» иногородних, краевое правительство было больше обеспокоено вопросами расширения самоуправления региона, формированием «Юга-Восточного союза» и укрепления своей власти в преддверии надвигавшейся большевистской угрозы, чем решением внутренних проблем. Рада, представлявшая в основном интересы крупных землевладельцев и зажиточных казаков, не сумела пойти на компромисс с иногородними и беднейшим казачеством в решении земельного вопроса и в уравнивании всего населения в гражданских правах. Это неминуемо лишало ее поддержки значительной части населения и ставило под вопрос легитимность ее дальнейшего существования. Сложившая на Кубани осенью 1917 г. структура власти, по справедливому мнению В.А. Терновского, представляла собой «своеобразную парламентскую республику сословного типа, что являлось особенностью этого региона...»⁵⁵.

⁵² ГАКК. Ф. Р-1774. Оп. 2. Д. 208.

⁵³ Сенцов А.А. Рождение Кубано-Черноморской республики... С. 46.

⁵⁴ Кубанский край. 1917. 4 октября.

⁵⁵ Терновский В.А. Формирование органов казачьего самоуправления... С. 95.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что февральские революционные события в столице резко активизировали политическую активность населения Кубанской области, в атмосфере которой происходило формирование новой модели управления. Данный процесс имел выраженные особенности, обусловленные спецификой социальной и национальной структуры Кубани, а также существовавшей до революции системой управления областью. Хотя в первые же дни после свержения самодержавия власть на Кубани официально перешла в руки органов Временного правительства, политическая реальность в регионе, как и в целом по стране, оказалась гораздо сложнее, и говорить об обладании Временным правительством всей полноты власти не приходилось.

В целом, развитие социально-политической ситуации на Кубани в 1917 г. происходило в направлении углубления социально-политической конфронтации, в центре которой находилось казачество и иногороднее население региона. Основные социальные группы Кубани продемонстрировали неспособность к консенсусу в силу их диаметрально противоположных интересов. Иногородние крестьяне области и рабочие, воодушевленные демократическими лозунгами свершившейся революции, надеялись на уравнивание в правах с казачеством. Позиция же представителей казачества в целом была направлена не только на сохранение своих привилегий в области землепользования и управления областью, но и на их расширение.

В развитии процесса формирования системы органов управления на Кубани в период революционных преобразований отчетливо выделяется два разнонаправленных по своему содержанию периода. В первый период (с марта по июль 1917 г.) он происходил в русле постфевральских демократических процессов и был направлен на формирование более демократичной всеобщей системы регионального и местного управления. Второй период, начавшийся в июле 1917 г., носил фактически контрреволюционный характер и был ознаменован захватом всей полноты власти органами казачьего самоуправления.

Сложившаяся к осени 1917 г. система управления являлась дискриминационной по отношению к иногородним и рабочим, не давала им возможности оказывать влияние на решение наиболее важных социально-экономических и политических вопросов. Упразднение земельных комитетов, закрытие областного Совета и Облисполкома, ограничение деятельности левых партий, разгром гражданских комитетов на местах и переход всей власти в руки Кубанского Войскового правительства не оставляли правовых оснований для решения проблем с учетом интересов всех сословий. Сформировавшаяся система регионального и местного управления не была ориентирована на достижение социального согласия и мира, а напротив, формировала почву для острого социального конфликта и направляла дальнейшее развитие социально-политической ситуации в направлении жесткого гражданского противостояния.

Рукопись поступила: 27 августа 2019 г.

Submitted: 27 August 2019

Библиографический список

- Артемов С.Н.* Земельный вопрос на крестьянских и казачьих съездах Юга России (1917 г.) // Научный исторический вестник. 2007. № 16. С. 102–111.
- Бабичев М.М.* Подъем крестьянского движения на Кубани в период борьбы за установление Советской власти (1917–1918 гг.) // Труды краснодарского педагогического института. 1963. № 33. С. 13–29.
- Буркин Н.Г.* Октябрьская революция и гражданская война в горских областях Северного Кавказа. Ростов н/Д: Партиздат, тип. им. Коминтерна, 1933. 63 с.
- Венков А.В.* Антибольшевистское движение на Юге России на начальном этапе гражданской войны. Ростов н/Д: «Логос», 1995. 128 с.
- Галлямова Л.И.* 1917 год на Дальнем Востоке России: региональные особенности социально-политических трансформаций // Россия и АТР. 2017. № 2. С. 9–24.
- Емтыль З.Я., Аверина А.В.* Нарастание противоречий между иногородними и казачеством в период революционных событий 1917 года // Этнос и культура в эпоху глобализации. Сборник материалов III Международной научной очно-заочной конференции, 27–28 июня 2019 г. Краснодар: Изд. КубГТУ, 2019. С. 165–176.
- Емтыль З.Я.* Жернова истории. Социально-политическая история адыгов конца XIX в. – 20-х гг. XX в. в очерках и документах. Краснодар: Издательский Дом – Юг, 2016. 228 с.
- Зайцев А.А.* Региональный политический процесс в условиях Гражданской войны 1917–1922 гг.: на материалах Дона и Кубано-Черноморья. Краснодар: Традиция, 2009. 210 с.
- Кабытова Н.Н.* Властные парадигмы российской провинции в 1917 году // Вестник архивиста. 2017. № 2. С. 211–220.
- Ладоха Г.* Очерки Гражданской войны на Кубани. Краснодар: Кооперативное издательство «Буревестник», 1923. 122 с.
- Осадчий И.П.* Большевики Черноморской губернии в борьбе за победу Октября // Из истории партийных организаций Краснодарского края. Краснодар: [Б.и.], 1968. С. 5–39.
- Осадчий И.П.* Борьба за власть Советов на Кубани и Черноморье в годы Гражданской войны. Краснодар: «Знание», 1971. 72 с.
- Ратушняк В.Н.* Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. Краснодар: Советская Кубань, 1996. 656 с.
- Разгон И.М.* Орджоникидзе и Киров и борьба за власть Советов на Северном Кавказе. 1917–1920 гг. М.: Госполитиздат, 1941. 332 с.
- Раенко Я.Н.* Из истории большевистских организаций Кубано-Черноморья (1914–1920 гг.). Хронологический очерк. Краснодар: Краевое книгоиздательство, 1940. 156 с.
- Раенко Я.Н.* Борьба за установление Советской власти на Кубани и в Черноморье // Учетная запись Ростовского педагогического института. 1953. № 1. С. 53–95.
- Раенко Я.Н.* Хроника исторических событий на Дону, Кубани и в Черноморье. Март 1918 г. – апрель 1920 г. Ростов н/Д.: Ростиздат, 1940. 256 с.
- Сенцов А.А.* Рождение Кубано-Черноморской республики (1917–1918): Из истории становления советской государственности. Краснодар: Книжное изд-во, 1984. 175 с.
- Скобцов Д.Е.* Три года революции и гражданской войны на Кубани. М.: Кучково поле, 2015. 520 с.
- Терновский В.А.* Формирование органов казачьего самоуправления на Кубани (март – декабрь 1917 г.) // Петербургский исторический журнал. 2019. № 1. С. 82–106.
- Трусова Е.М.* Местное управление и самоуправление на Дону, Кубани и Ставрополье в 1917 г. Ростов н/Д: СКНЦВШ, 1999. 220 с.
- Трут В.П.* Казачий излом. Ростов н/Д.: Гефест, 1997. 539 с.
- Тумасов Б.В.* Борьба за власть Советов на Кубани // Труды краснодарского института пищевой промышленности. 1957. № 17. С. 3–12.

- Федина И.М. Кубанское казачество и иногороднее население на рубеже XIX–XX вв. как отражение социальных парадигм кубанской станицы // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2. С. 175–177.
- Федина И.М. Отношение земледельцев кубанских станиц к аграрным преобразованиям советской власти в 1920-е гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2018. Т. 17. № 4. С. 792–811.
- Хижняк И. Октябрь на Кубани // Кубань родная. Краснодар: [Б.и.], 1957. С. 52–60.
- Черпаков В.В. Выборные представительные органы государственной власти на Кубани (1917 – первая половина 1918 года) // Культурная жизнь Юга России. 2011. № 2. С. 33–38.
- Янчевский Н. Гражданская борьба на Северном Кавказе. Ростов н/Д: Севкавказкнига 1927. 205 с.
- Badcock. S. *Politics and the People in Revolutionary Russia: A Provincial History*. Cambridge: University press, 2007. 280 p.
- Raleigh D. *Revolution on the Volga: 1917 in Saratov*. Ithaca: Cornell University Press, 1986. 376 p.
- Raleigh D. *Experiencing Russia's Civil War: Politics, Society, and Revolutionary Culture in Saratov, 1917–1922*. Oxford, Princeton: University press, 2002. 464 p.

References

- Artemov, S.N. “The land issue on peasant and Cossack rides in the South of Russia (1917).” *The New Historical Bulletin*, no. 16 (2007): 102–111 (in Russian).
- Babichev, M.M. “Pod’yem krest’yanskogo dvizheniya na Kubani v period bor’by za ustanovleniye Sovetskoj vlasti (1917–1918 gg.).” *Trudy krasnodarskogo pedagogicheskogo institute*, no. 33 (1963): 13–29 (in Russian).
- Badcock, S. *Politics and the People in Revolutionary Russia: A Provincial History*. Cambridge: University press, 2007.
- Burkin, N.G. *Oktyabr’skaya revolyutsiya i grazhdanskaya vojna v gorskikh oblastiakh Severnogo Kavkaza*. Rostov n/D: Partizdat Publ., 1933 (in Russian).
- Cherpakov, V.V. “Elected representative bodies of state power in the Kuban (1917 – first half of 1918).” *Cultural Studies Russian South*, no. 2 (2011): 33–38 (in Russian).
- Fedina, I.M. “Kuban Cossacks and nonresident population at the turn of XIX–XX centuries as a reflection of social paradigm of Kuban village.” *Theory and Practice of Social Development*, no. 2 (2012): 175–177 (in Russian).
- Fedina, I.M. “Kuban farmers’ attitudes toward Soviet agrarian transformations in the 1920s.” *RUDN Journal of Russian History* 17, no. 4 (2018): 792–811 (in Russian).
- Gallyamova, L.I. “The Russian Far East in 1917: regional peculiarities of socio-political transformations.” *Russia and the Pacific*, no. 2 (2017): 9–24 (in Russian).
- Kabytova, N.N. “Paradigms of Power in the Russian Periphery in 1917.” *Herald of an Archivist*, no. 2 (2017): 211–220 (in Russian).
- Khizhnyak, I. “Oktyabr’ na Kubani.” In *Kuban’ rodnaya*, 52–60. Краснодар: [S.n.], 1957 (in Russian).
- Ladokha, G. *Ocherki Grazhdanskoy vojny na Kubani*. Krasnodar: «Burevestnik» Publ., 1923 (in Russian).
- Osadchiy, I.P. “Bol’sheviki Chernomorskoy gubernii v bor’be za pobedu Oktyabrya.” In *Iz istorii partinykh organizatsiy Krasnodarskogo kraja*, 5–39. Krasnodar: [S.n.], 1968 (in Russian).
- Osadchiy, I.P. *Bor’ba za vlast’ Sovetov na Kubani i Chernomor’ye v gody Grazhdanskoy vojny*. Krasnodar: “Znaniye” Publ., 1971 (in Russian).
- Raleigh, D. *Revolution on the Volga: 1917 in Saratov*. Ithaca: Cornell University Press, 1986.
- Raleigh, D. *Experiencing Russia’s Civil War: Politics, Society, and Revolutionary Culture in Saratov, 1917–1922*. Oxford, Princeton: University press, 2002.
- Ratushnyak, V.N. *Ocherki istorii Kubani s drevneyshikh vremen po 1920 g.* Krasnodar: Sovetskaya Kuban’ Publ., 1996 (in Russian).
- Razgon, I.M. *Ordzhonikidze i Kirov i bor’ba za vlast’ Sovetov na Severnom Kavkaze. 1917–1920 gg.* Moscow: Gospolitizdat Publ., 1941 (in Russian).

- Rayenko, Ya.N. *Iz istoriy bol'shevistskikh organizatsiy Kubano-Chernomor'ya (1914–1920 gg.). Khronologicheskii ocherk*. Krasnodar: Krayevoye knigoizdatel'stvo Publ., 1940 (in Russian).
- Rayenko, Ya.N. "Bor'ba za ustanovleniye Sovetskoy vlasti na Kubani i v Chernomor'ye." *Uchetnaya zapis' Rostovskogo pedagogicheskogo institute*, no. 1 (1953): 53–95 (in Russian).
- Rayenko, Ya.N. *Khronika istoricheskikh sobytiy na Donu, Kubani i v Chernomor'ye. Mart 1918 g. – aprel' 1920 g.* Rostov n/D.: Rostizdat Publ., 1940 (in Russian).
- Sentsov, A.A. *Rozhdeniye Kubano-Chernomorskoy respubliki (1917–1918): Iz istorii stanovleniya sovetskoy gosudarstvennosti*. Krasnodar: Knizhnoye izd-vo Publ., 1984 (in Russian).
- Skobtsov, D.Ye. *Tri goda revolyutsii i grazhdanskoy voyny na Kubani*. Moscow: Kuchkovo pole Publ., 2015 (in Russian).
- Ternovskiy, V.A. "Formation of the Cossack self-government in the Kuban region (March – December 1917)." *Petersburg historical Journal*, no. 1 (2019): 82–106 (in Russian).
- Trusova, Ye.M. *Mestnoye upravleniye i samoupravleniye na Donu, Kubani i Stavropol'ye v 1917 g.* Rostov n/D: SKNTSVSH Publ., 1999 (in Russian).
- Trut, V.P. "Kazachiy izlom. Rostov n/D.: Gefest, 1997. 539 s. Tumasov B.V. Bor'ba za vlast' Sovetov na Kubani." *Trudy krasnodarskogo instituta pishchevoy promyshlennosti*, no. 17 (1957): 3–12 (in Russian).
- Venkov, A.B. *Antibol'shevistskoye dvizheniye na Yuge Rossii na nachal'nom etape grazhdanskoy voyny*. Rostov n/D: "Logos" Publ., 1995 (in Russian).
- Yanchevskiy, N. *Grazhdanskaya bor'ba na Severnom Kavkaze*. Rostov n/D: SevKavkniga Publ., 1927 (in Russian).
- Yemtyl', Z.Ya., and Averina, A.V. "Narastaniye protivorechiy mezhdru inogorodnimi i kazachestvom v period revolyutsionnykh sobytiy 1917 goda." In *Etnos i kul'tura v epokhu globalizatsii. Sbornik materialov III Mezhdunarodnoy nauchnoy ochno-zaochnoy konferentsii, 27–28 iyunya 2019 g.*, 165–176. Krasnodar: KubGTU Publ., 2019 (in Russian).
- Yemtyl', Z.Ya. *Zhernova istorii. Sotsial'no-politicheskaya istoriya adygov kontsa XIX v.–20-kh gg. XX v. v ocherkakh i dokumentakh*. Krasnodar: Dom – Yug Publ., 2016 (in Russian).
- Zaytsev, A.A. *Regional'nyy politicheskii protsess v usloviyakh Grazhdanskoy voyny 1917–1922 gg.: na materialakh Dona i Kubano-Chernomor'ya*. Krasnodar: Traditsiya Publ., 2009 (in Russian).

Информация об авторах /Information about authors

Емтыль Зарема Январбиевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории, философии и психологии Кубанского государственного технологического университета.

Zarema Ya. Emtyl, Doctor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Professor, Department of History, Philosophy and Psychology, The Kuban State University of Technology

Пахомов Андрей Вячеславович, аспирант кафедры истории, философии и психологии, преподаватель кафедры физвоспитания и спорта Кубанского государственного технологического университета.

Andrey V. Pakhomov, PhD student, Department of History, Philosophy and Psychology, Lecturer, Department of Physical Education and Sport, The Kuban State University of Technology.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-1-197-213>

Научная статья / Research article

The Raid in the Editorial Office of the Turkish Newspaper *Tan*, 1945, and its Impact on the State of Soviet-Turkish and US-Turkish Relations in the Post-WWII Period¹

Efe Sivis

Fenerbahçe University, Atatürk Mahallesi, Metropol İstanbul, Ataşehir Blv.,
Ataşehir/İstanbul, 34758 Turkey; efe.sivis@fbu.edu.tr

Погром в редакции турецкой газеты «Тан» в 1945 г. и его влияние на состояние советско-турецких и американско-турецких отношений в послевоенный период

Ефе Сивиш

Фенербахче Университет; 34758, Турция, Стамбул, Пр. Аташехир; efe.sivis@fbu.edu.tr

Abstract: The author examines the demonstrations carried out by university students in Istanbul on December 4, 1945 and the raid on the printing operations of the pro-Soviet *Tan* newspaper, known as the Tan Raid, in light of U.S. State Department documents, namely the related files in National Archives Records Administration. The influence of the Tan Raid on Turkey's international relations is discussed in the context of Turkish-American and Turkish-Soviet relations. The Raid is regarded as a significant incident since it coincides with the post WW2 period when Turkey's relations with the Soviet Union had already deteriorated due to Moscow's demands to revise the Montreux Convention by 19th of March 1945. Furthermore, Turkish-American diplomatic contacts in the aftermath of the Raid show Washington's perspective on policy towards Soviet Union, as U.S. officials advised a moderate line to their Turkish counterparts. On the other hand, preparations for the Raid seem highly controversial since Turkish government officials did not strongly condemn the event and the police did not intervene against the protestors despite of their violent actions towards *Tan* and some left leaning bookstores. The slogans during the demonstration show its anti-Soviet character, which Ankara denied in order to decrease tensions with the Soviets by arguing that it was *Tan*'s owner, the Sertel couple to whom the anger was directed, not the Soviet Union. The intelligence obtained by diplomats at the U.S. Embassy in Ankara, the meetings they conducted with Turkish politicians, their conclusions regarding the process leading up to the raid, and their opinions on Turkish-Soviet relations provide the background for the analysis.

Keywords: Turkish-American Relations, Turkish-Soviet Relations, Turkish Foreign Policy, American Foreign Policy, Tan Raid, Tan Incidents

For citation: Sivis, Efe. "The Raid in the Editorial Office of the Turkish Newspaper *Tan* in 1945 and its Impact on Soviet-Turkish and American-Turkish Relations in the Post-WWII Period," *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 1 (February 2020): 197–213. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-1-197-213>

© Sivis E., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

¹ The arguments and archival sources related to Tan Raid are used for the first time among the Authors' publications. They are not produced from Author's doctoral dissertation.

Аннотация: В статье на основе введения в научный оборот архивных документов, в том числе из фонда госсекретаря США, исследуется история демонстрации студентов Стамбульского университета 4 декабря 1945 г.и связанного с этим погрома редакции газеты «Тан», известного как «Тан Рейд». Автор анализируется влияние данного инцидента на внешнюю политику Турции в контексте турецко-советских и турецко-американских отношений после окончания Второй мировой войны, когда противостояние между СССР и Турцией заметно усилилось. С привлечением новых исторических материалов автор раскрывает внешнюю политику США в отношении СССР в этот период и выявляет рекомендации Вашингтона Турции, направленные на снижение напряженности в ее отношениях с Кремлем. Хотя инцидент известен как «Тан рейд», он был направлен также против нескольких книжных магазинов и издательств (кроме типографии газеты «Тан»), в которых выходила литература левой направленности. В числе атакованных оказался также один из книжных магазинов, где бизнес-менеджером был советский гражданин. Понесенные финансовые потери стали предметом обмена дипломатическими нотами между Турцией и СССР по вопросу о компенсациях советской стороне. Как показало исследование, у американской дипломатической миссии в Анкаре сложилось впечатление, что турецкие официальные круги не были разочарованы насильственными действиями, совершенными в отношении левых изданий, а скорее расценили данный инцидент как естественный, обусловленный ростом в стране после войны антисоветских настроений. Автором были проанализированы полученные американскими дипломатами в Анкаре сведения об инциденте, характер состоявшихся встреч, которые они провели в те дни с турецкими политиками, и выводы американской стороны о влиянии данного инцидента на состояние турецко-советских отношений.

Ключевые слова: турецко-советские отношения, турецко-американские отношения, внешняя политика Турции, внешняя политика Америки, Тан Рейд, Тан происшествя

Для цитирования: Сивиш Э. Погром в редакции турецкой газеты «Тан» в 1945 г. и его влияние на состояние советско-турецких и американо-турецких отношений в послевоенный период // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 1. С. 197–213. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-1-197-213>

Introduction

The Tan Raid is commonly seen as an important benchmark in Turkish political history, which played role in shaping the republic's position in its international relations in the wake of the Second World War. The raid coincided with a period when Turkish – Soviet relations had deteriorated, as a consequence of several incidents starting from the beginning of the war. In March 1945, signals of Russia's intention to change the Montreux Regime became apparent. The Montreux Convention of 1936, which gave Ankara full sovereignty over the Bosphorus and Dardanelles Straits in peace time and right to militarize them, which had been ruled by an international commission since the 1923 Lausanne Conference. Following WWII, the Soviet Union started to put pressure on Turkey to share its sovereignty rights, but Ankara argued that this was an “international matter”², knowing that U.S. and Britain would contest Soviets' gaining this privilege if it came to an international convention. On the other hand, in 1944, Britain was moderate in allowing free passage of Russian warships through the Straits.³ How-

² “Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers, 1945, The Near East and Africa,” Office of the Historian, accessed December 3, 2019, <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1945v08/d1182>.

³ “Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers, Conferences at Malta and Yalta,” Office of the Historian, December 3, 2019, <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1945Malta/d227>.

ever, the Kremlin's demands also included having bases in the region and defending the Straits together with Turkey.

The incident that took place in Istanbul at the end of 1945 arose from the protests that targeted the *Tan* newspaper and several bookstores that apparently had leftist leanings. The university students who damaged the bookstores and the printing office of the *Tan* shouted slogans attacking Zekeriya Sertel, the owner of *Tan*, and his wife Sabiha Sertel, who was a columnist for the paper. Besides the two journalists, who followed a pro-Soviet line, Communism was a target of the slogans as well. Although there is no written proof, testimonies of eyewitnesses suggest that the protests had been organized by the ruling Republican People's Party, or at least ignored by it. The incident coincided with a critical period in Turkish diplomacy relations with the Soviet Union had deteriorated. This article covers the course of events that led to the Tan Raid and its records in U.S. archival documents, namely the remarks of American diplomats about the incident and Turkish – Soviet relations. Turkey faced several demands from the Soviet Union in 1939, before WW2 broke out. While Turkey's Foreign Minister at the time, Şükrü Saraçoğlu, arrived Moscow at 25th of September 1939 for negotiations to include Soviet Union to the potential Tripartite Treaty between Turkey, Britain and France, he faced unexpected demands, such as revising Montreux Convention in favor of the Kremlin.⁴ In a similar way, on 19 March 1945 Soviet Commissar of Foreign Affairs Molotov announced the termination of the Soviet – Turkish Treaty of Friendship and Non-Aggression, which had been signed on 17 December 1925, declaring “The Soviets considers it necessary to assert that owing to deep changes which have taken place particularly in course of second world war, this treaty no longer corresponds to the new situation and requires serious improvement”.⁵ The Kremlin's step was regarded as a signal for demanding a revision in Montreux by the Turkish side. Moreover, Japan was one of the signatories of the Convention. Since Japan was on the losing side of WW2, Ankara believed that by revision, the Soviets wanted to exclude Japan from Montreux.⁶ However soon, it became apparent that Soviets were following a policy that would provide opportunities to exert strong political pressure on Turkey.⁷ From a historical perspective, the Treaty of Hunkar Iskelesi, signed among Russia and the Ottoman State in 1833, opened the Straits to Russian warships freely and Ottomans could close the Straits to any warships in case of war. However, during WW1 Turkey let the German battleships *Goeben* and *Breslau* pass, which violated the Straits regime. As a consequence of Lausanne, Soviets demands were left out and freedom of passage was established for merchant ships during peace or war, and warships were given passage only in peace time. In the interwar years, the Soviets were attacked twice through the Straits. Montreux recognized Turkish sovereignty and granted complete freedom of passage to commercial ships in peacetime and limited freedom to warships with certain

⁴ Barış Ertem, “Türkiye Üzerindeki Sovyet Talepleri ve Türk-Sovyet İlişkileri (1939–1947),” *Uluslararası Sosyal Araştırmalar Dergisi* 3, no. 11 (2010): 252, 253.

⁵ “Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers, 1945, The Near East and Africa,” Office of the Historian, accessed December 2, 2019, <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1945v08/d1183>.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid.

tonnages limitations. In war time, different conditions would regulate when Turkey was determinant. However, the Soviets were not satisfied with the Montreux Convention since it still gave the opportunity to foreign warships to navigate Black Sea and imposed limitations on the size of vessels that the Soviet Union could send into the Mediterranean. Moreover, Montreux did not give Soviet Union direct control over Straits.⁸ As a matter of fact, at the Yalta Conference in February 1945, Josef Stalin argued that “a small state like Turkey could keep a hand on the throat of a large country like Russia”. Accordingly, Russia should not have to beg Turkey to give passage to its ships through the Straits, and a new regime like that for the Suez Canal should be established. Although the British kept a moderate stance in response to Russia’s intention, London was confused when it heard the Soviet demands on 7 June.⁹

On 7 June 1945, the Soviets put forward four demands from Ankara government: i) Kars and Ardahan, on the Soviet border in northeast Turkey, which was occupied by Russia during WW1, should remain Soviet. ii) The Soviets should gain naval and military bases in the Bosphorus and Dardanelles. iii) The Montreux Convention should be revised. iv) the Thracian border should be changed in favor of communist Bulgaria. These demands were supported by Moscow’s shifting troops towards Thrace, and a war of nerves it conducted with Bulgaria via media outlets that directly targeted Turkey’s government at the time.¹⁰ Due to the its perception of the threat, Turkey sought diplomatic support from U.S. and Britain, although the former refrained from giving explicit support due since this would harm its relations with Kremlin while Britain supported Turkey.¹¹ Considering Turkey’s efforts to balance Moscow’s war of nerves towards Turkey, the Tan Raid holds a considerable significance since it coincided with one of Ankara’s major foreign policy struggles.

On November 1, 1945, Turkey’s President Ismet Inonu openly declared that “the only thing missing in Turkey is an opposition party”¹², but by the end of 1945 opposition circles had surfaced when it became apparent that Turkey would turn to multi-party politics. The change became evident in pro-Soviet publications towards the end of 1945, with the expansion of the strict censorship that was enforced during the war years.¹³ In the process, a group of left-leaning intellectuals published a journal titled *Görüşler* (Opinions”). The journal was named after a column in the *Tan* newspaper by Sabiha Sertel, who was well-known for her left-wing orientation.¹⁴ It was hoped that publish-

⁸ Gökay Bülent, “Soviet Eastern Policy and Turkey, 1920–1991,” in *Soviet Foreign Policy, Turkey and Communism* (London, New York: Routledge, 2006), 61.

⁹ A.L. Macfie, “The Turkish straits in the second world war, 1939–1945,” *Middle Eastern Studies* 25, no. 2 (1989): 245–246.

¹⁰ Bağcı Hüseyin, Bal İdris, “Turkish Foreign Policy in Post Cold War Era: New Problems and Opportunities,” in *Turkish Foreign Policy in Post Cold War Era* (Floria: Brown Walker Press, 2004), 97.

¹¹ H. George, *Troubled Alliance-Turkish American Problems in Historical Perspective, 1945–1971* (Washington DC: American Enterprise Institute for Public Policy Research, 1972), 16–19.

¹² Türk Devrim Tarihi Enstitüsü, *İnönü’nün Söylev ve Demeçleri-I 1919–1946* (İstanbul: Milli Eğitim Basımevi Publ., 1946), 397.

¹³ B. Lewis, *Modern Türkiye’nin Doğuşu* (Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1993), 308.

¹⁴ Ali Ulvi Özdemir, “İkinci Dünya Savaşı Yıllarında Serteller ve Tan Gazetesi (1939–1945),” *Ankara Üniversitesi Türk İnkılap Tarihi Enstitüsü Atatürk Yolu Dergisi* 49, no. 3 (2012): 179–216.

ing the proposed journal would be instrumental in triggering Turkey's democratization. *Görüşler*, owned by the Sertel couple, was similar in content and editorial policies to their newspaper, *Tan*, which essentially claimed to be a Soviet sympathizer, and defended anti-fascism, the transition to a democratic and liberal order, the abolition of anti-democratic laws, and the termination of the one-party regime.¹⁵

The contributors to *Görüşler* were announced on the cover of the first issue, which was published on December 1, 1945. The prominent opponents of one-party rule Celal Bayar, Fuat Köprülü, Adnan Menderes, Teşvik Rüştü Aras were on the initial list of contributors along with leftist intellectuals such as Zekeriya and Sabiha Sertel, Niyazi Berkeş, Sabahattin Ali, and Aziz Nesin. However, only the first issue appeared, since the weekly was unable to continue publication due to violent acts that erupted subsequently. This study discusses intelligence obtained by diplomats serving in the U.S. Embassy in Turkey during the period leading up to the Tan Raid, their meetings with Turkish politicians, their comments and conclusions. In addition, based on information available in documents from archival documents, the impact of the Tan Raid on Turkish-Soviet relations is examined from American perspective.

The Tan Raid was studied in a number of publications within the context of Turkish-Soviet relations. However, to explain the course of events and to understand the U.S. reaction, the American archival documents were not used. Vural underlines that in 1945's fall, both in Greece and Iran, internal turmoil connected to the Soviet Union was lasting and Turkey's threat perception from Soviet Union led to a rapprochement between U.S. and Turkey. Accordingly Turkey's international relations and *Tan*'s supporting publication to opposition groups in Turkey's domestic politics made the psychological atmosphere suitable for the Tan Raid.¹⁶ Özdemir claims that the Tan Raid was a message by Turkish government to the world in its search to position itself in the new international order.¹⁷ Turkey apparently aimed at being a member of the Western world following WW2.

The Background of the Raid

In an atmosphere where Turkey's threat perception of the Soviet Union was high, Turkey's left-wing intellectuals prone to a moderate stance towards Moscow's aspirations were confronted by official circles and the media under its control. Within this context, Turkey's international relations had an impact on domestic politics when publication of *Görüşler* triggered hostility against the leftist movements and mobilized Turkish youth groups to conduct act of violence towards the left-wing media organs and bookstores.

When the first copy of *Görüşler* was published, the initial letter of its Turkish name ("G"), was found to resemble a sickle. The sickle and hammer were the two symbols of Communism. The resemblance to this symbol created the perception that

¹⁵ Hülya Öztekin, "Türkiye'de Çok Partili Hayata Geçiş Sürecinde Muhafif Bir Dergi: Görüşler," *İletişim Kuram ve Araştırma Dergisi*, no. 41 (2015): 178.

¹⁶ Mithat Kadri Vural, "II. Dünya Savaşı Türkiyesi'nde Bir Muhalefet Örneği Olarak "Tan" Gazetesi," *ÇTTAD* 8, no. 16–17 (2008): 391.

¹⁷ Ali Ulvi Özdemir, "İkinci Dünya Savaşı Yıllarında Serteller ve Tan Gazetesi (1939–1945)," *Ankara Üniversitesi Türk İnkılap Tarihi Enstitüsü Atatürk Yolu Dergisi*, no. 49 (2012): 181.

the journal would lead to a violent communist revolution, or at least support such a revolution in Turkey. According to Sabiha Sertel, the deliberate association of the letter ‘G’ with a sickle during the publication of the journal was beyond its control and had been an attempt at sabotage. According to Sertel, Sabahattin Ali, also a left-leaning writer, had a similar experience. Ali had requested that flags of all countries be placed around the logo depicting the world, which appeared in the advertisements of the *Yeni Dünya* Newspaper (New World), which he owned. He had asked that the Turkish flag be given prominence, however, in the printing process the flags were replaced and the Soviet flag was prominently positioned, which suggested that the newspaper was pro-Soviet.¹⁸

Following publication of the first issue of *Görüşler*, Celal Bayar declared that he had no connection with the journal. He argued that he was in no way associated with any ideology other than Kemalism, indicating that his new political party would be founded soon. Sabiha Sertel, the publisher of *Görüşler*, wrote in her memoirs that she had obtained the necessary permission from Bayar and other founders of the Democratic Party (DP). According to Sertel, on behalf of the founders of the DP, the former Minister of Foreign Affairs, Tevfik Rüştü Aras had explained that they gave up writing for the journal after the negative reaction from official circles in Ankara following the publication of the first issue. In fact, Celal Bayar had promised to give an interview, not an article, to the journal. Sertel, however, wrote Bayar’s name on the cover of the journal, at the top of the section presenting those who had promised to write for the journal, even though Bayar had indicated that he could only give an interview. It is likely that this was a manifestation of Sabiha Sertel’s attempt to create the perception that the journal was effective by taking advantage of Celal Bayar’s popularity. Sertel, on the other hand, claimed that Bayar had offered to cover the expenses related to the journal’s issue, but Sertel had refused. In other words, Bayar supported the journal to some degree at its founding stage.¹⁹

DP’s founding staff initially pledged financial assistance, articles and interviews to *Görüşler*, but backed down due to the reactions to the first issue.²⁰ It can be argued that such collaboration was based on mutual interests. There was a strong possibility that the left-wing intellectual group comprising Zekeriya Sertel, Sabiha Sertel, Tevfik Rüştü Aras, Cami Baykurt and others sought to use their own ideologies to influence the new opposition party to be established.²¹ However, the Tan Raid, which took place on December 4, 1945, led to a break between the DP and other opposition elements.²² In one view, the Tan incident served as a warning to the DP as it was in the process of coming to power, and it ceased its collaboration with left-leaning opposition groups.²³ With the process that started with the Tan Raid, the DP and the ruling Republican People’s Party (RPP) adopted a joint stance against left-wing tendencies, which signaled the beginning of a period when left-wing parties and unions stopped operating.²⁴

¹⁸ S. Sertel, *Roman Gibi* (İstanbul: Belge Yayınları Publ., 1987), 298–299.

¹⁹ Ibid., 296–303.

²⁰ Timur Taner, *Türkiye’de Çok Partili Hayata Geçiş* (Ankara: İmge Kitabevi Publ., 2003), 112–113.

²¹ Goloğlu Mahmut, *Demokrasiye Geçiş 1946-1950* (İstanbul: Kaynak Yayınları Publ., 1982), 130.

²² A. Gevgilili, *Yükseliş ve Düşüş* (İstanbul: Bağlam Yayınları Publ., 1987), 41.

²³ Küçük Yalçın, *Türkiye Üzerine Tezler* (İstanbul: Türkiye Üzerine Tezler Publ., 2006), 459.

²⁴ Ensar Yılmaz, “Türkiye’de Siyaset Alanının Yeniden Tanziminde İki Önemli Olay: Tan Gazetesi Baskını ve Mareşal Fevzi Çakmak’ın Ölümü,” *Bartın Üniversitesi İktisadi ve İdari Bilimler Fakültesi Dergisi*, no. 1 (2016): 66.

It is possible that the Sertels might have thought that the people who were in the process of forming a party, especially Celal Bayar, would have brought added value to *Görüşler*. However, on the eve of forming a new party, some individuals may have desired to be heard via the press, even if it was left-leaning. As a matter of fact, the strict press censorship of the single-party era seemed to have loosened, but the vast majority of the media was still controlled by the government.

After the first issue of *Görüşler* was published, columnists close to the government embarked on an intensive smear campaign against the journal. Sabiha Sertel's harsh style in the first issue of *Görüşler* might also have played a role in this development.²⁵

On the second page of the first issue of *Görüşler*, there was a call for the abolition of the anti-democratic laws of the one-party regime in an article published under the signature of Zekeriya Sertel. It argued that such changes could be made not by the RPP and the current parliament, but by a government that would come to power through free elections. Under the heading "Dünya Sola Gidiyor" (The World Is Going Left), it noted that socialist regimes had been introduced in countries such as England, France and Belgium.²⁶ The most obvious reaction in the Turkish press regarding these articles came from Hüseyin Cahit Yalçın, who was famous for opposing the left. Yalçın referred to the demands of the Russians for bases on the lands in Eastern Anatolia and the Straits, and stated that the struggle had begun, with words and articles as the means. Accordingly, journalists and citizens had to carry out the fight. It was not the government's job to silence these people.²⁷

The articles published in the Turkish press against *Görüşler* stirred up the youth and brought thousands of students together in a demonstration. Another view contends, however, that the students were organized by the RPP's Istanbul Provincial Organization itself. According to Sabiha Sertel, some of the youth groups that attacked Tan's printing offices had been organized beforehand by the People's Party and Prime Minister Şükrü Saraçoğlu. Sertel argued that the Tan's printing press was destroyed according to their instructions.²⁸ Similarly, Şevket Süreyya Aydemir argued that the RPP played a role in organizing the Tan incident²⁹, not to mention that then Prime Minister, Şükrü Saraçoğlu, had criticized *Tan* and *Vatan* newspapers without naming them at a press conference about three months before the raid, and complained about their "impropriety."³⁰

The reason for the demonstration against the printing offices of *Tan* was that it also published *Görüşler*. As a matter of fact, both media organs belonged to the Sertels. In the early hours of December 4, 1945, about 20,000 university and high school students with slogans walked from the Beyazıt Campus of Istanbul University to the building where *Tan* was located. Even though the demonstrators were on the premises of *Tan*,

²⁵ Burcu Biçer Ertuna, *Erken Cumhuriyet Dönemi Aydınları Sabiha Zekeriya Sertel'in Fikir Yazılarında Modernleşme Bağlamında Kadın, Toplum ve Siyaset* (Marmara: Marmara Üniversitesi Publ., 2008), 341.

²⁶ Hülya Öztekin, "Türkiye'de Çok Partili Hayata Geçiş Sürecinde Muhafif Bir Dergi: Görüşler," *İletişim Kuram ve Araştırma Dergisi*, no. 41 (2015): 178–179.

²⁷ Hüseyin Cahit Yalçın, "Kalkın Ey... Ehli Vatan!...", *Tanin*, December 3, 1945.

²⁸ S. Sertel, *Roman Gibi...*, 308.

²⁹ Aydemir Süreyya Şevket, *İkinci Adam (1938–1950)* (İstanbul: Remzi Kitabevi Publ., 2005), 285.

³⁰ Us Asım, *Atatürk, İnönü, İkinci Dünya Harbi Ve Demokrasi Rejimine Giriş Devri Hatıraları, 1930–1950* (İstanbul: Vakıf Matbaası Publ., 1966), 646.

the police did not intervene. Some of the marchers, with axes in their hands, attacked the building, smashing the windows and printing presses inside. The press thrown out the window, and the paper rolls of newsprint were plundered. According to eyewitnesses, “Kahrolsun Komünizm, Kahrolsun Serteller” (Damn Communism, Damn the Sertels) were the slogans heard during the demonstration.³¹ In their fury, the crowd went so far as to strip the Sertels naked after finding them and painted them red.³²

After the demonstrators removed the *Tan*'s sign and replaced it with a portrait of Atatürk, they arrived at Beyoğlu singing the national anthem, after passing through Sirkeci to leave flowers at the Republic Monument in Taksim. The *Yeni Dünya* and *La Turquie* newspapers, and the Berrak Bookstore, which sold left-leaning books, were along the marchers' route, and were also damaged. Demonstrators attacked the *ABC Bookstore* on Ankara Street on the way back, after placing their wreath. The crowd then proceeded to the Provincial Hall and the RPP's Provincial Organization Center and dispersed after shouting slogans. Although there was no evidence that the demonstration against *Tan* was instigated by the one-party regime itself, there appear to be various indications in this direction. It is noteworthy that the police did not intervene despite witnessing the attacks by the demonstrators, and despite the fact that the demonstrators caused damage and openly committed crimes. The police took no legal action and no government official made a statement condemning the incident. While it was reluctantly agreed that the demonstrations were unfortunate, the pro-government media generally praised them.³³ Meanwhile, the police had not taken any precautions during the events, which lasted until 3 pm and took place in a region very close to police headquarters in Istanbul.³⁴

Ali İhsan Göğüş, who was detained for organizing the events, argued that the articles written by Sabiha Sertel were responsible for the Tan Raid.³⁵ Kazım Alöç, the martial law prosecutor at the time, was surprised that the RPP inspector, Alaaddin Tiritöğlü, came to visit the seven people who organized the events while they were in custody. According to Alöç, the RPP inspector offered cigarettes to the defendants and asked them how they were doing.³⁶

Edwin C. Wilson, the U.S. Ambassador to Ankara, informed the State Department on December 4, 1945 about the demonstrations and quoted the first eyewitness accounts from Istanbul that thousands of university students had damaged the workplaces of *Tan* and *La Turquie* newspapers. Wilson noted that both media organs were pro-Soviet and that a Soviet bookshop had been damaged. Also, all the buildings on the main street were forced to display a Turkish flag. The demonstrators used chalk to write ‘damn communism’ on the walls and cars as they passed by. Wilson also mentioned that the crowd sought to reach the Soviet Consulate building but was blocked by the police.³⁷

³¹ Mumcu Uğur, *40'ların Cadı Kazanı* (Ankara: Um:ag Vakfı Yayınları Publ., 2002), 74–75.

³² Erduran Refik, *Sabiha* (İstanbul: Remzi Kitabevi Publ., 2004), 140.

³³ Necmeddin Sadak, “Türk Gençliğinin Heyecanlı Gösterisine Dünya Hayran Kalmıştır,” *Akşam*, December 7, 1945.

³⁴ Yetkin Çetin, *Türkiye'de Tek Parti Yönetimi (1930–1945)* (İstanbul: Altın Kitaplar Publ., 1983), 220.

³⁵ Göğüş Ali İhsan, *Hep İsmet Paşa'nın Yanında* (İstanbul: Remzi Kitabevi Publ., 2008), 55.

³⁶ Kazım Alöç, “İfşa Ediyorum,” *Yeni Gazete*, April 12–26, 1967.

³⁷ U.S. National Archives, 867.00/12-44.

The U.S. Ambassador sent another telegram to Washington on the same day indicating six reasons for the demonstrations:³⁸

1) A strong anti-Russian sentiment emerged in Turkish society. This feeling was mainly revived after the Soviet demand for land in the Eastern regions, as well as for bases in the Straits, and the events in Iran.

2) *La Turquie* and *Tan*, published by the Sertels, were influential. According to Wilson, pro-Soviet policies pursued by the two press organs had become more evident in recent months.

3) In the last few days, two pro-Soviet press organs had emerged. These were the *Yeni Dünya* newspaper and the *Görüşler* magazine. *Yeni Dünya* was published by the owner of the *La Turquie* newspaper. The publisher of *Görüşler* was the Sertels. The names of reputable dissidents were used without permission in the advertisements of *Görüşler*. One of them, Celal Bayar, said he had no connections to *Görüşler*.

4) The broadcasts by *Moscow Radio* in Turkish since the end of November had been hostile to the Turkish government and its leaders.

5) Hüseyin Cahit Yalçın of *Tanin* newspaper, Falih Rıfkı Atay of *Ulus* and some writers from *Tasvir* had recently accused Ahmet Emin Yalman and the Sertels of being Soviet agents.

6) The quality of education received by Turkish youth and university students was very patriotic.

The telegrams sent by American diplomats show that U.S. had paid close attention to the course of anti-Soviet sentiments among the Turkish population following Moscow's demands for Turkey's territories and the Straits region. The deterioration of Turkish-Soviet relations accelerated the diplomatic activities between Turkey and U.S. as Ankara asked for Washington's support to stand against the demands.

The Meeting between Wilson and the Secretary General of the Turkish Ministry of Foreign Affairs

The archival documents show that after the Tan Raid, several meetings took place between Turkish officials and the U.S. Ambassador to Ankara about the incident and the deterioration of Turkish – Soviet relations. Within this context, the ambassador held a private meeting with Secretary General Feridun Cemal Erkin of the Turkish Ministry of Foreign Affairs. According to Erkin, in recent months, there had been a build-up of anger among university students towards the Sertels and *La Turquie*'s publications. The situation gained momentum after the publication of the first issue of *Görüşler* during the period leading up to the raid. According to Erkin, *Görüşler* had declared that it would be a literary journal with no political content. Celal Bayar wanted to wait until the publication of the first issue to indicate his support the journal. However, this was not the case, and when the first issue Bayar was listed as one of the main authors he reacted angrily. The sequence of events that Erkin conveyed to the American diplomat followed Sabiha Sertel's account.

³⁸ NARA, 867.00/12-44.

In Secretary General Erkin's view, the fact that Bayar's name was put on the cover of the journal was the last straw, which provoked and motivated the students' actions. According to Erkin, the demonstrators carried banners with the slogans "Çok yaşa Türkiye," "biz faşist değiliz," "Türk toprağı Türk kalacak" ("Long live Turkey," "We are not fascists," and "Turkish territory will remain Turkish"). Erkin informed Wilson that there had been no action against the Soviet Consulate General. In the view of the U.S. Ambassador, however, this did not reflect reality.

Erkin argued that the demonstration was not against the Soviets, but against the "traitors" inside. In his meeting with Wilson, Erkin also addressed the way the Russians perceived the issue. It appears that on the evening of December 4, 1945 the Turkish Press General Manager learned that Turkey's representative of the Soviet official news agency, TASS, had exaggerated the events in reporting to Moscow. The TASS representative conveyed to Moscow that slogans such as "Ruslara ölüm," "Kahrolsun komünizm" ("Death to the Russians" and "Damn communism") were shouted. He argued that this action was against the Soviet Union. The Turkish Press director then contacted the TASS representative and stated that his statements did not correspond with the facts. He suggested that the Russian journalist had altered the text sent to Moscow. The Russian responded that he would report to his government if even a single word of his text had been changed or was blocked from contacting the Soviet Union. The director then ensured that the message was sent to Moscow without any change. He invited representatives of the international press to Istanbul on the evening of the incident and distributed the news texts that he had prepared about the events to the press representatives invited. Erkin informed the American ambassador that all factual information had been conveyed to the Turkish ambassadors abroad and he expected the Soviet Union to complain about the issue. According to Erkin, it would likely distort what happened on December 4th. During the meeting, which took place in Erkin's office, Wilson witnessed a call from the Russian Consul General in Istanbul. As the archival documents state, the Soviet diplomat had sent a letter of protest to the Governor of Istanbul just before the phone call.³⁹

The meeting suggests that Turkey made an effort to argue that it was not aiming at increasing tension with the Soviet Union. In a similar way, on the eve of Cold War the U.S. was following a moderate policy towards Soviet Union. However, Washington's hopes to cooperate with Soviet Union were frustrated when Moscow resisted removing its troops from Iran as promised. The moderate tone that Washington Turkey to adopt turned more aggressive when President Truman wrote that there was "no doubt that Soviets intend to attack Turkey." Unless the Soviets were to face "an iron fist and strong language, another war was in the making." In his Army Day Speech, the president now publicly warned Moscow that the sovereignty and integrity of countries in the Near and Middle East must not be threatened by coercion or penetration. To show Washington's support to Turkey, he sent the battleship *USS Missouri* to Istanbul on 5 of April 1946, ostensibly to carry the remains of the late Turkish Ambassador Münir Ertegün.⁴⁰

³⁹ NARA, 867.00/12-545.

⁴⁰ H. George, *Troubled Alliance- Turkish American Problems in Historical Perspective, 1945–1971* (Washington DC: American Enterprise Institute for Public Policy Research, 1972), 19–20.

The Meeting between Wilson and Prime Minister Saraçoğlu

The meetings between Turkish officials and American diplomats then focused on the Tan Raid. The Ambassador Wilson's impressions of the meeting with the Turkish Prime Minister were transmitted to Washington, which concluded that Turkish authorities saw the raid favourably

As is evident from the archival documents, Prime Minister Saraçoğlu also reported the events as described by Feridun Cemal Erkin. According to Saraçoğlu, it was the pro-Soviet and anti-Turkish behavior of certain newspapers that had provoked university students. Saraçoğlu told Wilson that the Turkish government had nothing to do with what happened. According to Saraçoğlu, the demonstrations were masterfully organized by the students, and the events broke out suddenly. The Turkish authorities were not aware of the developments before to the incident and the attacks against *Tan* had begun before the police could intervene. The Prime Minister also argued that the fact that the students organized their actions in the narrow streets of Istanbul made it difficult to intervene. The police prevented the demonstrators from crossing into Pera and closed the Golden Horn bridges. However, in the meantime, some of the crowd had already entered Pera partly by boat. Those who reached Pera broke the police line-up, looted *La Turquie's* office and two leftist bookstores. The archives also show that, during his meeting with Saraçoğlu, Wilson, got the impression that he confirmed the actions of the demonstrators. According to the ambassador, the Turkish Prime Minister seemed to think that the demonstrators were provoked and that their reactions were understandable and did not disapprove of their actions.⁴¹

The Meeting between Wilson and Turkish Minister of Foreign Affairs

The Tan Raid resulted in a Soviet diplomatic to Turkey demanding compensation of the damage caused to the bookstore, which was run by a Soviet citizen. Since the 19th of March 1945, when the Soviet Union informed Turkey that it would not renew the Non-Aggression Pact under current circumstances, relations had already begun to deteriorate, and the Tan Raid only further worsened matters.

The American archival documents show that Turkish Minister of Foreign Affairs Hasan Saka informed Wilson of the Soviet move. Accordingly, on December 8, 1945, the Soviet ambassador requested an appointment with the Turkish Ministry of Foreign Affairs by telephone to convey his country's protest notes about the events of December 4. Saka received the Russian ambassador only half an hour after the call. The minister went on to show Wilson the text of the note he had received, and the ambassador passed its contents onto Washington. The note stated that hostile statements against the USSR had been made during the December 4 Istanbul demonstrations. It added that they had been shouted by the crowd, and that two bookstores selling Russian publications and Soviet books were destroyed. These facts were meant to give the demonstration an anti-Soviet character. According to the note, the Turkish police, despite all this hostile behavior, did not stop the demonstrators and in fact protected them. It concluded that the Soviet government would not tolerate such a provocative incident and blamed the Turkish government for the incident.⁴²

⁴¹ NARA, 867.00/12-545.

⁴² NARA, 867.00/12-845.

According to the American archival documents, the Turkish minister of foreign affairs immediately responded to the Soviet Ambassador to Ankara, Sergei A. Vinogradov. He argued that Soviet government had relied on incorrect information and added that the crowd had not expressed any hostility against the Soviet Union. He argued that the demonstrations were against the communism in Turkey, not against the USSR, stressing that communism was illegal in Turkey. At the same time, the police had not protected the demonstrators, but rather tried to protect the booksellers. The fact that the police were injured in clashes with the demonstrators proved it.

The Turkish Minister informed the Soviet ambassador that the owners of the bookstores had legal rights to cover their losses. On the other hand, he stated that the information obtained by the Soviet Government was the same as that provided to the TASS correspondent. He stressed that Turkish authorities had warned TASS about the errors, but that its correspondent insisted on passing the news in its current form. Saka underscored that the December 4 demonstrations had nothing to do with any foreign country and argued that the demonstrations were all about Turkey's domestic issues. He informed the Russians they would receive his government's report on the subject after its completion. The minister also pointed out that government officials listened to Moscow Radio's broadcasts of every evening and were aware that they attacked Turkish institutions and individuals.

According to Saka, those broadcasts were far more hostile than in the events in Istanbul. Regardless, the Turkish government would not react in anger to such words. In a private meeting with Ambassador Wilson, Saka stated that he had expected the Soviets to react in this way. According to Saka, for the Russians this opportunity was too good to miss. The Turkish Minister of Foreign Affairs also shared with Wilson his belief that when the Russians had achieved their goal in Iran, it would be Turkey's turn, and they would use the events of December 4 in addition to other accusations. On December 13, 1945, the U.S. State Department thanked its embassy in Ankara for its report on the *Tan* incident and instructed it to issue a call for moderation to Turkish authorities, asking them to refrain from anything that could be interpreted as provocative before the United Nations would become fully operational.⁴³

The Exchange of Diplomatic Notes between Turks and Russians through the Eyes of Americans

Wilson sent a telegram to Washington on December 11, 1945 to assess the exchange of notes between the Turks and Russians in relation to the events of December 4. The Secretary General of the Turkish Ministry of Foreign Affairs, Feridun Cemal Erkin, had accordingly contacted Wilson on the morning on December 11, 1945 to give him a copy of the note responding to the Soviet Ambassador's protest of December 8. The Turks had replied to the Soviets an hour later, at 6 o'clock in the evening. Erkin stated that the Turkish government tried to be conciliatory in preparing its note, explaining that the December 4 demonstrations were related to Turkey's domestic affairs. It added that there was no hostility to the USSR. Erkin had received news that U.S. Secretary of State James F. Byrnes would leave for Moscow in one or two days and predicted that

⁴³ NARA, 867.00/12-845.

the Soviets would inform him of the issue. He, therefore, he asked that the Turkish response note be shared with the American before his visit to Moscow. According to Erkin, the Russians would have told the Byrnes that what happened was provocative and fascist.⁴⁴ The Turkish diplomat's effort, therefore, sought to prevent the American from being convinced by the Soviets.

The Turkish response stated that the investigation into the events of December 4 had been completed and concluded that they were based entirely on domestic factors. It added that the Turkish press was completely free. However, as in other countries, it struggled to publish opposing ideologies. The December 4 incidents were partly a reaction by some of the Turkish public against the political views of certain Turkish journalists. This finding was evident both in official reports and in those written by reporters for the international press. Therefore, it was wrong to link the incidents with the Soviets. Despite the fact that the TASS correspondent had been warned, the note argued that he had sent completely false information to Moscow, causing a dispute between Ankara. However, the note also added that the investigation had sought to determine whether provocateurs played a role in the deteriorating relations between the two countries, and found no evidence that the actions had been directed at any country. The report also stated that a Soviet citizen had been identified as one of people who had suffered financial losses, and that he should apply for legal redress, much as some Turkish citizens had already done. However, the Turkish government had no responsibility in the events and that the police were not negligent. Furthermore, there was no hostility against the USSR.⁴⁵

The archives show that Wilson and Saka met at for dinner on December 12, 1945. During the meal, the Turkish minister informed the American ambassador of his government's offer to the Soviets to make their exchange of notes public. In response, the Vinogradov stated that he would ask the Soviet government about the matter. Secretary General of the Turkish Ministry of Foreign Affairs Feridun Cemal Erkin continued to keep Wilson informed about these developments. The Soviet ambassador responded two days later December 14, 1945, that they could make the mutual notes public if the Turkish government. However, the Soviets regarded the Turkish note as unsatisfactory and a denial of the reality.

Hasan Saka thanked the Soviet ambassador and informed him that they would publish the notes on December 15. Nevertheless, he objected to Vinogradov's assessment of the Turkish note and argued that it was based on confirmed facts. The Soviets published the texts of the notes on the evening of December 14, 1945, the day before the agreed date, without informing the Turkish government. Feridun Cemal Erkin said to Wilson that the move was unexpected and surprising, and announced that the Turkish government would publish the full text of the notes at noon on December 15.⁴⁶ The U.S. ambassador duly informed Washington.

Wilson had contacted Erkin twice since the events of December 4 and suggested that the Turks remain calm. He expressed his hope that the necessary steps would be taken to prevent a further escalation of the events. The secretary general explained that

⁴⁴ NARA, 867.00/12-1145.

⁴⁵ Ibid.

⁴⁶ NARA, 867.00/12-1345.

the situation was calm and that things would not get any worse. He also mentioned that a newspaper in Izmir was receiving threats similar to the attacks against *Tan*. The police were immediately instructed to investigate the incident and provided the necessary protection. In dispatch to Washington, Wilson argued that protests against pro-Soviet sympathizers were unlikely to continue, since they had been thoroughly cowed. “Our danger,” Wilson concluded “was the possibility the Soviets would in fact launch a campaign of provocation.”⁴⁷

In his telegram of December 17, 1945, the American ambassador referred to the student demonstrations in the Bursa, Izmir and Çatalca regions. More students had protested there than in Istanbul on December 4. He referred to *Ulus*, saying the demonstrations were held to protest the recent articles in favor of communism. Students marched to Anıtkabir, the tomb of Atatürk in Ankara, placed a wreath, and destroyed copies of *Görüşler*. The booksellers who refused to sell left-wing publications were applauded. According to the U.S. Embassy, the demonstrators had been orderly, and had not damaged any buildings or caused personal injuries.⁴⁸

Wilson said the Turkish government did not approve of the demonstration. Indeed, two ministers had come to the demonstration personally to urge the students to return to their classrooms. Moreover, the police arrested a number of student leaders. According to Wilson, these were indications that the government did not approve of the gathering.⁴⁹ Wilson concluded that after the Tan Raid Turkey’s stance towards anti-Soviet movements became relatively more moderate than when compared to 4th of December incidents.

The Journalist Zekeriya Sertel’s Search for Asylum in the United States

In his telegram dated December 10, 1945, Wilson informed Washington that he had had received an asylum application from the Sertels and mentioned that he had rejected the request. On the morning of December 9, the U.S. Ambassador received a message from the U.S. Consul General in Istanbul, MacAtee. The American press representative called the American Consul General on the night of December 8 and informed him that the Sertels had invited him to their home. The Sertels argued that they had been terrorized and sought asylum and protection from the American consul. MacAtee responded to the Sertels that he had no such authority but promised he would bring the matter to Ambassador Wilson’s attention, which he did.

According to the American press representative, the Sertels had not cited any developments after the December 4 incident as the basis for their request. Wilson told Washington that Consul General MacAtee had asked him for instructions on the matter. Wilson replied that the U.S. consulate in Istanbul had extraterritorial status but underlined that there must be an urgent risk of death for asylum to be granted. Furthermore, there had to be no other safe zone where those making the request could take refuge. Wilson added that the Sertels’ status did not appear to meet these criteria. The American ambassador notified Erkin of this development, suggesting that the Turkish government

⁴⁷ NARA, 867.00/12-1745.

⁴⁸ Ibid.

⁴⁹ NARA, 867.00/1-746.

might consider protecting the Sertels. After thanking Wilson, Erkin expressed his confidence that the Sertels were not in danger, but added that he would immediately instruct the security forces to ensure adequate protection.⁵⁰

The Sertels were not the only ones who contacted the Americans about their search for asylum. Frank O'Brien, Zekeriya Sertel's stepson, sent a letter to Wilson on December 26, 1945. O'Brien, who had been the *Associated Press's* correspondent in Bucharest, asked that his stepfather's application for asylum to the United States be accepted. Wilson forwarded both the text of O'Brien's letter and his response to Loy W. Henderson, Director of the Office for the Near East and Africa at the U.S. State Department on January 7, 1946. The last paragraph of O'Brien's letter stated that Zekeriya Sertel might also be an asset to the United States were he to settle there. Wilson noted that the reasons why Sertel could not be employed by the U.S. Government should be clearly stated if Sertel were nevertheless allowed to go to the United States. On the other hand, he noted that he did not know Sertel well, having met him only twice, and having had a long conversation once. According to the information from people whose judgment he trusted, Sertel was a weak individual devoid of influence or intelligence. Sincere in his liberal ideas, Sertel probably didn't realize he had been used by the Soviets. Wilson also noted that he was under the influence of his vehemently pro-Soviet wife, Sabiha.

Henderson replied the same day confirming that Wilson had made the right decision by not granting Zekeriya Sertel asylum, and that the State Department fully approved. Henderson stated that Sertel's plan to come to the United States should be postponed until he had served his imprisonment in Turkey. He also suggested that Sertel could become a Soviet propagandist if he came to the United States. According to Henderson, the best way to deal with the issue was as described in Wilson's reply letter to O'Brien. The U.S. Consulate General in Istanbul should have considered Sertel's visa application independently and without prejudice, according to its merit. Henderson emphasized the ministry's interest in the Sertels and asked them to be informed of the developments.⁵¹

Zekeriya Sertel also sent a letter to the embassy himself, which its clerk, a Mr Horner, received on December 12, 1945. Although Wilson noted that the credibility of the Turkish source who delivered the letter was questionable, he forwarded the contents of the letter, which argued that Sertel and his wife were threatened after the December 4 incidents.⁵²

The incident (the December 4 incidents) that happened was organized and conducted by the secret police. After this distressing event, my wife and I don't feel safe in this country. Every day and every night, we're threatened by the agents of the secret police. That's why we want to apply for asylum to the U.S. Consulate General. We'd like to be sent to the United States if possible. Would you please send these wishes of us to the ambassador and let us know the result by phone? My phone number is 60387. Yours sincerely, Zekeriya Sertel.

⁵⁰ NARA, 867.00/12-1045.

⁵¹ NARA, 867.00/1-746.

⁵² NARA, 867.00/12-1845.

According to Wilson's instructions to Horner, who accepted the letter, the embassy's position on Sertel's asylum application was negative.⁵³

Conclusion

The Tan Raid that took place on December 4, 1945 was an important episode in Turkish-Soviet relations that consisted of demonstrations by university students against the *Tan* newspaper, owned by Zekeriya and Sabiha Sertel, a left-leaning pro-Soviet couple who criticized the one-party regime. According to witnesses, thousands of students engaged in acts of violence against the paper's printing press, causing damage. During the demonstrations, a left-leaning bookstore operated by a Soviet citizen was also damaged. The demonstrations had a negative impact on the already strained Turkish-Soviet relations of the period.

This study examined the correspondence of the U.S. embassy about the event. It discussed the views of American diplomats regarding the Tan Raid. The U.S. Embassy took into consideration the intelligence it had obtained and concluded that the Turkish government had avoided ordering the police to stop the demonstration. It also reported that the Soviet Union had claimed compensation from Turkey for the damage to the bookshop owned by one of its citizens. Turkey did not accept the Soviet Union's claim for compensation, and instead explained how the relevant individual could seek redress through the courts. Moreover, the documents indicate that the U.S. tried to decrease the tension between Turkey and Soviet Union. The American government followed a moderate policy at the time, and asked Turkish officials to be calm, in an effort to avoid an escalation of tensions Between Ankara and Moscow.

Washington's policies ultimately shifted when Russians did not withdraw from Iran as they promised. Truman signaled a harder line by sending the *USS Missouri* to Turkey in April 1946. Meanwhile, the archives also reveal that although Zekeriya Sertel, publisher of *Tan* and *Görüşler*, followed a pro-Soviet line, he applied for asylum to the United States following the Tan Raid, but was not successful.

Рукопись поступила: 23 сентября 2019 г.

Submitted: 23 september 2019

References

- Ali Ulvi, Özdemir. "İkinci Dünya Savaşı Yıllarında Serteller ve Tan Gazetesi (1939–1945)." *Ankara Üniversitesi Türk İnkılap Tarihi Enstitüsü Atatürk Yolu Dergisi* 49, no. 3 (2012): 179–216 (in Turkish).
- Aydemir, Süreyya Şevket. *İkinci Adam (1938–1950)*. İstanbul: Remzi Kitabevi, 2005 (in Turkish).
- Barış, Ertem. "Türkiye Üzerindeki Sovyet Talepleri ve Türk-Sovyet İlişkileri (1939–1947)." *Uluslararası Sosyal Araştırmalar Dergisi* 3, no. 11 (2010): 250–270 (in Turkish).
- Bağcı, Hüseyin, and Bal, İdris. "Turkish Foreign Policy in Post Cold War Era: New Problems and Opportunities." In *Turkish Foreign Policy in Post Cold War Era*, 81–99. Floria: Brown Walker Press, 2004 (in Turkish).
- Burcu, Biçer Ertuna. *Erken Cumhuriyet Dönemi Aydın Sabiha Zekeriya Sertel'in Fikir Yazılarında Modernleşme Bağlamında Kadın, Toplum ve Siyaset*. Marmara: Marmara Üniversitesi, 2008 (in Turkish).

⁵³ NARA, 867.00/12-1845.

- Ensar, Yılmaz. “Türkiye’de Siyaset Alanının Yeniden Tanziminde İki Önemli Olay: Tan Gazetesi Baskını ve Mareşal Fevzi Çakmak’ın Ölümü.” *Bartın Üniversitesi İktisadi ve İdari Bilimler Fakültesi Dergisi*, no. 1 (2016): 50–67 (in Turkish).
- Erduran, Refik. *Sabiha*. İstanbul: Remzi Kitabevi, 2004 (in Turkish).
- George, H. *Troubled Alliance-Turkish American Problems in Historical Perspective, 1945–1971*. Washington DC: American Enterprise Institute for Public Policy Research, 1972.
- Gevgilili, A. *Yükseliş ve Düşüş*. İstanbul: Bağlam Yayınları, 1987 (in Turkish).
- Goloğlu, Mahmut. *Demokrasiye Geçiş 1946–1950*. İstanbul: Kaynak Yayınları, 1982 (in Turkish).
- Göğüş, Ali İhsan. *Hep İsmet Paşa’nın Yanında*. İstanbul: Remzi Kitabevi, 2008 (in Turkish).
- Gökay, Bülent. “Soviet Eastern Policy and Turkey, 1920–1991.” In *Soviet Foreign Policy, Turkey and Communism*, 57–65. London, New York: Routledge, 2006 (in Turkish).
- Hülya, Öztekin. “Türkiye’de Çok Partili Hayata Geçiş Sürecinde Muhafif Bir Dergi: Görüşler.” *İletişim Kuram ve Araştırma Dergisi*, no. 41 (2015): 170–191 (in Turkish).
- Hüseyin, Cahit Yalçın. “Kalkın Ey... Ehli Vatan!...” *Tanin*, December 3, 1945 (in Turkish).
- Kazım, Alöç. “İfşa Ediyorum.” *Yeni Gazete*, April 12–26, 1967 (in Turkish).
- Küçük, Yalçın. *Türkiye Üzerine Tezler*. İstanbul: Türkiye Üzerine Tezler, 2006 (in Turkish).
- Lewis, B. *Modern Türkiye’nin Doğuşu*. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1993 (in Turkish).
- Macfie, A.L. “The Turkish straits in the second world war, 1939–1945.” *Middle Eastern Studies* 25, no. 2 (1989): 245–246.
- Mithat, Kadri Vural. “II. Dünya Savaşı Türkiye’sinde Bir Muhalefet Örneği Olarak ‘Tan’ Gazetesi.” *ÇTTAD* 8, no. 16–17 (2008): 371–390 (in Turkish).
- Mumcu, Uğur. *40’ların Cadı Kazanı*. Ankara: Um:ag Vakfı Yayınları Publ., 2002 (in Turkish).
- Necmeddin, Sadak. “Türk Gençliğinin Heyecanlı Gösterisine Dünya Hayran Kalmıştır.” *Akşam*, December 7, 1945 (in Turkish).
- Sertel, S. *Roman Gibi*. İstanbul: Belge Yayınları, 1987 (in Turkish).
- Timur, Taner. *Türkiye’de Çok Partili Hayata Geçiş*. Ankara: İmge Kitabevi, 2003 (in Turkish).
- İnönü, İsmet. *İnönü’nün Söylev ve Demeçleri-I 1919–1946*. İstanbul: Milli Eğitim Basımevi, 1946 (in Turkish).
- Us, Asım. *Atatürk, İnönü, İkinci Dünya Harbi Ve Demokrasi Rejimine Giriş Devri Hatıraları, 1930–1950*. İstanbul: Vakit Matbaası, 1966 (in Turkish).
- Yetkin, Çetin. *Türkiye’de Tek Parti Yönetimi (1930–1945)*. İstanbul: Altın Kitaplar, 1983 (in Turkish).

Информация об авторе / Information about the author

Сивинш Эфе, доктор политических наук (PhD), доцент кафедры политологии и международных отношений Университета Фенербахче (Турция).

Efe Sivış, PhD in Political Science and International Relations, Assistant Professor at the Department of Political Science and International Relations at Fenerbahçe University (Turkey).

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-1-214-239>

Интервью / Interview

“Stalinst Russocentrism”

An Interview with David Brandenberger about the Second Russian Edition of his Monograph *National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2002. viii, 378 p.)

«Сталинский руссоцентризм»

Интервью с Дэвидом Бранденбергером о втором российском издании его монографии «National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956» (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2002. viii, 378 p.)

Abstract: David Brandenberger holds a doctorate in history (PhD.) and is professor of Russian and Soviet history in the Department of History at the University of Richmond (USA). He is also an associate researcher at the National Research University “Higher School of Economics” in Moscow. He is the author of books on the formation of Russian national identity during the Stalin era and on the influence that party propaganda and mass culture had on that process. In this interview, David Brandenberger discusses the arguments and methodologies that contributed to his monograph that was initially published in English and then in two Russian editions: *National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956* (Cambridge: Harvard University Press, 2002), *Natsional-bol'shevizm: stalinskaya massovaya kul'tura i formirovani-*

ye russkogo natsional'nogo samosoznaniya, 1931–1956 gg. (St Petersburg: Akademicheskii proekt, 2009) и *Stalinskiy russotsentrizm: Sovetskaya massovaya kul'tura i formirovaniye russkogo natsional'nogo samosoznaniya, 1931–1956 gg.* (Moscow: ROSSPEN, 2017). Among other things, the author discusses how his thoughts on the topic of this book have evolved since its first publication in light of scholarly debate and the increased availability of primary and secondary sources.

Keywords: Stalinist Russocentrism, Russian national identity, mass culture, party propaganda, mass mobilization

For citation: “ ‘Stalinist Russocentrism’: An Interview with David Brandenberger about the Second Russian Edition of his Monograph *National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2002. viii, 378 p.)” *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 1 (February 2020): 214–239. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-1-214-239>

Аннотация: Дэвид Бранденбергер – доктор исторических наук (PhD in History), профессор российской и советской истории кафедры истории Ричмондского университета (США), ассоциированный научный сотрудник Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Москве. Автор книг о формировании русского национального самосознания в сталинскую эпоху, о влиянии на этот процесс партийной пропаганды и массовой культуры. В своем интервью Д. Бранденбергер рассказывает о содержании и научных подходах в освещении темы исследования, которая получила отражение на страницах его первой монографии, вышедшей на английском языке, – «National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956» (Cambridge: Harvard University Press, 2002) и потом в двух российских изданиях – «Национал-большевизм: сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания, 1931–1956 гг.» (СПб.: Академический проект, 2009) и «Сталинский руссоцентризм: Советская массовая культура и формирование русского национального самосознания, 1931–1956 гг. (М.: РОССПЭН, 2017). Автор делится мыслями о том, как с момента появления первой монографии под влиянием проходивших дискуссий и расширения источниковой базы исследования эволюционировали его взгляды на изучаемую проблему.

Ключевые слова: сталинский руссоцентризм, русское национальное самосознание, массовая культура, партийная пропаганда

Для цитирования: «Сталинский руссоцентризм»: интервью с Дэвидом Бранденбергером о втором российском издании его монографии «National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956» (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2002. viii, 378 p.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 1. С. 214–239. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-1-214-239>

– Dr. Brandenberger, could you begin the interview by telling us a bit about yourself?

– I grew up in an academic family in provincial America in a district that elected the notorious red-baiting anti-communist Joseph R. McCarthy to Congress in 1947. Perhaps for that reason, I cannot claim that my interest in Russian history and culture were initially piqued by the classics like F.M. Dostoevskii or L. N. Tolstoi. Instead, it was the Cold War, Ian Fleming’s James Bond and Ronald Reagan that initially drew my attention to things Russian. In this vein, one of my first moments of mature political commentary came in 1983 when I protested Reagan’s labeling of the USSR as an “evil empire.” “Evil,” I precociously declared to my father at the time, wasn’t an analytical category. Worse, Reagan’s choice of words amounted to deliberately inflammatory rhetoric that would not contribute to mutual understanding or the easing of international tensions.

Amused by my adolescent leftist sympathies, my father encouraged me to start learning Russian while still in high school at the local university where he taught physics. His advice proved transformative for me. Beginning Russian in 1986 or 1987, I continued to study the language at Macalester College, where I majored in history and wrote my senior thesis on the historiography on medieval Kyiv. Studying abroad in Moscow in 1991, I returned after college in 1992–1993 to teach English at Moscow State Linguistics University (the former Thorez Foreign Language Institute) while applying to US doctoral programs in History. Entering Harvard University shortly thereafter, I continued to study Russian while researching and writing my doctoral dissertation, spending some 15 months in Russia between 1996–1997.

Defending my dissertation and earning my doctorate in 1999, I then worked at Harvard between 1999 and 2003 as a lecturer and researcher. Since 2003, I've taught at the University of Richmond, but have continued to spend roughly a month in Russia every year. I'm presently affiliated as a researcher with the National Research University "Higher School of Economics" in Moscow.¹

– How did you arrive at the subject of your first monograph, *National Bolshevism*?

– The origins of *National Bolshevism* – which was based on my doctoral dissertation – stem from my long-standing interest in Russian national identity. At Harvard, I spent a year in graduate school studying 18th and 19th century Russian intellectual thought under Richard Pipes, where I found myself captivated by the Slavophiles and Panslavs. At the same time, I was working under Roman Szporluk on the modern scholarship on national identity formation, both in Eastern Europe and in comparative perspective. These studies proved to be very influential for me.

Eager to write my dissertation on the national question in theory and practice, I spent a lot of time thinking about how best to apply the writing of Ernest Gellner, Benedict Anderson, Miroslav Hroch and others to the history of Russian-speaking society.² Resisting Pipes's advice to focus on 19th century Russian conservative thought, I instead looked for an opportunity to study the emergence of Russian national identity at the grass roots under the influence of ideology, high politics and mass culture – an approach inspired by the work of Ronald G. Suny, Terry Martin, James von Geldern, Richard Stites and Jeffrey Brooks.³ After months of reading, I finally stumbled upon

¹ David Brandenberger, "The 'Short Course' to Modernity: Stalinist History Textbooks, Mass Culture and the Formation of Popular Russian National Identity, 1934–1956" (PhD. Thesis, Harvard University, 1999).

² Ernest Gellner, *Nations and Nationalism* (Ithaca: Cornell UP, 1983); Benedict Anderson, *Imagined Communities: Reflections on the Spread of Nationalism*, rev. ed. (New York: Verso, 1991); Miroslav Hroch, *The Social Preconditions for a Rational Revival in Europe: A Comparative Analysis of the National Composition of Patriotic Groups Among the Smaller European Nations* (Cambridge: Cambridge University Press, 1985); Hroch, "From National Movement to the Fully-formed Nation: The Nation-Building Process in Europe," in *Mapping the Nation*, ed. Gopal Balakrishnan (New York and London: Verso, 1996), 78–97.

³ Ronald Grigor Suny, *The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union* (Stanford: Stanford UP, 1993); Terry Martin, *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939* (Ithaca: Cornell UP, 2001); *Mass Culture in Soviet Russia*, eds. James

a little-known article by A.N. Artizov, the present director of Rosarkhiv, on the writing of a key Stalin-era public school history textbook – A.V. Shestakov’s 1937 *History of the USSR*. This article provided me with clues that helped me to identify the precise moment when the party leadership began to interpolate russocentric thematics into public education, the press and official mass culture.⁴

With Artizov’s insights in mind, I began archival research on my topic in Moscow in 1996–1997. Over the course of many months, I conducted work in a number of former party and state archives and refined my thesis. During this time, I also learned a lot from collaborative work that I conducted with A.M. Dubrovskii while writing an article together for a British scholarly journal.⁵ This co-authored article became the first of my significant publications on the topic.

– What’s the basic argument of the book?

I begin the book with the contention that a modern sense of national identity formed later in Russia than in other European industrialized countries. A constructivist, I cite scholarship that suggests that a mass sense of national identity at the grass roots is a relatively recent occurrence in world history and forms as a byproduct of mass politics, the popular press, widespread literacy, near-universal schooling and social mobility. Such scholarship suggests that such institutions and societal phenomena were able to homogenize parochial identities on the local and regional level into truly national ones only in the 19th century or at the beginning of the 20th.

In the Russian case, I note that although intellectuals in the 18th and especially 19th century spent a lot of time debating the question of what it meant to be Russian, they proved unable to reach a consensus. Their inability to answer this all-important question – combined with the tsarist empire’s low enthusiasm for democratic social movements – stymied the consolidation of an integral, coherent national community in Russia before 1917. Even the relatively late appearance of nationalist propaganda during the First World War did little to galvanize the society around a unified notion of what it meant to be Russian.

If the imperial tsarist government had little interest in nurturing a mass sense of Russian national identity, the early Bolshevik state was determined to suppress what it regarded as Great Power chauvinism in society. Among Russians, they were interested fostering a broad sense of class identity rather than national identity.⁶

In looking at the early Soviet “propaganda state,” I periodize early mobilizational propaganda in the 1920s and 1930s into three phases. During the first phase – the early to mid 1920s – the Bolsheviks attempted to rally the society to industrialize and defend the USSR through a materialist style of propaganda. That propaganda stressed class conflict,

von Geldern and Richard Stites (Bloomington: Indiana University Press, 1995); Jeffrey Brooks, *When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861–1917* (Evanston: Northwestern University Press, 2003)

⁴ A.N. Artizov, “V ugodu vzgliadam vozhdia [konkurs 1936 g. na uchebnik po istorii SSSR],” *Kentavr [Voprosy istorii KPSS]* 1 (1991): 125–135. See also *Istoriia SSSR: Kratkii kurs*, ed. A.V. Shestakov (Moscow: Gos. uchebno-pedagogicheskoe izdatel’stvo, 1937).

⁵ D.L. Brandenberger and A.M. Dubrovsky, “‘The People Need a Tsar’: The Emergence of National Bolshevism as Stalinist Ideology, 1931–1941,” *Europe Asia Studies [Soviet Studies]* 50, no. 5 (1998): 873–892.

⁶ Indigenization programs (*korenizatsiia*), of course, did not apply to Russian-speaking society.

anonymous social forces and other Marxist structuralism. The propaganda was predictably schematic and focused on idealized but generic representations of class. Attention was cast on groups of protagonists instead of individual heroes; and internationalism rather than nationalism or patriotism. The formation of a community based on a united, coherent sense of Russianness was discouraged during this time, insofar as the Bolsheviks saw such sentiments as a vestige of the *ancien régime*. Devoted Marxists, the Bolsheviks instead attempted to build a new community around class identity and revolutionary internationalism.

I contend that the test of this new propaganda line occurred in 1927, during the so-called war scare with Great Britain. During this diplomatic rupture with Britain, I argue that the Soviet leadership expanded its bid to mobilize society for industrialization with talk of war and defense of the USSR. But instead of stimulating a surge of popular support for the regime, this war scare instead inspired panic, hoarding, and defeatist rumors that swept across the country. Some peasants reportedly even looked forward to a British invasion that would topple the Bolsheviks and restore the monarchy.

I argue that this debacle, on the tenth anniversary of the October 1917 revolution, forced party ideologists and propagandists to look for new ways of increasing the accessibility of their schematic, bloodless, class-based propaganda. The transition to new forms of mobilization was not immediate, however. Between 1927 and the early 1930s, there appears to have been quite a bit of confusion over what might be more effective, but not involve ideological compromises. In the end, I believe part of the answer came not from the ranks of professional party ideologists and propagandists, but from journalists working in the youth newspapers and then the central party papers.

– So, does this mark the transition to a second phase of Soviet interwar mobilization?

– Yes. Exactly. By the early 1930s, Soviet journalists had demonstrated to Agit-prop that a better approach to mobilizational propaganda would come from a renewed focus on individual heroism.⁷ Generic, anonymous class analysis was to be replaced by individual, identifiable heroes of the revolution, civil war and socialist construction. These heroes were deployed in such a way as to serve as practical, accessible role models for admiration and emulation, first in the press and then slowly in other forms of party propaganda and mass culture.

By 1934, strident individuals dominated what I call the second phase of Soviet mobilizational propaganda. This new stress on dynamic role models and heroes was complemented by a new-found emphasis on patriotism. Patriotism in the 1920s had been dismissed as a bourgeois surrogate – something that the capitalist world used as a masking ideology in order to distract workers from their class interests. During the early 1930s, however, at the same time, that individual heroism was being revived, we see a hesitant rehabilitation of the idea of patriotism as well, now called “Soviet patriotism.” Stalin argued in 1931 that if Marx had been right in 1848 that the workers did not have a fatherland, the situation in the USSR had changed since 1917, now that

⁷ My analysis here runs parallel to an argument advanced in Matthew Lenoe, *Closer to the Masses: Stalinist Culture, Social Revolution, and Soviet Newspapers* (Cambridge: Harvard University Press, 2004).

there *was* such a thing as a workers' fatherland. Patriotism was, therefore, a legitimate emotion for the proletariat to feel in relation to the USSR.

So circa 1935–1936, I argue that the second phase of Soviet mobilizational propaganda was proving to be much more effective and accessible than the first. New material revolving around heroism and patriotism, based on concrete material from the revolution, civil war and socialist construction, was finding real popular resonance within society for the first time.⁸

– So, what then was the third phase of Soviet interwar mobilization?

– The third phase of interwar mobilizational propaganda is something I date to the second half of 1936 – the outset of the Great Purges. It's well known that the purges had a devastating effect on the party, the military, the intelligentsia, and so on. What I argue is that wave after wave of purges between 1936–1938 also undermined the new mobilizational propaganda focusing on heroes and patriotism, as this witch hunt exposed many of the protagonists and heroic role models as enemies of the people.

As the purges consumed the new heroes and patriots, Soviet propagandists were forced to recall the films, theatrical productions and books celebrating them. This paralyzed much of the propaganda line. Attempts were made to recut the films, airbrush the pictures and rewrite the books.⁹ But this was an unpredictable process, as the Terror proceeded in waves, rather than all at once. A book or film reworked today might need to be recalled again tomorrow.

In the end, party propagandists, led by Stalin, were forced to retreat from their new emphasis on heroes and patriotism in party propaganda and return to the bloodless schematicism and anonymous social forces of the 1920s. This is most clear in the launch of the famous *Short Course* on party history, released in 1938.¹⁰ Stalin attempted to justify this new emphasis on schematicism and anonymous social forces during the release of the *Short Course*, averring that the average party member and executive needed to have a better grasp on Marxist theory and that party history, therefore, ought to be grounded in more orthodox Marxist-Leninism.¹¹

At the same time, that Stalin was attempting to redirect well-educated party members toward Marxist theory, he was encouraging propagandists and educators working within society at large to look to the prerevolutionary past for new sources of authority and legitimacy. Earlier stress on the classics in literature and the arts (as forerunners of Socialist Realism) was now flanked by the rehabilitation of political and military greats of the pre-revolutionary

⁸ I examine this popular reception of Soviet mobilizational propaganda from the mid-1930s through letters, diaries, memoirs, secret police reports, as well as the popular consumption of new novels, plays, operas and films, in my second major book, David Brandenberger, *Krizis stalinskogo agitpropa: Propaganda, politprosveshchenie i terror, 1927–1941* (Moscow: ROSSPEN, 2017). Originally published as Brandenberger, *Propaganda State in Crisis: Soviet Ideology, Indoctrination and Terror under Stalin, 1928–1941* (New Haven: Yale University Press, 2011).

⁹ See, for example, David King, *The Commissar Vanishes: The Falsification of Photographs and Art in Stalin's Russia* (New York: Metropolitan Books, 1997).

¹⁰ *Istoriia VKP(b): Kratkii kurs* (Moscow: Gospolitizdat, 1938).

¹¹ See *Stalin's Master Narrative: A Critical Edition of the Short Course on the History of the Communist Party (Bolsheviks)*, eds. David Brandenberger and Mikhail Zelenov (New Haven: Yale University Press, 2019).

period. Leaders such as Aleksandr Nevskii, Dmitrii Donskoi, Ivan the Terrible and Peter the Great were revived as examples of progressive leadership and hailed for their support of the centralization of state authority; military heroes such as Aleksandr Suvorov and Mikhail Kutuzov too were revived in order to recognize the precursors to Soviet martial pride.

This, I argue, marks the third phase of Soviet mobilizational propaganda – the ossification of the party line and its replacement with an array of mobilizational exigencies focusing on the Russian national past. One might also note here other mobilizational exigencies of the period, particularly the party leadership’s continued expansion of Stalin’s personality cult.

It bears mentioning at this juncture that this new historical line was officially called the “History of the Peoples of the USSR” and theoretically included the prerevolutionary histories of the other non-Russian peoples in its new grand narrative. In practical terms, however, these intentions went largely unrealized during the interwar years. Part of the reason for this stemmed from the purges, which made it difficult to write non-Russian republican history without being accused of “bourgeois nationalism.” But equally important is the unavoidable conclusion that the development of these auxiliary narratives was just not a high priority. Indeed, the only non-Russian heroes to really receive public attention in the prewar period – those concerning Ukraine and Belarus – were discussed in the press only when the annexation of Polish territories in 1939 required historical justification.¹²

After surveying this major russocentric shift in mobilizational propaganda between 1917–1937 in the first three chapters of the book, the next four chapters examine how this new propaganda line was popularized within the public schools and mass culture and received within Soviet society. Such an approach foregrounds the complexities involved not only in the formulation of mobilizational propaganda, but in its transmission to the popular level as well as its reception at the grass roots.

Insofar as this set of dynamics underwent changes after the start of the Second World War in 1941, chapters eight through eleven trace the contours of the party’s mobilizational propaganda through 1945. Chapters twelve through sixteen, in turn, follow these processes into the mid-1950s.

– What does the emergence and trajectory of this form of mobilizational propaganda say about official russocentrism under Stalin?

– Good question. My study of the politics of mass mobilization in Soviet society between the late 1920s and mid-1950s reveals that the deployment of Russian national heroes, legends and myths during this time was fundamentally pragmatic and etatist in

¹² Although some historians have recently argued that Ukrainians and Belorussians were also elevated to the status of “great peoples” between 1939 and 1941, this would seem to be a component of the campaign to justify the Sovietization of eastern Poland rather than an independent ideological development bent on valorizing the Ukrainian or Belorussian people, per se. Not only does the timing of the campaign point directly to the 1939 partitioning of Poland, but the historical parables that received the most publicity (e.g., 1654, Bogdan Khmel’nitskii, and the Polish Yoke) are too convenient to be merely coincidental. Of course, regardless of the reasons behind the promotion of “the great Ukrainian people” and “the great Belorussian people” between 1939 and 1941, these developments should be seen as fully compatible with the Russian people’s official designation as “the first among equals.” See Serhy Yekelchuk, *Stalin’s Empire of Memory: Russian-Ukrainian Relations in the Soviet Historical Imagination* (Toronto: University of Toronto Press, 2004), 21–26; Amir Weiner, *Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution* (Princeton: Princeton University Press, 2001), 351–352.

nature. It was an attempt to augment the arcane and inaccessible aspects of Marxist-Leninism with populist rhetoric designed to bolster Soviet state legitimacy and promote a society-wide sense of allegiance to the USSR.

Two points are worth noting in regard to the intention and design behind this official russocentric line. First, Stalin's recourse to Russian historical heroes and symbols was far from inevitable and should be seen as a byproduct of historical contingency stemming from the failure of more thoroughly "Soviet" propaganda during the purges. Second, even pervasive russocentrism after 1937 should not be confused with official support for Russian state- or nation-building, much less nationalism, inasmuch as all three would have required a degree of institutional, political and cultural autonomy that the Bolsheviks never had any intention of granting the Russian people.

Instead, Stalin-era russocentrism should be regarded as instrumental and populist in design – gestures designed to mobilize rather than enfranchise. Noticeably absent, after all, was the creation of an independent institutional identity for the RSFSR that was separate from that of the USSR as a whole.¹³ This discouragement of Russian state-building was mirrored in the party's stance on Russian nation-building. Although a vast array of heroes, symbols and myths associated with the Russian national past were revived after 1937, these efforts were selective and cautious, being designed to bolster the Soviet present rather than to encourage independent historical inquiry into the Russian national past. Tsarist centralization and empire-building were styled as necessary precursors to Soviet state-building, while leaders from Ivan the Terrible to Peter the Great were used to legitimate the party's preference for charismatic one-man rule. Age-old anxieties served to inform the new concerns of the 1930s, whether concerning the Oprichnina's "just" suppression of internal enemies or Aleksandr Nevskii's defensive struggle against an invasion of Teutonic knights. Prerevolutionary triumphs on the battlefield, as well as in science and the arts, provided Soviet-era commanders, artists and thinkers with a historical pedigree of sorts.

According to the quasi-Marxist paradigm that governed this revisionism, all of these historic individuals, reputations and accomplishments had been progressive within their historical periods and thus could now be rehabilitated in order to illustrate, explain and justify similarly progressive aspects of Soviet state and society. As I note above, these were rhetorical bids to mobilize rather than to enfranchise or nationalize.

– But if reinforcing the authority and legitimacy of the state was the goal, why rehabilitate heroes, symbols, legends and myths that were chiefly Russian, rather than drawn more broadly from the history of the peoples of the USSR?

– Excellent question. This quixotic relationship with the Russian national past is best understood as a function of Stalin's peculiar regard for the Russian people as

¹³ Importantly, russocentrism after 1937 did not redress the profound institutional imbalance that lay at the heart of the Soviet system. As is widely known, the RSFSR was originally incorporated into the USSR without the bureaucratic institutions established elsewhere in Ukraine, the Transcaucasus or the other union republics. This denial of a separate party organization, central committee, academy of sciences, etc. had been a deliberate strategy to limit Russian influence in Soviet society during the early 1920s. Tellingly, this imbalance was retained after 1937 despite official paeans to the Russian people as "the first among equals."

a whole. Although famous for his valorization of the Russian people, Stalin was not a Russian nationalist and had historically opposed all efforts to promote Russian self-rule. Instead, Stalin saw the Russians as a “state-bearing people” who unified the society and served as the “first among equals” and the “elder brother” within the Soviet family of nations. In Stalin’s mind, Russian culture, history and demographic strength was uniquely capable of reinforcing the authority and legitimacy of the Soviet state – much more so than that of the more particularistic national identity of the Ukrainians, Armenians, Georgians, Kazakhs, etc. etc.¹⁴

– **What, then, is the connection between Stalin’s russocentrism and the formation of a modern sense of Russian national identity among Russian speakers on the mass level of society?**

– This issue relates to what I’d rather immodestly call the second major contribution of my book. I argue that that despite the fact that Stalin deployed the Russian national past in the USSR exclusively in the name of popular mobilization, this russo-centric propaganda had an unpredictable, unintended effect within Russian speaking society at the grass roots. While doing my research, I found letters, diaries, secret police reports and postwar émigré interviews to reveal that many Russian speakers eagerly consumed Stalin’s celebration of Russianness and the Russian national past without connecting those issues to the broader subject of the Soviet present or future.

Indeed, many actively differentiated beloved Russian heroes, myths and legends from the more schematic, arcane Marxist-Leninist values and principles that they were paired with. This selective reception and internalization of russo-centric propaganda and imagery during the Stalin era meant that by 1953, Russian speakers were in possession of a much more coherent and articulate sense of who they were as Russians than they had enjoyed in the years before 1937.

Put another way, the party’s attempt to reinforce the authority and legitimacy of the Soviet state through the selective co-option of Russian heroes, myths and legends resulted in something Stalin never anticipated: the formation of a mass sense of Russian national consciousness quite independent of Soviet socialist trappings. As such, although the emergence of this sense of national identity is tied to one of the greatest propaganda campaigns of the mid-20th century, it should also be regarded as an unintentional and even accidental byproduct of the general secretary’s populist flirtation with the mobilizational potential of the Russian national past.

– **What’s the methodology behind your study?**

– Because I am interested in questions concerning group identity and public opinion, I contend that the study of mobilizational propaganda requires more than just a focus on the production of the official line on high. A thorough investigation of propaganda requires attention to the agency behind not only its creation and production, but also a focus on its projection and dissemination in society. This is because one can-

¹⁴ Erik van Ree, “Heroes and Merchants: Stalin’s Understanding of National Character,” *Kritika* 8:1 (2007): 41–65.

not just assume that messages from above are effectively communicated into society below without actually tracking them into educational institutions, the press and mass culture.

Were that not complicated enough, I also argue that it is also imperative to look at the popular reception of this mobilizational propaganda. Audiences are notoriously fickle and often selectively remember or misunderstand what they hear from authorities. So rather than to assume that the official line is transmitted effectively to the mass level, I actually track the reception of the line, using letters, diaries, memoirs, secret police reports and other sources offering glimpses of popular opinion. This, in my view, gives the best possible data on the popular reception of official propaganda

Of course, it is necessary to concede from the outset that my claims in this investigation of popular opinion are necessarily modest – I only claim to present glimpses of the way the Soviet populace reacted to official mobilizational propaganda.

In our day and age, people have gotten very used to modern opinion polling, which provide huge amounts of data correlated according to rigorous social science methodology on all sorts of subjects, and segmented by race, class, educational background, profession, etc. There is no way, of course, to obtain such data for the Soviet 1930s – or any other part of the world in the 1930s, for that matter. That said, I argue that in studies of mobilizational propaganda, it remains important to make an attempt to gauge popular reception, even if the results are necessarily limited or fragmentary.¹⁵ I argue that glimpses of popular opinion can be obtained if one harnesses letters, diaries, memoirs, and party and secret police reports, and if one conscientiously triangulates these sources against one another to reduce problems that each genre presents on its own.

Again, I'll concede the limitations of this approach and the fact that the best anyone can expect is mere glimpses of opinion. Nevertheless, I argue that it is far superior to purely speculative approaches to the study of official propaganda and its popular reception.

– How would you say that the original arguments in *National Bolshevism* changed between 2002 and 2017, when the book reappeared as *Stalinist Russocentrism*?

– During my revisions to both the 2009 and 2017 Russian editions, I made many minor editorial changes to improve both the content of the monograph and the language in which it was expressed.¹⁶ I also updated the text in order to bring it into alignment with new scholarship that has emerged in recent years. This was a task that I frankly dreaded, especially in regard to the 2017 edition, as I expected that as I re-edited the book, I'd find an array of errors or obsolete perspectives that I would need to adjust or rewrite in order to reflect new discoveries in the field. Instead, I found that aside from routine updating, I didn't need to alter any major elements of the book. Most of the literature on the subject published in the past decade in English, Russian, German and French either follows the arguments that I originally developed in the 1990s or advances positions that are completely

¹⁵ In this sense, I disagree with criticisms of my efforts to track reception in my books – see, for instance, Viacheslav Menkovskii, [Retsenziia na *Krizis stalinskogo agitpropa*], *Ab Imperio*, 4 (2018): 380–389, esp.

¹⁶ K.A. Boldovskii, A.S. Konokhova, A.M. Dubrovskii, S. Maksudov and others helped with the text's editing.

compatible with my findings. I found this positive resonance in the scholarly literature very satisfying. Pundits and journalists have not always been so kind.¹⁷

When the first Russian edition appeared in 2009, it contained a new chapter in which I linked the contours of russocentrism to the purge of the third largest party organization in the USSR in 1949 – the so-called Leningrad Affair.¹⁸ In it, I argue that although there are a variety of factors that explain the purge of A.A. Kuznetsov, N.A. Voznesenskii, P.S. Popkov, M.I. Rodionov and a number of other prominent party officials, their fate is partially explained by mistakes made regarding postwar russocentrism. It turns out that Kuznetsov and his comrades-in-arms misunderstood this mobilizational propaganda as encouraging a variety of nationalistic projects oriented around expanding the RSFSR's institutional sovereignty (including the founding of a republican-level Russian communist party and the transfer of the republican capital to Leningrad). Stalin, of course, had no intention of supporting Russian nationalism, sovereignty or self-rule and purged the Leningraders in order to preclude any institutional challenge to the USSR.

The first Russian edition also corrected a major mistake in the book's English edition. In the original 2002 book, I credited A. A. Zhdanov with much of the editing of Shestakov's 1937 *History of the USSR*. I did this because in the late 1990s, I found a heavily-edited copy of the Shestakov text in Zhdanov's fond at the former Central Party Archive and searched in vain for anything similar in Stalin's fond. I concluded that Zhdanov had been tasked by Stalin with curating Shestakov's work and editing his text. Unfortunately, after the English edition had already gone to press in 2000–2001, I learned several more copies of the Shestakov text had been found in the newly-declassified 11th inventory of the Stalin fond. Subsequent analysis revealed that most of Zhdanov's editing had been derived directly from Stalin's work on the textbook – something that forced me to reassign credit for a number of important alterations to the Shestakov text in 2009.

In the second Russian edition of the book, published in 2017, I added another new chapter on dissent expressed between 1937–1937 about the emerging russocentric line. This chapter, based on an article published in *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, demonstrated that members of the Soviet creative intelligentsia had strongly objected to the party's new mobilizational propaganda, as it contradicted their moral commitment to the revolution and internationalism.¹⁹ In this edition, I also made a number of revisions to the book's account of the Leningrad Affair in order to ensure that it reflects my thinking on the subject after a decade of further work.

¹⁷ See, for instance, S. Beliakov, "Нация ex nihilo," *Novyi mir* 10 (2010): 194-199; E. Politdrug, "Russkikh pridumal Stalin," *Sputnik i pogrom*, 20 June 2014, October 1, 2019, <https://sputnikipogrom.com/society/14545/made-by-stalin/>; etc.

¹⁸ The article was based on David Brandenberger, "Stalin, the Leningrad Affair, and the Limits of Postwar Russocentrism," *Russian Review* 63:2 (2004): 241–255.

¹⁹ David Brandenberger, "'Simplistic, Pseudo-Socialist Racism': Ideological Debates Over the Direction of Soviet Socialism within Stalin's Creative Intelligentsia, 1936–1939," *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 13, no. 2 (2012): 365–393.

– What can explain the change in title from *National Bolshevism* to *Stalinist Russocentrism*? Was it changed at the request of ROSSPEN?

– Good question. The decision to change the title of the book was entirely mine. Let me explain. In English, the term “National Bolshevism” is eye-catching and provocative. As a title, it captured my overall thesis about the intrinsically Marxist, socialist nature of this Stalin-era mobilizational propaganda, while at the same time distinguishing russocentrism from anything more genuinely nationalistic. Broad audiences read the book in English and found the term useful and enlightening.

Russian-speaking audiences, however, found the term “National Bolshevism” confusing and objected to its cooption from earlier authors such as N.V. Ustrialov, M.N. Riutin and M.S. Agurskii. Some specialists also found “National Bolshevism” to be difficult to distinguish from the “national communism” practiced during the 1920s in places like Ukraine and Belarus. Others found the term unnecessarily provocative, perhaps in connection with the controversial “National Bolshevik” movement headed by E.V. Limonov between 1992–2007.

Frustrated by the distracting nature of the term in Russian, I retitled the book in its second edition in order to frame the entire book around my “russocentrism” neologism. Perhaps even better than its forerunner, this term captures key elements of my thesis while also distinguishing Stalin-era mobilizational propaganda from more genuine nationalist agitation. My hope is that the term “russocentrism” will ultimately be naturalized into Russian academic discourse in the same way as it has been in English over the past 15 years.

– How would you say that *National Bolshevism* / *Stalinist Russocentrism* challenges reigning impressions of Stalin and Stalinism in the historiography?

– In my study, Stalin is considerably less prescient as a historical agent than he is often described in the literature. Interested in indoctrination and popular mobilization, Stalin struggled to articulate a clear vision of how his Agitprop apparatus was to win Soviet hearts and minds in society during the 1930s, especially among his more ill-educated citizenry.

Agitprop as an institution, too, appears surprisingly clumsy as it stands at the helm of what is often referred to as the world’s first “propaganda state.” This is a theme that I highlight in my second book – *Propaganda State in Crisis*.²⁰

In the end, *National Bolshevism* / *Stalinist Russocentrism* presents a strikingly contingent history of Stalinist mobilizational propaganda between the early 1930s and the mid-1950s, in which the official deployment of russocentric but non-nationalistic mobilizational propaganda has the unintended consequence of precipitating the formation of a mass sense of Russian identity among Russian speakers within Soviet society.

²⁰ David Brandenberger, *Propaganda State in Crisis: Soviet Ideology, Indoctrination and Terror under Stalin, 1928–1941* (New Haven: Yale University Press, 2011). Published in Russian as D. Brandenberger, *Krizis stalinskogo agitpropa: Propaganda, politprosveshchenie i terror, 1927–1941* (Moscow: Rosspen, 2017).

RUS

– Профессор Бранденбергер, не могли бы Вы в начале интервью рассказать немного о себе?

– Я вырос в семье ученых в провинциальной Америке, в районе, который в 1947 году избрал в Конгресс пресловутого противника коммунистов Джозефа Маккарти. Возможно, по этой причине я не могу утверждать, что мой интерес к российской истории и культуре был изначально вызван классикой, например, Ф.М. Достоевским или Л.Н. Толстым. Первоначально я обратил внимание на все русское из-за холодной войны, Рональда Рейгана и Джеймса Бонда из книг Яна Флеминга. Так, я впервые проявил свою зрелую политическую позицию в 1983 году, когда воспротивился тому, что Рейган назвал СССР «империей зла». В то время я заявил отцу, что зло не является аналитической категорией. Хуже того, выбор слов Рейганом представлял собой намеренно подстрекательскую риторику, которая не способствовала взаимопониманию или ослаблению международной напряженности.

Удивленный моими симпатиями левого толка отец подтолкнул меня начать учить русский язык в местном университете, где он преподавал физику, еще когда я учился в старших классах школы. Его совет сыграл поворотную роль в моей жизни. Начав учить русский язык в 1986 или 1987 году, я продолжил его изучать в Макалестерском колледже, где специализировался в истории и написал дипломную работу по историографии средневекового Киева. В 1991 году я учился в Москве и вернулся после колледжа в 1992–1993 годах, чтобы преподавать английский язык в Московском государственном лингвистическом университете (бывший Институт иностранных языков им. Мориса Тореза), одновременно поступив в американскую докторантуру по направлению «история». Вскоре после этого я поступил в Гарвардский университет, где продолжил изучать русский язык, пока писал докторскую диссертацию. В период с 1996 по 1997 годы я провел 15 месяцев в России.

Защитив диссертацию и получив докторскую степень в 1999 году, я работал в Гарварде до 2003 года в качестве лектора и научного сотрудника; затем я устроился на постоянную работу в Ричмондский университет. С тех пор я продолжаю проводить в России ежегодно примерно месяц и в настоящее время являюсь ассоциированным научным сотрудником Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Москве¹.

– Как Вы решили написать свою первую монографию «Национал-большевизм»?

– Монография «Национал-большевизм» основана на моей докторской диссертации. Корни этого кроются в моем давнем интересе к русской национальной идентичности. В Гарварде во время аспирантуры я провел год у Ричарда Пайпса, изучая русскую интеллектуальную мысль XVIII и XIX веков, и был очарован славянофилами и панславистами. В то же время я работал под руководством Романа

¹ *Brandenberger D. The 'Short Course' to Modernity: Stalinist History Textbooks, Mass Culture and the Formation of Popular Russian National Identity, 1934–1956. Harvard, 1999.*

Шпорлюка над современной научной литературой о формировании национальной идентичности, как в Восточной Европе, так и в сравнительной перспективе. Эти исследования оказали на меня большое влияние.

Стремясь написать диссертацию по национальному вопросу, я провел много времени, размышляя о том, как лучше всего применить работы Эрнеста Геллнера, Бенедикта Андерсона, Мирослава Хроха и других к истории русскоязычного общества². Я сопротивлялся совету Р. Пайпса сосредоточиться на русской консервативной мысли XIX века. Вместо этого я искал возможность изучать возникновение русской национальной идентичности на низовом уровне, под влиянием идеологии, высокой политики и массовой культуры – к этому подходу подтолкнули работы Рональда Суни, Терри Мартина, Джеймса фон Гельдерна, Ричарда Стайтса и Джеффри Брукса³. Изучая широкие массы научной литературы в течение нескольких месяцев, наконец, я наткнулся на малоизвестную статью А.Н. Артизова, нынешнего директора Росархива, о написании ключевого учебника по истории для средней школы сталинской эпохи – «История СССР» А.В. Шестакова 1937 года. Эта статья дала подсказки, которые помогли мне определить точный момент, когда руководство партии начало интерполировать руссоцентричную тематику в государственном образовании, печати и официальной массовой культуре⁴.

Исходя из идей Артизова, я начал исследования по моей теме в Москве в 1996–1997 годах и провел много месяцев в бывших партийных и государственных архивах. За это время я также многому научился благодаря совместной работе, которую вел с А.М. Дубровским, когда мы вместе писали статью для британского научного журнала⁵. Эта совместная статья стала первой из моих значительных публикаций на эту тему.

– Каковы главные идеи вашей книги?

– Книга начинается с утверждения, что современное чувство национальной идентичности сформировалось в России позже, чем в других европейских промышленно развитых странах. Будучи конструктивистом, я ссылаюсь на мысль, которая предполагает, что массовое чувство национальной идентичности на низовом уровне является относительно недавним явлением в мировой истории и формируется как побочный продукт массовой политики, популярной прессы, широко

² *Gellner E.* Nations and Nationalism. Ithaca, 1983; *Anderson B.* Imagined Communities: Reflections on the Spread of Nationalism. New York, 1991; *Hroch M.* The Social Preconditions for a Rational Revival in Europe: A Comparative Analysis of the National Composition of Patriotic Groups Among the Smaller European Nations. Cambridge, 1985; *Hroch M.* From National Movement to the Fully-formed Nation: The Nation-building Process in Europe // Mapping the Nation. New York; London, 1996. P. 78–97.

³ *Suny R.G.* The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union. Stanford, 1993; *Martin T.* The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca, 2001; *Geldern J. von, Stites R.* Mass Culture in Soviet Russia. Bloomington, 1995; *Brooks J.* When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861–1917. Evanston, 2003.

⁴ *Артизов А.Н.* В угоду взглядам вождя. Конкурс 1936 г. на учебник по истории СССР // Кентавр. 1991. № 1. С. 125–135; *Шестаков А.В.* История СССР: Краткий курс. М., 1937.

⁵ *Brandenberger D.L., Dubrovsky A.M.* ‘The People Need a Tsar’: The Emergence of National Bolshevism as Stalinist Ideology, 1931–1941 // Europe Asia Studies. 1998. Vol. 50. № 5. P. 873–892.

распространенной грамотности, почти универсального школьного образования и социальной мобильности. Эта мысль предполагает, что такие институты и общественные явления смогли объединить местнические идентичности на местном и региональном уровне в подлинно национальные только в XIX – начале XX в.

В случае с Россией я отмечаю, что, хотя интеллектуалы в XVIII и особенно в XIX в. провели много времени, обсуждая вопрос о том, что значит быть русским, они не смогли прийти к консенсусу. Их неспособность ответить на этот важнейший вопрос в сочетании с небольшим энтузиазмом царской империи в отношении демократических общественных движений препятствовали консолидации целостного национального сообщества в России до 1917 года. Даже относительно позднее появление националистической пропаганды, а именно во время Первой мировой войны, не очень сильно активизировало общество вокруг единого представления о том, что значит быть русским.

Если имперское царское правительство мало интересовалось воспитанием массового чувства русской национальной идентичности, то раннее большевистское государство было решительно настроено подавить в обществе то, что оно считало шовинизмом великой державы. Они были заинтересованы в развитии у россиян широкого чувства классовой, а не национальной идентичности⁶.

Рассматривая раннее советское «пропагандистское государство», я делю раннюю мобилизационную пропаганду в 1920–1930-х годах на три этапа. На первом этапе – с начала до середины 1920-х годов – большевики пытались сплотить общество для индустриализации и защиты СССР с помощью пропаганды материализма. Эта пропаганда подчеркивала классовые конфликты, безымянные социальные силы и другие марксистские структуры. Пропаганда была предсказуемо схематичной и ориентированной на идеализированные, но общие представления класса. Внимание было обращено на группы главных действующих лиц вместо отдельных героев и на интернационализм, а не национализм или патриотизм. Формирование общности, основанной на едином, последовательном чувстве русскости в то время не поощрялось, поскольку большевики рассматривали такие настроения как пережиток старого режима. Преданные марксисты, большевики вместо этого попытались построить новое сообщество вокруг классовой идентичности и революционного интернационализма.

Я полагаю, что испытание этой новой пропагандистской линии произошло в 1927 году, во время так называемой «военной тревоги» с Великобританией. Думаю, что во время этого дипломатического разрыва с Великобританией советское руководство усилило свою заявку на мобилизацию общества для индустриализации с разговорами о войне и обороне СССР. Но вместо того, чтобы стимулировать поддержку режима со стороны населения, эта «военная тревога» вызвала панику и пораженческие слухи, которые охватили всю страну. По некоторым сведениям, отдельные крестьяне даже с нетерпением ожидали британского вторжения, которое свергнет большевиков и восстановит монархию.

⁶ Программы коренизации, конечно, не распространялись на русскоязычное общество.

Я полагаю, что этот неудачный ход в десятую годовщину революции 1917 года вынудил партийных идеологов и пропагандистов искать новые способы повышения доступности их схематичной, бескровной, классовой пропаганды. Однако переход к новым формам мобилизации не был быстрым. Между 1927 и началом 1930-х годов, похоже, возникло некоторое недоумение по поводу того, что может быть более эффективным, но не связанным с идеологическими компромиссами. В конце концов, я полагаю, часть ответа пришла не от профессиональных партийных идеологов и пропагандистов, а от журналистов, работавших в молодежных газетах, а затем из центральных партийных газет.

– Так означает ли это переход ко второму этапу советской межвоенной мобилизации?

– Да, именно так. К началу 1930-х годов советские журналисты продемонстрировали работникам отдела ЦК ВКП(б) «Агитпропа», что лучший подход к мобилизационной пропаганде возникнет из возобновленного внимания к индивидуальному героизму⁷. Общий безымянный классовый анализ должен был быть заменен индивидуальными, узнаваемыми героями революции, гражданской войны и социалистического строительства. Эти герои были показаны таким образом, чтобы служить практическими, доступными ролевыми моделями для подражания и восхищения сначала в прессе, а затем постепенно в других формах партийной пропаганды и массовой культуры.

К 1934 году яркие отдельные личности доминировали в том, что я называю вторым этапом советской мобилизационной пропаганды. Этот новый акцент на динамических ролевых моделях и героях был дополнен новым акцентом на патриотизме. Патриотизм в 1920-х годах был отвергнут как буржуазный суррогат – то, что капиталистический мир использовал в качестве маскирующей идеологии, чтобы отвлечь рабочих от их классовых интересов. Однако в начале 1930-х годов, когда возрождается индивидуальный героизм, мы также видим нерешительную реабилитацию идеи патриотизма, теперь называемого «советским патриотизмом». В 1931 году Сталин утверждал, что, если Маркс был прав в 1848 году, заявляя, что у рабочих не было отечества, ситуация в СССР изменилась с 1917 года, когда появилось такое понятие, как отечество рабочих. Патриотизм, следовательно, был оправданной эмоцией пролетариата по отношению к СССР.

По моему мнению, примерно в 1935–1936 годах второй этап советской мобилизационной пропаганды оказался гораздо более эффективным и доступным, чем первый. Новый материал, касающийся героизма и патриотизма, основанный на конкретном материале революции, гражданской войны и социалистического строительства, впервые обрел настоящий резонанс в обществе⁸.

⁷ Здесь я согласен с выводами коллеги. См.: *Lenoe M. Closer to the Masses Stalinist Culture, Social Revolution, and Soviet Newspapers. Cambridge, 2004.*

⁸ Я изучаю общественное восприятие советской мобилизационной пропаганды 1930-х годов с помощью писем, дневников, мемуаров, сводок органов госбезопасности, а также популярных в то время художественных произведений – романов, пьес, опер и фильмов – в моей второй монографии *Brandenberger D. Propaganda State in Crisis: Soviet Ideology, Indoctrination and Terror under*

– **Так какой же была третья фаза советской межвоенной мобилизации?**

– Третья фаза межвоенной мобилизационной пропаганды – это то, что я датирую второй половиной 1936 г. – началом «Большого террора». Хорошо известно, что чистки оказали разрушительное воздействие на партию, вооруженные силы, интеллигенцию и так далее. Я полагаю, что волны чисток между 1936–1938 гг. также подрывали новую мобилизационную пропаганду, сосредоточенную на героях и патриотизме, поскольку эта охота на ведьм выставила многих известных людей и героев для подражания врагами народа.

По мере того, как «чистки» уничтожали новых героев и патриотов, советские пропагандисты были вынуждены запрещать фильмы, театральные постановки и книги, прославляющие их. Это значительно ослабило пропагандистскую линию. Были предприняты попытки переснять фильмы, переделать картины и переписать книги⁹. Но это был непредсказуемый процесс, поскольку террор происходил волнами, а не сразу. Книга или фильм, переделанный сегодня, возможно, снова пригодился бы завтра.

В конце концов, партийные пропагандисты во главе со Сталиным были вынуждены отступить от своего нового акцента на героях и патриотизме в партийной пропаганде и вернуться к бескровному схематизму и безымянным социальным силам 1920-х годов. Это наиболее очевидно при введении знаменитого «Краткого курса» по истории партии, выпущенного в 1938 г.¹⁰ Сталин пытался оправдать этот новый акцент на схематизме и безымянных социальных силах во время выпуска «Краткого курса», утверждая, что рядовой член партии и руководитель должны лучше понимать марксистскую теорию, и что поэтому история партии должна основываться на более ортодоксальном марксизме-ленинизме¹¹.

В то же время, когда Сталин пытался перенаправить хорошо образованных членов партии в сторону марксистской теории, он направлял пропагандистов и педагогов, работавших в обществе, искать в дореволюционном прошлом новые источники влияния и легитимности. Прежний упор на классику в литературе и искусстве (как предшественника соцреализма) теперь сопровождался реабилитацией политических и военных деятелей дореволюционного периода. Такие исторические личности, как Александр Невский, Дмитрий Донской, Иван Грозный и Петр Великий, были возрождены в качестве примеров прогрессивных лидеров, и приветствовали их поддержку централизации государственной власти. Также внимание обратили на Александра Суворова и Михаила Кутузова, чтобы признать их предшественниками советской воинской гордости.

Я полагаю, что это знаменует собой третий этап советской мобилизационной пропаганды – консервативность партийной линии и ее замена множеством мобилизационных требований, ориентированных на российское национальное прошлое.

Stalin, 1928–1941. New Haven, 2011 (Ее российское издание: *Бранденбергер Д.* Кризис сталинского агитпропа. Пропаганда, политпросвещение и террор, 1927–1941. М., 2017).

⁹ *King D.* The Commissar Vanishes: The Falsification of Photographs and Art in Stalin's Russia. New York, 1997.

¹⁰ История ВКП (б): Краткий курс. М., 1938.

¹¹ *Brandenberger D., Zelenov M.* Stalin's Master Narrative: A Critical Edition of the Short Course on the History of the Communist Party (Bolsheviks). New Haven, 2019.

Можно также отметить и другие мобилизационные меры того периода, в частности, постоянное усиление партийным руководством культа личности Сталина.

На данном этапе следует упомянуть, что эта новая историческая линия была официально названа «Историей народов СССР» и теоретически включала в себя дореволюционные истории других нерусских народов в новом великом повествовании. В практическом плане, однако, в межвоенные годы эти намерения были в значительной степени неосуществленными. Одной из причин этого были чистки, которые затрудняли написание истории нерусских республик без обвинений в «буржуазном национализме». Но не менее важным является неизбежный вывод о том, что развитие этих вспомогательных нарративов не было приоритетным. Действительно, единственные нерусские герои, которые привлекли общественное внимание в довоенный период – те, которые касались Украины и Белоруссии – обсуждались в печати только тогда, когда аннексия польских территорий в 1939 году требовала исторического оправдания¹².

После обзора этого значительного руссоцентричного сдвига в мобилизационной пропаганде между 1917–1937 гг. в первых трех главах книги в следующих четырех главах исследуется, как эта новая пропагандистская линия популяризировалась в школах и массовой культуре и воспринималась в советском обществе. Такой подход выдвигает на первый план сложности, связанные не только с формулированием мобилизационной пропаганды, но и с ее распространением на общественном уровне, а также с ее восприятием на низовом уровне.

Поскольку эта динамика претерпела изменения в 1941 году, вскоре после начала Второй мировой войны, с восьмой по одиннадцатую главы книги прослеживают контуры мобилизационной пропаганды партии до 1945 года. В свою очередь, с двенадцатой по шестнадцатую главы отслеживают эти процессы до середины 1950-х годов.

– Каким образом появление и траектория этой формы мобилизационной пропаганды говорят об официальном руссоцентризме при Сталине?

– Хороший вопрос. Мое исследование политики массовой мобилизации в советском обществе в период с конца 1920-х до середины 1950-х годов показывает, что использование русских национальных героев, легенд и мифов в это время носило в основном прагматический и этатистский характер. Это была попытка

¹² Хотя некоторые историки утверждают, что в период между 1939 и 1941 гг. статус украинцев и белорусов также был повышен до статуса «великих народов», это, по-видимому, является частью кампании по оправданию советизации восточной Польши, а не независимой идеологической инициативой повысить статус украинского или белорусского народов как таковых. Мало того, что время проведения кампании указывает непосредственно на раздел Польши в 1939 г., исторические события, которые получили наибольшую огласку (например, 1654 г., Богдан Хмельницкий и польское иго), являются слишком удобными, чтобы быть просто совпадением. Конечно, вне зависимости от причин продвижения «великого украинского народа» и «великого белорусского народа» между 1939 и 1941 гг., эти события следует рассматривать как полностью совместимые с официальным определением русского народа как «первого среди равных». См. в связи с этим: *Yekelchyk S. Stalin's Empire of Memory: Russian-Ukrainian Relations in the Soviet Historical Imagination. Toronto, 2004. P. 21–26; Weiner A. Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution. Princeton, 2001. P. 351–352.*

дополнить скрытые и недоступные аспекты марксизма-ленинизма популистской риторикой, призванной укрепить легитимность советского государства и способствовать распространению в обществе чувства преданности СССР.

Стоит отметить два момента, касающихся намерения и замысла этой официальной руссоцентричной линии. Во-первых, обращение Сталина к русским историческим героям и символам было далеко не неизбежным, и его следует рассматривать как побочный продукт исторического обстоятельства, вызванного провалом радикальной «советской» пропаганды во время чисток. Во-вторых, даже всеобъемлющий руссоцентризм после 1937 года не следует путать с официальной поддержкой российского государственного или национального строительства, не говоря уж о национализме, поскольку всем трем потребовалась бы определенная институциональная, политическая и культурная автономия, которую большевики и не намеревались предоставить русскому народу.

Вместо этого руссоцентризм сталинской эпохи следует рассматривать как инструментальный и популистский по замыслу шаг, предназначенный для мобилизации, а не для предоставления прав. В конце концов, становится очевидным, что речь шла не о создании независимой институциональной идентичности для РСФСР, отдельной от идентичности СССР¹³. Это разочарование построением российского государства было отражено в позиции партии по построению русской нации. Хотя огромное количество героев, символов и мифов, связанных с русским национальным прошлым, было возрождено после 1937 года, эти усилия были выборочными и осторожными, они были направлены на то, чтобы поддержать советское настоящее, а не стимулировать независимое историческое исследование русского национального прошлого. Царская централизация и построение империи были представлены как необходимые предшественники построения советского государства, в то время как лидеры от Ивана Грозного до Петра Великого использовались, чтобы оправдать предпочтение партией харизматичного единоличного правления. Давние тревоги послужили основой для новых опасений 1930-х годов – будь то «справедливое» подавление Опричниной внутренних врагов или оборонительная борьба Александра Невского против вторжения тевтонских рыцарей. Дореволюционные победы на поле битвы, а также в науке и искусстве предоставили военачальникам, художникам и мыслителям советской эпохи своего рода историческую родословную.

Согласно квазимарксистской парадигме, которая управляла этим ревизионизмом, все данные исторические личности, слава и достижения были прогрессивными в свои исторические периоды и, таким образом, теперь могли быть реабилитированы, чтобы проиллюстрировать, объяснить и оправдать аналогично

¹³ Важно отметить, что руссоцентризм после 1937 года не устранил глубокого институционального дисбаланса, который лежал в основе советской системы. Как известно, РСФСР изначально была включена в состав СССР без бюрократических институтов, подобных тем, которые были созданы в Украине, в Закавказье или других союзных республиках. Это отрицание отдельной партийной организации, центрального комитета, академии наук и т. д. было преднамеренной стратегией ограничения русского влияния в советском обществе в начале 1920-х годов. Что характерно, этот дисбаланс сохранился после 1937 года, несмотря на официальное выделение русской нации как «первой среди равных».

прогрессивные аспекты советского государства и общества. Как я отмечал выше, это были риторические заявки на мобилизацию, а не на предоставление прав или национализацию.

– Но, если целью было укрепление влияния и легитимности государства, зачем реабилитировать героев, символы, легенды и мифы, которые идентифицировались в основном с русскими, а не были взяты из истории народов СССР в более широком смысле?

– Отличный вопрос. Эта идеалистическая связь с русским национальным прошлым лучше всего понимается как функция особого отношения Сталина к русскому народу в целом. Хотя Сталин был известен своим превознесением русского народа, он не был русским националистом и всегда выступал против всех усилий по продвижению российского самоуправления. Вместо этого Сталин считал русских «государствообразующим народом», который объединял общество и был «первым среди равных» и «старшим братом» в советской семье наций. По мнению Сталина, русская культура, история и демографическая мощь имели уникальную способность укреплять влияние и легитимность советского государства гораздо больше, чем более специфическая национальная идентичность украинцев, армян, грузин, казахов и т. д.¹⁴

– Какова же тогда связь между сталинским руссоцентризмом и формированием современного чувства русской национальной идентичности среди русскоязычных на массовом уровне общества?

– Эта проблема связана с тем, что я довольно нескромно называю вторым крупным вкладом моей книги. Я полагаю, что, несмотря на тот факт, что Сталин использовал в СССР русское национальное прошлое исключительно во имя мобилизации масс, эта руссоцентричная пропаганда имела непредсказуемый, непреднамеренный эффект в русскоязычном обществе на низовом уровне. Проводя свое исследование, я обнаружил, что письма, дневники, сводки правоохранительных органов и послевоенные интервью с советскими перебежчиками на Западе показывают, что многие русские в советском обществе охотно воспринимали восхваление Сталиным русскости и русского национального прошлого, не связывая эти вопросы с более широкой темой настоящего или будущего Советского Союза.

Действительно, многие отделяли любимых русских героев, мифы и легенды от более схематичных, марксистско-ленинских ценностей и принципов, с которыми они были связаны. Этот избирательный прием и усвоение руссоцентричной пропаганды и образов в сталинскую эпоху означали, что к 1953 году русские стали обладать гораздо более последовательным и четким представлением о том, кем они были по национальности, чем о том, что они имели до 1937 года.

Иными словами, попытка партии укрепить влияние и легитимность советского государства путем избирательной кооптации русских героев, мифов и ле-

¹⁴ *Ree E. van. Heroes and Merchants: Stalin's Understanding of National Character // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2007. Vol. 8. № 1. P. 41–65.*

генд привела к тому, чего Сталин никак не ожидал: к формированию массового чувства русского национального самосознания, более или менее независимого от советских социалистических атрибутов. Таким образом, хотя появление этого чувства национальной идентичности связано с одной из величайших пропагандистских кампаний середины XX века, его также следует рассматривать как непреднамеренный и даже случайный побочный эффект популистского заигрывания Генерального секретаря с мобилизационным потенциалом русского национального прошлого.

– Какова методология вашего исследования?

– Поскольку меня интересуют вопросы, касающиеся групповой идентичности и общественного мнения, я полагаю, что изучение мобилизационной пропаганды требует не только сосредоточения внимания на создании официальной линии наверху. Тщательное исследование пропаганды требует внимания к структуре, стоящей не только за ее созданием и производством, но также и акцентом на его проецировании и распространении в обществе. Это потому, что нельзя просто предполагать, что послания сверху эффективно передаются обществу вниз, не распространяя их в учебных заведениях, прессе и массовой культуре.

Я полагаю, что также необходимо взглянуть на массовое восприятие этой мобилизационной пропаганды. Аудитория непостоянна и капризна и часто избирательно запоминает или неправильно понимает то, что слышит от властей. Поэтому вместо того, чтобы предполагать, что официальная линия эффективно передается на массовый уровень, я фактически отслеживаю восприятие этой линии, используя письма, дневники, мемуары, сводки правоохранительных органов и другие источники, указывающие на общественное мнение. Это, на мой взгляд, дает наилучшие данные об общественном восприятии официальной пропаганды.

Конечно, необходимо с самого начала признать, что мои изыскания в этом исследовании общественного мнения, безусловно, являются скромными – я лишь даю некоторое представление о том, как советское население реагировало на официальную мобилизационную пропаганду. В наше время люди привыкли к современным опросам общественного мнения, которые предоставляют огромные объемы данных, сопоставленных по строгой методологии социальных наук по всем видам предметов и сегментированных по нации, классу, образованию, профессии и т. д. Конечно, невозможно получить такие данные за 1930-е годы по СССР или любой другой части света. Тем не менее, я полагаю, что в исследованиях мобилизационной пропаганды по-прежнему важно попытаться оценить общественное восприятие, даже если результаты безусловно ограничены или фрагментарны¹⁵. Я считаю, что некоторое представление об общественном мнении можно получить, если использовать письма, дневники, мемуары и отчеты партии и секретной полиции, и если добросовестно сверить эти источники друг с другом, чтобы уменьшить проблемы, которые представляет каждый жанр.

¹⁵ Здесь я не согласен с критикой по поводу возможности характеризовать общественное восприятие мобилизационной пропаганды при Сталине. См.: Менковский В. Рецензия на «Кризис сталинского агитпропа» // *Ab Imperio*. 2018. № 4. Р. 380–389.

Опять же, я признаю ограничения этого подхода и тот факт, что лучшее, на что можно рассчитывать, это лишь некоторое представление о мнении. Тем не менее, я полагаю, что это намного превосходит чисто умозрительные подходы к изучению официальной пропаганды и восприятия ее общественностью.

– Как, по Вашему мнению, первоначальные аргументы в книге «Национал-большевизм» изменились в период с 2002 по 2017 годы, когда книга была переиздана под названием «Сталинский руссоцентризм»?

– Во время пересмотра русских изданий 2009 и 2017 годов я внес много небольших редакционных изменений, чтобы улучшить содержание монографии и язык, на котором она была написана¹⁶. Я также обновил текст, чтобы привести его в соответствие с новыми научными работами, появившимися в последние годы. Это была задача, которой я откровенно боялся, особенно в отношении издания 2017 года, поскольку я ожидал, что, переиздав книгу, я найду множество ошибок или устаревших взглядов, которые мне нужно будет скорректировать или переписать, чтобы отразить новые достижения в этой области. Вместо этого я обнаружил, что, кроме рутинной правки, мне не было необходимо изменять какие-либо основные элементы книги. К моему удивлению большая часть литературы по этому вопросу, опубликованной в последнее десятилетие на английском, русском, немецком и французском языках, либо следует аргументам, которые я первоначально разработал в 1990-х годах, либо выдвигает положения, полностью соответствующие моим открытиям. Я доволен положительным резонансом, который моя работа вызвала в научных кругах; комментаторы и журналисты не всегда были настолько добры¹⁷.

Когда в 2009 году появилось первое русское издание, в нем содержалась новая глава, в которой я связал контуры руссоцентризма с чисткой третьей по величине партийной организации в СССР в 1949 году – так называемое «Ленинградское дело»¹⁸. В этой главе я утверждаю, что, хотя существует ряд факторов, объясняющих репрессии А.А. Кузнецова, Н.А. Вознесенского, П.С. Попкова, М.И. Родионова и других видных партийных деятелей, их судьба частично объясняется ошибками, допущенными в послевоенном руссоцентризме. Оказывается, что Кузнецов и его соратники неправильно поняли мобилизационную пропаганду как поощрение множества националистических проектов, направленных на расширение институционального суверенитета РСФСР (включая создание республиканского уровня российской коммунистической партии и перенос столицы республики в Ленинград). Сталин, конечно же, не собирался поддерживать русский национализм, суверенитет или самоуправление и репрессировал ленинградцев, чтобы предотвратить любые институциональные вызовы СССР.

¹⁶ К.А. Больдовский, А.С. Конохова, А.М. Дубровский и другие поучаствовали в редакции перевода.

¹⁷ Беляков С. *Нация ex nihilo* // Новый мир. 2010. № 10. С. 194–199; Политдруз Е. Русских придумал Сталин // Спутник и погром [сайт]. URL: <https://sputnikpogrom.com/society/14545/made-by-stalin/> (дата обращения: 01.10.2019).

¹⁸ Brandenberger D. Stalin, the Leningrad Affair, and the Limits of Postwar Russocentrism // *Russian Review*. 2004. Vol. 63. № 2. P. 241–255.

Благодаря появлению первого русского издания также была исправлена большая ошибка, обнаруженная в английском издании книги. В оригинальной книге 2002 года я приписал А.А. Жданову значительную часть редактирования «Истории СССР» Шестакова 1937 года. Я сделал это потому, что в конце 1990-х годов нашел значительно отредактированную копию текста Шестакова в фонде Жданова в бывшем Центральном партийном архиве и тщетно искал что-то похожее в фонде Сталина. Я ничего не нашел в данном фонде и пришел к выводу, что Сталин, наверное, поручил Жданову курировать работу Шестакова и редактировать его текст. К сожалению, после того, как английское издание уже находилось в печати в 2000–2001 годах, я узнал, что еще несколько экземпляров текста Шестакова были найдены в недавно рассекреченной 11-й описи Сталинского фонда. Последующий анализ показал, что большая часть редактирования Жданова проистекала непосредственно из личной работы Сталина над учебником – это заставило меня внести ряд важных изменений в тексте 2009 года.

Во втором русском издании книги в 2017 году я добавил еще одну новую главу об инакомыслии, высказанном в 1937–1939 годах, о появившейся руссоцентричной линии. Эта глава, основанная на статье, опубликованной в журнале «Критика», продемонстрировала, что представители советской творческой интеллигенции решительно возражали против новой мобилизационной пропаганды партии, поскольку она противоречила их моральной приверженности революции и интернационализму¹⁹. Я также внес ряд изменений в новое издание книги в части описания «Ленинградского дела», в соответствии с эволюцией моих взглядов спустя десятилетие с начала работы над темой.

– Чем можно объяснить изменение названия с «Национал-большевизма» на «Сталинский руссоцентризм»? Было ли это сделано по просьбе РОССПЭН?

– Хороший вопрос. Решение изменить название книги было полностью моим. Позвольте мне объяснить. В английском языке термин «Национал-большевизм» является броским и провокационным. Данный заголовок отражал содержание моей диссертации о марксистской, социалистической природе мобилизационной пропаганды сталинской эпохи, в то же время отличая руссоцентризм от чего-то более подлинно националистического. Широкая аудитория прочитала книгу на английском языке и сочла этот термин полезным и информативным.

Однако русскоязычная аудитория посчитала термин «национал-большевизм» сбивающим с толку и возражала против его заимствования у предыдущих авторов, таких, как Н.В. Устрялов, М.Н. Рютин и М.С. Агурский. Некоторые специалисты также сочли, что «национал-большевизм» трудно отличить от «национал-коммунизма», который практиковался в 1920-х годах, например, в Украине и Белоруссии. Другие посчитали этот термин излишне провокационным, возможно, в связи со спорным «национал-большевистским» движением, возглавляемым Э.В. Лимоновым в период с 1992 по 2007 годы.

¹⁹ *Brandenberger D.* “Simplistic, Pseudo-Socialist Racism”: Ideological Debates Over the Direction of Soviet Socialism within Stalin’s Creative Intelligentsia, 1936–1939 // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2012. Vol. 13. № 2. P. 365–393.

Обеспокоенный тем, что подобное название на русском языке сбивает с толку, я переименовал книгу во втором издании, чтобы преподнести ее на основании моего неологизма «руссоцентризм». Возможно, этот термин даже лучше, чем прежний. Он отражает ключевые элементы моего тезиса, в то же время отличая мобилизационную пропаганду сталинской эпохи от более подлинной националистической агитации. Я надеюсь, что термин «руссоцентризм» в конечном итоге приживется в российском академическом дискурсе также, как и в английском за последние 15 лет.

– Какое влияние оказывает, по Вашему мнению, «Национал-большевизм» / «Сталинский руссоцентризм» на господствующую в историографии точку зрения о Сталине и сталинизме?

– В моем исследовании Сталин предстает значительно менее дальновидным как историческая фигура, по сравнению с тем, как его часто описывают в литературе. Заинтересованный в идеологической обработке и мобилизации масс, Сталин изо всех сил пытался сформулировать четкое видение того, как его работники Агитпропа должны были завоевать советские сердца и умы в обществе 1930-х годов, особенно среди его менее образованных граждан. Агитпроп как институт тоже выглядит удивительно неумелым, когда стоит у руля того, что часто называют первым в мире «пропагандистским государством». Это тема, которую я выделяю во второй книге – «Кризис сталинского агитпропа: Пропаганда, политпросвещение и террор, 1927–1941»²⁰.

В конце концов, «Национал-большевизм» / «Сталинский руссоцентризм» представляет собой совершенно непредопределенную историю сталинской мобилизационной пропаганды с начала 1930-х годов до середины 1950-х годов, когда официальное использование руссоцентричной, а не националистической мобилизационной пропаганды привело к непреднамеренным последствиям ускоренного формирования массового чувства русской идентичности среди русскоязычных в советском обществе.

Рукопись поступила: 3 октября 2019 г.

Submitted: 3 October 2019

References

- Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Spread of Nationalism*. New York: Verso, 1991.
- Artizov, A.N. “V ugodu vzglyadam vozhdya. Konkurs 1936 g. na uchebnik po istorii SSSR.” *Kentavr*, no. 1 (1991): 125–135 (in Russian).
- Brandenberger, D. “The ‘Short Course’ to Modernity: Stalinist History Textbooks, Mass Culture and the Formation of Popular Russian National Identity, 1934–1956.” PhD diss., Harvard University, 1999.
- Brandenberger, D.L., and Dubrovsky, A.M. “‘The People Need a Tsar’: The Emergence of National Bolshevism as Stalinist Ideology, 1931–1941.” *Europe Asia Studies* 50, no. 5 (1998): 873–892.

²⁰ Brandenberger D. *Propaganda State in Crisis: Soviet Ideology, Indoctrination and Terror under Stalin, 1928–1941*. New Haven, 2011; Бранденбергер Д. Кризис сталинского агитпропа: Пропаганда, политпросвещение и террор, 1927–1941. М., 2017.

- Brandenberger, D. *Propaganda State in Crisis: Soviet Ideology, Indoctrination and Terror under Stalin, 1928–1941*. New Haven: Yale University Press, 2011.
- Brandenberger, D., and Zelenov, M. *Stalin's Master Narrative: A Critical Edition of the Short Course on the History of the Communist Party (Bolsheviks)*. New Haven: Yale University Press, 2019.
- Brandenberger, D. "Stalin, the Leningrad Affair, and the Limits of Postwar Russocentrism." *Russian Review* 63, no. 2 (2004): 241–255.
- Brandenberger, D. "'Simplistic, Pseudo-Socialist Racism': Ideological Debates Over the Direction of Soviet Socialism within Stalin's Creative Intelligentsia, 1936–1939." *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 13, no. 2 (2012): 365–393.
- Brandenberger, D. *Krizis stalinskogo agitpropa: Propaganda, politprosveshcheniye i terror, 1927–1941*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2017 (in Russian).
- Brooks, J. *When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861–1917*. Evanston: Northwestern University Press, 2003.
- Gellner, E. *Nations and Nationalism*. Ithaca, 1983.
- Geldern, J. von, and Stites, R. *Mass Culture in Soviet Russia*. Bloomington: Indiana University Press, 1995.
- Hroch, M. *The Social Preconditions for a Rational Revival in Europe: A Comparative Analysis of the National Composition of Patriotic Groups Among the Smaller European Nations*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
- Hroch, M. "From National Movement to the Fully-formed Nation: The Nation-building Process in Europe." In *Mapping the Nation, 78–97*. New York; London: Verso, 1996.
- King, D. *The Commissar Vanishes: The Falsification of Photographs and Art in Stalin's Russia*. New York: Henry Holt and Company, 1997.
- Lenoe, M. *Closer to the Masses Stalinist Culture, Social Revolution, and Soviet Newspapers*. Cambridge: Harvard University Press, 2004.
- Martin, T. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca: Cornell University Press, 2001.
- Menkovskiy, V. "Retenziya na «Krizis stalinskogo agitpropa»." *Ab Imperio*, no. 4 (2018): 380–389 (in Russian).
- Ree, E. van. "Heroes and Merchants: Stalin's Understanding of National Character." *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 8, no. 1 (2007): 41–65.
- Shestakov, A.V. *Istoriya SSSR: Kratkiy kurs*. Moscow: Gosudarstvennoye uchebno-pedagogicheskoye izdaniye, 1937 (in Russian).
- Suny, R.G. *The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union*. Stanford: Stanford University Press, 1993.
- Weiner, A. *Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution*. Princeton: Princeton University Press, 2001.
- Yekelchuk, S. *Stalin's Empire of Memory: Russian-Ukrainian Relations in the Soviet Historical Imagination*. Toronto: University of Toronto Press, 2004.

Библиографический список

- Артизов А.Н. В угоду взглядам вождя. Конкурс 1936 г. на учебник по истории СССР // Кентавр. 1991. № 1. С. 125–135.
- Бранденбергер Д. Кризис сталинского агитпропа: Пропаганда, политпросвещение и террор, 1927–1941. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 367 с.
- Менковский В. Рецензия на «Кризис сталинского агитпропа» // Ab Imperio. 2018. № 4. Р. 380–389.
- Шестаков А.В. История СССР: Краткий курс. М.: Государственное учебно-педагогическое издание, 1937. 223 с.
- Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Spread of Nationalism*. New York: Verso, 1991. 290 p.

- Brandenberger D.* “The ‘Short Course’ to Modernity: Stalinist History Textbooks, Mass Culture and the Formation of Popular Russian National Identity, 1934–1956.” PhD diss., Harvard University, 1999. 310 p.
- Brandenberger D.L., Dubrovsky A.M.* ‘The People Need a Tsar’: The Emergence of National Bolshevism as Stalinist Ideology, 1931–1941 // *Europe Asia Studies*. 1998. Vol. 50. № 5. P. 873–892.
- Brandenberger D.* *Propaganda State in Crisis: Soviet Ideology, Indoctrination and Terror under Stalin, 1928–1941*. New Haven: Yale University Press, 2011. 357 p.
- Brandenberger D., Zelenov M.* *Stalin’s Master Narrative: A Critical Edition of the Short Course on the History of the Communist Party (Bolsheviks)*. New Haven: Yale University Press, 2019. 744 p.
- Brandenberger D.* Stalin, the Leningrad Affair, and the Limits of Postwar Russocentrism // *Russian Review*. 2004. Vol. 63. № 2. P. 241–255.
- Brandenberger D.* ‘Simplistic, Pseudo-Socialist Racism’: Ideological Debates Over the Direction of Soviet Socialism within Stalin’s Creative Intelligentsia, 1936–1939 // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2012. Vol. 13. № 2. P. 365–393.
- Brooks J.* *When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861–1917*. Evanston: Northwestern University Press, 2003. 330 p.
- Gellner E.* *Nations and Nationalism*. Ithaca, 1983;
- Geldern J. von, Stites R.* *Mass Culture in Soviet Russia*. Bloomington: Indiana University Press, 1995. 544 p.
- Hroch M.* *The Social Preconditions for a National Revival in Europe: A Comparative Analysis of the National Composition of Patriotic Groups Among the Smaller European Nations*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. 220 p.
- Hroch M.* *From National Movement to the Fully-Formed Nation: The Nation-building Process in Europe // Mapping the Nation*. New York; London: Verso, 1996. P. 78–97.
- King D.* *The Commissar Vanishes: The Falsification of Photographs and Art in Stalin’s Russia*. New York: Henry Holt and Company, 1997. 192 p.
- Lenoe M.* *Closer to the Masses Stalinist Culture, Social Revolution, and Soviet Newspapers*. Cambridge: Harvard University Press, 2004. 315 p.
- Martin T.* *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca: Cornell University Press, 2001. 496 p.
- Ree E. van.* *Heroes and Merchants: Stalin’s Understanding of National Character // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2007. Vol. 8. № 1. P. 41–65.
- Suny R.G.* *The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union*. Stanford: Stanford University Press, 1993. 200 p.
- Weiner A.* *Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution*. Princeton: Princeton University Press, 2001. 416 p.
- Yekelchik S.* *Stalin’s Empire of Memory: Russian-Ukrainian Relations in the Soviet Historical Imagination*. Toronto: University of Toronto, 2004. 230 p.

Информация об авторе / Information about the author

Дэвид Бранденбергер, доктор исторических наук (PhD in History), профессор российской и советской истории кафедры истории Ричмондского университета (США); исследователь Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия).

David Brandenberger, PhD in History, Professor of Russian and Soviet History in the Department of History, University of Richmond; research associate, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russian Federation).

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-1-240-253>

Научная статья / Research article

Французская историография Крымской войны (1853–1856 гг.): основные направления и тенденции

Е.В. Линькова^a, М. де Болливье^b

^a Российский университет дружбы народов; 117198, Россия, Москва,
ул. Миклухо-Маклая, 10, корп. 2, linkova-ev@rudn.ru

^b Университет Гренобль-Альпы; 1281, Centrale Av., Saint-Martin-d'Hères,
38400, France; marc_debollivier@yahoo.fr

French historiography of the Crimean war (1853–1856): main trends and tendencies

Elena V. Linkova^b, Marc de Bollivier^a

^a RUDN University; 6, Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia; linkova-ev@rudn.ru

^b Université Grenoble-Alpes; 1281, Centrale Ave., Saint-Martin-d'Hères,
38400 France; marc_debollivier@yahoo.fr

Аннотация: В данной статье исследуется французская историографическая традиция изучения Крымской войны. В силу того, что французская историография Крымской кампании имеет отличия от российской или англосаксонской, представляется важным с научной точки зрения обратиться к изучению работ французских историков. Одним из ключевых тезисов данной статьи является констатация следующей ситуации во французской исторической науке: начиная со второй половины XIX в. Крымская война изучалась в рамках исследований, посвященных истории Второй империи. В конце XX в. научная традиция претерпела определенные изменения, в результате которых события 1853–1856 гг. стали предметом отдельных изысканий, посвященных военной истории Франции и исторической антропологии. Данная особенность оказала влияние на восприятие войны французским общественным мнением и научным сообществом, а также привела к дифференциации определенных проблем и сюжетов, непосредственно связанных с историей Крымской войны. Изучение французской историографии позволяет определить те темы, которые преобладали в научной мысли Франции на протяжении второй половины XIX в. – XX вв., а также те тенденции, которые в настоящее время являются ключевыми при обсуждении предпосылок, характера и итогов военной кампании 1853–1856 гг. Авторы делают вывод о том, что научный и, возможно, общественный интерес к истории Крымской войны во Франции значительно ниже, чем в России. События 1853–1856 гг., во многом затмеваемые дискуссиями и памятью о Первой мировой войне, постепенно превращаются в малоизвестный период французской истории. Однако юбилейные даты, связанные с Крымской войной и осадой Севастополя, в частности, актуализируют данную проблематику и позволяют вновь обратиться к изучению как военной кампании и дипломатии, так и в целом к истории российско-французских отношений второй половины XIX – начала XX в.

Ключевые слова: Крымская война, историография, Вторая империя, история войны, Наполеон III, школа Анналов, история сражений

Для цитирования: Линькова Е.В., Болливье М. де. Французская историография Крымской войны (1853–1856 гг.): основные направления и тенденции // Вестник Российского уни-

© Линькова Е.В., Болливье М.Л. де, 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

верситета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 1. С. 240–253. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-1-240-253>

Abstract: This article is devoted to the study of the French historiographical tradition of studying the Crimean war. Due to the fact that the French historiography of the Crimean campaign has differences from the Russian or Anglo-Saxon, it is interesting to turn to the study of the features that are characteristic for the works of French historians. One of the key theses of this article is the statement of the following situation in French historical science: since the second half of the 19th century the Crimean war was studied in the framework of studies on the history of the Second Empire. In the late twentieth century the scientific tradition has undergone certain changes, as a result of which the events of 1853–1856 became the subject of separate studies on the military history of France and historical anthropology. This feature influenced the perception of the war in French public opinion and the scientific community and led to the differentiation of certain problems and subjects directly related to the history of the Crimean war. The study of French historiography allows us to determine the themes that prevailed in the scientific thought of France during the second half of the 19th – 20th centuries, as well as those trends that are currently key in discussing the prerequisites, the nature, the results of the military campaign of 1853–1856. The authors conclude that the scientific and possibly public interest in the Crimean war in France is much lower than in Russia. The events of 1853–1856, largely overshadowed by the discussions and memory of the First World war, gradually turn into a little-known period of French history. However, the jubilee years associated with the Crimean war and the siege of Sevastopol are an important point that allows us to revisit the study of both the military campaign and diplomacy, and in general the history of Russian-French relations.

Keywords: Crimean war, historiography, Second Empire, history of war, Napoleon III, Annals school, «history of battles»

For citation: Linkova, Elena V., and Bollivier, Marc de. “French historiography of the Crimean war (1853–1856): main trends and tendencies.” *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 1 (February 2020): 240–253. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-1-240-253>

Введение

Крымская война 1853–1856 гг. явилась ключевым событием в истории европейских международных отношений середины XIX в. События эпохи вызвали широкий общественный резонанс как в России, так и в странах Западной Европы. Не будет преувеличением констатировать, что и в современной России интерес к Крымской кампании остается довольно высок, причем речь идет не только о научном сообществе, но и о коллективной памяти народа. События в Крыму, героическая оборона Севастополя, противостояние России со странами европейской коалиции, – все эти аспекты до сих пор сохраняют свою актуальность и значимость для российского социума. Примером тому могут служить не только многочисленные научные изыскания, посвященные Крымской войне и вышедшие из-под пера дореволюционных¹ и советских² историков, но и современные работы³. Среди них

¹ *Погодин М.П.* Россия в отношении к восточным племенам // Москвитянин. М., 1856; *Татищев С.С.* Внешняя политика Императора Николая Первого. Введение в историю внешних сношений России в эпоху Севастопольской войны. СПб., 1887; *Богданович М.И.* Восточная война 1853–1856 гг. СПб., 1876; *Татищев С.С.* Русская дипломатия, старая и новая. Европа накануне Восточной войны 1853–1856 годов. Полемические статьи о дипломатии. М., 2017.

² *Тарле Е.В.* Крымская война. М.-Л., 1978.

³ *Айрапетов О.Р.* Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М., 2006; *Смирнов А.Ю.* Крымская война и русское общество // Историческое обозрение: Отечественная история. М., 2000. С. 35–48; *Багдасарян В.Э.* К 160-летию начала Крымской войны: взгляд через призму

хотелось бы выделить фундаментальное исследование известного российского историка и политолога В.Э. Багдасаряна, посвященное изучению историографии Крымской войны⁴ и раскрывающее этапы осмысления событий 1853–1856 гг. в российской исторической науке и общественном мнении. Не менее интересной является работа историка Л.В. Мельниковой⁵, посвященная малоизученной теме – роли Русской православной церкви в военных конфликтах и, в частности, в годы Крымской войны, а также религиозным предпосылкам данного конфликта (спору за право владения «ключами от Храма Гроба Господня», который разгорелся накануне войны). Можно отметить, что тематика исследований, посвященных событиям 1850-х гг., становится все более обширной и включает в себя как аспекты, связанные непосредственно с ведением военных действий, повседневной жизнью солдат и офицеров, «психологизмом» войны, так и вопросы дипломатии и международных отношений в середине XIX в. Причем изучение Крымской кампании зачастую было связано с тем вниманием, которое уделялось в отечественной историографии исследованию еще одной проблемы – истории российско-французских отношений в XIX в.

Интерес к истории Франции, французской методологии истории, освещению отдельных событий во французской исторической науке традиционно был характерен для России. В советский период историки обращались к исследованию феномена Великой французской революции, к развитию основных исторических школ Франции, и, конечно же, к изучению Крымской войны. Причем современные российские исследования, посвященные Франции, также отличаются широким спектром исследуемых научных проблем⁶. Таким образом, интерес в России к истории Франции и русско-французских отношений традиционно высок и дискуссии (в том числе в зарубежной историографии, с участием отечественных историков⁷) вокруг Крымской кампании являются тому подтверждением. Однако, констатируя сложившуюся ситуацию в российской исторической науке, представляется чрезвычайно важным проанализировать и историографическую традицию изучения Крымской

теории борьбы цивилизаций // Блог Багдасаряна [сайт]. URL: <http://vbagdasaryan.ru> (дата обращения: 06.11.2013).

⁴ Багдасарян В.Э. Русская война: столетний историографический опыт осмысления Крымской кампании. М., 2002.

⁵ Мельникова Л.В. Русская православная Церковь и Крымская война 1853–1856 гг. М., 2012.

⁶ Чудинов А.В. «Русская школа» историографии Французской революции XVIII в.: выбор пути // Французский ежегодник [сайт]. URL: <http://annuaire-fr.igh.ru/system/articles/pdfs/000/000/088/original/db03df4f79960cfb753fb8019f6269a6a2da3bcc.pdf?1435753709> (дата обращения: 12.08.2019); Чудинов А.В. История Французской революции: пути познания. М., 2017; Танышина Н.П. Русско-французские отношения и Восточный вопрос в 1830–1840-е годы // Россия и Франция XVIII–XX века. М., 2008. С. 148–165; Танышина Н.П. Самодержавие и либерализм: эпоха Николая I и Луи-Филиппа Орлеанского. М., 2018.

⁷ Melnikova L. L'Église orthodoxe russe et la guerre de Crimée, 1853–1856 // Colloque «La guerre de Crimée, la première guerre moderne européenne?» [сайт]. URL: <http://sirice.eu/agenda/la-guerre-de-crimée-première-guerre-modern> (дата обращения: 27.08.2019); Linkova É. La guerre d'Orient dans la presse conservatrice russe au milieu du XIXe siècle // Colloque «La guerre de Crimée, la première guerre moderne européenne?» [сайт]. URL: <http://sirice.eu/agenda/la-guerre-de-crimée-première-guerre-modern> (дата обращения: 15.08.2019).

войны во Франции. В настоящее время российско-французские отношения переживают новый этап своего развития. Они не лишены сложностей и противоречий, однако те импульсы, которые были даны благодаря созданию форума «Трианонский диалог», личным встречам Президента России В.В. Путина и Президента Франции Э. Макрона, дают основание полагать, что обращение к изучению международных событий, подобных Крымской войне, – это своего рода ключ к взаимопониманию и выстраиванию равноправного диалога двух стран.

Французская историография Крымской войны имеет ряд особенностей, которые неразрывно связаны со спецификой изучения истории Франции и тех военных конфликтов, в которых принимала участие страна. Работы, посвященные военным событиям 1853–1856 гг., могут быть условно разделены на исследования, посвященные военной истории в целом, и на работы по истории Второй империи. Именно в рамках данных историографических полей изучается и Крымская кампания.

Военная история Франции – это наиболее изученная сфера французской исторической науки. Примечательно, что в данном случае французские историки повторяли древнеримские, древнегреческие и средневековые традиции. Еще Геродот и Фукидид писали о персидских войнах и Пелопоннесской войне⁸, а в Средние века объемные труды посвящались именно военным конфликтам, таким, например, как Столетняя война, описанная в хронике Ж. Фруассара.

После Великой французской революции в описании военных действий, которые вела Франция, появилась новая тенденция. Дело в том, что Великая французская революция 1789–1794 гг. способствовала укреплению национального единства и во многом завершила процесс создания французской национальной идентичности. В этой связи военная тематика приобрела особую популярность у историков как важная составляющая национального самосознания⁹. Военная история, ставшая столь модной, получила в итоге от основателей школы Анналов необычное название «истории сражений»¹⁰. С другой стороны, именно с данной научной традицией был связан долгий период забвения темы со стороны французских историков, т.к. начиная с 1920-х гг. интерес к военным событиям явно угасал. Исключением может являться полуавтобиографическая работа Марка Блока о битве за Францию в 1940 г.¹¹

В 1970-х гг. с ростом интереса к изучению французской политической истории отмечается возвращение в поле научных исследований военной истории Франции¹². Это было связано с публикацией книги Р. Ремона¹³, посвященной политической истории, а также серии коллективных монографий по военной истории Франции под руководством А. Корвизье, Э. Древиллона, О. Вьеворка¹⁴. Дан-

⁸ Cadiou F., Coulomb C., Lemonde A., Santamaria Y. Comment se fait l'histoire. Pratiques et enjeux. Paris, 2005. P. 17.

⁹ Там же. P. 70.

¹⁰ Там же. P. 78–79.

¹¹ Bloch M. L'étrange défaite. Paris, 1990.

¹² Henninger L. La nouvelle histoire-bataille // Espaces Temps. 1999. P. 71–73; Beaufré A. La Deuxième Guerre mondiale. Paris, 1972.

¹³ Rémond R. Les Droites en France. Paris, 1992.

¹⁴ Corvisier A. Histoire militaire de la France. De 1715 à 1871. Paris, 1992; Drévilon H., Wieworka O. Histoire militaire de la France. I. Des Mérovingiens au Second Empire. Paris, 2018.

ные работы сопровождалось обновлением проблематики французской военной истории, а также анализом ключевых военных конфликтов, в которых принимала участие Франция. Справедливости ради необходимо отметить, что центральным событием французской военной истории с этого периода и вплоть до настоящего времени становится Первая мировая война.

Участие Франции в военных действиях 1914–1918 гг., сражения, повседневная жизнь, социокультурные и психоэмоциональные аспекты, – все эти элементы занимают важное место во французской исторической науке¹⁵. Однако важно отметить, что появившиеся работы, посвященные истории Первой мировой войны, привели к весьма закономерному развитию интереса к военной истории Франции в целом, в том числе к событиям Крымской войны.

Целью настоящего исследования является анализ французской историографической традиции изучения Крымской войны, выявление характерных тенденций, свойственных для исследований французских специалистов, реконструкция основных дискуссий, имеющих место во французской исторической науке по вопросу о событиях 1853–1856 гг. Представляется не менее важным раскрыть эволюцию французской историографии, посвященной данному этапу истории страны, с целью выявления той роли Крымской кампании, которую отводят ей исследователи, изучая политическое, экономическое и военное развитие Франции во второй половине XIX – начале XX в.

Подготовка историографического обзора потребовала применения методов, характерных для подобного рода исследований. Во-первых, речь идет о таких методологических принципах, как принципы историзма и объективности. В частности, труды, посвященные Крымской кампании, анализируются с учетом той эпохи, когда они создавались, той методологической парадигмы, которая была свойственна конкретному этапу развития французской исторической науки. Кроме того, принцип объективности дал возможность проанализировать историографический материал с учетом национальной исследовательской традиции, сложившейся во Франции. Системный подход позволил определить степень изученности проблемы во французской историографии, выявить основные тенденции и компоненты историографической традиции изучения военных конфликтов, в которых принимала участие Франция в годы Второй империи.

Сравнительно-исторический метод позволил сопоставить исследования, проводимые на различных этапах становления историографии Крымской войны, выявить общие и особенные черты, свойственные для французской, российской, британской, итальянской, турецкой историографии. Благодаря хронологическому методу стало возможным выявить этапы становления и развития французской традиции изучения Крымской войны. Наконец, в историографических исследованиях большое значение имеет метод актуализации, т. е. определение ценности и

¹⁵ *Becker A.* La guerre et la foi. De la mort à la mémoire 1914–1930. Paris, 1994; *Cabanes B.* La victoire endeillée: la sortie de guerre des soldats français 1918–1920. Paris, 2004; *Cochet F.* Être soldat. De la Révolution à nos jours. Paris, 2013; *Cochet F.* Expérience combattante. XIXe – XXIe siècles. Former les soldats au feu. Paris, 2011.

практической значимости научных знаний, полученных на предшествующем этапе, для современных и будущих исследований.

Совокупность данных методов позволила провести всесторонний анализ французской историографии Крымской войны, определить малоизученные вопросы и наметить те проблемы, которые могут заинтересовать исследователей в перспективе.

Французская историография Крымской войны в период Второй империи

Во французской историографии изучение Крымской войны традиционно было связано с исследованиями по истории Второй Империи, т.е. режима, основанного Луи-Наполеоном Бонапартом, сыном Луи Бонапарта и племянником Наполеона I. Созданная 2 декабря 1852 г., после государственного переворота и плебисцита, Вторая империя пришла на смену Второй республике¹⁶. Несмотря на трагический конец в 1870 г., Вторая империя явилась важным этапом в истории Франции, поскольку именно в этот период имели место значительные экономические, культурные и социальные изменения. Действительно, именно при имперском режиме во Франции произошла мощная индустриализация, железнодорожный бум¹⁷, страна стала важным элементом европейской международной системы, а французская армия пережила своего рода новый золотой век¹⁸. Именно на период с 1852–1870 г. приходятся знаменитые военные кампании Наполеона III: итальянская (1858–1859 гг.), франко-прусская (1870–1871 гг.) и Крымская (1853–1856 гг.).

Крымская кампания, имевшая место в годы Второй империи, изучалась историками как в рамках данного периода, так и самостоятельно. Первые работы, посвященные войне, появились уже в 1854–1856 гг., были основаны на архивных материалах (отчетах о боевых действиях и логистике, личной переписке, дневниках и т. д.) и содержали первые оценки военных событий, причин и целей войны.

Среди подобных исследований можно назвать работы М. де Фербалье¹⁹, Э. Жегля²⁰, М. де Метивье де Валь²¹, которые были посвящены изучению хода кампании, проводимой союзниками с момента их вступления в войну. Кроме того, именно в этих трудах впервые была обозначена общественно-политическая дискуссия, свойственная французскому обществу, которая во многом сводилась к спорам сторонников и противников вступления французов в Крымскую кампанию.

По окончании военных действий научный интерес к изучаемой проблеме не ослабел, о чем свидетельствует публикация таких работ, как «*Siège de Sébastopol*

¹⁶ Вторая республика была провозглашена 24 февраля 1848 г.

¹⁷ Leduc E. Cinquième partie: Vivre dans le Second Empire. Les grands chantiers économiques // Une nouvelle histoire du Second Empire. Paris, 2017. P. 117–138.

¹⁸ Ortholan H. L'armée du Second Empire : 1852–1870. Saint-Cloud, 2010. P. 18.

¹⁹ Ferbalier M. De. Histoire de la campagne de Crimée et du siège de Sébastopol par M. de Ferbalier, officier d'état-major. Paris, 1854.

²⁰ Jaegle E. La guerre d'Orient. Pourquoi la guerre aux Cosaques avec Notions historiques, physiques, géographiques sur la Turquie et la Russie. Paris, 1854.

²¹ Métivier de Vals M. De. Guerre contre les Russes en Orient : plan de campagne rétrospectif des armées coalisées. Paris, 1855.

et guerre de Crimée»²², лекций М.А. Ду Шейрона²³, исследований А. де Жюстиниани и И. Ламарка²⁴, Г. Маршала²⁵, К. Руссе²⁶ и Ж.Ж. Роя²⁷, Е. Пика и М. Уркварта²⁸, П. Верет, М. Вены де Мон-Ориент Шарлеваль и Гарая де Монглава²⁹.

В вышеперечисленных работах современный исследователь может обнаружить некоторые схожие элементы. Прежде всего, ученые того времени смотрели на исторический факт как на своеобразный информационный повод, т. е. стремились, в первую очередь, донести до широкой общественности все нюансы описываемого события. Причем именно этим можно объяснить небольшое количество работ, посвященных Крымской войне, и изданных сразу после ее окончания. Дело в том, что после 1857 г. Франция последовательно участвовала в важных для себя военных кампаниях (речь идет о войне с Австрией 1859 г. и присоединении Ниццы и Савойи; о военных экспедициях в Китай 1857–1860 гг., в Японию 1858 г., Сирию 1860–1861 гг., Мексику 1861 г.), которые требовали «мобилизации» внимания историков.

Среди наиболее известных работ послевоенного времени можно выделить исследования барона Леката де Базанкура³⁰, ставшего одним из ведущих историков, занимавшихся изучением военных кампаний Наполеона III. В период Крымской войны барон Базанкур стал свидетелем осады Севастополя, имел аккредитацию военного министерства, выданную генералом Канробером. Благодаря пре-

²² *Siège de Sébastopol et guerre de Crimée*. Paris, 1856.

²³ *Du Cheyron A. Conférences régimentaires. Du rôle de la Cavalerie pendant la campagne d'Orient (Guerre de Crimée, 1854 – 1855 – 1856)*. Paris, 1886.

²⁴ *Giustiniani H. de Commentaire sur les opérations militaires en Crimée*. Paris, 1857; *Lamarche H. L'Europe et la Russie – Remarques sur le siège de Sébastopol et sur la paix de Paris, conséquences probables*. Paris, 1857.

²⁵ *Marchal G. La guerre de Crimée par Gustave Marchal. Ouvrage illustré de 26 gravures hors texte inédites par Quesnay Beaupaire*. Paris, 1888.

²⁶ *Gouttman A. La Guerre de Crimée. 1853–1856. La première guerre moderne*. Paris, 2006; *Rousset C. Histoire de la guerre de Crimée*. Atlas. Paris, 1878; *Rousset C. Histoire de la guerre de Crimée par Camille Rousset de l'Académie française*. Paris, 1894.

²⁷ *Roy J.-J.-E. Histoire du siège et de la prise de Sébastopol précédée d'une notice sur la Crimée et sur les causes et les principaux événements de la guerre d'Orient*. Tours, 1856.

²⁸ *Pick E. Les fastes de la grande armée d'Orient : histoire politique, militaire et maritime des campagnes de Crimée et de la Baltique*. Paris, 1857; *Urquhart M. La force navale supprimée par les puissances maritimes – Guerre de Crimée – Par M. Urquhart*. Grenoble, 1873.

²⁹ *Véret P. Questions sur les Conséquences Présumées de la guerre d'Orient au départ des troupes françaises pour la Guerre de Crimée en 1854 par Paul Véret*. Roye, 1878; *Comte Vien de Mont-Orient Charleval, Eugène Garay de Monglave. Histoire politique, maritime et militaire de la Guerre d'Orient. Victoires et conquête des armées et des flottes alliées en Crimée dans la mer Noire, dans la mer Baltique, dans la mer d'Azov, etc. Relation exacte et complète du siège et de la prise de Sébastopol. Biographie des Amiraux et des Généraux commandant les expéditions par M.M. Le Cte Vien de Mont-Orient Charleval Ancien Marin Eugène Garay de Monglave Ancien Officier d'état major. Tome Premier*. Paris, 1857.

³⁰ *Lecat Bazancourt C. Cinq mois au camp devant Sébastopol*. Paris, 1855; *Lecat Bazancourt C. La marine française dans la Mer noire et la Baltique : chronique maritimes de la guerre d'Orient*. Paris, 1856–1857; *Lecat Bazancourt C. L'expédition de Crimée. L'armée française à Gallipoli, Varna et Sébastopol. Chroniques militaires de la guerre d'Orient par le Baron de Bazancourt*. Paris, 1860; *Lecat Bazancourt C. L'expédition de Crimée jusqu'à la prise de Sébastopol: chroniques de la guerre d'Orient*. Paris, 1856.

быванию в Крыму и тесным контактам с французским верховным командованием барон Базанкур опубликовал в 1856–1858 гг. довольно детальное описание сражений на крымском театре военных действий.

На пути к обновлению историографии Крымской войны

Существенные изменения в изучении событий 1853–1856 гг. связаны с появлением школы Анналов. Именно тогда, в 1920-е гг., политическая и военная история практически перестали существовать во французском научном мире. Ученые сосредоточили свои изыскания главным образом на экономической и социальной истории. Крымская война, словно отодвинутая на второй план другими конфликтами, считающимися более важными, испытала период едва ли не полного забвения. Историография этого конфликта была представлена лишь несколькими исследованиями Ж.-П. Чаппуи, Ф.Ф. Револь, Р. Жанин, Э. Бапст и др.³¹

С 1980-х г. в рамках процесса возрождения национальной политической и военной истории можно было наблюдать и возвращение интереса к Крымской кампании. В 1985 г. историк Л. Дельпере обозначил несколько основных аспектов, связанных с изучением военных событий середины XIX в., предложив анализ наиболее значимых и наименее исследованных сюжетов, включая историю повседневной жизни военных в Крыму, медицинской и интендантской службы³². Примером подобного «тематического подхода» к Крымской войне являются работы последних лет, посвященные изучению данных о смертности среди французских военнослужащих во время осады Севастополя³³, о санитарной и эпидемиологической обстановке на фронте³⁴, французских военных медицинских учреждений³⁵.

Другой тип тематических исследований включает труды, раскрывающие дипломатические аспекты войны: причины действий союзников против России, последствия Парижского договора³⁶.

Кроме того, Крымская война по-прежнему изучается в общих фундаментальных монографиях, посвященных армии Второй империи или военной истории

³¹ *Chappuis J.-P.* 1854–1855 Croisade en Crimée. La guerre qui arrêta les Russes. Paris, 1978; *Revol J.-F.* Le vice des coalitions. Étude sur le haut commandement en Crimée (1854–1855). Saint-Germain, 1923.

³² *Delpérier L.* De la Crimée à la Grande Guerre. L'armée devant l'objectif 1854–1914. Paris-Limoge, 1985.

³³ *Fredj C.* Compter les morts de Crimée : un tournant sur l'identité professionnelle des médecins de l'armée française (1865–1882) // *Histoire, économie & société*. 2010. Vol. 29. № 3. P. 95–108; *Pouget B.* Des cadavres de militaires français morts hors du combat dans la guerre de Crimée (1854–1856) // *Corps*. 2017. Vol. 15. № 1. P. 293–304.

³⁴ *Lemaire M.* La guerre de Crimée : Chronique et analyse d'un désastre sanitaire (1854–1856). Montpellier, 2006.

³⁵ *Scherpereel P.* Médecins et infirmières dans la guerre de Crimée 1854–1856. Paris, 2016; *Fredj C.* Médecins en campagne, médecine des lointains: le service de santé des armées en campagne dans les expéditions lointaines du Second Empire (Crimée, Chine-Cochinchine, Mexique). Paris, 2016.

³⁶ *Bézias J.-R.* Crimée, 1854 : une guerre pour les Turcs // *L'Histoire*. 2004. Vol. 290. № 9. P. 22–23; *Janin R., Bapst E.* Les Origines de la guerre de Crimée. La France et la Russie de 1848 à 1854 // *Échos d'Orient*. 1913. Vol. 16. № 101. P. 381; *Rolland-Villemot B.* La guerre de Crimée et le Traité de Paris: un enjeu géopolitique en Méditerranée // *Cahiers slaves*. 2016. № 14. С. 123–133.

Франции. Одним из вопросов, которые освещаются в подобных работах, является история сотрудничества французского военного флота и армии. Исследователи делают вывод о том, что в военной истории Франции Крымская кампания явилась одним из первых примеров подобной коллаборации, а также экспедиционной войны. Как отмечал исследователь А. Даррье, «сотрудничество между Национальным флотом и сухопутной армией было активизировано и усилено генералом Пелисье», что следовало из его приказа «от 5 октября 1855 года»³⁷. Причем современные авторы все больше обращаются к вопросам качества снабжения французских вооруженных сил, причин высокой смертности от эпидемий. Однако, как отмечал А. Даррье, при всех отрицательных аспектах Крымская война имела важные положительные последствия, связанные, прежде всего, с опытом ведения столь масштабных операций³⁸. Подобный опыт стал чрезвычайно важным в рамках дальнейших военных действий Франции, например, в Мексике. Экспедиция в Мексику (1861–1867 гг.) явилась второй крупной военной кампанией Второй империи, в рамках которой Франция вновь столкнулась с логистическими трудностями экспедиционной войны, которые были очевидны уже в ходе Крымской кампании.

Наконец, историография Крымской войны была бы неполной без упоминания работ французского историка А. Гутмана. Его монография, впервые опубликованная в 1995 г., впоследствии выдержала несколько переизданий и на сегодняшний день остается едва ли не самым фундаментальным исследованием по истории Крымской войны во Франции³⁹. Сильной стороной данной работы является привлечение широкого круга источников, изучение историографической традиции, сложившейся в предыдущую эпоху, а также язык изложения. Неудивительно поэтому, что исследование А. Гутмана хорошо известно даже неспециалистам, что дает возможность популяризировать события 1853–1856 гг. в европейском обществе, возвращая Крымскую войну в коллективную память французов.

При всех положительных сторонах монография А. Гутмана не лишена и некоторых недостатков, свойственных, впрочем, большинству французских работ о Крымской кампании. Так, среди источников, на основе которых А. Гутман реконструирует события середины XIX в., встречаются лишь широко известные произведения, документы и материалы, например, письма маршала Леруа де Сент-Арно и «Севастопольские рассказы» Л.Н. Толстого⁴⁰. К тому же автор не уделяет внимания операциям в Балтийском море и на Тихом океане, анализируя лишь те события, которые происходили на Крымском фронте. Однако данная особенность, как уже было отмечено выше, свойственна для многих работ о Крымской войне, и лишь в последние годы французские исследователи начали обращаться к изучению и анализу действий французского флота на других театрах военных действий.

Как отмечают некоторые современные французские историки, Крымская война, при столь незначительном внимании к данному конфликту со стороны специали-

³⁷ *Darrieu H., Queguiner J. Historique de la Marine Française (1815–1918). Saint-Malo, 1997. P. 59.*

³⁸ Там же. P. 60.

³⁹ *Goutman A. La Guerre de Crimée. 1853–1856. La première guerre moderne. Paris, 2006.*

⁴⁰ *Ibid. P. 422.*

стов (по сравнению с Франко-прусской или Первой мировой войной), сыграла важную роль как в процессе укрепления французских вооруженных сил, так и в утверждении Франции на мировой арене. Именно Крымская кампания стала первой общеевропейской конфронтацией со времен наполеоновских войн. События на Черном море продемонстрировали потенциал французского флота и армии, сумевших использовать все те технологические новшества, которые имели место в странах Западной Европы к середине XIX в. По справедливому замечанию французских историков А. Дарьё и Ж. Кегинер, в период осады Севастополя «национальный военно-морской флот и его командиры продемонстрировали свои навыки и способности вести крупные операции», которые по сути были связаны с логистикой, с переброской солдат и вооружений, а не с морскими батальями⁴¹. Рассматривая аспекты, связанные с тактикой и вооружением французов, историки приходят к выводу о весьма продуктивном использовании артиллерии, что было особенно заметно при осаде Севастополя⁴².

В то же время Крымская война выявила слабые стороны французской армии, которые были учтены лишь с падением Второй империи. Так, например, историк Р. Монак отмечал, что французские «генералы по большей части были неспособны к всеобъемлющему стратегическому видению», стремясь лишь к захвату Севастополя⁴³. Причем проблема заключалась также в неспособности осуществлять межармейское взаимодействие, вследствие чего победа французской армии зачастую становилась возможной вследствие ошибок противника или удачной «импровизации», далекой от реального планирования. По мнению Б. Мартинез, если эти особенности не привели к неудачам французов в Крыму, то именно они стали причиной поражений в 1870–1871 гг.⁴⁴

В целом, французские историки, занимавшиеся изучением Крымской войны в рассматриваемый период, ввели в научный оборот большое количество архивных материалов, а в своих научных изысканиях обращались к самым разноплановым аспектам событий 1853–1856 гг.: военным действиям на суше и на море, осаде Севастополя, функционированию службы снабжения и медицинскому обеспечению, гуманитарным и морально-нравственным аспектам войны. В современной французской исторической науке наблюдается возвращение интереса к изучению событий, связанных с Крымской кампанией 1853–1856 гг.

Выводы

Французская историографическая традиция истории Крымской войны складывалась на протяжении нескольких этапов, начиная с первых послевоенных лет, в рамках которых Крымская кампания «пережила» как периоды забвения, так и повышенного интереса со стороны специалистов.

⁴¹ *Darrieu H., Queguiner J. Historique de la Marine Française (1815–1918). Saint-Malo, 1997. P. 56–57.*

⁴² *Serman W., Bertaud J.-P. Nouvelle histoire militaire de la France 1789–1919. Fayard, 1998. P. 338–339.*

⁴³ *Monaque R. Une histoire de la marine de guerre française. Paris, 2016. P. 306–307.*

⁴⁴ *Martinez B. 1789–1870: De la Révolution française à la Commune de Paris // Histoire de l'Armée Française [сайт]. URL: France 5/JEM productions/SFP.*

В современной французской исторической науке возрождается интерес к военной истории и истории Второй империи, при этом Крымская кампания 1853–1856 гг. до сих пор остается «в тени» исследований на фоне все возрастающего интереса к истории Первой мировой (Великой) войны. Французская историография Крымской войны пережила своего рода период забвения и отсутствия интереса со стороны школы Анналов к военному и политическому прошлому страны. И до сих пор данная военная кампания и события, связанные с участием в ней французов, остается для широкой публики малоизвестной страницей из истории Франции. Примечательно, что в Париже и других французских городах немало улиц, которые названы в честь памятных мест Крыма – Севастополя, Альмы, Евпатории, Малахова кургана. Однако в коллективной памяти народа события середины XIX в. давно уступили место Первой мировой войне. В этой связи вполне справедливыми можно признать слова тех современных французских историков, которые называют Крымскую кампанию забытой войной⁴⁵, детальное изучение которой лишь ждет своего исследователя.

При этом как в научном сообществе, так и во французском социуме все более заметен интерес к истории правления Наполеона III, а события 1854–1856 гг. все чаще трактуются исследователями как предпосылки к росту международной напряженности во второй половине XIX в. и складыванию блоков противостоявших друг другу государств накануне Первой мировой войны. По этой причине обращение к истории Крымской войны представляется весьма закономерным и необходимым, помогающим реконструировать характер и содержание тех противоречий в истории международных отношений, которые спровоцировали Первую мировую войну.

Весьма характерным в этой связи для представлений французских историков стало название международной конференции, собравшей в ноябре 2019 г. в Университете Париж Пантеон Сорбонна исследователей из тех стран, которые являлись участницами конфликта 1853–1856 гг. Французские ученые предложили не бесспорную, на наш взгляд, дефиницию Крымской кампании как «первой современной европейской войны». Подобного рода определение было выбрано неслучайно. В рамках проблематики научных докладов участников конференции Крымская война предстает как новый этап в развитии не только военного дела (в области вооружения, тактик боя и т.д.) и военной медицины (военно-полевой хирургии, устройства госпиталей, транспортировки раненых), но и мировой дипломатии и создании новой системы международных отношений и баланса сил в Европе.

Рукопись поступила: 5 сентября 2019 г.

Submitted: 5 September 2019

Библиографический список

- Айранетов О.Р.* Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М.: Издательство «Европа», 2006. 672 с.
- Багдасарян В.Э.* Русская война: столетний историографический опыт осмысления Крымской кампании. М.: Изд-во Московского открытого университета, 2002. 239 с.

⁴⁵ Colloque «La guerre de Crimée, la première guerre moderne européenne?» [сайт]. URL: <http://sirice.eu/agenda/la-guerre-de-crimee-premiere-guerre-moderne> (дата обращения: 24.08.2019).

- Богданович М.И. Восточная война 1853–1856 гг. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1876. 230 с.
- Мельникова Л.В. Русская православная Церковь и Крымская война 1853–1856 гг. М.: Кучково поле, 2012. 392 с.
- Погодин М.П. Россия в отношении к восточным племенам // Москвитянин. М.: В типографии Л. Степановой, 1856. С. 120–125.
- Смирнов А.Ю. Крымская война и русское общество // Историческое обозрение: Отечественная история. 2000. № 1. С. 35–48.
- Таньшина Н.П. Русско-французские отношения и Восточный вопрос в 1830–1840-е годы // Россия и Франция XVIII–XX века. М.: Наука, 2008. С. 148–165.
- Таньшина Н.П. Самодержавие и либерализм: эпоха Николая I и Луи-Филиппа Орлеанского. М.: РОССПЭН, 2018. 334 с.
- Тарле Е.В. Крымская война. Восточный вопрос во внешней политике России (конец XVIII – начало XX в.). М.: Наука, 1978. 434 с.
- Татищев С.С. Внешняя политика Императора Николая Первого. Введение в историю внешних сношений России в эпоху Севастопольской войны. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1887. 639 с.
- Татищев С.С. Русская дипломатия, старая и новая. Европа накануне Восточной войны 1853–1856 годов. Полемиические статьи о дипломатии. М.: ЛЕНАНД, 2017. 201 с.
- Чудинов А.В. История Французской революции: пути познания. М.: РОССПЭН, 2017. 280 с.

References

- Ayrapetov, O.R. *Vneshnyaya politika Rossiyskoy imperii (1801–1914)*. Moscow: Evropa Publ., 2006 (in Russian).
- Bagdasarjan, V.Ye. *Russkaya voyna: stoletniy istoriograficheskiy opyt osmysleniya Krymskoy kampanii*. Moscow: Moskovskiy otkryty universitet Publ., 2002 (in Russian).
- Bogdanovich, M.I. *Vostochnaya voyna 1853–1856 gg.* St. Petersburg: Tipografiya M. Stasyulevicha Publ., 1876 (in Russian).
- Chudinov, A.V. *Istoriya Francuzskoy revolyucii: puti poznaniya*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2017 (in Russian).
- Mel'nikova, L.V. *Russkaya pravoslavnaya Cerkov' i Krymskaya voyna 1853–1856 gg.* Moscow: Kuchkovo pole Publ., 2012 (in Russian).
- Pogodin, M.P. “Rossiya v otnoshenii k vostochnym plemenam.” In *Moskvityanin*, 120–125. Moscow: tipografiya L. Stepanovoy Publ., 1856 (in Russian).
- Smirnov, A.Yu. “Crimean war and Russian society.” *Russian History*, no. 1 (2000): 35–48 (in Russian).
- Tan'shina, N.P. “Russko-francuzskie otnosheniya i Vostochnyy vopros v 1830–1840-e gody.” In *Rossiya i Franciya XVIII–XX veka*, 148–165. Moscow: Nauka Publ., 2008 (in Russian).
- Tan'shina, N.P. *Samoderzhavie i liberalizm: jepoha Nikolaya I i Lui-Filippa Orleanskogo*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2018 (in Russian).
- Tarle, E.V. *Krymskaya voyna. Vostochnyy vopros vo vneshney politike Rossii (konec XVIII – nachalo XX v.)*. Moscow: Nauka Publ., 1978 (in Russian).
- Tatishhev, S.S. *Russkaya diplomatiya, staraya i novaya. Evropa nakanune Vostochnoy voyny 1853–1856 godov. Polemicheskie stat'i o diplomatii*. Moscow: LENAND Publ., 2017 (in Russian).
- Tatishhev, S.S. *Vneshnyaya politika Imperatora Nikolaya Pervogo. Vvedenie v istoriyu vneshnih snosheniy Rossii v epohu Sevastopol'skoy voyny*. St. Petersburg: Tipografiya I.N. Skorohodova Publ., 1887 (in Russian).
- Beaufre, A. *La Deuxième Guerre mondiale (8 volumes)*. Paris: Jules Tallandier / Paris-Hachette, 1972 (in French).
- Becker, A. *La guerre et la foi. De la mort à la mémoire 1914–1930*. Paris: Armand Colin, 1994 (in French).
- Béziat, J.-R. “Crimée, 1854: une guerre pour les Turcs.” *L'Histoire* 290, no. 9 (2004): 22–23 (in French).

- Bloch, M. *L'étrange défaite*. Paris: Gallimard, 1990 (in French).
- Cabanes, B. *La victoire endeillée: la sortie de guerre des soldats français 1918–1920*. Paris: Éditions Du Seuil, 2004 (in French).
- Cadiou, F., Coulomb, C., Lemonde, A., and Santamaria, Y. *Comment se fait l'histoire. Pratiques et enjeux*. Paris: Édition la Découverte, 2005 (in French).
- Chappuis, J-P. *1854 – 1855 Croisade en Crimée. La guerre qui arrêta les Russes*. Paris: Société de Production Littéraire, 1978 (in French).
- Cochet, F. *Être soldat. De la Révolution à nos jours*. Paris: Armand Colin Publ., 2013 (in French).
- Cochet, F. *Expérience combattante – XIXe – XXIe siècles – I – Former les soldats au feu*. Paris: Riveneuve édition, 2011 (in French).
- Comte Vien de Mont-Orient Charleval, Garay de Monglave E. *Histoire politique, maritime et militaire de la Guerre d'Orient. Victoires et conquête des armées et des flottes alliées en Crimée dans la mer Noire, dans la mer Baltique, dans la mer d'Azov, etc. Relation exacte et complète du siège et de la prise de Sébastopol. Biographie des Amiraux et des Généraux commandant les expéditions par MM. Le Cte Vien de Mont-Orient Charleval Ancien Marin Eugène Garay de Monglave Ancien Officier d'état major*. Paris: Eugène Penaud Publ.; Librairie-éditeur, 1857 (in French).
- Corvisier, A. *Histoire militaire de la France. De 1715 à 1871*. Paris: Presses Universitaires de France, 1992 (in French).
- Darrieu, H., and Queguiner, J. *Historique de la Marine Française (1815–1918)*. Saint-Malo: L'Ancre de Marine, 1997 (in French).
- Delpérier, L. *De la Crimée à la Grande Guerre. L'armée devant l'objectif 1854–1914*. Paris-Limoge: Charles Lavauzelle, 1985 (in French).
- Drévilon. H., and Wieviorka, O. *Histoire militaire de la France. I. Des Mérovingiens au Second Empire*. Paris: Éditions Perrin/ Ministère des Armées, 2018 (in French).
- Du Cheyron, A. *Conférences régimentaires – Du rôle de la Cavalerie pendant la campagne d'Orient (Guerre de Crimée, 1854–1855–1856)*. Paris: Imprimerie, librairie et papeterie Henri Charles-Lavauzelle Editeur militaire, 1886 (in French).
- Ferbalier, M. De. *Histoire de la campagne de Crimée et du siège de Sébastopol par M. de Ferbalier, officier d'état-major*. Paris: Madame veuve Desbleds Librairie, 1854 (in French).
- Fredy, C. "Compter les morts de Crimée: un tournant sur l'identité professionnelle des médecins de l'armée française (1865–1882)." *Histoire, économie & société* 29, no. 3 (2010): 95–108 (in French).
- Fredy, C. *Médecins en campagne, médecine des lointains: le service de santé des armées en campagne dans les expéditions lointaines du Second Empire (Crimée, Chine-Cochinchine, Mexique)*. Paris: EHESS, 2016 (in French).
- Giustiniani, H. De. *Commentaire sur les opérations militaires en Crimée*. Paris: impr. De L. Martinet, 1857 (in French).
- Gouttman, A. *La Guerre de Crimée. 1853–1856. La première guerre moderne*. Paris: Perrin, 2006 (in French).
- Henninger, L. "La nouvelle histoire-bataille." *Espaces Temps* (1999): 71–73 (in French).
- Jaegle, E. *La guerre d'Orient. Pourquoi la guerre aux Cosaques avec Notions historiques, physiques, géographiques sur la Turquie et la Russie*. Paris: Se trouve chez Durand, 1854 (in French).
- Janin, R., and Bapst, E. "Les Origines de la guerre de Crimée. La France et la Russie de 1848 à 1854." *Échos d'Orient* 16, no. 101 (1913): 378–385 (in French).
- Lamarche, H. *L'Europe et la Russie – Remarques sur le siège de Sébastopol et sur la paix de Paris, conséquences probables*. Paris: Pagnerre Libraire-éditeur, 1857 (in French).
- Lecat Bazancourt, C. *Cinq mois au camp devant Sébastopol*. Paris: Aymot Publ., 1855 (in French).
- Lecat Bazancourt, C. *La marine française dans la Mer noire et la Baltique: chronique maritimes de la guerre d'Orient*. Paris: Amyot, 1856–1857 (in French).
- Lecat Bazancourt, C. *L'expédition de Crimée jusqu'à la prise de Sébastopol: chroniques de la guerre d'Orient/par le baron de Bazancourt*. Paris: Amyot, 1856 (in French).

- Lecat Bazancourt, C. *L'expédition de Crimée. L'armée française à Gallipoli, Varna et Sébastopol. Chroniques militaires de la guerre d'Orient par le Baron de Bazancourt*. Paris: librairie d'Aymot, 1860 (in French).
- Leduc, E. "Cinquième partie: Vivre dans le Second Empire. Les grands chantiers économiques." *Une nouvelle histoire du Second Empire*. Paris: Éditions Complicités Publ., 2017 (in French).
- Lemaire, M. *La guerre de Crimée: Chronique et analyse d'un désastre sanitaire (1854–1856)*. Montpellier: Montpellier 3, 2006 (in French).
- Marchal, G. *La guerre de Crimée par Gustave Marchal. Ouvrage illustré de 26 gravures hors texte inédites par Quesnay Beaurepaire*. Paris: Firmin-Didot, 1888 (in French).
- Métivier de Vals, M. de *Guerre contre les Russes en Orient: plan de campagne rétrospectif des armées coalisées*. Paris: Guiraudet et Jouaust, 1855 (in French).
- Monaque, R. *Une histoire de la marine de guerre française*. Paris: Perrin Publ., 2016 (in French).
- Ortholan, H. *L'armée du Second Empire: 1852–1870*. Saint-Cloud: Éditions SOTECA/Napoléon III, 2010 (in French).
- Pick, E. *Les fastes de la grande armée d'Orient: histoire politique, militaire et maritime des campagnes de Crimée et de la Baltique (7e édition... augmentée du Rapport officiel...)*. Paris: Librairie napoléonienne, 1857 (in French).
- Pouget, B. "Des cadavres de militaires français morts hors du combat dans la guerre de Crimée (1854–1856)." *Corps* 15, no. 1 (2017): 293–304 (in French).
- Rémond, R. *Les Droites en France*. Paris: Aubier, 1992 (in French).
- Revol, J.-F. *Le vice des coalitions. Étude sur le haut commandement en Crimée (1854–1855)*. Saint-Germain: Berger-Levrault Publ., Editeurs, 1923 (in French).
- Rolland-Villemot, B. "La guerre de Crimée et le Traité de Paris: un enjeu géopolitique en Méditerranée." *Cahiers slaves*, no. 14 (2016): 123–133 (in French).
- Rousset, C. *Histoire de la guerre de Crimée par Camille Rousset de l'Académie française (troisième édition)*. Paris: Librairie Hachette et Cie, 1894 (in French).
- Rousset C. *Histoire de la guerre de Crimée*. Atlas. Paris: Hachette, 1878 (in French).
- Roy, J.-J.-E. *Histoire du siège et de la prise de Sébastopol précédée d'une notice sur la Crimée et sur les causes et les principaux événements de la guerre d'Orient*. Tours: Ad Mame et Cie; Imprimeurs-libraires, 1856 (in French).
- Scherpereel, P. *Médecins et infirmières dans la guerre de Crimée 1854–1856*. Paris: L'Harmattan, 2016 (in French).
- Serman, W., and Bertaud, J.-P. *Nouvelle histoire militaire de la France 1789–1919*. Fayard: France, 1998 (in French).
- Urquhart, M. *La force navale supprimée par les puissances maritimes – Guerre de Crimée – Par M. Urquhart*. Grenoble: Imprimerie A. Baratier, 1873 (in French).
- Véret., P. *Questions sur les Conséquences Présumées de la guerre d'Orient au départ des troupes françaises pour la Guerre de Crimée en 1854 par Paul Véret*. de Roye: Dépôt chez les Principaux Libraires, 1878 (in French).

Информация об авторах / Information about the authors

Линькова Елена Валентиновна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Российского университета дружбы народов.

Elena V. Linkova, Kandidat Istoricheskikh Nauk [Ph.D. in History], Associate Professor of the Department of Russian History, RUDN University.

Марк де Болливье, докторант Университета Гренобль-Альпы (Франция).

Marc de Bollivier, PhD student at University of Grenoble-Alpes (France).

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-1-254-268>

Научная статья / Research article

Евразийцы о роли православия и церкви в национально-государственном развитии России

С.В. Базавлук

Российский университет дружбы народов; 117198, Россия,
Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; bazavluk-sv@rudn.ru

Eurasianists on the Role of Orthodoxy and the Church in the National State Development of Russia

Sergey V. Bazavluk

RUDN University; 6, Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia;
bazavluk-sv@rudn.ru

Аннотация: В статье рассматриваются идейные воззрения группы русских мигрантов первой волны, известных как евразийцы. Изучаются их представления о роли православия и церкви в национально-государственном развитии России. На примере различных по своему содержанию работ Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого, Н.Н. Алексеева, Л.Н. Карсавина и др. рассматриваются основополагающие элементы классической евразийской программы. С целью выявления идейных истоков взглядов евразийцев на церковь и государство автор останавливается на воззрениях их предшественников – славянофилов и почвенников. В статье рассматривается отношение евразийцев к национальной культуре, их понимание дихотомии Россия – Запад. Особое внимание уделяется евразийской интерпретации роли церкви и веры в истории российского государства. Автор выявляет не только факторы актуализации проблемы православия в теоретических исканиях эмигрантов, но и противоречивый характер евразийского проекта религиозного возрождения России как средства преодоления большевистского «безбожного государства». Подчеркивается, что культурный релятивизм, критика западных философских и политических школ и пр. являются теми маркерами евразийства, которые до сих пор привлекают внимание к их наследию, в том числе в контексте современной евразийской интеграции (ЕАЭС), современной роли Русской православной церкви. Само обращение к проблеме восприятия патриотически настроенной частью интеллигенции роли православия представляет собой актуальную научную задачу, необходимую для осмысления развития не только российского государства, но и современных международных отношений.

Ключевые слова: евразийство, церковь, Россия, государство, Российская империя, православие, Европа, Евразия, международные отношения

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00165).

Для цитирования: Базавлук С.В. Евразийцы о роли православия и церкви в национально-государственном развитии России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 1. С. 254–268. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-1-254-268>

© Базавлук С.В., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Abstract: The author analyzes the ideological views of a group of Russian migrants of the first wave, known as Eurasianists, including N.S. Trubetskoy, P.N. Savitsky, N.N. Alekseeva, L.N. Karsavina and others. The author discusses fundamental elements of the classical Eurasianist program, such as the role of the Orthodox Church and the state in the life of Russia and its society, their attitude to Roman Catholic culture, and their place in dialogue with other religions. In addition, other important elements of Eurasianism noted here are the ideas of pan-Eurasian nationalism, ideocracy, the spatial borders of Russia-Eurasia, the symphonic personality, a guarantee state. These issues are associated directly with the authors of these concepts and with Eurasianism in general. The author demonstrates the continuity with the teachings of the Slavophiles and highlights the special attention that the Eurasians paid to the traditional cultures of Russia. Also noted is the interest in Eurasianism of church circles in exile in Europe. At the same time, the Eurasianists' critical views on the "Petersburg period" in the history of the Russian church are highlighted, which are also implicit in Eurasianism as an independent ideological and philosophical line of thought of Russian emigration in the first half of the twentieth century. An attempt is made to show how, through conservative thought, Eurasians tried to form a new type of political identity. This ideological direction with an emphasis on spirituality and special institutions was considered by Eurasians as a prototype of the future statehood of Russia as opposed to the Soviet-Marxist system. In the context of the contemporary Eurasian integration (EAEU), of the current role of the Russian Orthodox Church and external political manipulations around the role of the Moscow Patriarchate, the theoretical views of the Eurasians take on a new dimension.

Keywords: Eurasianism, Church, Russia, state, Russian Empire, Orthodoxy, Europe, Eurasia, international relations

Funding: The research was carried out with support of the Russian Science Foundation (project № 19-18-00165).

For citation: Bazavluk, Sergey V. "Eurasianists on the Role of Orthodoxy and the Church in the National-State Development of Russia," *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 1 (February 2020): 254–268. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-1-254-268>

Введение

Тема евразийства была и остается предметом широких дискуссий в отечественной и зарубежной литературе. Зародившись в среде русских иммигрантов в начале XX в., евразийство как идеологическое направление, было продолжено в трудах Л.Н. Гумилева, который формулирует идеи евразийской пассионарности и этногенеза¹. Исследователь и теоретик современного неоевразийства А.Г. Дугин в своих трудах подчеркивает миссию России как геополитического образования, выражающего интересы всего континента. В этом он солидаризуется со своим предшественниками, которые писали «Россия-Евразия», имея в виду геополитический подтекст данного определения².

В работах ряда отечественных авторов евразийство изучается через призму истории российской государственности, современных международных реалий и геополитики³.

¹ Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии. М., 2007; Гумилев Л.Н. Евразия. М., 2018.

² Дугин А.Г. Евразийский путь как национальная идея. М., 2002; Дугин А.Г. Евразийская миссия Нурсултана Назарбаева. М., 2002; Дугин А.Г. Проект «Евразия». М., 2004; Дугин А.Г. Евразийский реванш России. М., 2014.

³ Данилов С.И. Социальная философия евразийства: истоки, сущность, современное состояние. М., 1994; Гавриш М.А. Политическая трансформация современного российского евразийства. Ростов-на-Дону, 2003; Курьлев К.П., Станис Д.В., Баранник М.А., Закарян С.Б. Евразийская идеология во внешней политике современной России // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2019.

Среди зарубежных исследователей, обращавшихся к теме евразийства в контексте изучения отношений России и Европы, необходимо отметить Э. Каррер д'Анкосс⁴, Дж. Вакима⁵, М. Ларюэль⁶, М.-П. Рей⁷, Ж. Парвулеско⁸, П. Серию⁹, Э. Уолберга¹⁰ и др. Их труды носят в основном историко-философский характер с акцентом на геополитическое противостояние России и Запада.

Любопытную трактовку деятельности евразийцев дает французский исследователь Патрик Серию, который замечает, что «евразийцы не были сектой фанатиков. В отличие от большинства других эмигрантских движений евразийскую теорию разрабатывали настоящие ученые: этнографы, лингвисты, историки, географы, философы, теологи, юристы. Все они были интеллектуалами, известными и признанными специалистами в своих областях; порой они, казалось, были «не от мира сего», но они никогда не были шарлатанами. Все они были образованы и знали из первых рук западную литературу – как научную, так и философскую. Они были чужды фундаментализму, не пытались цепляться за догматы. Напротив, все они высоко ценили научный поиск и научное открытие»¹¹.

Следует заметить, что, несмотря на обилие работ, посвященных классическому евразийству, его религиозно-государственный контекст не привлекал специальное внимание исследователей. Обращение же к присущим ему элементам религиозного догматизма позволит проследить за становлением и последующим развитием учения евразийцев. Кроме того, евразийские интерпретации роли православия в прошлом и настоящем российского государства раскрывают одну из граней теоретических исканий российской интеллигенции.

Один из лидеров движения П.Н. Савицкий, характеризуя евразийство, утверждал, что это «есть не только система историсофских или иных теоретических суждений, ... оно стремится сочетать мысль с действием и в своем пределе приводит к утверждению, наряду с системой теоретических воззрений, определенной методологии действия»¹².

№ 4. С. 151–165; *Курьлев К.П., Базавлук С.В., Савин Л.В., Юртаев В.И.* Евразия и евразийство в XXI веке: безопасность, идентичность и культура альянсов // Информационные войны. 2019. № 3. С. 47–51; *Самохин А.В.* Евразийство как идейно-политическое течение в России XX века. М., 2004; *Сачко Г.* Евразийство и концепция внешней политики современной России // Вестник Челябинского университета. 2003. Т. 10. № 1. С. 46–55. *Tsygankov A.* Mastering space in Eurasia: Russian geopolitical thinking after the Soviet break-up (Review essay) // *Communist and Post-Communist Studies*. 2003. Vol. 35. № 1. P. 45–55.

⁴ *Каррер д'Анкосс Э.* Евразийская империя. История Российской империи с 1552 г. до наших дней. М., 2010.

⁵ *Wakim J.* Eurasia Vs the West. The Struggle for Hegemony in the Middle East. Beirut, 2018.

⁶ *Ларюэль М.* Идеология русского евразийства, или Мысли о величии империи. М., 2004; *Laruelle M.* Moscow's China dilemma: evolving perceptions of Russian security in Eurasia and Asia // *Eurasia's Ascent in Energy and Geopolitics. Rivalry or partnership for China, Russia, and Central Asia?* London., 2012, P. 76–91; *Laruelle M.* The European Union // *A Reconnecting Eurasia. Center for Strategic and International Studies. Foreign Economic and Security Interests.* London, 2016. P. 10–15.

⁷ *Rey M.-P.* La Russie face à l'Europe. Paris, 2016.

⁸ *Парвулеско Ж.* Путин и Евразийская империя. М., 2006.

⁹ *Серию П.* Структура и целостность. М., 2001.

¹⁰ *Walberg E.* Postmodern Imperialism. Geopolitics and the Great Games. Atlanta, 2011.

¹¹ *Серию П.* Структура и целостность. М., 2001. С. 60.

¹² *Савицкий П.* Континент Евразия. М., 1997. С. 93.

В современных исследованиях отмечаются, прежде всего, геополитические и идеологические аспекты учения евразийцев, позволяющие противопоставлять его западноевропейской традиции. При этом зачастую из виду упускается его религиозная компонента, представляющая на деле одну из основ евразийства. Русский мир воспринимался евразийцами как православная экосистема, а Россия-Евразия – как симбиоз не только тюркских и славянских народов, но и всех исторических религиозных воззрений, распространившихся на этом пространстве. Большинство представителей евразийского движения являлись православными христианами (известны также работы калмыка и буддиста Э. Хара-Давана, еврея Я.А. Бромберга), что накладывало определенный отпечаток на саму мировоззренческую программу мыслителей, которая была представлена в их многочисленных письмах и публикациях.

От других течений русской эмиграции евразийство отличалось своеобразным, междисциплинарным по своей сути, исследовательским подходом, широтой взглядов и патриотическими настроениями. Несмотря на неприятие советской власти, евразийцы не использовали в противостоянии с ней пропагандистские клише. Их критика была направлена против идеологии большевизма, носившей, по их мнению, антидуховный, ярко выраженный материалистический характер. Кроме того, евразийцы позиционировали себя не только как теоретики, но и претендовали на роль политических практиков, создавая ячейки своего движения в различных городах Европы и устанавливая связи с другими эмигрантскими структурами.

Главная идея евразийцев, по выражению П.Н. Савицкого, заключалась в том, что они давали «новое географическое и историческое понимание России и всего того мира, который они именуют российским или «евразийским». Они считали себя «обоснователями в русской науке геополитического подхода к русской истории»¹³.

Церковь и государство в воззрениях идейных предшественников евразийцев

К идейным предшественникам евразийцев, хотя и с оговорками, можно отнести славянофилов и почвенников¹⁴. Именно в их воззрениях особое место занимала проблема взаимоотношения церкви и государства.

Славянофилы еще до евразийцев говорили об особом пути развития Руси-России, важности православия (в качестве антипода католичества и протестантизма) в русской истории и культуре, а также о существовании отдельной русской цивилизации со своими характеристиками и маркерами. Почвенничество являлось духовно близким к славянофильству течением, а его представители (Ф.М. Достоевский, Н.Н. Страхов и др.) обосновывали возможность сближения на религиозно-этической основе интеллигенции и некоторых сословий общества с народными массами. Их отличала также критика либерализма и космополитизма западничества.

¹³ Савицкий П. *Континент Евразия*. М., 1997. С. 81, 126.

¹⁴ Федоров А.И. Истоки евразийской идеологии в русском славянофильстве // *Вестник Тамбовского Университета*. 2010. № 7. С. 158–160; Соболев А.В. Евразийство в контексте почвеннической традиции // *Вестник РГХА*. 2007. № 1. С. 130–142.

Таким образом, у евразийства существовали идейные истоки, но его интеллектуальное оформление проходило в новых исторических условиях, к тому же за пределами России, что наложило отпечаток на его духовные искания.

В отличие от мыслителей пореформенной эпохи (Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева и др.), возлагавших свои надежды на самодержавное государство, евразийцы исходили из признания того факта, что старая Россия потерпела крах и стала достоянием истории. По их мнению, «Первая мировая война и русская революция открыли качественно новую эпоху в истории страны, характеризующуюся не только крушением России, но и всеобъемлющим кризисом полностью исчерпавшего свои потенции Запада, который стал началом его разложения»¹⁵.

Заслуживают внимание и их рассуждения о грядущем упадке коммунистической идеологии, о неизбежности возвращения к традиционному мировоззрению народов России.

В резолюции евразийской организации 1936 г. было подчеркнуто: «...Фактор, благоприятный для утверждения евразийских воззрений на советской почве заключается в назревающей в СССР потребности примирить революцию с традицией. В области исторических воззрений шаги к такому примирению уже сделаны. Евразийство, издавна поставившее такое примирение своей задачей, полностью отдает себе отчет в значении этих шагов... Евразийская идея, как установка на самобытность «особого мира» России-СССР, во всей совокупности его традиций и заданий, способна оплодотворить любую отрасль культурной работы, вложить в нее новую жизнь. Ни куцый «европеизм», ни выдохшийся коммунизм не в силах выполнить эту роль. Только евразийство, как новое, небывалое понимание всего окружающего мира и роли России-Евразии в нем, может способствовать созданию своеобразных полноценных искусства и науки евразийских народов»¹⁶.

Факторы актуализации проблемы православия в теоретических исканиях эмигрантов

В центре размышлений евразийцев о судьбах России было «Православие»¹⁷. Так, П.П. Сувчинский считал, что в будущем «умудренный и успокоенный народ и прозревшая интеллигенция примиренно объединятся под одним великим и всеразрешающим куполом Православной Церкви»¹⁸. В данном высказывании отразилось идеалистическое восприятие евразийцами будущей роли православия.

Н.С. Трубецкой рассматривал православие в качестве одного из фундаментальных императивов евразийской идеи. В письме П.П. Сувчинскому он в качестве элементов евразийской программы поставил следующие, по его мнению, вполне реальные практические задачи:

¹⁵ Гаджиев К.С. Введение в геополитику, Москва, 2000.

¹⁶ Резолюция 4–6. IX. 1936 // Евразийская хроника. Выпуск XII. Берлин. 1937. С. 5–9.

¹⁷ Половинкин С.М. Евразийство и русская эмиграция // Н.С. Трубецкой История. Культура. Язык. М., 1995. С. 731–762.

¹⁸ Сувчинский П.П. Сила слабых // Исход к Востоку: предчувствия и свершения. София, 1921. С. 8.

«1. В области внешней:

А) Активная оборона Православия против происков латинства, деятельный отпор всякой католической и униатской проповеди.

Б) Деятельное стремление к воссозданию единства русской Церкви, к сближению со старообрядцами.

2. В области внутренней:

А) Распространение в кругах верующей интеллигенции православных богословских знаний.

Б) Привлечение верующей интеллигенции к строгому исполнению церковных обрядов, внедрив в умы подлинно церковное отношение к обряду, свободное как от вульгарного суеверия, так и от протестантского легкомыслия»¹⁹.

П.Н. Савицкий без всяких оговорок считал православие подлинной идеологией евразийства²⁰. При этом ее корни он находил в психологии народов, населявших Евразию. По его мнению, естественные условия равнинной Евразии, ее почва и особенно степная полоса, определившие хозяйственно-социальные процессы, связанные как с кочевыми, так и оседлыми традициями и культурами, напрямую связаны с евразийским психическим укладом. Его основные черты – осознание органичности социально-политической жизни и связи ее с природой, «материковый» размах, «русская широта», национальное самосознание, уходящее в безграничность»²¹.

По мнению П.Н. Савицкого, «евразийцы суть одновременно отстаиватели религиозного начала и последовательные эмпирики», которые «не боятся противоречий...», «живут в противопоставлениях»; «в своей системе ... совмещают традицию и революцию»²².

Использование П.Н. Савицким таких речевых оборотов, как «факты-пророчества» или «соборная евразийская мысль»²³, свидетельствуют о применении евразийцами и характерного богословского языка, который они внедряли в свою методологию.

Одним из представителей евразийского движения был правовед Н.Н. Алексеев, который в своих работах нередко цитировал труды известных религиозных деятелей (например, старообрядческого публициста Ф.Е. Мельникова), а также святоотеческую литературу. В своей работе «Духовные предпосылки евразийской культуры» Н.Н. Алексеев так характеризовал предназначение евразийской идеологии: «Евразийство хочет преодолеть Запад не извне, не изнутри – из самого духа Запада, который стал ныне для евразийского человека собственным и своим... От того задача евразийства становится не только национальной, но и вселенской: русский народ должен в себе и через себя преодолеть западного человека, который распространил свою культуру на весь мир»²⁴.

По мнению Н. Алексеева, современные ему правовые теории имели западноевропейское происхождение, поэтому необходимо было выработать собствен-

¹⁹ Трубецкой Н.С. Письма к П.П. Сувчинскому 1921–1928. М., 2008. С. 81–82.

²⁰ Савицкий П. Евразийство (опыт систематического изложения). Континент Евразия. М., 1997. С. 27.

²¹ Савицкий П. Континент Евразия... С. 42.

²² Там же. С. 93, 98.

²³ Савицкий П.Н. Научные задачи евразийства. Статьи и письма. М., 2018. С. 526, 541.

²⁴ Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 1998. С. 144.

ную философскую правовую школу, укорененную в традиционном укладе общества. Он считал, что будущее принадлежит православному правовому государству, которое сумеет сочетать твердую власть (начало диктатуры) с народоправством (начало вольницы) и со служением социальной правде²⁵.

В одной из программных статей «О гарантийном государстве» он выдвигает довольно актуальную на тот момент концепцию, отмечая, что государство именуется гарантийным потому, что обеспечивает осуществление некоторых постоянных целей и задач. Это государство с положительной миссией²⁶. В таком подходе есть нечто общее с догматическим богословием Восточной церкви, поскольку даже социальные вопросы трактуются там с позиции вечных ценностей.

Исследователи общественно-политических взглядов Н.Н. Алексеева отмечают также, что в своей концепции правового государства он «выявляет опасные тенденции в общественной и политической жизни государства, предостерегая от понимания права как единственного регулятора общественных и политических отношений»²⁷. При этом, несмотря на то, что теория государства и права Н.Н. Алексеева «носит во многом незавершенный характер, ряд ее положений отличается умозрительностью», и в целом, она «может с полным основанием считаться одним из наиболее значительных достижений русской эмигрантской юриспруденции XX века»²⁸.

Оживленную дискуссию не только в эмигрантских кругах, но и внутри евразийского движения вызвала программная статья «Церковь, личность и государство», подготовленная одним из виднейших его идеологов Л.П. Карсавиным. Опубликованная в 1927 г., когда методология евразийства еще не была всесторонне разработана и многие теоретические модели носили полемический характер, статья привлекла к себе внимание и вызвала оживленную дискуссию. Приход известного философа и специалиста по истории Восточной церкви Л.П. Карсавина в евразийство усилил роль религиозной тематики в евразийском учении. С другой стороны, именно под его влиянием у мыслителя «отчетливо формируется, звучавшее до этого приглушенно, представление о соборной личности и интерес к политической борьбе, которая служит средством для достижения, говоря термином византийских канонистов, симфонии как идеально согласованных действий церкви и государства»²⁹.

Для Л.П. Карсавина евразийство – учение о симфонической личности, о симфоническом единстве культур, где происходят процессы сложного взаимодействия, результатом которого бывает образование новой культурной единицы³⁰.

²⁵ *Алексеев Н.Н.* Русский народ и государство. М., 1998. С. 116.

²⁶ Там же. С. 372.

²⁷ *Глушкова С.И.* Правовой идеал Н.Н. Алексеева // София: Рукописный журнал Общества ревнителей русской философии. 2001. № 2–3. С. 63.

²⁸ *Томсинов В.А.* Правовая мысль русской послереволюционной эмиграции: «Евразийская» теория государства и права Н.Н. Алексеева // Журнал «Законодательство». 2002. № 3. С. 84–88.

²⁹ *Повилайтис В.* Неизвестные статьи Л.П. Карсавина // Исследования по истории русской мысли: ежегодник. 2003. № 6. С. 165–166.

³⁰ *Ермишина К.Б.* Н.С. Трубецкой и его роль в евразийском движении // Н.С. Трубецкой. Письма к П.П. Сувчинскому 1921–1928. М., 2008. С. 9.

По мнению С.С. Хоружего, «делаясь обоснованием евразийства, учение Карсавина о тварном мире совершает и само некоторое развитие – а пожалуй, и сдвиг, кое-что воспринимая от обосновываемого. Именно на данном этапе оно принимает форму учения о симфонической личности»³¹.

Евразийцы о роли церкви и веры в истории российского государства

Евразиец и богослов Г.В. Флоровский, обращаясь к учению славянофилов с их традиционным противопоставлением России и Европы как антитезы творческой свободы и принуждающей власти, разума и любви предпринимает попытки вывести некую формулу органической жизни, сочетающей и уравнивающей светские и духовные власти³². Мыслитель писал, что «западной теократии и культу государственного начала они (славянофилы – С.Б.) противопоставляли свое учение о Церкви и свой «сельский коммунизм», свое учение об общине», предлагавшее ее рассматривать в качестве формы «социального бытия, которое получается в результате приложения начал православной церковности к вопросу общественных взаимоотношений»³³.

В данной модели нет обязательного принуждения, но гармонизация отношений создается через следование некой идее и высшей задаче. Г.В. Флоровский, обращаясь к опыту истории России, подчеркивал значение Церкви в жизни общества и государства, указывая, что она является единством Божией благодати.

С другой стороны, Г.В. Флоровский отмечал некую неприязнь русского народа по отношению к власти – вначале она передается в руки варяг и представителей других народов, а затем – входит в систему самодержавия.

На основе критики Н.С. Трубецким западноевропейской философии и правовых школ Г.В. Флоровский создает новую дихотомию, построенную на противопоставлении антропологического национализма (Европа) и этического национализма (славянофилы и евразийцы). И, наконец, упоминая идеалистические конструкции Ф.М. Достоевского о всечеловечной и всеобъединяющей русской душе, мыслитель приходит к выводу о том, что теоретические воззрения евразийцев в чем-то сродни утопическим идеалам христианства.

Как и многие верующие люди эпохи первой половины XX в., Г.В. Флоровский призывал каяться и молиться, дабы обрести благодатное прощение свыше. В своих работах он противопоставлял рационализм, воплощением которого был Запад, интуитивно-мистическому подходу к пониманию мира, присущему русской культуре и проявлявшемуся в государственном строительстве.

В статье с красноречивым названием «Человеческая мудрость и премудрость Божья», критикуя позитивизм и марксизм, Г.В. Флоровский утверждал, что «единственный путь истинного ведения – это путь христианского подвижничества»³⁴.

³¹ Хоружий С.С. Жизнь и учение Л.П. Карсавина // Л.П. Карсавин Религиозно-философские сочинения. М., 1992. С. 45.

³² Флоровский Г. Из прошлого русской мысли. М., 1998. С. 31–51.

³³ Там же. С. 39.

³⁴ Флоровский Г. Из прошлого русской мысли. М., 1998. С. 85.

Евразийцы, в отличие от представителей других интеллектуальных групп русской эмиграции, не испытывали особой ностальгии по имперскому периоду России и нередко использовали ревизионистский метод. Такой подход применялся и Г.В. Флоровским при историческом анализе взаимоотношений государства и церковных институтов в истории России.

Он указывал, что «грех петербургской России – в том искажении культурно-религиозной перспективы, которым поражено было общее умонастроение: в утрате живого ощущения святости и самодовлеющей значимости церкви, не имущей ни пятна, ни порока, – в психологическом подчинении учительной и пастырской деятельности церковной – целям здешним, целям устройства земного благополучия и благоденствия»³⁵.

Г. Флоровский считал, что петербургский период имел ярко выраженный ненациональный характер, и эта искусственная формация была обречена на распад, который пришел с революцией. Но в этой трагической свободе он видел и позитивные моменты, считая, что «в судорожном водовороте революционного процесса незаметно совершился великий сдвиг: восстановился патриарший престол Московский и Всея Руси и возродилось соборное начало в поместной Церкви российской»³⁶. Это событие он рассматривал в более широких рамках, чем публичное и каноническое право.

Проблему петербургского периода Г.В. Флоровский находил в том, что «государственной волей поместная церковь была “превращена” в “ведомство православного исповедания”, включенное в общую систему мирского административного механизма...». Свою же творческую задачу евразийцы видели «в строительстве религиозной культуры на твердой почве церковности православной и в неуклонном следовании преданным заветам отеческим»³⁷.

Критика отношения российского государства к религии представляется вполне справедливой, учитывая исторический факт церковного раскола XVII в., репрессии против старообрядцев и дисциплинарные функции официальной церкви во главе с Синодом.

Но вопреки всему, по мнению Я.А. Бромберга, «православно-верующий христианин ощущает... непоколебленное православие России как явленную ей великую милость Божию», поскольку православная церковь оставалась единственной «вселенской христианской церковью, которой дано было уберечься от соблазна, которому издревле подпала церковь римская и от которого не свободны отколовшиеся от нее церкви Запада»³⁸.

У Я. Бромберга мы находим критику феномена секуляризации государства эпохи модерна, с которой столкнулись в начале XX в. как страны Западной Европы, так и Российская империя. Он отмечал не только конституционно-правовые положения, базировавшиеся на идеях светскости и демократии, но и тот факт, что из теоретического и идеального понятия государства были выброшены ценности

³⁵ Флоровский Г. Из прошлого русской мысли. М., 1998. С. 159.

³⁶ Там же. С. 161.

³⁷ Там же.

³⁸ Бромберг Я. Евреи и Евразия. М., 2002. С. 25.

и представления, выходящие за рамки приземленной сферы и обывательской повседневности, и являвшиеся неотъемлемой частью гражданских свобод, например, свобода совести.

Хотя Я. Бромберг соглашался с рядом тенденций, которые были направлены на утилитарное понимание справедливости, тем не менее, он признавал, что государство в «эсхатологических чаяниях своего грядущего мирового призвания упирается в область метаисторического и металогического»³⁹. В итоге рациональные начала политических основ государства он называл не иначе как лжеидеалом.

Эти идеи были высказаны Я. Бромбергом в период, когда духовенство Русской православной церкви подвергалось репрессиям со стороны советского государства. Именно поэтому, полагал он, Православная церковь «сознательностью своего подвига и кровью своих мучеников в меру человеческого несовершенства являет собою живое олицетворение завета Нагорной проповеди о накоплении сокровищ небесных». Он признавал, что «огромный нравственный авторитет и духовное влияние» Церкви «в грядущей России не только на умы простолюдинов, но и на обширные круги правящего и представительствующего слоя страны не может подлежать никакому сомнению»⁴⁰.

Учитывая последующие исторические события (восстановление института патриаршества в 1943 г., рост авторитета Русской православной церкви после распада СССР), можно заключить, что мысли, высказанные одним из представителей евразийского движения, явились своего рода предсказанием, свидетельствующим о теоретической глубине и практической ценности умозрительных заключений евразийцев.

Я. Бромберг также указывал, что «евразийство своей общей концепцией государства как носителя, выразителя и охранителя начал некоей соборной, личностно-окачествованной духовности определенного, в идеале отчетливо очерченного религиозно-культурного и географического мира представляет максимум благоприятных условий для истинно великого, духовно-творческого труда и подвига религиозного и культурного самоопределения и самопостижения, очищения и покаяния...»⁴¹.

Евразийский проект преодоления «безбожного государства»

Необходимо отметить, что для евразийцев романо-католическая европейская цивилизация представляла западную периферию Евразии. Второй периферией являлся более обширный и разнообразный азиатский мир, к которому евразийцы испытывали симпатии. При этом она вызывалась не только туранским фактором, к которому постоянно апеллировали основные авторы евразийского движения, но их особым интересом к ряду конкретных регионов Востока. Так Н.С. Трубецкой опубликовал ряд статей, посвященных индийской философии и различным аспектам жизни народов Индии.

³⁹ Бромберг Я. Евреи и Евразия. М., 2002. С. 75.

⁴⁰ Там же. С. 156–157.

⁴¹ Там же. С. 187.

Роль Церкви в такой системе координат была отражена и во взглядах Г.В. Флоровского. Церковь, по Флоровскому, является некой высшей идеей, которая гармонизирует общество, европейская же периферия видится ему как некий прошедший этап истории христианства, который закончился тупиком. Поэтому, с его точки зрения, подражание Европе было бесперспективным, хотя Россия-Евразия через воссоздание подлинно аутентичной культуры, включающей и вопросы взаимоотношения церкви и государства, могла подать пример Европе.

Показательно, что в современной Европе, несмотря на то что ряд государств поддерживает церковь, уменьшается число последователей христианства. Например, по данным информационного агентства Ватикана Fides, в 2016 г. количество католиков в Европе сократилось на 57 тыс. человек. И эта тенденция продолжилась в 2017 и 2018 гг.⁴² Согласно статистике Pew Research Center, за исключением стран, которые проводят консервативную политику (Венгрия, Сербия), в большинстве европейских государств наблюдается сокращение численности христиан всех конфессий⁴³. Сегодня каждый пятый европеец (19 %) не считает себя верующим⁴⁴.

При этом в современной России 79 % относят себя к православным⁴⁵. С учетом других традиционных религий (ислам, буддизм, иудаизм, политеизм, шаманизм) это является довольно высоким показателем и указывает как на роль Русской православной церкви в качестве социального института, так и на духовные запросы российского общества, в котором оказались востребованы традиционные духовные ценности.

В этом контексте православная церковь должна была выполнять миссию Катехона, удерживающего мир от пришествия в него антихриста, на чем акцентировали внимание и евразийцы. Однако это было невозможно при советской власти, которая подвергала Церковь гонениям. Отсюда складывалась парадоксальная ситуация – Москва – Третий Рим стала собственным антиподом. Поэтому евразийцев надеялись на скорейшее падение советского режима в России и возвращение православной церкви ее статуса, роли и значения.

Необходимо отметить, что представители духовенства в эмиграции проявляли постоянный интерес к деятельности евразийцев. Особо следует отметить таких иерархов, как митрополит Евлогий (Георгиевский), митрополит Платон и митрополит Антоний (Храповицкий), которых привлекала охранительная и антикоммунистическая позиция евразийцев. Примечателен и евразийский призыв к

⁴² Vatican – World Mission Day. Catholic Church Statistics 2016 // Agezia Fides [website]. URL: http://www.fides.org/en/news/61026-vatican_world_mission_day_catholic_church_statistics_2016 (дата обращения: 12.12.2019).

⁴³ Eastern and Western Europeans Differ on Importance of Religion, Views of Minorities, and Key Social Issues // Pew Research Center [сайт]. URL: <https://www.pewforum.org/2018/10/29/eastern-and-western-europeans-differ-on-importance-of-religion-views-of-minorities-and-key-social-issues/> (дата обращения: 29.10.2018).

⁴⁴ Православные, католики и протестанты в Европе // Sputnik Латвия [сайт]. URL: <https://lv.sputniknews.ru/infographics/20190211/10902156/Pravoslavnye-katoliki-i-protestanty-v-Evrope.html> (дата обращения: 10.12.2019).

⁴⁵ «Индекс веры»: сколько на самом деле в России православных // РИА Новости [сайт]. URL: <https://ria.ru/20170823/1500891796.html> (дата обращения 24.11.2019).

сближению со старообрядцами, свидетельствующий о том, что они хорошо понимали смысл противоборства течений внутри православия, указывая на важность воссоздания утраченных массами культурных кодов, которые еще сохранялись в старообрядческой среде.

Можно предположить, что после распада СССР этим чаяниям евразийцев частично удалось реализоваться, а с созданием Евразийского экономического союза (ЕАЭС) на постсоветском пространстве идеи классического евразийства в различных интерпретациях стали вновь востребованными в научных и экспертных кругах, среди политиков и лиц, принимающих решения. Однако представляется, что духовно-эстетическое измерение евразийства с учетом его метаполитической направленности так и не смогло проявить себя в полной мере.

Выводы

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что воззрения евразийцев на государство и церковь носили системный и теоретический характер. В идеях евразийцев прослеживаются определенные мотивы византизма, а именно симфонии властей, хотя о практических аспектах такого разделения и сочетания в их трудах не говорится. Евразийцы расценивали будущее России и роль Церкви в государстве с консервативных и в какой-то мере идеалистических позиций. Вероятно, эти аспекты наряду с другими, такими как культурный релятивизм, критика западных философских и политических школ, а также неприемлемость расового и национального превосходства, являются теми маркерами евразийской идеологии, которые до сих пор привлекают внимание не только исследователей, но и практиков.

Повышенный интерес евразийства к православию и духовным традициям в целом, акцентирование важности роли церкви в делах общества и государства также отражают современную тенденцию политической поляризации консервативно-религиозного мировоззрения, с одной стороны, и глобального секуляристского проекта, с другой. Провокации, направленные против Русской православной церкви, особенно явные со стороны Украины, с учетом причин государственного переворота в этой стране 2014 г., одновременно являются реакцией против духовного измерения евразийства.

Поскольку ЕАЭС официально позиционировался как прагматический и экономический проект, изначально в нем не были представлены культурные и религиозные элементы. Они, скорее, подразумевались, исходя из общего исторического наследия. Однако, так или иначе, гуманитарная составляющая в широком смысле будет давать о себе знать во взаимоотношениях между членами ЕАЭС, например, в качестве элемента «мягкой силы». По мнению автора, переосмысление наследия классического евразийства с поправкой на современные политические реалии и текущие процессы отвечает интересам всех участников ЕАЭС и может быть использовано для адаптации различных политических решений и экономических инициатив.

Рукопись поступила: 31 августа 2019 г.

Submitted: 31 August 2019

Библиографический список

- Алексеев Н.Н.* Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998. 635 с.
- Бромберг Я.* Евреи и Евразия. М.: Аграф, 2002. 319 с.
- Гавриш М.А.* Политическая трансформация современного российского евразийства. Ростов-на-Дону: РЮИ, 2003. 24 с.
- Гаджиев К.С.* Введение в геополитику. М.: Логос, 2000. 257 с.
- Глушкова С.И.* Правовой идеал Н.Н. Алексеева // *София: Рукописный журнал Общества ревнителей русской философии*, 2001. № 2–3. С. 50–75.
- Гумилев Л.Н.* Ритмы Евразии. М.: АСТ, 2007. 528 с.
- Гумилев Л.Н.* Евразия. М.: Рипол Классик, 2018. 1248 с.
- Данилов С.И.* Социальная философия евразийства: истоки, сущность, современное состояние. М.: Российский государственный социальный институт, 1994. 153 с.
- Дугин А.Г.* Евразийский путь как национальная идея. М.: Арктогея-Центр, 2002. 140 с.
- Дугин А.Г.* Евразийская миссия Нурсултана Назарбаева. М.: Pubmixcom, 2002. 288 с.
- Дугин А.Г.* Проект «Евразия». М.: Эксмо, 2004. 512 с.
- Дугин А.Г.* Евразийский реванш России. М.: Алгоритм, 2014. 254 с.
- Ермишина К.Б.* Н.С. Трубецкой и его роль в евразийском движении // Н.С. Трубецкой. Письма к П.П. Сувчинскому 1921–1928. М.: Русский путь, Русское зарубежье, 2008. С. 7–12.
- Каррер д'Анкосс Э.* Евразийская империя. История Российской империи с 1552 г. до наших дней. М.: РОССПЭН, 2010. 431 с.
- Курьяев К.П., Станис Д.В., Баранник М.А., Закарян С.Б.* Евразийская идеология во внешней политике современной России // *Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки*. 2019. № 4. С. 151–165.
- Курьяев К.П., Базавлук С.В., Савин Л.В., Юртаев В.И.* Евразия и евразийство в XXI веке: безопасность, идентичность и культура альянсов // *Информационные войны*. 2019. № 3. С. 47–51.
- Ларюэль М.* Идеология русского евразийства, или Мысли о величии империи. М.: Наталис, 2004. 287 с.
- Парвулеско Ж.* Путин и Евразийская империя. М.: Амфора, 2006. 448 с.
- Повилайтис В.* Неизвестные статьи Л.П. Карсавина // *Исследования по истории русской мысли: ежегодник*. 2003. № 6. С. 160–169.
- Половинкин С.М.* Евразийство и русская эмиграция // Н.С. Трубецкой. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. С. 731–762.
- Савицкий П.* Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. 461 с.
- Савицкий П.Н.* Научные задачи евразийства. Статьи и письма. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2018. 680 с.
- Самохин А.В.* Евразийство как идейно-политическое течение в России XX века. М.: МГОУ, 2004. 170 с.
- Сачко Г.* Евразийство и концепция внешней политики современной России // *Вестник Челябинского университета*. 2003. Т. 10. № 1. С. 46–55.
- Серио П.* Структура и целостность. М.: Языки славянской культуры, 2001. 363 с.
- Соболев А.В.* Евразийство в контексте почвеннической традиции // *Вестник РГХА*. 2007. № 1. С. 130–142.
- Сувчинский П.П.* Сила слабых // *Исход к Востоку: предчувствия и свершения*. София: Российско-Болгарское книгоиздательство, 1921. С. 5–12.
- Томсинов В.А.* Правовая мысль русской послереволюционной эмиграции: «Евразийская» теория государства и права Н.Н. Алексеева // *Журнал «Законодательство»*. 2002. № 3. С. 84–88.
- Трубецкой Н.С.* Письма к П.П. Сувчинскому 1921–1928. М.: Русский путь, Русское зарубежье, 2008. 390 с.
- Флоровский Г.* Из прошлого русской мысли. М.: Аграф, 1998. 431 с.

- Федоров А.И. Истоки евразийской идеологии в русском славянофильстве // Вестник Тамбовского Университета. 2010. № 7. С. 158–160.
- Хоружий С.С. Жизнь и учение Л.П. Карсавина // Л.П. Карсавин. Религиозно-философские сочинения. М.: Ренессанс, 1992. С. 30–55.
- Laruelle M. Moscow's China dilemma: evolving perceptions of Russian security in Eurasia and Asia // Eurasia's Ascent in Energy and Geopolitics. Rivalry or partnership for China, Russia, and Central Asia? London.: Routledge, 2012. P. 76–91.
- Laruelle M. The European Union // A Reconnecting Eurasia. Center for Strategic and International Studies. London: Foreign Economic and Security Interests, 2016. P. 10–15.
- Rey M.-P. La Russie face à l'Europe. Paris: Flammarion, 2016. 508 p.
- Tsygankov A. Mastering space in Eurasia: Russian geopolitical thinking after the Soviet break-up (Review essay) // Communist and Post-communist Studies. 2003. Vol. 35. № 1. P. 45–55.
- Wakim J. Eurasia Vs the West. The Struggle for Hegemony in the Middle East. Beirut: Isticharia, 2018. 399 p.
- Walberg E. Postmodern Imperialism. Geopolitics and the Great Games. Atlanta.: Clarity Press, 2011. 300 p.

References

- Alekseyev, N.N. *Russkiy narod i gosudarstvo*. Moscow: Agraf Publ., 1998 (in Russian).
- Bromberg, Ya. *Yevrei i Yevraziya*. Moscow: Agraf Publ., 2002 (in Russian).
- Danilov, S.I. *Sotsial'naya filozofiya yevraziystva: istoki, sushchnost', sovremennoye sostoyaniye*. Moscow: Russian State Social Institute Publ., 1994 (in Russian).
- Dugin, A.G. *Yevraziyskiy put' kak natsional'naya ideya*. Moscow: Arktogeya-Tsentr Publ., 2002 (in Russian).
- Dugin, A.G. *Yevraziyskaya missiya Nursultana Nazarbayeva*. Moscow: Pubmixcom Publ., 2002 (in Russian).
- Dugin, A.G. *Proyekt «Yevraziya»*. Moscow: EKSMO Publ., 2004 (in Russian).
- Dugin, A.G. *Yevraziyskiy revansh Rossii*. Moscow: Algoritm Publ., 2014 (in Russian).
- Florovskiy, G. *Iz proshlogo russkoy mysli*. Moscow: Agraf Publ., 1998 (in Russian).
- Fedorov, A.I. “The origins of Eurasian ideology in Russian Slavophilism.” *Tambov University Review*, no. 7 (2010): 158–160 (in Russian).
- Gavrish, M.A. *Politicheskaya transformatsiya sovremennogo rossiyskogo yevraziystva*. Rostov-na-Donu: RYUI Publ., 2003 (in Russian).
- Gadzhiev, K.S. *Vvedeniye v geopolitiku*. Moscow: Logos Publ., 2000 (in Russian).
- Glushkova, S.I. “The legal ideal of N.N. Alekseev.” *Sofia: Journal of the Society of Adherents of Russian Philosophy*, no. 2–3 (2001): 50–75 (in Russian).
- Gumilev, L.N. *Ritmy Yevrazii*. Moscow: AST Publ., 2007 (in Russian).
- Gumilev, L.N. *Yevraziya*. Moscow: Ripol Klassik Publ., 2018 (in Russian).
- Karrer d'Ankoss, E. *Yevraziyskaya imperiya. Istoriya Rossiyskoy imperii s 1552 g. do nashikh dney*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2010 (in Russian).
- Khoruzhiy, S.S. “Zhizn' i ucheniye L.P. Karsavina.” In L.P. Karsavin. *Religiozno-filosofskie sochineniya*, 30–55. Moscow: Renessans Publ., 1992 (in Russian).
- Kurylev, K.P., Bazavluk, S.V., Savin, L.V., and Yurtayev, V.I. “Eurasia and Eurasianism in the XII Century: Security, Identity and Culture of Alliances.” *Information Wars*, no. 3 (2019): 47–51 (in Russian).
- Kurylev, K.P., Stanis, D.V., Barannik, M.A., and Zakaryan, S.B. “Eurasian ideology in the foreign policy of modern Russia.” *Bulletin MRSU. History and Political Sciences*, no. 4 (2019): 151–165 (in Russian).
- Laryuel', M. *Ideologiya russkogo yevraziystva ili Mysli o velichii imperii*. Moscow: Natalis Publ., 2004 (in Russian).

- Laruelle, M. "Moscow's China dilemma: evolving perceptions of Russian security in Eurasia and Asia." In *Eurasia's Ascent in Energy and Geopolitics. Rivalry or partnership for China, Russia, and Central Asia?*, 76–91. London: Routledge, 2012.
- Laruelle, M. "The European Union." In *A Reconnecting Eurasia. Center for Strategic and International Studies*, 10–15. London: Foreign Economic and Security Interests, 2016.
- Parvulesko, Zh. *Putin i Yevraziyskaya imperiya*. Moscow: Amfora Publ., 2006 (in Russian).
- Povilaytis, V. "Unknown articles of L.P. Karsavin." *Studies in Russian Intellectual History*, no. 6 (2003): 160–169 (in Russian).
- Polovinkin, S.M. "Yevraziystvo i russkaya emigratsiya." In N.S. Trubetskoy. *Istoriya. Kul'tura. Yazyk*, 731–762. Moscow: Progress Publ., 1995 (in Russian).
- Rey, M.-P. *La Russie face à l'Europe*. Paris: Flammarion Publ., 2016 (in French).
- Savitskiy, P. *Kontinent Yevraziya*. Moscow: Agraf Publ., 1997 (in Russian).
- Savitskiy, P.N. *Nauchnyye zadachi yevraziystva. Stat'i i pis'ma*. Moscow: Dom russkogo zarubezh'ya im. A. Solzhenitsyna Publ., 2018 (in Russian).
- Samokhin, A.V. *Yevraziystvo kak ideyno-politicheskoye techeniye v Rossii XX veka*. Moscow: MGOU Publ., 2004 (in Russian).
- Sachko, G. "Eurasianism and the concept of foreign policy of modern Russia." *Bulletin of Chelyabinsk State University* 10, no. 1 (2003): 46–55 (in Russian).
- Serio, P. *Struktura i tselostnost'*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2001 (in Russian).
- Sobolev, A.V. "Eurasianism in the context of the soil tradition." *Herald of the Russian Christian Academy for Humanities*, no. 1 (2007): 130–142 (in Russian).
- Suvchinskiy, P.P. "Sila slabykh." In *Iskhod k Vostoku: predchuvstviya i sversheniya*, 5–12. Sofiya: Rossiysko-Bolgarskoye knigoizdatel'stvo Publ., 1921 (in Russian).
- Tomsinov, V.A. "Legal Thought of Russian Post-Revolutionary Emigration: 'Eurasian' Theory of State and Law N.N. Alekseeva." *Journal of Legislation*, no. 3 (2002): 84–88 (in Russian).
- Trubetskoy, N.S. *Pis'ma k P.P. Suvchinskoyu 1921–1928*. Moscow: Russkiy put' Publ.; Russkoye zarubezh'ye Publ., 2008 (in Russian).
- Tsygankov, A. "Mastering space in Eurasia: Russian geopolitical thinking after the Soviet break-up (Review essay)." *Communist and Post-communist Studies* 35, no. 1 (2003): 45–55.
- Wakim, J. *Eurasia Vs the West. The Struggle for Hegemony in the Middle East*. Beirut: Isticharia, 2018.
- Walberg, E. *Postmodern Imperialism. Geopolitics and the Great Games*. Atlanta.: Clarity Press, 2011.
- Yermishina, K.B. "N.S. Trubetskoy i yego rol' v yevraziyskom dvizhenii." In N.S. Trubetskoy. *Pis'ma k P.P. Suvchinskoyu 1921–1928*, 7–12. Moscow: Russkiy put' Publ.; Russkoye zarubezh'ye Publ., 2008 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Базавлук Сергей Викторович, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений, проректор по работе со студентами Российского университета дружбы народов.

Sergey V. Bazavluk, Senior Lecturer at the Department of Theory and History of International Relations, Vice Rector for Student Affairs, RUDN University.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-1-269-276>

Рецензия / Book Review

Babkin, M.A., ed. *Konfessional'naya politika Vremennogo pravitel'stva Rossii: sbornik dokumentov* [Religious policy of the Russian provisional government: a collection of documents]. Moscow: Politicheskaya Entsiklopediya, 2018. 558 p. (Historia Russica)

Vardan E. Bagdasaryan^a, Sergey I. Resnyansky^a (reviewers)

^a Moscow State Regional University; 10A, Radio St., Moscow, 105005, Russia;
vardanb@mail.ru; s-r44@yandex.ru

Конфессиональная политика Временного правительства России: сборник документов / сост., авт. предисл. и коммент. М.А. Бабкин. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 558 с. (Historia Russica)

В.Э. Багдасарян^a, С.И. Реснянский^a (рецензенты)

Московский государственный областной университет;
105005, Россия, Москва, ул. Радио, 10 а; vardanb@mail.ru; s-r44@yandex.ru

One of the paradoxes in the history of the Russian Revolution of 1917 is the position of the Russian Orthodox Church, which would have had to actively oppose any attempt to overthrow the tsarist government. The theory of Symphonia, presupposed its immanent union with the Orthodox monarchical state; and for the Church, the renunciation of the monarchy was an act of self-denial. Nevertheless, the Church quite easily accepted the February revolution and supported the Provisional Government as a legitimate and God-established authority. The actual basis for understanding this paradox and resolving this paradox through historical analysis is provided by the book *Religious Policy of the Russian Provisional Government* by M.A. Babkin, Doctor of Historical Sciences, a prominent researcher of the history of religion in Russia and the Russian Orthodox Church. It was published in the ROSSPEN publishing house. The target audience of the publication are specialists in the history of religion and religious policy, as well as all those who are interested in the Russian historical process and have basic knowledge of its development.

The book is presented as a collection of documents, which, due to the acuteness of the subject and public perception of issues of religious faith is justified. The docu-

© Bagdasaryan V.E., Resnyansky S.I., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

ments, considering the rules of historical criticism, do not allow us to assume the author is taking pro-Church or anti-Church position. On studying them, readers can form their own idea of the development of Church-state relations in Russia of the revolutionary era. However, the outline of the documents does not leave a lot of room for alternative visions objectively convincing of the correctness of characteristics and estimates given by M.A. Babkin in the preface to the edition. In total, the collection includes 252 documents related to the religious policy of the Provisional Government, the basis for the compilation of which were the collections of the State Archive of the Russian Federation (GARF), the Russian State Historical Archive (RGIA), the Russian State Military Historical Archive (RGVIA), official and unofficial publications of state laws, Church regulations and acts, periodicals, memoirs and epistolary sources. In addition to the documents, the book includes the preface in which the author gives his own interpretation of the published materials, and an introduction offering the systematization of the sources used. In addition, he provides a supplement, including, apart from the documents on the issue of the earlier and later epochs, and also includes the chronology of the events of 1917 with the emphasis on the religious policy of the Provisional Government.

Today, interest in religious state policy in historical research is rapidly increasing and is likely to keep increasing. The attitude of state towards religion and religious entities is, in essence, a matter of state ideology. State ideology can be based on a religious platform, and alliances with certain religious entities are often established. Such an alliance with one religion presupposes that there is a dominant or official religion, and such it has a preferential position. Relations with other religions in this logic are either “acceptable” and regionally supported, or “hostile.” This is how religious policy was created in the Russian Empire.

But state ideology can also be secular in nature and based on an agnostic or atheistic worldview. In a secular state, the policy towards religious organizations varies: from the approaching to religion as a private sphere up to individual choice, or to the fight against it as a part of an alternative worldview. The former model was implemented under the Provisional Government, and the latter one – in the USSR. However, in this implementation there were deviations and contradictions, which reflected the clash of model principles and political practice, strategy and tactics.

Interest in religious state policy is also determined by its connection with the issue of the identity of state in context of broader society. The positioning of a state in relation to the adoption of a religious platform often serves as the basis for the adoption of a civilizational identity. The positioning of Russia as an “Orthodox state” fixed religious identification in society and connected the affiliation of the Russian ethnic group with Orthodoxy. Accordingly, there arose questions of the identity of peoples professing other religions, which were either resolved in a complex ladder of identification, or were aggravated, leading to periodic conflicts.

The request for research on the history of the religious policy of a state is also connected with the long domination of the econo-centric approach in such studies. In Soviet historiography, in accordance with the theory of class approach, the Church was interpreted primarily as the largest feudal, and the conflicts in Church-state relations as a struggle between two feudal institutions. The methodology of the econo-cen-

tric analysis was preserved to a large extent in post-Soviet historiography, although it was more often presented in the framework of modernization theory. Meanwhile, it is necessary, as an alternative and disclosure of a different vision, in which religion is not a product of social and economic relations (“superstructure” – in the lexicon of historical materialism), but a set of values and ideas, which are the defining project basis for building a state and society, including a system of economic relations.

Until recently, in the studies on the history of religious policy of Russia there have been chronological gaps. In particular, one such a chronological gap was the period between the February and October revolutions. Despite the limited time frame of this period, its short term and inversiveness, it was an important logical link in the history of religion, the transition from the model of the Russian Empire in the policy of relations with religious organizations to the Soviet one, and most importantly to the modern one.

The modern Russian state also implements religious policy, although it is not institutionalized in the way it was in the Russian Empire, or during the period of the Provisional Government. However, the absence of specialized institutions does not mean that the policy is not implemented. The current model of the religious policy of the Russian Federation, out of all previous historical models, correlates most strongly with the Februarist model. Accordingly, the study of the experience of the religious policy of the Provisional Government is of particular relevance for modern Russia. Bearing in mind the overall negative outcome of the Februarist model implementation, this study should not be built on the principle “do by analogy,” but, above all, as be an analysis of strategic mistakes and contradictions. With regard to all these urgent demands, the book written by M.A. Babkin seems to be timely both in scientific and civil terms.

Difficulties in working with materials on the history of religious policy in Russia arise by defining the basic conceptual questions. As is it known, the current legal form of the Russian Orthodox Church only appeared only in 1943, and until that time, there had been no official definition of the largest Russian religious organization. M.A. Babkin lists the names used in the legislative and clerical practice of the Russian Empire, among which are such names unusual for modern parishioners as: “Russian Orthodox Catholic,” “Orthodox Catholic Greek-Russian,” “Orthodox Greek-Russian,” “Russian of Greek law,” “Russian Eastern Orthodox” (p. 10). There were even precedents of the simultaneous use of different names in the same document. Such legal uncertainty is quite explainable by the place of the Church in the system of traditional society as a link between man and God, rather than as a legal institution of modern society. Babkin developed this idea further: “The connection between the Russian Empire and the Orthodox Church was primarily sacred, rather than legally formalized” (p. 11).

The author of the book suggests to address the organization simply as the Orthodox Russian Church (ORC). This name emphasizes the connection with the Russian statehood – Russia, but it limits the possibilities of an external identity outside the state, which was associated with the markers “Russian,” “Greek,” “Catholic.” Without delving into the advantages and disadvantages of the terminological choice made, we will follow the author further, using this name in the review the author’s concept of the ORC (p. 11).

In M.A. Babkin’s book, he does not regularly use the concept of “Symphonia of the authorities.” which according to other works had the pivotal role in understanding

the specifics of the Orthodox Russian Church's relationship with the Russian state. In fact, the derogation from the "Symphonia" model was the main historical challenge faced ideologically by both the Church and the state, as each of them followed a path of model substitution. But in this case the author tried a certain amount of detachment as a historian, by not using such concepts as "Symphonia of the authorities," which would bring him closer to a certain value-ideological position, and in this case the position of the Byzantine tradition. At the same time, the concept "Symphonia" as it follows from the materials given in the book, and in supporting documents did not exist in the corresponding era. It was forced out discourse, and in this case the author followed how the term was used in historical sources. The introduction of the category that was absent in the discourse of may have led to the deformation of the described historical epoch under the topology of other epochs.

To characterize the position of the ORC in the Russian Empire, the author uses the definition of "dominant Church" (p. 11). At the same time, it is emphasized that it was not a public institution, like it was in Protestant and Catholic Europe. In Russia, the Church was part of the unified state structure. The state assumed a number of purely religious functions, and at the same time the ORC assumed certain functions of the state (p. 11–13). In this sense, the issue of Church-state relations traditional for modern scientific discussion is not quite correct in the sense that the separation of Church and state was simply different in Russia. This division was carried out after the February revolution, when the ORC and the state were no longer a single entity, but two institutions with their own interests and their own value agenda, as was the case in the West.

The author of the book points to the potentially conflicting sides of the situation of the ORC in the Russian Empire, which shed some light on the position of the Church hierarchy before the February Revolution. On the one hand, there was oppression by state control, which was expressed in the establishment of a controlling institution of a secular person over the Synod, the Chief Procurator. Certainly, the Chief Procurator acted on behalf of the Tsar, who was also sacred, but oppression by bureaucratic interference on the part of the clergy should not be excluded. The Church Council formed by the Provisional Government was intended to solve this problem through the restoration of the institution of the Patriarchate. M.A. Babkin characterizes this plan as an attempt to establish a "monarchy in the Church" pointing out that despite the declarations on the autonomy of religious organizations, the Provisional Government might not have legitimized this decision. As is known, the election of the Patriarch in the ORC took place under the Bolsheviks in November 1917 (p. 39).

Another potential conflicting issue was the Church property. M.A. Babkin indicates that by having no certain legal status, the ORC was not the owner of real estate (p.11). The property's owner was the Orthodox state, headed by the Tsar who combined both secular and religious functions. The autonomization of the religious existence of the ORC under the Provisional Government provided a positive solution to the issue of property in the Church's favor. Certainly, the issue of the Church property in the context of the reforms of religious policy does not give a clear answer about the impact of this factor on the position of the ORC during the revolutionary transformations; but the very

statement of this problem opens up new aspects in the understanding of the historical process of the ORC's development.

In the USSR, the policy of state to ORC was determined, by the Decree of January 20, 1918 on the separation of Church and State, a provision which was further established in subsequent Soviet constitutions. The provision on the separation of church and state had been previously contained in the French Constitution, which became an example of the most uncompromising legislative consolidation of the principles of secularity. To define the religious policy of the Provisional Government, M.A. Babkin uses the definition of “alienation” instead of the concept of “separation” (p. 13).

The ORC distanced itself from the state but did not completely separate itself from it. It was still a religious organization that retained certain, though limited, privileges as the “dominant Church” of the Russian Empire; just as it experienced all the costs of state intervention (p. 27–28). In addition, there remained the retention of the Church's registration of marriages; and the legislation still treated certain items of Christian churches as “sacred” or “consecrated in worship.” The Holy Governing Synod still functioned, and the posts of Chief Procurator of which were occupied by secular figures – V.N. Lvov and A.N. Kartashev (p. 22, 26–27, 176). The definitions of the Synod were approved by the Provisional Government and published in the *Collection of Laws and Orders of the Government*. It was the Provisional Government, rather than the ORC which took the decision to grant autocephaly to the Orthodox Georgian Church with the Mtskheta Catholicos at its head and to grant it Transcaucasian parishes, which testified to the fact that the ORC was still considered as part of the state system (p. 24–25, 263–265, 267–269). Later, Patriarch Tikhon would strongly condemn this decision, which would lead to the severance of inter-Church communication between the ORC and the Georgian Church up to 1943.

The author reveals the religious policy of the Provisional Government as internally contradictory, which provides reasons understanding for its failure in new ideological circumstances. On the one hand, it was stated about the non-religious nature of the state, freedom of religion, refusal of state interference in religious life, was interpreted through the autonomous law of religious communities and private human rights. But at the same time, the Provisional Government did not want to lose control over the Church; it continued to use the structures of the ORC for its own interests, and it was not ready to delineate its functions. Probably, over time, the vector towards secularization would have manifested itself more clearly, but as we know, history did not provide the Provisional Government with such a chance. The general conclusion to which M. A. Babkin comes to in assessing the policy of the Provisional Government in relation to the ORC is as follows:

The documents of the collection indicate a certain inconsistency of the religious policy of the Provisional Government. On the one hand, the authorities spoke about the ‘non-religious’ nature of the state: promising the equality of all religions, the autonomy of the existence of secular and religious spheres, the material support of all religions by the state, and the removal of all functions of state bodies from the clergy, etc. On the other hand, the institution of the state Church remained largely unchanged, and the ORC retained a number of its privileges. In general, the Provisional Government failed to implement

the principle of freedom of conscience. The declared equality of religions was not established (for example, not all religions received allocations from the state); the ORC retained its status as the ‘dominant’ Church enshrined in pre-revolutionary legislation. Moreover, the government protected the rights of the state Church, and the government did not plan the ‘separation’ of the ORC from the state. Moreover, in the matters ‘external’ Church administration, the Provisional Government not only considered itself vested with essentially the same rights as the Russian Empire, but also acted accordingly” (p. 36–37).

While the activities of the Holy Governing Synod were traditionally regarded as the most important institution in the system of state administration and the implementation of religious policy in the Russian Empire, the functions of the institution that was directly related to the religious policy – the Department of Religious Affairs of Foreign Confessions – gets incomparably less attention. The very existence of the Department that defines non-Orthodox religions – Catholics, Protestants, Muslims, Jews, Lamaists, Armenian-Gregorians as foreign religions – and is important evidence of how the identity and ideology of the Russian state framed religious life. The attitude to these religions was diversified and determined not least by the vicissitudes of Russia’s foreign policy. Its conflicts with states, traditionally associated with the corresponding religious community, led to the tightening of the screws against the flock of those religions in the country (p. 14–19).

The indisputable advantage of the collection of documents prepared by M.A. Babkin was the demonstration of combining two directions within the framework of a single religious policy of Russia: 1) in relation to the ORC and 2) its relation to non-Orthodox and Gentiles. The collection is structured according to the religious organizations, which allows us to see the specification of the religious policy of the Provisional Government for each of them: General religious lawmaking (p. 57–171); Russian Orthodox Church (p. 172–259); Georgian Church (p. 259–279); Old Belief (p. 279–297); Roman Catholic Church (within it there are documents on Uniates) (p. 297–378); Armenian Apostolic Church (p. 378–383); Evangelical Lutheran Church (p. 384–401); “free believers” by subsections – Mennonites, Skoptsy, Baptists, Dukhobors (p. 402–416); Gentiles by subsections – Muslims, Jews, Karaites, Buddhists (p. 416–438). In terms of the volume, the emphasis in the collection is placed on Christian religions and in comparison, with which the volume of documents on Muslims, Jews and Buddhists is considerably inferior. But even in this case, the author followed the basic outline of the religious policy and law-making of the Provisional Government. He either did not get around to the Gentiles or lacked the determination to break the existing system of relations due to the likely threat of large-scale religious conflicts. Thus, according to M.A. Babkin, the Provisional Government planned to reform the Department of Religious Affairs of Muslims, but postponed it, and eventually never did it (p. 35). Of interest is the attempt to develop texts of oaths for the service of the Russian state with the reflection of the peculiarities of each religion, which received coverage in the documents (21–22, 109–110, 283, 430).

In general, on the basis of the documents presented in the collection it can be concluded that non-Orthodox and Gentiles legally benefited from the reforms. Already on March 20, 1917, the government issued a decree “On abolition of religious and national restrictions” which expanded opportunities for religious communities and removed

the restrictive provisions of civil law against non-Orthodox and Gentiles. At the same time, the state approved equality of all religions before the law (p. 22–23, 60–72). However, regarding the specificity of religious cults, of organizing religious communities, of the nature of relations with other religions, the ORC raised many questions that caused difficulties in the practical implementation of the previously stated principle. As a result, as the documents show, the reform was stalled and never finished, and promoted a number of contradictions that manifested themselves particularly acutely during the Civil war. One can hardly consider as a deliberate step, the practice of creating military units on the basis of religious principles (in particular, the Catholic and Muslim divisions), was both initiated within the religious policy of the Provisional Government and reflected in the peer-reviewed thematic collection of the documents.

The documents selected in the book make it possible to definitely identify the Februarists as supporters of a secular model of society. In various structures of the Provisional Government there were believers and even Church figures, but in general the vector of the February revolution was definitely a vector of secularity. This is most evident in the documents presented in the field of education. Despite the protests from the Holy Synod, parochial schools were withdrawn from the control of the ORC and transferred on a general basis to the sphere of control of the Ministry of Education. At the same time, there was no corresponding transfer of religious schools of other confessions. Thus, only Orthodox religious education was eliminated (p. 36, 199–201, 207–210).

Teaching of the Religious Education at school ceased to be compulsory. The local Council of the ORC opposed this decision and adopted a provision that still supported the obligation to teach the religious education in schools, a provision which was discordant with the Provisional Government bill (p. 160–163). M.A. Babkin gives the following opinion of the conflict:

By proclaiming the transfer of parochial schools and the abolition of compulsory teaching of the Religious Education in all primary and secondary schools, the state actually abandoned the function of religious education of children and youth through Religious Education (p. 37).

The documents collected in the book empirically explain the reasons for the defeat of Februarism in Russia in 1917. The Provisional Government lost, above all, ideologically. The ideological and worldview platform that it proposed proved to be internally contradictory and could not eventually captivate the majority of the country's population. The new government had neither the ideological and worldview certainty on which the Orthodox state had previously been built, nor the platform on which the "Orthodox project" eventually would be formed in the future. The documents on the history of the religious policy of the Provisional Government collected by M.A. Babkin illustrate the ideological and, as a consequence, the political inconsistency of the Februarist regime, and how this inconsistency eventually led to its collapse.

Рукопись поступила: 5 Августа 2019 г.

Sibmitted: 5 August 2019

Информация об авторах / Information about the authors

Багдасарян Вардан Эрнестович, доктор исторических наук, декан факультета истории, политологии и права, заведующий кафедрой истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета.

Vardan E. Bagdasaryan, Doctor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Dean of the Faculty of History, Political Science and Law, Head of the Department of Russian History of the Middle Ages and New Time, Moscow State Regional University

Реснянский Сергей Иванович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета.

Sergey I. Resnyansky, Doctor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Professor of Department of Russian History of the Middle Ages and New Time, Moscow State Regional University.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-1-277-282>

Рецензия / Book Review

Vilen Uarziati. *Izbrannyye trudy. Etnologiya. Kul'turologiya. Semiotika: v 2kh kn* [Selected works. Ethnology. Culturology. Semiotics]. Book 1. Vladikavkaz: Abeta, 2018, 551 p.

Zalina V. Kanukova (reviewer)

V. I. Abaev North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Studies of – the branch of Vladikavkaz Scientific Center of Russian Academy of Science; 10, Mira Ave., Vladikavkaz, 362040, Russia; z.kanukova@mail.ru

**Уарзиати В.С. Избранные труды.
Этнология. Культурология. Семиотика:
в 2 кн. Владикавказ: Абета, 2018. Кн. 1. 551 с.**

З.В. Канукова (рецензент)

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абаева – филиала Владикавказского научного центра РАН; 362040, Россия, Владикавказ, пр. Мира,10; z.kanukova@mail.ru

Vilen Savelyevich Uarziati (1952–1995) was a widely published Russian ethnologist, candidate of historical sciences, and a leading researcher of the I. Abayev North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Studies V., and a Professor of the North Ossetian State University. His studies include *Folk Games and Entertainments of Ossetians* (1987), *Culture of Ossetians: Relations with the Peoples of the Caucasus* (1990), *Festivities of Ossetians* (1995) and other works enriched the treasury of Russian science and have an achievement of Russian ethnology.

Vilen Uarziati's name is associated with a qualitatively new stage in the development of Ossetian ethnography, which marked a transition from the description of cultural phenomena to in-depth analysis. Realizing the exhaustion of traditional methods applied in ethnography, Uarziati began to search for new opportunities for the study of traditional culture. Also, Uarziati actively utilized methodological tools developed in anthropology, cultural studies, and semiotics.

In 2018, almost a quarter of a century after his untimely death, “Beta” publishing house initiated a new project “Vilen Uarziati Selected works. Ethnology. Culturology. Semiotics” based on his work. The two volumes include the scientist's monographs, and his dissertation and articles, including previously unpublished works.

© Kanukova Z.V., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

In V.S. Uarziati's works, the culture of Ossetians is presented through semiotics and informative signs – symbols that led the scientist to the original interpretation of the ancient traditions of the Ossetians, and their affinity with the culture of the Scythians and Alans – East Iranian peoples, who played a major role in the history of medieval Europe.

V.S. Uarziati's candidate dissertation included in the peer-reviewed edition, was completed at the leading scientific institution of the country – N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS under the guidance of famous ethnologist Boris Aleksandrovich Kaloev. Settlements, estates, outbuildings, housing and its interior, food, clothing were issues, that traditional Soviet ethnography had previously left largely unexplored. The young scientist was tasked with recording the contemporary form of these phenomena of everyday life. However, the originality and depth of thinking, and exceptional scrupulousness use of semiotics allowed V.S. Uarziati to present a new view on the deep aspects of Ossetian folk culture.

Developing the reconstruction of the world model of the Indo-European peoples, including that of Alan-Ossetians, which was proposed by J. Dumisile, D.S. Rayevsky, V.I. Abaev and other authors, Uarziati showed that the ritual three pies are a symbols not only of the three “major categories of life” – “Huytsau” (God), “Khur” (the Sun) and “Sahh” (Earth), but also of four corners of the earth:

...in cutting the pies with the first two straight intersecting lines, the eventual cross figure is inscribed in a circle through the three pies. In combination, these two geometric signs form a symbol of both the center and the four directions of the universe ... Thus, in the ritual we have the classical combination of the numbers “three” and “four.” The resulting figure ‘seven’ applies to oldest ... concepts of peace and harmony.¹

V.S. Uarziati as discovered that the Ossetian table “fyng” was a combination of two geometric symbols – a circle and a triangle, which fit into the third figure – a rectangle, i.e. the walls of the dwelling. These chapes not only limited the space of the table, but also were strictly oriented according to the cardinal directions. The interpretation of the “fyng” as a marker of the sacred center of the traditional dwelling, the most important element of the microcosm – was once noticed by scientists in Hungary, where it is still the subject of research attention. Geza Szabo considers the memorial table laid on the day of Zærdæværaen to be the continuation of the traditions of Urartu, Gordion, the Hallstatt princely burials, Etruscan burial chambers, and Roman reliefs. The researcher claims that the ancestors of Ossetians left elements of their culture in Europe.²

According to A. A. Galiyev, Vilen Uarziati showed that a three-shape functional model of the world and societal structures defines Ossetian culture, and that this culture is not just a the results of a random set of signs, but a strict system, and all these signs form a single pattern of thought.³

¹ V.S. Uarziati, “O stolike «fyng» i ritual'noy pishche osetin,” *Literaturnaya Osetiya*, no. 74 (1990): 165–190.

² Geza Sabo, “Nartskiy ctol i mobil'nost' doistoricheskoy Yevropy,” in *Nartovedeniye v XXI veke: sovremennyye paradigmy i interpretatsii* (Vladikavkaz: IPTS SOIGSI VNTS RAN Publ., 2017), 198–209.

³ A.A. Galiyev, “V.S. Uarziati. K 60 letiyu uchenogo (1952–1995),” in *Narody Kavkaza: istoriya, etnologiya, kul'tura. K 60-letiyu so dnya rozhdeniya V.S. Uarziati. Materialy vserossiyskoy nauchnoy kon-*

V.S. Uarziati's ideas were significantly developed in the monographs *Folk Games and Entertainments of the Ossetians*, *Festivities of Ossetians*. The scrupulously revealed details of ritual games with their attributes showed new ethnographic parallels with the Iranian-speaking world, the results of ethno-cultural contacts with neighboring Caucasian peoples, as well parallels with Central Asian ethnography. The researcher was increasingly attracted by the idea of unity of the Scythian-Sax tribes, later illustrated with his colleague A. Galiev in their joint project "Symbols and Signs of the Great Steppe (History of Culture of the Eurasian Nomads)."⁴

His monograph *Ossetian Culture: Relations with the Peoples of the Caucasus* analyzes the contacts of Ossetians with Abkhazians and Abazins, Adyghe, Karachays and Balkars, highlanders of Georgia, and the emergence of similar forms in various spheres of everyday culture. Identifying the influence of Alan culture on the life of the North Caucasian peoples at its heyday, V.Uarziati notes that in the post-Mongol era, Alans-Ossetians borrowed the natural and ecological experience of the neighboring communities, by forming economic inter-dependence between the plain's inhabitants.

It was Yu.D. Anchabadze who noted the thoroughness of the study: "The author did not overlook any example of everyday communal characteristics of the cultures of local peoples. There are indeed many such examples. Taken from different spheres of life, they seem to be strung one on top of another, turning sometimes, to use the phrase dropped by the author, into "evidence of the most diverse and fragmented subjects."⁵

V.S. Uarziati also raised the question of that the common historical and ethnographic unity of Caucasian history and ethnography was a result of the long cohabitation, mutual influence and common historical destinies of neighboring peoples.

In our opinion, among V.S. Uarziati's scientific articles included in this edition, special attention should be paid to the works devoted to the issues of Ossetian religion which remain relevant and have scientific value, as well as its different components – traditional, Christian and Islamic: *Dzvigisi-dzuar, On the Origin and Dating of Ossetian sanctuaries Rnybarduag and Alarda, Chyryston tævag iron udvarny (Influence of Christianity on Ossetian Spiritual Culture, Islam in Ossetian Culture)*, and *Remnants of Islam in the Village of Zamankul*.

In the context of modern practices of the revival of Orthodox churches and traditional places of worship, of significant importance is Vilen Uarziati's remark about the long evolution characteristic of local sanctuaries of mountainous Ossetia – from a Christian chapel to a sanctuary and "ultimately... to a place of mass celebrations with the beginnings of a folk theater."⁶ Today the sanctuary performs several functions, the object of cultural heritage for some, or a symbol of traditional religion for others, and, unfortunately, it becomes the subject of political intrigue.

ferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem (Vladikavkaz: IPTS SOIGSI VNTS RAN Publ.; RSO-A Publ., 2014), 13–18.

⁴ V.S. Uarziati, A.A. Galiyev, *Simvoly i znaki Velikoy stepi (Istoriya kul'tury nomadov Yevrazii)* (Astrakhan: KazGos INTI Publ., 2006).

⁵ Yu.D. Anchabadze, "V.S. Uarziati. Kul'tura Osetii: svyazi s narodami Kavkaza," *Sovetskaya etnografiya*, no. 6 (1991): 145–147.

⁶ V.S. Uarziati, *Izbrannyye trudy. Etnologiya. Kul'turologiya. Semiotika* (Vladikavkaz: Projekt-Press Publ., 2018), 481.

Appreciating the role of Christianity in the history and culture of Alan-Ossetians, and the changes in the cultural life of Ossetia in the 19th century, the scientist noted with satisfaction that “educated people decisively turned to the Christian world, to the progressive European cultural environment,” with particular reference to educational activities of Iuana Aguzata who “from the bookless darkness began to pave the broad way for his poor people to the Christian world, to education and knowledge.”⁷

In the study on Islam in Ossetia, Vilen Uarziati outlined important but misinterpreted facts in historiography and showed that Islam was predominantly practiced not in Western Ossetia, but in its Eastern regions, where the bearers of this faith predominated, and that the underwhelming professional evaluation of the Muslim clergy did not correspond to historical reality. The revealed features of Islamic culture in the life of Ossetians deserve attention and further research. It is safe to say that for Vilen Uarziati religion was, above all, a cultural system; it is in this capacity that it became the subject of his research.

The reader may also be interested in the discussions about Ossetians living in Turkey, because Vilen Uarziati was the first to turn to ethnographic study of our compatriots; once some representatives of the Ossetian Diaspora began to come from Turkey in the 1990s, and he found an opportunity to work with them. His first contact was Halis Asety (Aseev) – a respected senior of the Turkish Diaspora, a great connoisseur of the history of Ossetians living in Turkey. It was a great turn of fortune, because in Turkey there are no longer such individuals as the late Halis Asety. Today, through intensive communication with representatives of the Ossetian Diaspora, Vilen Uarziati’s comprehensive study of the history and culture of Anatolian Ossetians, and interesting observations and conclusions are still of great value.

Vilen Uarziati tried to perceive all the phenomena surrounding him as an ethnologist, and often repeated the phrase “I went to collect ethnographic material.” This is what T.K. Salbiev recalled his memoirs about him, noting that

he studied everything that happened in the cultural life of Ossetians through the well-known method of involved observation: that is, he was both a participant and an observer at the same time.⁸

Vilen Uarziati’s works written with deep knowledge, affection and awareness of the greatest value of culture and have become a significant contribution to the development of Ossetian studies – a comprehensive scientific direction included in the broad context of Iranian studies, Caucasian studies, Russian and world science.

This edition is not only a tribute to a great scientist, whose magnificent works will have a long life in science.⁹ The book is a response to the social demand of society, and its desire to know its true culture. V.S. Uarziati’s research is in opposition to ignorance,

⁷ V.S. Uarziati, *Izbrannyye trudy. Etnologiya. Kul'turologiya. Semiotika* (Vladikavkaz: Proyekt-Press Publ., 2018), 539.

⁸ T.K. Salbiyev, “Ushel sobirat’ etnograficheskiy material. Vilen Uarziati v vospominaniyakh kolleg,” *Sputnik International*, <https://sptnkne.ws/6Nhx>.

⁹ Z.V. Kanukova, A.Kh. Khadikova, “Vilen Savel'yevich Uarziati,” *Etnograficheskoye obozreniye*, no. 5 (1996): 165.

and the falsification of humanitarian knowledge. His work provides a reliable foundation for the preservation and actualization of historical memory as well as historical and cultural heritage by investigating a complex series of cultural, religious, ideological factors integrated into many spheres of life of modern society.

V.S. Uarziati's works are of interest not only for the scientific community; they are in demand by the general public and will always be relevant, as well as the public's interest in Ossetian history and culture.

of cultural, religious, ideological factors integrated into many spheres of life of modern society.

V.S. Uarziati's works are of interest not only for the scientific community; they are in demand by the general public and will always be relevant, as well as the public's interest in Ossetian history and culture.

Рукопись поступила: 12 августа 2019 г.

Submitted: 12 August 2019

Библиографический список

- Анчабадзе Ю.Д.* В.С. Уарзиати. Культура Осетии: связи с народами Кавказа // Советская этнография. 1991. № 6. С. 145–147.
- Вилен Уарзиати.* Избранные труды. Этнология. Культурология. Семиотика. Владикавказ: Проект-Пресс, 2018. 120 с.
- Галиев А.А.* В. С. Уарзиати. К 60-летию ученого (1952–1995) // Народы Кавказа: история, этнология, культура. К 60-летию со дня рождения В. С. Уарзиати. Материалы всероссийской научной конференции с международным участием. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНИЦ РАН и РСО-А, 2014. С. 13–18.
- Геца Сабо.* Нартский стол и мобильность доисторической Европы // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНИЦ РАН, 2017. С. 198–209.
- Канукова З.В., Хадикова А.Х.* Вилен Савельевич Уарзиати // Этнографическое обозрение. 1996. № 5. С. 165–166.
- Уарзиати В.С.* О столике «фынг» и ритуальной пище осетин // Литературная Осетия. 1990. № 74. С. 165–190.
- Уарзиати В.С., Галиев А.А.* Символы и знаки Великой степи (История культуры кочевников Евразии). Алма-Аты: КазГос ИНТИ, 2006. 197 с.

References

- Anchabadze, Yu.D. "V.S. Uarziati. Kul'tura Osetii: svyazi s narodami Kavkaza." *Sovetskaya etnografiya*, no. 6 (1991): 145–147 (in Russian).
- Galiyev, A.A. V. S. "Uarziati. K 60- letiyu uchenogo (1952–1995)." In *Narody Kavkaza: istoriya, etnologiya, kul'tura. K 60-letiyu so dnya rozhdeniya V. S. Uarziati. Materialy vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem*, 13–18. Vladikavkaz: IPTS SOIGSI VNTS RAN i RSO-A Publ., 2014 (in Russian).
- Geza Sabo. "Nartskiy stol i mobil'nost' doistoricheskoy Yevropy." In *Nartovedeniye v XXI veke: sovremennyye paradigmy i interpretatsii*, 198–209. Vladikavkaz: IPTS SOIGSI VNTS RAN Publ., 2017 (in Russian).
- Kanukova, Z.V., and Khadikova, A.Kh. "Vilen Savel'yevich Uarziati." *Etnograficheskoye obozreniye*, no. 5 (1996): 165–166 (in Russian).

- Vilen, Uarziati. *Izbrannyye trudy. Etnologiya. Kul'turologiya. Semiotika*. Vladikavkaz: Proyeckt-Press Publ., 2018 (in Russian).
- Uarziati, V.S. “O stolike «fyng» i ritual'noy pishche osetin.” *Literaturnaya Osetiya*, no. 74 (1990): 165–190 (in Russian).
- Uarziati, V.S., and Galiyev, A.A. *Simvol'y i znaki Velikoy stepi (Istoriya kul'tury nomadov Yevrazii)*. Alma-Aty: KazGos INTI Publ., 2006 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Канукова Залина Владимировна, доктор исторических наук, профессор, директор Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абаева (филиал Владикавказского научного центра РАН).

Zalina V. Kanukova, Doctor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Professor, Director of the V.I. Abaev North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Studies (branch of Vladikavkaz Scientific Center of Russian Academy of Science).

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

SUBMISSION GUIDELINES

Редакционная коллегия принимает к публикации рецензии объемом 10–12 тыс. знаков, статьи и историографические обзоры объемом до 50 тыс. знаков в формате MS Word с типом файла DOC.

В редакцию должны быть направлены два файла.

Первый файл должен содержать анонимный текст статьи (с заголовком на русском языке) объемом не менее 35 тыс. знаков с учетом пробелов и подстрочных сносок. Статья должна состоять из трех разделов: «Введение» (обоснование темы, определение цели и задач исследования, обзор источников и литературы (с обязательным анализом новейших зарубежных публикаций)), «Исследование проблемы» (делится на смысловые блоки, которым даются подзаголовки), «Выводы» (должны быть развернутыми; объем – не менее 0,5 страницы). Ссылки на источники и литературу даются постранично с помощью продолжающихся номерных сносок на оригинальном языке опубликования.

Второй файл должен содержать текст статьи с элементами издательского оформления:

- заголовок статьи на русском и английском языках;
- ФИО автора, название и адрес организации, e-mail на русском и английском языках;
- англоязычная аннотация (не менее 240 и не более 260 слов);
- русскоязычный исходный текст англоязычной аннотации;
- ключевые слова на русском и английском языках (5–10 слов);
- информация об авторе на русском и английском языках (ФИО автора, ученая степень, звание, должность, название подразделения, название организации);
- дополнительная информация на русском и английском языках, если имеется (финансирование, благодарности и пр.);
- библиографический список (приветствуется включение в библиографический список 2-3 англоязычные статьи из журналов, входящих в БД Scopus и WoS);
- references.

Публикации в References выстраиваются в порядке английского алфавита. При транслитерации необходимо использовать стандарт BSI (British Standard Institute, UK). Библиографическое оформление публикаций в этом списке отличается от оформления в подстрочных сносках и производится в соответствии с правилами «Чикагского стиля цитирования» (“Chicago Manual of Style”) в 17-й редакции в варианте “Note and Bibliography System”. При оформлении публикации необходимо указывать название издательства в транслитерированном варианте с обязательным добавлением слова Publ. (Press., если указывается типография). В случае его отсутствия ставить пометку [S.p.] ([Б.и.] при цитировании в Библиографическом списке).

Оба файла направляются по электронному адресу корпоративной почты журнала (rushistj@rudn.ru) и ответственного секретаря (kornouh@mail.ru).

Более полную информацию о правилах оформления рукописи см. на сайте:
<http://journals.rudn.ru/russian-history>

ТЕМАТИЧЕСКИЙ ПОРТФЕЛЬ ЖУРНАЛА НА 2020 г.**CALL FOR PAPERS FOR THE 2020 ANNUAL PROGRAM**

Жизнь наций СССР в 1920–1950-е гг.
<i>Прием статей до 1 ноября 2019 г. • Deadline for submissions: 1 November 2019</i>
В рамках данной проблематики предлагается обсудить различные аспекты национально-государственного устройства СССР в сталинский период с учетом изменения статуса территорий, характера взаимоотношений «центра и периферии», рассмотреть практики регулирования межнациональных отношений, статус и положение национальных элит, изменения в религиозно-национальной политике в послевоенный период, функционирование механизма государственного контроля за ее исполнением.
Народы СССР в годы Великой Отечественной войны: к 75-летию Победы
<i>Прием статей до 1 февраля 2020 г. • Deadline for submissions: 1 February 2020</i>
В рамках данной проблематики важно осветить вопросы, связанные с участием народов СССР в боевых действиях против фашизма, организации обороны и работе тыла; показать «человека войны» в микроистории и истории повседневности, раскрыть проблему ценностей, представлений, верований и традиций народов в условиях войны, механизм формирования героических символов, проявление религиозности и атеизма в боевой обстановке; проблемы депортации отдельных народов и их последствия. Предполагается специально осветить процесс эволюции исторической памяти о Великой Отечественной войне в советском и постсоветском обществе.
История юго-восточного фронта России
<i>Прием статей до 1 мая 2020 г. • Deadline for submissions: 1 May 2020</i>
Выпуск номера приурочен к 285-летию с момента первого основания города Оренбург (26 августа 1735 г.). В рамках предлагаемой проблематики предполагается обсудить вопросы, связанные с межкультурным взаимодействием на территории исторического Оренбургского края, игравшего в дореволюционный и советский периоды роль фронта в треугольнике «Русский мир – Башкирия – Казахская степь»; будут рассмотрены: история закрепления за Россией Башкирии и Казахской степи, феномен оренбургского и уральского казачества, политика по отношению к «инородцам» и становление национальных интеллигенций, имперская и советская национальная политика в регионе, межкультурное взаимодействие в рамках освоения целины.
Этническое и конфессиональное многообразие России и СССР: восприятие властью и обществом
<i>Прием статей до 1 августа 2020 г. • Deadline for submissions: 1 August 2020</i>
Выпуск номера приурочен к 115-летию подписания указа о веротерпимости (17 апреля 1905 г.) и 30-летию принятия закона Верховным Советом СССР «О свободе совести и религиозных организациях» (1 октября 1990 г.). В рамках предлагаемой тематики могут быть рассмотрены различные направления этнической и конфессиональной политики власти в центре и на местах. Предполагается обсудить отношение русского общества к этническому многообразию страны, провести анализ восприятия интеллигенцией национальной и конфессиональной политики государства, провести реконструкцию идейных проектов решения национального вопроса, разработанных различными политическими силами России XX в.